4
К-89

И.Б.КУЗЬМИНА

СИНТАКСИС РУССКИХ ГОВОРОВ В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

«НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

86849

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт русского языка

И.Б.КУЗЬМИНА

СИНТАКСИС РУССКИХ ГОВОРОВ В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

МОСКВА «НАУКА» 1993

ББК 81.2Р
К89

4
К-89
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
86849

Ответственный редактор
доктор филологических наук В. В. ИВАНОВ

Рецензенты:
кандидат филологических наук Е. В. КРАСИЛЬНИКОВА
доктор филологических наук В. И. СОБИННИКОВА

Редактор издательства Е. В. ФУРМАНОВА

Кузьмина И. Б.

К89 Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте.— М.: Наука, 1993.— 224 с.
ISBN 5-02-011099-X

Монография посвящена синтаксическим явлениям, которые создают территориальные различия русских говоров. В книге представлены свод и обобщение всех существующих лингвогеографических материалов по синтаксису русских говоров, в полном объеме малодоступных для широкого круга исследователей (материалы конца XIX — начала XX в.; середины XX в., собранные для ДАРЯ, в том числе в значительной мере самим автором; материалы 60—70-х годов XX в., собранные для ОЛА). Описано около 60 явлений, две трети которых относятся к области словосочетания, третья часть — к области простого предложения. На картах показано распространение 27 синтаксических явлений. Работа содержит сведения для диахронического изучения синтаксиса.

Для специалистов по диалектологии и лингвогеографии, историков языка, лингвистов широкого профиля.

К $\frac{4602020101\text{-}138}{042(02)\text{-}93}$ 650-93, I полугодие

ББК 81.2Р

ISBN 5-02-011099-X

© Кузьмина И. Б., 1993
© Российская академия наук, 1993

ВВЕДЕНИЕ[1]

Книга посвящена таким синтаксическим явлениям, которые создают территориальные различия русского языка. В ее основу положен материал, специально предназначенный для работ лингвогеографического характера,— данные, собранные по диалектологическим программам с целью установления территории распространения языковых явлений. Назначение книги — обобщить материалы по синтаксису русских говоров, бóльшая часть которых остается до настоящего времени малодоступной для широкого круга исследователей. Книга является продолжением ряда работ автора в этой области, частично написанных в соавторстве с Е. В. Немченко.

Русская диалектология располагает в настоящее время значительными материалами, собранными экстенсивным методом. Основу этих материалов составляют:

А. Частично напечатанные, частично оставшиеся рукописными ответы на диалектологические программы конца XIX — начала XX в.— см.: 1) «Программы для собирания особенностей русских народных говоров». I. «Программа для собирания особенностей говоров северновеликорусского наречия» (изд. ОРЯС. СПб. 1895 или Изв. ОРЯС 1896, т. 1, кн. 1); II. «Программа для собирания особенностей южновеликорусских говоров» (Изв. ОРЯС 1896, т. 1, кн. 3); 2) «Программа для собирания особенностей великорусских говоров». Составил В. И. Чернышев (СПб. 1900 или Сб. ОРЯС 1901, т. 68 № 1); 3) «Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка». I. «Южновеликорусские говоры» (РФВ 1909, т. 61 № 2 или Труды Московской диалектологической комиссии 1910, вып. 2); II. «Северновеликорусские и средневе-ликорусские говоры» (РФВ 1911, т. 66 № 3—4 или Труды Московской диалектологической комиссии 1914, вып. 3)[2].

Б. Рукописные ответы (хранятся в архиве Института русского языка) на «Вопросник для составления диалектологического

[1] Книга была написана в 1985 г. Перед изданием автор планировал внести некоторые коррективы в текст и иллюстративный материал, а также использовать новейшие исследования по диалектному синтаксису (о чем свидетельствуют и авторские пометы на полях рукописи; см. Примечания в конце книги). Эти намерения остались неосуществленными в связи с кончиной автора.— *Прим. ред.*

[2] Результатом обобщения материалов, собранных по этим программам, является труд: *Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. С приложением «Очерка русской диалектологии». М., 1915.

атласа русского языка» (М.; Л., 1936 и несколько переизданий в позднейшие годы) и на Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка (Ярославль, 1945; М.; Л., 1947), далее — Программа ДАРЯ, а также ответы на Дополнения к Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка (Калинин, 1953, ч. I, II), далее — Дополнение I и Дополнение II[3].

В. Относящиеся к говорам на территории России рукописные ответы на «Вопросник Общеславянского лингвистического атласа» (М., 1965). Далее — Вопросник ОЛА.

Ответы на программы конца XIX — начала XX в. печатались в «Известиях ОРЯС», «Сборниках ОРЯС» и «Трудах Московской диалектологической комиссии». В изданиях ОРЯС представлены ответы на программы 1895—1896 и 1900 гг., которые объединены в 11 выпусков «Материалов для изучения великорусских говоров»: вып. I — Изв. ОРЯС 1896, т. 1 кн. 2; вып. II — Изв. ОРЯС 1896, т. 1 кн. 3; вып. III — Изв. ОРЯС 1896, т. 1 кн. 4; вып. IV — Изв. ОРЯС 1897, т. 2 кн. 1; вып. V — Изв. ОРЯС 1898, т. 3 кн. 1 и 2; вып. VI — Изв. ОРЯС 1899, т. 4 кн. 1; вып. VII — Изв. ОРЯС 1900, т. 5 кн. 2; вып. VIII — Сб. ОРЯС 1903, т. 73 № 5; вып. IX — Сб. ОРЯС 1910, т. 87 № 5; вып. X — Сб. ОРЯС 1921, т. 99 № 2; вып. XI — Сб. ОРЯС 1922, т. 99 № 3. В «Трудах Московской диалектологической комиссии» (название несколько варьировалось — см. ниже) ответы на программы и своды этих ответов напечатаны в выпусках 1—3, 8—12 — см.: «Труды Московской диалектологической комиссии»: вып. 1 — Варшава 1908, вып. 2 — Варшава 1910, вып. 3 — Варшава 1914, вып. 8 — М., 1919; «Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка (б. Московской диалектологической комиссии)»: вып. 9 — Л., 1927, вып. 10 — Л. 1928; «Труды Комиссии по диалектологии русского языка (б. Московской диалектологической комиссии)»: вып. 11 — Л., 1930, вып. 12 — Л., 1931.

Рукописные материалы конца XIX — начала XX в. хранятся в фондах следующих учреждений Петербурга: Архива Академии наук, Архива Русского географического общества, Словарного сектора Института русского языка РАН. Материалы ДАРЯ и русской части ОЛА находятся в Москве, в Институте русского языка РАН.

Во всех названных диалектологических программах, кроме программы МДК 1909 г., предназначенной для сбора материала по южнорусским говорам, имеются разделы, посвященные син-

[3] На базе этих материалов (в основном ответов на «Программу») в Институте русского языка РАН подготовлен «Диалектологический атлас русского языка», [ДАРЯ, 1986; 1989]. Этот атлас является сводным — из региональных атласов, составление которых предшествовало работе над сводным атласом, опубликован один: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.

По данным ответов на Вопросник, относящихся к части западных среднерусских говоров, был составлен пробный атлас: *Мальцев М. Д., Филин Ф. П.* Лингвистический атлас района озера Селигер. М.; Л., 1949.

таксическим особенностям говоров. Наиболее обширен этот раздел (включает 100 вопросов) в Вопроснике ОЛА, правда, вопросы рассчитаны здесь на выявление различий в пределах говоров всех славянских языков, поэтому неудивительно, что материалы ответов не всегда связаны с различиями говоров одного — русского — языка. Ответы на вопросы диалектологических программ (заметим, что иногда их дополняют тексты-приложения) составляют существенную часть всего имеющегося сейчас материала по синтаксису русских говоров[4].

Вопрос о возможности и целесообразности изучения синтаксиса лингвогеографическими методами неоднократно возникал как дискуссионный — в печати это нашло отражение в дискуссиях по Программе ОЛА (см.: «Slavia» 1959, roč. XXVIII, seš. 4; ВЯ 1961, № 6; ВЯ 1962, № 5; «Otazky slovanské syntaxe: Sborník Brněnské syntaktické konference, 17—21. IV 1961». Praha, 1962, 409—430). Очевидно, что автор этой книги придерживается того мнения, что диалектный синтаксис целесообразно изучать разными методами, в том числе и лингвогеографическими (изложение его взглядов на возможности лингвистической географии в области синтаксиса составляет содержание Заключения). Следует, однако, признать, что возможности вопросо-ответного способа сбора материала по синтаксису ограниченны — с наибольшей эффективностью этот способ может быть применен по отношению к явлениям, реализующимся в пределах короткого текста и связанным со структурой, а не функционированием синтаксических единиц (замечания о недостатках собранных экстенсивным способом материалов имеются в разных разделах работы; см. в первую очередь главу «Употребление некоторых частиц и союзов»).

Помимо ответов на программы, в книге использованы данные печатных работ (особенно тех, где характеризуются говоры конца XIX — начала XX в.) и диссертаций, а также записи диалектной речи, сделанные автором в ряде населенных пунктов Архангельской, Ленинградской, Новгородской, Псковской и Орловской областей, а также Карелии и Эстонии.

При цитировании примеров принят следующий порядок: примеры из материалов ДАРЯ имеют только географические пометы (название деревни, района и области), примеры из материалов Общеславянского лингвистического атласа сопровождаются также пометой «ОЛА», примеры из записей автора — пометой «К».

---

[4] Как известно, синтаксис русских говоров изучен куда более фрагментарно, чем их фонетика и морфология. Обусловлено это, помимо трудностей, связанных со сбором синтаксического материала, самим характером изучаемого объекта — многоэлементностью и сложностью синтаксической системы, необходимостью рассматривать явления не только в структурном, но и в функциональном плане. До некоторой степени могло сказаться и то обстоятельство, что в области синтаксиса относительно невелико количество легко выявляемых различий, четко противопоставляющих друг другу группы русских говоров (имеются в виду прежде всего различия в инвентаре используемых синтаксических единиц).

Примеры из печатных работ и диссертаций, а также из ответов на вопросы программ конца XIX — начала XX в. имеют при себе пометы как географического, так и библиографического характера; при этом примеры из «Материалов для изучения великорусских говоров» сопровождаются отсылкой «М» (римская цифра означает выпуск, арабская — страницу), примеры, напечатанные в «Трудах МДК» имеют отсылку «Т» (первая цифра означает выпуск, вторая — страницу). В тех случаях, когда приводятся примеры из печатных источников и диссертаций, сохраняются принятые в цитируемом издании написания. Основная же масса материала — примеры, взятые из рукописных источников (за исключением примеров ОЛА, относящихся к белорусским и украинским говорам),— для упрощения набора дается в орфографическом написании с сохранением морфологических и словообразовательных особенностей говоров. Белорусские и украинские примеры даются в латинской транскрипции, которая применяется в материалах ОЛА.

При характеристике территориальной приуроченности диалектных явлений по современным материалам используется то членение русских говоров, которое предложено в книгах «Русская диалектология» (Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964. Ч. I; М., 1965. Ч. II) и К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова «Диалектное членение русского языка» (М., 1970). При описании же фактов, относящихся к концу XIX — началу XX в., иногда используются те понятия и термины, которые представлены на диалектологической карте 1915 г.

Фрагментарность предлагаемого описания отражает характер разделов о синтаксисе во всех диалектологических программах (даже взятых в их совокупности).

Часть первая

ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОБЛАСТИ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Глава первая

БЕСПРЕДЛОЖНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ИМЕНИ В ФУНКЦИИ ПРЯМОГО ОБЪЕКТА

В зависимости от грамматических признаков имени конструкции с им. падежом объекта делятся на группы: 1) конструкции с им. падежом ед. числа существительных жен. рода на *-а (вода носить далеко)* [1], а также на согласную при наличии согласованного определения *(моя жизнь нельзя рассказывать)*; 2) конструкции с им. падежом мн. числа одушевленных существительных *(покупают куры)*; 3) конструкции с им. падежом ед. числа одушевленных существительных муж. рода *(надо сторож иметь)*. Конструкции типа *носить вода*, с одной стороны, и типов *покупать куры, иметь сторож* — с другой, характеризуются разной локализацией и употребительностью в говорах. Различны они и по происхождению: первые восходят, как известно, к древнерусскому обороту «инфинитив + существительное на *-а*», вторые связаны с характером протекания по говорам морфологического процесса развития категории одушевленности.

Конструкции с им. падежом ед. числа существительных жен. рода

Фиксация конструкций с им. падежом ед. числа существительных жен. рода предусматривается диалектологической программой конца XIX в., предназначенной для работы по северновеликорусским говорам (в изд. 1895 г. — вопрос 99, в изд. 1896 г. — 98) [2], программой начала XX в. для северно- и средневеликорусских говоров (вопрос 80) и программой середины XX в. (вопросы 129 и 130). Обратимся сначала к материалам середины XX в., которые характеризуются большей регулярностью и полнотой.

Как показали материалы, собранные для составления диалектологического атласа русского языка, конструкции типа *надо (пора) косить трава, косил трава* в той или иной степени известны разным современным говорам, однако в качестве регулярного

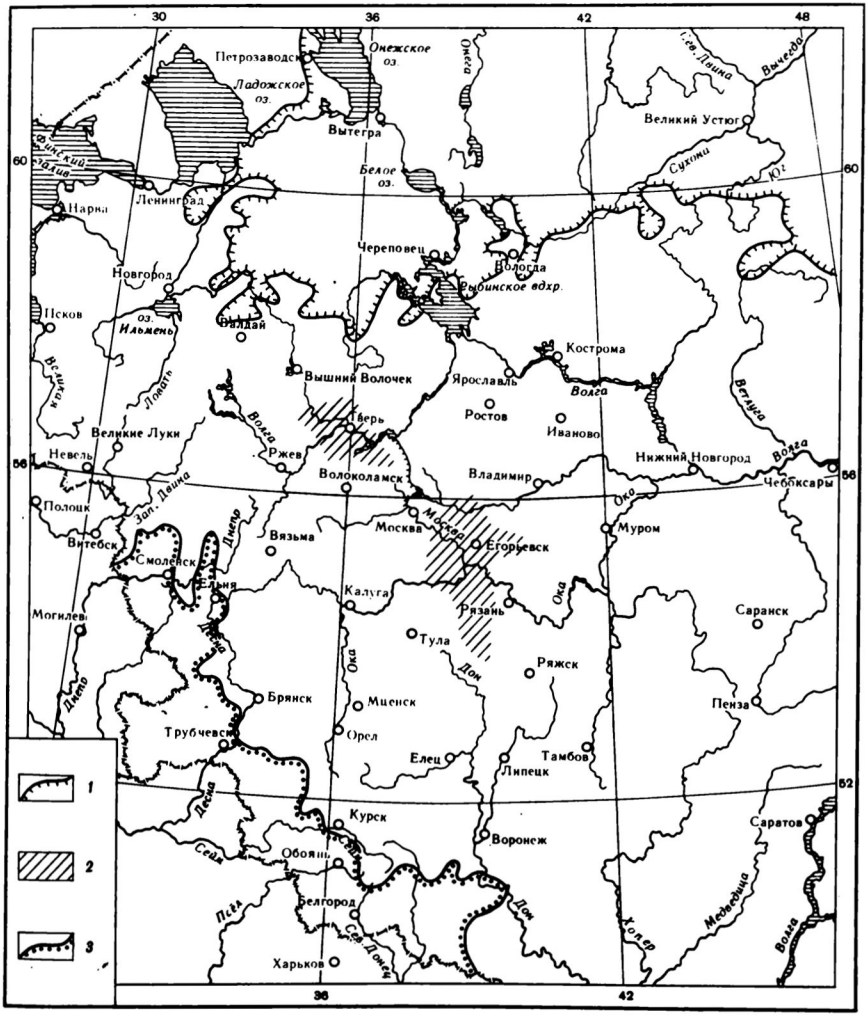
[1] Сюда же относятся конструкции с немногочисленными существительными муж. рода на *-а (позови сюда Генка)*.

[2] В сводной программе 1900 г. вопрос 239.

явления употребление им. падежа ед. числа существительных жен. рода в объектной функции выступает на ограниченной территории — на территории севернорусских говоров, за исключением говоров костромских, южной части белозерских и небольшой юго-западной части вологодских (карта 1). Здесь рассматриваемые конструкции приводятся в материалах значительного большинства обследованных для атласа населенных пунктов, причем в ответах на соответствующие вопросы программы дается, как правило, не меньше четырех примеров (а нередко и около десяти). За пределами показанной на карте 1 изоглоссы концентрацией случаев употребления конструкций типа *косить / косил трава* характеризуются западные среднерусские говоры новгородской, гдовской и псковской групп, южная часть белозерских говоров и северо-восточная часть говоров костромских. Применительно же к остальным говорам (особенно южнорусским) можно говорить только о единичных случаях фиксации рассматриваемых конструкций.

Представляется целесообразным привести материал, относящийся к южным областям России, поскольку данные южнорусских говоров очень существенны для решения спорного вопроса о первоначальной локализации оборота «инфинитив + существительное на *-а*» [Котков 1959; Филин 1972, 482—486; Dunn 1982], а свидетельства, имеющиеся в литературе, весьма немногочисленны [Собинникова 1958, 69; Денисевич 1968, 141]. При приведении материала ограничимся примерами, в которых форма имени может быть уверенно квалифицирована как им. падеж,— примерами с именами, имеющими ударение на окончании: однозначному определению формы имени — как им. или вин. падежа — при безударном окончании препятствуют такие отмечаемые в южнорусских говорах фонетические явления, как редукция заударного *а* (до *ъ*), с одной стороны, и делабиализация *у* (соответствующий звук обозначается в материалах как *ъ* или как *а*) — с другой.

Как видно из географических помет, сопровождающих приводимые примеры, объектное употребление им. падежа ед. числа существительных жен. рода на юге России не имеет локализации: *несу вода* Глагазино Семлевск. Смол.; *надо бить коса* Марково Вяземск. Смол,; *трава варить надоело* Большое Захарьевское Всходск. Смол.; *надо трава сеять* Прилепы Навлинск.Брян.; *трава сеяла, вода я поставила* Гладское Навлинск.Брян.; *трава посекаем* Страчёво Суземск.Брян.; *вода неси* Нижняя Грайворонка Октябрьск.Кур.; *носить вода* Вязовна Бабынинск.Калуж.; *косить трава* Зубково Белёвск.Тул.; *надо трава косить* Бабынино Белёвск.Тул.; *она сейчас трава рвала* Фёдоровское Захаровск.Ряз.; *косить трава* Терновая Погорелка Пронск.Ряз.; *коса надо отнесть, гроза боюсь* Ранино Мичуринск.Тамб.; *дёржа коза* Петино Гремяченск.Вор.; *одна свекла убирают* Сергеевка Панинск.Вор.; *купить изба* Ново-Покровка Елань-Калиновск.Вор,; *вижу гора* Рыбное Острогожск.Вор. Нельзя не заметить, что повторяющи-

Карта 1

1, 2 — территории регулярного употребления конструкций типа: *1 — косить/кошу трава, 2 — прожить зима; 3* — территория распространения конструкций типа *бегать по улицах*

мися здесь оказываются слова *трава* (8 раз) и *вода* (4 раза), данные в иллюстрациях программы *(пойду косить трава; несу вода, принес вода)*, однако большинство приведенных примеров (в том числе часть примеров с существительными *трава* и *вода*) производит впечатление живого материала.

В современных говорах объектный им. падеж ед. числа существительных жен. рода употребляется как при инфинитиве (инфинитивные предложения и предложения, в которых инфинитив

выступает в сочетании с предикативным наречием (и спрягаемой глагольной формой), так и при всех спрягаемых формах переходных глаголов, ср.: *узнать бы цена* Марьинско Лядск.Пск.; *намыть печка, набелить, да гостей ждать буду* Давыдовская Винницк.Лен.; *пойти корова поглядеть* Красный Бор Лодейнопольск.Лен. (К); *что старинушка вспоминать* Александровская Бабаевск.Вол.; *хоть бы одна свадьба сделать по-прежнему* Горская Тарногск.Вол.; *как речка перейти — тутотка* Заболотная Коношск.Арх.; *хорошо орешки кушать — не работа работать* Чудалово Опаринск.Кир.; *надо труба открыть* Блазново Плоскошск.Вел.; *надо коса точить* Казовицы Уторгошск.Новг.; *плита надо перекладывать* Усть-Рыбежна Пашск.Лен.; *тут надо было запятая поставить* Пашозеро Капшинск.Лен.; *цела тетрадка написать надо* Никишенская Няндомск.Арх.; *надо бы рёлка оставить* Скрябино Подосиновск.Кир.; *у нас земля не надо глубоко пахать* Семьяны Воротынск.Горьк.; *крупа класть можно* Красиковщина Серёдкинск.Пск.; *жаль марать кастрюлька* Дор Коношск.Арх.; *курица нетрудно поймать* Анхимово Вытегорск.Вол.; *та-то вот рожь хорошо жать, а эта худо* Малахово Бабаевск.Вол.; *судьба-то, матушка, охота узнать* Ракула Кирилловск.Вол.; *пора невеста встречать* Семёновская Черевковск.Арх.; *звезда будут носить; он хотел щука наверёх вытащить* Заполье Лужск.Лен.; *разрешалось рыба есть; не годится печка топить* Свирская Слобода Лодейнопольск.Лен.; *давай ставить посуда* Кириково Пашск.Лен.; *пятёрка придется поставить* Заэрап Кадуйск.Вол.; *тёща заставит трава рубить* Сурнаково Вохомск.Костр.; *середа и пятница соблюдаешь* Малы Печорск.Пск.; *эта конопля в воду помочат* Марьинско Лядск.Пск.; *не топим, дак и плита не чистим* Горное Морино Новгородск.Новг.; *вам песня спою; похлёбка-то сварим* Деревянное Прионежск.Карел.; *съем ложка-другая* Девятины Вытегорск.Вол.; *Егорка я себе возьму* Бабья Рослятинск.Вол.; *а борона из дерева наладят* Макарьина Гора Каргопольск.Арх.; *принесла тёплая вода* Осташково Октябрьск.Вел.; *купил изба на снос* Тоузаково Лунинск.Пенз.; *зашиб нога* Черемша Середкинск.Пск.; *вода из речки брали* Суковатиха Удомельск.Калин.; *и мне всё правда цыганка сказала* Михалёво Белозерск.Вол.; *ешь вода, пей вода* Заборовье Гдовск.Пск.; *борона дай ему* Касково Удомельск.Калин.; *сумка положь* Серебрянка Ефимовск.Лен.; *поставь скамейка сюда* Грибанова Гора Коношск.Арх.; *дал бы сотня-две литров молока* Мышкино Пестовск.Новг.; *всё бы принёс копеечка* Морозово Волховск.Лен.; *не сронила бы киска катушка* Низ Оштинск.Вол.; *нашла бы работа* Горелая Тотемск.Вол.; *покормила бы корова* Лом Подосиновск.Кир. В наших материалах имеются три случая объектного употребления им. падежа ед. числа существительных на *-а* при неизменяемой причастной форме на *-ши*: *Вера половина была видавши* (о кинокартине) Мехикоорма Тартуск.Эст.(К); *спать не пойдет не решивши задача* Бурмакино Капшинск.Лен.; *он не знавши дорога пошел* Кудамозе-

ро Вытегорск.Вол.[3] Кроме того, им. падеж существительных на *-а* встретился при предикативно функционирующей частице *на(те)*, ср.: *кастрюля на!* Киршин Конец Капшинск.Лен.; *на сметана и ешь* Тохтинцы Ново-Троицк.Кир.; *нате подвязка* Большой Смердяч Кадуйск.Вол.

Материалы атласа свидетельствуют о том, что говоры, которым известны конструкции с им. падежом ед. числа существительных жен. рода в объектной функции, различаются между собой не только частотой их употребления, но и степенью свободы включения им. падежа в конструкции разной структуры. В тех севернорусских говорах, применительно к которым объектное употребление им. падежа ед. числа существительных жен. рода может быть определено как регулярное явление, употребительность инфинитивных сочетаний значительно выше, чем сочетаний им. падежа со спрягаемыми глагольными формами. Статистическая обработка данных атласа, проведенная дифференцированно по материалам групп населенных пунктов, расположенных на небольших условно выделенных частях соответствующей территории, показала, что относительная частота употребления конструкций типа *надо (пора) косить трава* и типа *косил трава* является для рассматриваемых говоров величиной, близкой к постоянной: первые повсеместно составляют не менее 3/4 всего материала по объектному употреблению им. падежа существительных на *-а*, вторые — не более 1/4 [Кузьмина, Немченко 1964, 156—158].

По-видимому, аналогичная картина наблюдается в северовосточной части севернорусских говоров костромской группы, а также в новгородских и гдовских среднерусских говорах[4]. Для остальных севернорусских говоров на основании имеющихся данных можно предполагать более высокую относительную употребительность конструкций типа *косил трава*, в материалах же по южнорусским говорам и большей части среднерусских на долю этих конструкций приходится не меньше половины всех случаев объектного употребления им. падежа ед. числа существительных жен. рода (ср. приведенный материал по южнорусским говорам).

На основании изучения материалов атласа можно предположить, что относительная употребительность каждого из типов инфинитивных конструкций *(сварить бы каша; надо (охота) сварить каша; пошла варить каша)* в пределах территории регулярного употребления им. падежа ед. числа существительных жен. рода в объектной функции характеризуется стабильностью: ни дифференцированное картографирование данных конструкций, ни учет количественных показателей соответствующих материалов не дают оснований говорить о наличии каких-либо

[3] Отмечен им. падеж ед. числа существительного жен. рода и при неизменяемой причастной форме на *-а: а тут в Есипове неделя пропустя празнуют* Мошонка Демянск. Лен. [Филин 1947, 21].

[4] Очевидно, что при меньшем общем объеме материала достоверность характеризующих явление количественных показателей ниже.

заметных различий по говорам. По-видимому, реже всего им. падеж объекта проникает в те конструкции, где инфинитив сочетается со спрягаемой глагольной формой, а наиболее часто — в конструкции с предикативным наречием *надо*. Такие примеры, как *я люблю правда говорить* (Бахариха Дрегельск.Новг.), *ходил корова смотреть* (Ольково Андомск.Вол.), *иди каша есть* (Ратилово Тихвинск.Лен.), составляют всего 3—4% материала по инфинитивным конструкциям (хотя высокая частотность в речи случаев сочетания инфинитива переходного глагола, распространенного объектной формой имени, со спрягаемой глагольной формой вряд ли может быть поставлена под сомнение). На долю же примеров типа *надо кофта сшить помоднее* (Екимово Кирилловск.Вол.) приходится почти 70% этого материала.

Статистическая обработка данных атласа, проведенная дифференцированно для групп близко расположенных друг к другу населенных пунктов, показала, что в материалах по севернорусским говорам на территории, очерченной изоглоссой (см. карту 1), примеры типа *надо кофта сшить* неизменно составляют около половины всех случаев объектного употребления им. падежа ед. числа существительных жен. рода [Кузьмина, Немченко 1964, 161—163]. Говоры, применительно к которым употребление конструкций типа *косить / косил трава* не может быть квалифицировано как регулярное явление, не однородны между собой по признаку относительной употребительности разных инфинитивных конструкций, как не однородны они и по количественному соотношению инфинитивных конструкций в целом и конструкций, в которых им. падеж сочетается со спрягаемой глагольной формой. Наблюдается следующий параллелизм: относительная частота употребления конструкций типа *ходила доить корова, иди есть каша* выше в тех говорах, которые характеризуются более свободным сочетанием им. падежа и непосредственно со спрягаемыми глагольными формами *(доила корова, ем каша)*. Что же касается конструкций с предикативным наречием *надо* (как и других инфинитивных конструкций, в которых инфинитив не зависит от спрягаемой формы глагола), то их относительная частотность, естественно, меняется по говорам обратно пропорционально относительной частотности конструкций со спрягаемыми глагольными формами — типа *ем каша* и *иди есть каша*. Для конструкций с предикативным наречием *надо* можно констатировать в целом бóльшую относительную употребительность в севернорусских и западных среднерусских говорах и меньшую — в говорах восточных средне- и южнорусских. Широкая употребительность конструкций типа *надо кофта сшить* отличает прежде всего северо-восточную часть севернорусских костромских говоров и западные среднерусские говоры новгородской группы. На долю конструкций типа *надо кофта сшить* здесь приходится, как и в говорах, характеризующихся регулярным употреблением им. падежа ед. числа существительных жен. рода в объектной функции, около половины всего материала

с им. падежом объекта. (Заметим, что обе соответствующие территории непосредственно примыкают к территории, очерченной изоглоссой.)

Как известно, исходно употребление им. падежа имен на *-а* при переходных глаголах было связано с инфинитивными конструкциями, причем такими, где инфинитив не зависит от другой глагольной формы, т. е. с определенным типом предложения. С течением времени явление расширилось в плане структурном: из элемента, входящего в предикативную основу определенного типа, им. падеж стал превращаться в элемент, сочетающийся с переходным глаголом в любой его форме,— в компонент словосочетания. Однако для русского языка в целом, по-видимому, преждевременно было бы считать этот процесс завершенным: известное безразличие им. падежа к форме переходного глагола (или типу инфинитивного сочетания) характерно для тех говоров (средне- и южнорусских), где рассматриваемые конструкции отмечаются лишь спорадически; говоры же, в которых случаи объектного употребления им. падежа ед. числа существительных жен. рода фиксируются как регулярные или хотя бы нередкие (севернорусские и частично западные среднерусские), отличает высокая относительная частотность именно тех конструкций, которые были для им. падежа объекта исходными,— конструкций с инфинитивом, не зависящим от другой глагольной формы,— употребление им. падежа объекта в этих говорах предстает как явление, еще не порвавшее связи с предложенческим уровнем.

Во всех современных говорах, которым известно объектное употребление им. падежа ед. числа существительных жен. рода, конструкции типа *косить / косил трава* сосуществуют с общерусскими конструкциями типа *косить / косил траву* и при этом неизменно значительно уступают последним в употребительности. Иногда им. и вин. падежи объекта объединяются в одном предложении, ср.: *взяла вчера буханка и сегодня другую принесла* Гимрека Подпорожск.Лен.; *всё надо знать: и воду, и землю, и скотина* Игнашино Чагодощенск.Вол.; *зажечь можно лучина или лампу* Александровская Бабаевск.Вол. Взаимодействие конструкций с им. и вин. падежом объекта наглядно свидетельствуется, в частности, случаями употребления при существительных с окончанием *-а* определения в форме вин. падежа, ср.: *сетка возьми мою* Малые Пети Славковск.Пск.; *спаси вот мою коса* Ликовское Осьминск.Лен.; *надо справка иметь постоянную* Хомутово Ковжинск.Вол.; *искать рубашка другую* Сигово Кирилловск.Вол.; *с пароходу видал нашу деревня* Кошкарово Биряковск.Вол.[5] Взаимодействием же конструкций с им. и вин. падежом объекта объясняется и зафиксированный

[5] Предложения, включающие в свой состав прямой объект — существительное на *-а* и определение к нему в форме вин. падежа, отмечены в литературном языке начала XVIII в., т. е. того времени, когда конструкции с им. падежом объекта выходили из употребления [Спринчак 1960, 181].

на территории ладого-тихвинских севернорусских говоров случай сочетания словоформы *корова* с постпозитивной частицей *ту* — специализированной частицей для вин. падежа ед. числа существительных жен. рода: *корова-ту надо подоить* Опути Маловишерск.Новг.[6]

В современных говорах им. падеж ед. числа существительных жен. рода возможен и в таких предложениях, общерусским эквивалентом которых были бы предложения не с винительным, а с родительным падежом объекта, ср.: *пошла корове накосить трава* Сомино Ефимовск.Лен.; *надо идти накосить трава коровы* Кулаково Новоладожск.Лен.; *надерёшь одной минутой эта береста* Бурмакино Капшинск.Лен.; *в другой-то деревне и вода-то не попьешь* Усадище Тихвинск.Лен.; *крапива нарвём* Никишенская Няндомск.Арх.; *напьюсь вода* Андрианово Нагорьевск.Яр.; *хочу вода испить* Дёмино Гусь-Хрустальный Влад.; *гроза боюсь* Ранино Мичуринск.Тамб.[7] В силу того что употребление по говорам род. и вин. падежей прямого объекта (в частности, при отрицании) не регламентируется с достаточной четкостью, определить частотность случаев замещения объектного род. падежа формой им. падежа на *-а* представляется затруднительным: в предложениях такого типа, как *нам не сорать эта полянка* Шамокша Лодейнопольск.Лен.; *тебе не найти тряпка* Житьево Сямженск.Вол.; *кашка дать тебе?* Ладва Прионежск.Карел.; *картошка купить не на что* Балмасово Бабаевск.Вол.; *картошка сварить вам?* Сойды Андомск.Вол., им. падеж на *-а* может быть эквивалентом как родительного, так и винительного падежа объекта. Заслуживает упоминания также тот факт, что в единичных случаях функцию прямого объекта при переходных глаголах выполняет местоимение *она: несолёна-то она нельзя держать* (о рыбе) Малетино Пинежск.Арх.(К); *и тебе искать не надо она* Жеребут Лужск.Лен.: *ему не видывать она* Львов Двор Чагодощенск.Вол.

Рассматривая конструкции с им. падежом объекта, нельзя не сказать о том, что существительные с окончанием *-а* встречаются по говорам в составе зависимой части словосочетаний и другого типа. Прежде всего здесь должна быть выделена группа словосочетаний с временным значением, эквивалентом которых в общерусском языке являются словосочетания с вин. падежом имени, ср.: *неделя жить надо* Лазаревичи Тихвинск.Лен.; *неделя целая катаются на конях* Боярское Биряковск.Вол.; *надо вся ночь там сидеть* Типиницы Медвежьегорск. Карел.(К); *вся ночь до свету проспит* Печки Новоторжск.Калин.; *упряжка работаем без от-*

[6] Обычно при существительных жен. рода в форме им. падежа ед. числа — независимо от выполняемой ими синтаксической функции — в севернорусских говорах употребляются постпозитивные частицы *та* (специализированная частица) и *то* (нейтральная частица, сочетающаяся в современных говорах с любой формой имени). Заметим, что примеров им. падежа объекта с данными частицами в наших материалах около 150.

[7] Этот факт был замечен уже при первом обращении к материалам атласа [Филин 1947, 22; Георгиева 1949, 46].

дыха Макарьина Гора Каргопольск.Арх.; *надо идти пограбить-то упряжка* Ефремково Лодейнопольск.Лен.(К); *проносить зима надо бы* Вотроса Пестовск.Новг.; *всю зима-то делал санки* Мисяцево Куровск.Моск.; *он всю зима был на печке; вся зима сырости не было* Воеводино Емельяновск.Калин.; *можъ пацолнухи радятцъ, будим фсю зима грыс'т'* Яблочное Гремяченск.Вор. [Собинникова 1958[1], 69]; *он всю зима работал; я вся зима болела; всю весна ловил рыбу* Каблуково Калининск.Калин.; *вся весна ешь, пируй* Плахино Захаровск.Ряз.; *всю война на фронте был* Кузовлево Михневск.Моск.; *вся жизнь работано* Гимрека Подпорожск.Лен. В рассматриваемые словосочетания входят существительные, называющие период времени *(неделя, ночь, зима...)*, или существительные, которые могут приобрести значение временного отрезка в контексте *(война, жизнь)*. Глаголы — как переходные, так и непереходные — называют действие или состояние, длящееся известный период времени. Очень вероятно, что временные конструкции, включающие в свой состав им. падеж ед. числа существительных жен. рода, генетически связаны с объектными [Копорский 1945, 53], однако в настоящее время территории распространения этих двух типов конструкций совпадают лишь частично: примеры, подобные приведенным, встречаются в севернорусских говорах на всей территории регулярного употребления им. падежа ед. числа существительных жен. рода в объектной функции, но оба ареала, в пределах которых они отмечены почти во всех населенных пунктах, находятся на территории не севернорусских говоров, а говоров восточных средне- и южнорусских восточной группы (см. карту 1).

Нужно сказать, что в средне- и южнорусских говорах отчетливо прослеживается тенденция к лексикализации: почти все примеры в соответствующих материалах включают в себя существительное *зима* — обычно с определением — местоимением *весь* (это сочетание частотно для рассматриваемых конструкций и в севернорусских говорах). Примечательно, что определение в средне- и южнорусских говорах часто (около трети всех случаев) имеет форму вин. падежа (см. примеры выше). Отметив сочетание *фс'у з'имá* в говоре д.Лека Рязанской губ., Шахматов определил его как наречное [Шахматов 1913, 216]. В материалах же, собранных для составления диалектологического атласа, имеются данные, свидетельствующие о наличии тенденции к полному онаречиванию словоформы *зима*: на территории Московской и Калининской областей зафиксированы случаи употребления словоформы *зима* в функции наречия *зимой* (один раз аналогично употреблена словоформа *весна*): *мы зима соберёмся* Калионово Егорьевск.Моск.; *зима она(буря) так и проходит* Алеево Ступинск.Моск.; *зима пойду дояркой; зима так и чаще бывает* Трехденево Клинск.Моск.; *зима волки к деревне подходят* Семёновское Коломенск.Моск.; *зима-то зайцев 30 убил* Колошино Емельяновск.Калин.; *приехал зима-то; а весна-то опять его взяли* Кузовлево Михневск.Моск.

Остальной материал по словосочетаниям, в зависимой части которых выступает им. падеж ед. числа существительных жен. рода, не являющийся падежом прямого объекта, не образует единой группы. Можно сказать, что имеются примеры употребления существительных с окончанием *-а* в конструкциях, выражающих разные отношения, причем им. падеж оказывается здесь эквивалентом разных падежных форм. Ограничимся приведением тех словосочетаний, которые не допускают разного понимания синтаксической позиции имени и к тому же составляют в материале значительное большинство,— словосочетаний предложных (конструкции с именами, имеющими безударное окончание, берутся только из материала по севернорусским говорам): *лес ронят в кучка* Плотично Подпорожск.Лен.; *в байна сходить* Никулино Капшинск.Лен.; *ржёт во всю глотка* Потево Устьянск.Арх.; *вам в дорога надо будет* Осташово Дрегельск.Новг.; *прогонят в эту сторона* Вороново Уваровск.Моск.; *на работа-то принять* Лукино Капшинск.Лен.; *на вьюшечка закроете* Весёлое Вашкинск.Вол.; *придётся сесть на плита* Куколовская Верховажск.Вол.; *надо заробить на скотина* Слудка Опаринск.Кир.; *сейчас про мука спросить* Руднево Луховицк.Моск.; *про телега и лошадь всё сказано* Чистый Дор Кирилловск.Вол. (ОЛА); *только за одна вода не платить* Троицкое Захаровск.Ряз.; *возле речка, подле гора, подле изба* Большая Пельпахта Борисово-Судск.Вол.; *возле (водле) деревня* Горюшино Плесовская Верховажск.Вол.; *возле деревня течёт речка* Устья Никольск.Вол.; *возле вода, часовню, школу, речку* Кречетово Каргопольск.Арх.; *подле стена* Бестужево Устьянск.Арх.; *ходят подле речка* Корени Вожгальск.Кир.; *коло печка* Шаблово Кологривск.Костр.; *подле гора, около вода* Раменье Дновск.Пск.; *мимо изба, сад, клуб* Ратилово Тихвинск.Лен.; *мимо корова, дом, сад* Калышеницы Оятск.Лен.; *мимо часовня* Маурино Вельск.Арх.; *над люлька, над таз* Люговичи Лодейнопольск.Лен.; *над шайка* Красково Коношск.Арх.; *наклонилась над вода, над стол, над кровать, над ребёнка, над меня* Спасское Устьянск.Арх.; (идти) *по черника* Ладва Прионежск.Карел.; *идти по бабушка* Карныш Никольск.Вол.; *по фуфайка ходила* Беклемишево Устьянск.Арх.; *по трава* Кречетово Каргопольск.Арх.[8]; *стоит до зима* Киршин Конец Капшинск.Лен.; *ветер от земля идёт* Язвицево Череповецк.Вол.; *просила для больная мама* Раменье Белозерск.Вол.; *пестерь сплетён из береста; из береста гонят дёготь* Батаево Межевск.Костр.; *ло́шат' ид'о́ с кон'у́шн'а; с конопл'а́ в'ју́т* Пильмас-озеро Пудожск.Карел. [Кузнецов 1949[1],75]; *надо к бабушка*

[8] Примеры употребления им. падежа при предлогах *возле, подле, мимо, около, над* (они заимствованы из ответов на вопрос 134) относятся к тем говорам, где данные предлоги могут сочетаться с вин. падежом (для предлога *над* эта возможность ограничивается конструкциями со значением направления движения); примеры с предлогом *по* (они заимствованы главным образом из ответов на вопрос 133) отмечены в говорах, которые характеризуются широким употреблением объектно-целевых конструкций типа *поехать по траву, сбегать по соседку* (см. об этих явлениях в главе «Предложные словосочетания»).

сходить Коровино Белозерск.Вол.; *у вас суп с крупа* Волоедово Краснинск.Смол.; *не бывали в той половина?* Князево Вытегорск.Вол.; *шесть человек в этой изба жили* Волчий Ручей Красноборск.Арх. Количественное соотношение предложных конструкций, в которых им. падеж ед. числа существительных жен. рода выполняет функции разных падежей (значительное преобладание конструкций с именительным падежом — эквивалентом винительного и некоторое выделение как более частотных по сравнению с остальными конструкций с именительным падежом — эквивалентом родительного), и концентрация всех соответствующих примеров в материалах по севернорусским говорам дают основание предполагать известную зависимость рассматриваемых конструкций от тех, где им. падеж ед. числа существительных жен. рода выполняет функцию прямого объекта. Однако это обстоятельство вряд ли может служить исчерпывающим объяснением развития такого новообразования, как предложные словосочетания с им. падежом имени.

В. Л. Георгиева, изучавшая материалы атласа, собранные в 40-е годы, приводя в работе несколько примеров употребления им. падежа ед. числа существительных жен. рода в функции разных падежей (в том числе три предложных словосочетания), объясняет эти конструкции тем, что «форма именительного падежа закрепилась в сознании субъекта, употребляющего данные синтаксические конструкции (автор имеет в виду конструкции типа *косить / косил трава.— И. К.*), не только как возможная для винительного падежа, но и в значительной степени как возможная для оформления дополнения вообще, поскольку категория аккузатива в русском языке есть категория дополнения» [Георгиева 1949, 45—46]. Данное объяснение не представляется достаточно убедительным уже потому, что в рассматриваемых конструкциях с им. падежом выражаются не только объектные, но и обстоятельственные значения (см. приведенные выше примеры). Очевидно, что вопрос об употреблении в говорах предложных и некоторых других конструкций с им. падежом заслуживает специального изучения на целенаправленно собранном материале. Заметим еще, что в сочетании с предлогом отмечен им. падеж существительных и муж. рода: *жили на участок* Лептюхи Касплянск.Смол.; *баня топим по субботам после обед-то* Арзаматово Шарангск.Кир.

По материалам конца XIX — начала XX в. употребление им. падежа ед. числа существительных жен. рода в функции прямого объекта предстает как явление, присущее говорам Поморской (Архангельской), Олонецкой, Западной (Новгородской) и Восточной (Вологодско-Вятской) групп северновеликорусского наречия. Конструкции типа *косить трава* отмечены в говорах на территории следующих северных губерний России: Архангельской (уезды: Мезенский, Онежский, Холмогорский, Шенкурский), Олонецкой (уезды: Лодейнопольский, Петрозаводский,

www.ruslang.ru

86849
БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Повенецкий, Гудожский), Новгородской (уезды: Белозерский, Боровичский, Кирилловский, Тихвинский, Устюженский)[9], Вологодской (уезды: Вельский, Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Никольский, Сольвычегодский, Сысольский, Тотемский, Устюжский, Яренский), Вятской (уезды: Орловский, Слободской), Костромской (Пыщугский и Воздвиженский приходы Ветлужск.у.). Что касается средне- и южновеликорусских говоров, то для них об употреблении конструкций с им. падежом объекта имеются только единичные свидетельства диалектологических описаний (ниже они приводятся), в лингвогеографических же материалах положительные данные об этом явлении отсутствуют[10].

Программы конца XIX — начала XX в. непосредственно ориентировали собирателей на фиксацию только инфинитивных конструкций с им. падежом прямого объекта — соответственно значительная часть ответов на вопросы этих программ состоит из сочетаний инфинитива с именем, представляющих собой неполный текст (типа *косить трава, надеть шуба*), но имеются и законченные тексты — предложения, предикативную основу которых образует инфинитив или сочетание инфинитива с предикативным наречием — приведем несколько примеров: *сегодня топить баня али нет?* Благовещенск.вол. Шенкурск.у. Арх.губ.(М IX,29); *либо обре́дня води́ть, либо к обе́дне ходить* Пригородн.вол. г.Архангельска (Т 11,3); *нужно свезти вся рожь* Троицк.приход Шенкурск.у. Арх.губ. (М IX,7); *надо ступа убрать; высушить надо трава* Муромля Петрозаводск.у. Олон.губ. (М IV,260); *срубить разве со́сна-то* Давыдовка Волково-Хилетск.вол. Белозерск.у. Новг.губ. (М IX,175); *дорога надо поправить; идти — шуба одеть* Мегра Мегринск.вол. Белозерск.у. Новг.губ. (М IX,174); *кому хотно на плахе голова сложить; взять машина да пошить* Деревни в окрестностях г.Тихвина Тихвинск.у. Новг.губ. (Т 12,77); *для цево мине билитьця — рожа драть* (из песни); *надо вся грезь подняти* Иванов Бор Спасск.вол.Кирилловск.у.Новг.губ. (М IX,182); *надо вся вязка распустить* Верходворское Орловск.у.Вят.губ. (М VI,281). В отличие от ответов на вопросы программ некоторые диалектологические описания содержат материал, свидетельствующий о возможности сочетания им. падежа объекта не только с инфинитивом, но и со спрягаемыми глагольными формами. Употребление им. падежа объекта при спрягаемых глагольных формах в северновеликорусских говорах кон-

---

[9] Н. Н. Соколов указывает на распространение конструкций типа *косить трава* в восточной части Новгородской губ. и квалифицирует данное явление как одну из черт, по которым восточная группа новгородских говоров противопоставляется западной — граница проходит приблизительно по линии, соединяющей центр Тихвинского уезда с центром Устюженского [Соколов 1914, 101].

[10] Только отрицательные ответы на вопрос о наличии/отсутствии случаев употребления им. падежа в функции объекта имеются с территории следующих губерний России: Владимирской, Московской, Нижегородской, Псковской, Саратовской, Северодвинской, Симбирской, Тверской, Ярославской. (Напомним, что в программах, предназначенных для работы на южновеликорусской территории, соответствующего вопроса не было.)

статируется В. П. Мансиккой и братьями Соколовыми. В. П. Мансикка приводит соответствующие примеры в двух из своих описаний. В материале по Шенкурскому у. Архангельской губ. имеется 39 примеров употребления им. падежа ед. числа существительных жен. рода в функции прямого объекта. В 33 из них им. падеж сочетается с инфинитивом (при этом в трех — с инфинитивом, зависящим от другого глагола), в шести случаях им. падеж сочетается со спрягаемой глагольной формой: *развязаў сунка, там и митрополит; ковды однажды на веку соньцё видело под морём земля; пара кóней другой дёржит; приносит бутылка на стол; одна половина продала* (т. е. она), *другая сама курит; писня раскажóм.* Заметим, что в это описание В. П. Мансикка включает три временные конструкции с им. падежом в зависимой части: *нáить ноцька спать перва: мне вся ноцька не спать; ошшо ему — сидеть зима* [Мансикка 1912, 131—132]. Характеризуя говор Пудожского у. Олонецкой губ., В. П. Мансикка приводит 29 примеров употребления им. падежа в объектной функции, 28 из них — с инфинитивом (в трех инфинитив зависит от другой глагольной формы), в одном случае им. падеж употреблен при спрягаемой глагольной форме: *дай-ко сотня рублей.* Заслуживает упоминания еще тот факт, что в этой работе имеются примеры объектных конструкций с им. падежом местоимения *она: jись-то она мошно; она можно ф пецьку клась* [Мансикка 1914, 164—165]. В двух составленных В. П. Мансиккой описаниях говоров Вологодской губернии [Мансикка 1912; 1914] примеров им. падежа при спрягаемых глагольных формах нет, но в Никольском у. зафиксирован случай сочетания им. падежа с инфинитивом, зависящим от другого глагола [Мансикка 1914, 215].

В материалах В. П. Мансикки значительное место занимают предложения, предикативная основа которых состоит из инфинитива и предикативного наречия *надо (нужно).* Б. М. и Ю. М. Соколовы отметили случаи употребления им. падежа объекта при спрягаемых глагольных формах в Белозерском и Кирилловском уездах Новгородской губ.: *пустоля́на косорй* Терехова-Малахова Мишутинск.вол.Белозерск.у. [Соколовы Б. М. и Ю. М. 1910[1], 63]; *ему дорога дали* Федотово Ферапонтовск.вол. Кирилловск.у.; *я вижу пред собою нёбо и вода* Конешное Пунемск.вол. Кирилловск.у. [Соколовы Б. М. и Ю. М., 1910[2], 168 и 171]. Примеров с инфинитивом здесь приводится по семь для каждого из уездов, говоры которых описываются. (Случаев сочетания инфинитива с другим глаголом среди них нет.) Известные нам материалы по средне- и южновеликорусским говорам настолько невелики, что их представляется целесообразным привести полностью: Гнилино Псковск.у. Пск.губ.: «В синтаксисе отмечено редкое для здешних говоров сочетание: *засоришь галава*» [Чернышев 1970[1], 361]; Глазково Васильевск.вол. Тверск.у. Твер.губ.: *завернýфши ногá* — пример сопровождается замечанием: «но здесь могла быть ошибка в чтении записи!» [Чернышев 1903,6]; Козлы Весьегонск.у. Твер.губ.: *сколотить изба* [Соколовы Б. М.

Повенецкий, Гудожский), Новгородской (уезды: Белозерский, Боровичский, Кирилловский, Тихвинский, Устюженский)[9], Вологодской (уезды: Вельский, Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Никольский, Сольвычегодский, Сысольский, Тотемский, Устюжский, Яренский), Вятской (уезды: Орловский, Слободской), Костромской (Пыщугский и Воздвиженский приходы Ветлужск.у.). Что касается средне- и южновеликорусских говоров, то для них об употреблении конструкций с им. падежом объекта имеются только единичные свидетельства диалектологических описаний (ниже они приводятся), в лингвогеографических же материалах положительные данные об этом явлении отсутствуют[10].

Программы конца XIX — начала XX в. непосредственно ориентировали собирателей на фиксацию только инфинитивных конструкций с им. падежом прямого объекта — соответственно значительная часть ответов на вопросы этих программ состоит из сочетаний инфинитива с именем, представляющих собой неполный текст (типа *косить трава, надеть шуба*), но имеются и законченные тексты — предложения, предикативную основу которых образует инфинитив или сочетание инфинитива с предикативным наречием — приведем несколько примеров: *сегодня топить баня али нет?* Благовещенск.вол. Шенкурск.у. Арх.губ.(М IX,29); *либо обре́дня води́ть, либо к обе́дне ходить* Пригородн.вол. г.Архангельска (Т 11,3); *нужно свезти вся рожь* Троицк.приход Шенкурск.у. Арх.губ. (М IX,7); *надо ступа убрать; высушить надо трава* Муромля Петрозаводск.у. Олон.губ. (М IV,260); *срубить разве со́сна-то* Давыдовка Волково-Хилетск.вол. Белозерск.у. Новг.губ. (М IX,175); *дорога надо поправить; идти — шуба одеть* Мегра Мегринск.вол. Белозерск.у. Новг.губ. (М IX,174); *кому хотно на плахе голова сложить; взять машина да пошить* Деревни в окрестностях г.Тихвина Тихвинск.у. Новг.губ. (Т 12,77); *для цево мине билитьця — рожа драть* (из песни); *надо вся грезь подняти* Иванов Бор Спасск.вол.Кирилловск.у.Новг.губ. (М IX,182); *надо вся вязка распустить* Верходворское Орловск.у.Вят.губ. (М VI,281). В отличие от ответов на вопросы программ некоторые диалектологические описания содержат материал, свидетельствующий о возможности сочетания им. падежа объекта не только с инфинитивом, но и со спрягаемыми глагольными формами. Употребление им. падежа объекта при спрягаемых глагольных формах в северновеликорусских говорах кон-

---

[9] Н. Н. Соколов указывает на распространение конструкций типа *косить трава* в восточной части Новгородской губ. и квалифицирует данное явление как одну из черт, по которым восточная группа новгородских говоров противопоставляется западной — граница проходит приблизительно по линии, соединяющей центр Тихвинского уезда с центром Устюженского [Соколов 1914, 101].

[10] Только отрицательные ответы на вопрос о наличии/отсутствии случаев употребления им. падежа в функции объекта имеются с территории следующих губерний России: Владимирской, Московской, Нижегородской, Псковской, Саратовской, Северодвинской, Симбирской, Тверской, Ярославской. (Напомним, что в программах, предназначенных для работы на южновеликорусской территории, соответствующего вопроса не было.)

статируется В. П. Мансиккой и братьями Соколовыми. В. П. Мансикка приводит соответствующие примеры в двух из своих описаний. В материале по Шенкурскому у. Архангельской губ. имеется 39 примеров употребления им. падежа ед. числа существительных жен. рода в функции прямого объекта. В 33 из них им. падеж сочетается с инфинитивом (при этом в трех — с инфинитивом, зависящим от другого глагола), в шести случаях им. падеж сочетается со спрягаемой глагольной формой: *развязаў сунка, там и митрополит; ковды однажды на веку соньцё видело под морём земля; пара кóней другой дёржит; приносит бутылка на стол; одна половина продала* (т. е. она), *другая сама курит; писня раскажóм*. Заметим, что в это описание В. П. Мансикка включает три временные конструкции с им. падежом в зависимой части: *нáить ноцька спать перва: мне вся ноцька не спать; ошшо ему — сидеть зима* [Мансикка 1912, 131—132]. Характеризуя говор Пудожского у. Олонецкой губ., В. П. Мансикка приводит 29 примеров употребления им. падежа в объектной функции, 28 из них — с инфинитивом (в трех инфинитив зависит от другой глагольной формы), в одном случае им. падеж употреблен при спрягаемой глагольной форме: *дай-ко сотня рублей*. Заслуживает упоминания еще тот факт, что в этой работе имеются примеры объектных конструкций с им. падежом местоимения *она: јись-то она мошно; она можно ф пецьку клась* [Мансикка 1914, 164—165]. В двух составленных В. П. Мансиккой описаниях говоров Вологодской губернии [Мансикка 1912; 1914] примеров им. падежа при спрягаемых глагольных формах нет, но в Никольском у. зафиксирован случай сочетания им. падежа с инфинитивом, зависящим от другого глагола [Мансикка 1914, 215].

В материалах В. П. Мансикки значительное место занимают предложения, предикативная основа которых состоит из инфинитива и предикативного наречия *надо (нужно)*. Б. М. и Ю. М. Соколовы отметили случаи употребления им. падежа объекта при спрягаемых глагольных формах в Белозерском и Кирилловском уездах Новгородской губ.: *пустоля́на косори́* Терехова-Малахова Мишутинск.вол.Белозерск.у. [Соколовы Б. М. и Ю. М. 1910[1], 63]; *ему дорога дали* Федотово Ферапонтовск.вол. Кирилловск.у.; *я вижу пред собою нёбо и вода* Конешное Пунемск.вол. Кирилловск.у. [Соколовы Б. М. и Ю. М., 1910[2], 168 и 171]. Примеров с инфинитивом здесь приводится по семь для каждого из уездов, говоры которых описываются. (Случаев сочетания инфинитива с другим глаголом среди них нет.) Известные нам материалы по средне- и южновеликорусским говорам настолько невелики, что их представляется целесообразным привести полностью: Гнилино Псковск.у. Пск.губ.: «В синтаксисе отмечено редкое для здешних говоров сочетание: *засоришь галава*» [Чернышев 1970[1], 361]; Глазково Васильевск.вол. Тверск.у. Твер.губ.: *завернýфши нога́* — пример сопровождается замечанием: «но здесь могла быть ошибка в чтении записи!» [Чернышев 1903,6]; Козлы Весьегонск.у. Твер.губ.: *сколотить изба* [Соколовы Б. М.

и Ю. М. 1910[3], 156]; Гнилуша Черкизовск.вол. Моск.у. Моск.губ.: *раздам jих палави́на*, после примера следует примечание автора: «Вероятно, в здешних говорах, как и в известных мне владимирских и боровских, такая форма вин. падежа только в этом слове» [Чернышев 1903, 45]; Кузьминка Рождественск.вол. Боровск.у. Калуж.губ.: *бежить сламя галава́* [Чернышев 1909, 13]; Вор.губ.: *он кавыл-травка рвал* [Филатов 1898, 202]. Примечательно, что в материалах по средне- и южновеликорусским говорам им. падеж объекта три раза выступает при спрягаемых глагольных формах, два раза — при неизменяемых причастных образованиях и только один раз — при инфинитиве. Как указывалось, наречное сочетание *фс'у' з'има́* Шахматов привел в описании говора д. Лека Егорьевского у. Рязанской губ. [Шахматов 1913, 216][11].

Очевидно, что рассмотренные материалы середины XX в. и конца XIX — начала XX в. кардинально различаются между собой как по объему, так и по охвату территории. Тем не менее в общих чертах свидетельства их представляется возможным сопоставить. Укажем на три момента.

1. Знакомство с этими материалами позволяет предположить, что за время, прошедшее между двумя периодами лингвогеографического обследования русских говоров, территория распространения конструкций с им. падежом прямого объекта — во всяком случае территория регулярного их употребления — не претерпела заметных изменений.

2. Примеры, имеющиеся в материалах конца XIX — начала XX в. со средне- и южнорусской территории (несмотря на их единичность), будучи сопоставлены с данными по северным губерниям России — хотя бы заимствованным только из диалектологических описаний,— свидетельствуют о том, что и 70—80 лет назад им. падеж объекта в средне- и южнорусских говорах свободнее сочетался с разными глагольными формами, чем в говорах севернорусских.

3. Редкость примеров типа *кошу, косил трава* в диалектологических описаниях конца XIX — начала XX в., относящихся к севернорусской территории, а также количественное соотношение примеров типа *косить трава* и типа *кошу, косил трава* в работах В. П. Мансикки, где имевшийся материал приведен, видимо, исчерпывающе (33 и 6 примеров, 28 и 1), дают основание предположить для севернорусских говоров конца XIX — начала XX в. очень невысокую относительную употребительность конструкций с им. падежом прямого объекта при спрягаемых глагольных формах. Как отмечалось, диалектологические программы конца XIX — начала XX в. непосредственно предусматривали фиксацию только инфинитивных конструкций, однако факт полного отсутствия примеров типа *кошу, косил трава* в ответах на про-

[11] Обследуя говор этой деревни через 30 лет после А. А. Шахматова, С. С. Высотский отметил здесь следующие временные конструкции: *сидит вся ночь; я вся зима проболела; вся весна жила; всю весна голодовала; мы зима соберёмся* [Высотский 1949, 67].

граммы (в том числе и в ответах, написанных людьми, хорошо знавшими обследуемый ими говор) также представляется возможным считать аргументом в пользу высказанного предположения. При сопоставлении материалов конца XIX — начала XX в., относящихся к севернорусской территории, с данными атласа русских говоров (где конструкции типа *кошу, косил трава* составляют около 1/4 всего материала с им. падежом объекта) напрашивается вывод о том, что на протяжении десятилетий, которые отделяют первое лингвогеографическое обследование русских говоров от второго, количественное соотношение конструкций типа *надо (пора) косить трава* и типа *кошу, косил трава* в севернорусских говорах значительно изменилось — возросла относительная употребительность конструкций со спрягаемыми формами глагола. Сравнение же количественной соотносительности типов инфинитивных конструкций по разновременным материалам говорит об устойчивом первенстве предложений, предикативная основа которых включает наречие *надо (нужно)*. Это обстоятельство объясняется, по-видимому, не только связью древнерусского оборота «инфинитив + существительное на *-а*» с семантикой долженствования, но и тем, что конструкции типа *надо косить трава* находили и находят в севернорусских говорах поддержку со стороны конструкций типа *мне надо трава* (соотносительные данные о территории распространения и характере употребления по говорам данных типов конструкций приводятся в заключительной части работы).

Что же касается предложений, в которых им. падеж объекта выступает при инфинитиве, зависящем от другого глагола, то они, как и конструкции типа *кошу, косил трава,* в конце XIX — начале XX в. характеризовались, видимо, меньшей употребительностью, чем в современных севернорусских говорах. Возможно к тому же, что изменилось количественное соотношение двух разновидностей данных конструкций — личных и безличных предложений *(пойду косить трава; пришлось косить трава)*. По данным середины XX в. безличные конструкции составляют около 1/4 всего количества предложений, в которых им. падеж объекта употреблен при инфинитиве, зависящем от другого глагола (в большинстве примеров инфинитив зависит от словоформы *придется*). В материалах же В. П. Мансикки конструкции типа *пришлось косить трава,* которые признак безличности объединяет с другими инфинитивными конструкциями, составляют большинство — приведем все его примеры: *приведётся вода пить; придется брать какая-нибудь* (т. е. прислугу); *задумалось Яшке открыть крепкая кровля от котла* [Мансикка 1912, 131—132]; *заказывал делать труба; матушка оставаитси вода носить; снова говедина наклали варить* [Мансикка 1914, 164]; *захотелосё пашня запахать* [Мансикка 1914, 215]. В заключение раздела заметим еще, что случаев сочетания им. падежа с предлогом в материалах конца XIX — начала XX в. нам не встретилось.

Конструкции с им. падежом мн. числа одушевленных существительных. Конструкции с им. падежом ед. числа одушевленных существительных муж. рода

Употребление в функции вин. падежа формы именительного, а не родительного-винительного падежа одушевленных существительных *(покупают куры; надо сторож иметь)* с точки зрения исторической связано с неравномерным развитием по говорам морфологической категории одушевленности / неодушевленности. Однако материалы современных говоров дают, с нашей точки зрения, основание для рассмотрения данных конструкций и в ряду синтаксических явлений.

Фиксация конструкций с именительным падежом одушевленных существительных в функции винительного не была предусмотрена Программой ДАРЯ (как и ни одной из более ранних программ), поэтому соответствующие примеры, как можно думать, далеко не всегда попадали в материалы, собираемые для атласа. Регулярными данными мы располагаем только для конструкций с им. падежом мн. числа и только применительно к говорам на территории, прилегающей к Белоруси и Украине, поскольку работавшие здесь диалектологи пользовались, помимо Программы, специальными дополнениями, учитывающими некоторые явления, известные белорусским и украинским говорам. Вопрос 5 Дополнения I и вопрос 12 Дополнения II посвящены выявлению того, какую форму — совпадающую с формой именительного или родительного падежа мн. числа — имеют одушевленные существительные при употреблении в функции винительного падежа. Остальной материал извлечен из текстов и ответов на вопросы Программы 124, 129—130, а также 133.

В материалах атласа и наших личных записях всего имеется 119 случаев употребления именительного падежа мн. числа одушевленных существительных в функции винительного (включая количественно-именные сочетания типа *два брата*). Основную часть — 109 примеров — составляют конструкции с им. падежом прямого объекта, остальные 10 примеров — предложные конструкции. Обратимся сначала к первым.

В 92 случаях из 109 употреблены существительные, являющиеся названиями животных, и в 17 — существительные, называющие лиц. Из примеров, в которых выступают существительные — названия животных, почти половину — 42 — составляют словосочетания и предложения, включающие в свой состав словоформу *кони*. Примеры типа *кони запрячь, кони кормил, кони пасла, надо кони поить* зафиксированы в 35 населенных пунктах, относящихся к следующим областям: Архангельской (районы: Вельский, Коношский, Няндомский), Вологодской (районы: Андомский, Харовский, Череповецкий), Псковской (Новоржевский р-н), Великолукской (районы: Ильинский, Невельский, Опочецкий, Себежский — 2 нас.п.), Смоленской (районы: Глинковский,

Дорогобужский, Екимовичский — 3 нас.п., Ельнинский — 2 нас.п., Ершичский — 3 нас.п., Починковский — 3 нас.п., Руднянский, Шумячский), Брянской (районы: Гордеевский, Суземский, Суражский — 3 нас.п., Трубчевский), Калужской (Куйбышевский р-н), Курской (Крупецкий р-н). Один раз словоформа *кони* встретилась в составе количественно-именного сочетания: *двое кони ждала* Овчинец Суражск.Брян. Примеры со всеми остальными существительными — названиями животных приводятся ниже: *курички надо кормить; овцы я пустила дак* Гимрека Лодейнопольск.Лен. (К); *держать гуси* Лаврово Мгинск.Лен.; *мы уж коровы держали, да овцы, да козы; овечки ищу* Типиницы Медвежьегорск.Карел. (К); *пойди черви копай, черви копат, она пойдет черви копать* (здесь же: *ты поди-ко, сестра, червей копать; он не может червей накопать?!*) Вороний Остров Медвежьегорск.Карел. (К); *овцы привели; коровушки содержат* Большой Двор Белозерск.Вол.; *с капусты червяки снять* Михалёво Белозерск.Вол.; *волки жеребяты загложут* Муньга Вашкинск.Вол.; *червяки брала* Малеево Вашкинск.Вол.; *цыплята покормить* Бурцево Сеямженск.Вол.; *овцы надо идти искать* Зимник Устюженск.Вол.; *козлухи-ти подоила* Слободчиково Усть-Алексеевск.Вол.; *а домашние зайцы кроликам зовут* Верхосунье Бельск.Кир.; *я жалела свое пчёлы* Рославлево Петровск.Яр.; *зачем дала лошади* ('лошадей') Телячья Слобода Пречистенск.Яр.; *все кошки возьмут* Логоза Тартуск.Эст.; *курята своих надо накормить; это время ершики ловили, а с сентября пойдут снетки ловить; снетки ловили* (здесь же: *снеток ловили*); *червы искали; черви сбирать* Мехикоорма Тартуск.Эст. (К); *коровы отбирали* Большие Толбицы Псковск.Пск.; *овцы дожидаю* Карцево Великолукск.Вел.; *быки с коням пасут* Стайки Невельск.Вел.; *подоила коровы // коров* Дивны Себежск.Вел.; (гнать) *овечки // овечек* Селище Себежск.Вел.; *отравлять мухи; гнать коровы* Приглово Батуринск.Смол.; *погнал быки* Старое Мутище Ельнинск.Смол.; *зарезали волы; постриг овечки; раздразнил пчёлы* Сельцо-Загорье Починковск.Смол.; *запрёг волы* Пирьково Починковск.Смол.; *погнал овечки* Скачкова Ярцевск.Смол.; *надо овцы отогнать* Творишино Гордеевск.Брян.; *есть держат козы; у вас козы тоже держат* Прилепы Навлинск.Брян.; *коровы пошли уже доить; пойду писклята покормить* Гладское Навлинск.Брян.; *квакуха кинет цыпляты; покупает куры* Фёдоровка Суражск.Брян.; *погнали быки* Сенча Суражск.Брян.; *щуки ловили* Кулаги Суражск.Брян.; *двоешки телят* Глухово Юхновск.Калуж.; *зайцы капканьями ловили* Юзга Кадомск.Ряз. (ОЛА); *ловила мыши-ти* Полоцкое Красавск.Сар.[12] Объектное употребление им. падежа мн. числа существительных, называющих лиц, представлено следующими примерами: *два брата убили, ... двух убили* Малетино Пинежск.Арх. (К); *два парня съели волки* Бестужево Устьянск.Арх.; *вот какие мальчуганы надо вырастить* Прокунино

[12] К числу конструкций с одушевленными существительными во мн. числе может, по-видимому, быть отнесен и следующий пример: *пойду скоты загонять* Раменье Осташковск. Калин.

Кирилловск.Вол.; *взяли братья* ('братьев') Холы Ковжинск.Вол.; *бабы-те навезли с робёнками-то* Осиновка Тарногск.Вол.; *дети вырастишь и к делу пришить надо* Гверстка Гдовск.Пск.; *ожидать гости* Раменье Дновск.Пск.; *старики жалеть надо* Носовка Полновск.Пск.; *две бабы судили* ('двух баб') Буньково Ногинск.Моск.; *видел сёстры* Вязовец Андреевск.Смол.; *ждала сыны; поила дочки* Сельцо-Загорье Починковск.Смол.; *годувала сыны* Зимонино Шумячск.Смол.; *ждала внуки; выбирали бригадири* Чухрай Суземск.Брян.; *чи заберут, чи нет сыны* Старая Ивановка Ровеньск.Белг. Один раз существительное опущено (восстанавливается из контекста) — именной компонент конструкции выражен местоименной словоформой *все: все сохранила* (о детях) Ямок Новгородск.Новг.(К).

Как указывалось, случаев сочетания одушевленных существительных в форме им. падежа мн. числа с предлогом в наших материалах 10: в восьми примерах выступают существительные — названия животных и в двух — названия лиц; основная часть материала — 8 примеров — это объектно-целевые конструкции с предлогом *по,* в которых обычно употребляется вин. падеж *(пойти по картошку, по соседку): ходил по кони* Климовская Вельск.Арх.; *пошли по кони* Папино Верховажск.Вол.; *куда пойдёшь, по овецьки?* Окатовская Тарногск.Вол.; *по караси издили на лошадях* Кукушкино Парфеньевск.Костр.; *на анкубатор надо ехать по цыплята* Кокшара Красно-Баковск.Горьк.; *по соседки* Фалино Варнавинск.Горьк.; *по ребяты в Ульяново* Рессета Хвостовичск.Калуж.; *я на цыплята посажу, ладно?* (о курице) Давыдовская Винницк.Лен.; *говорили у нас про жуки-то* (здесь же: *говорили про жуков*) Мехикоорма Тартуск.Эст.(К); *пойду по мурашы* (к неодуш?) Григоровка Калужск.Калуж.

В материалах атласа встретились также три случая употребления им. падежа мн. числа одушевленных существительных в отрицательных предложениях, где имя может быть эквивалентом как винительного, так и родительного падежа: *не трогать цыплята!* Раменье Белозерск.Вол.; *не держи кони* Алексеевка Клетнянск.Брян.; *голуби никто не разводил* Ильинск.Перемышльск.Калуж.

Случаев употребления им. падежа ед. числа одушевленных существительных муж. рода в наших материалах 16: девять раз существительное называет животное (в четырех предложениях употреблена словоформа *конь*) и семь раз — лицо; во всех случаях имя выступает без предлога и является прямым объектом: *загоняла конь* Глухарево Кирилловск.Вол.; *надо конь хороший покупать* Берёзка Полавск.Новг.; *надо конь хороший купить* Рамушево Старорусск.Новг.; *надо конь запрячь* Малое Загорье Касплянск.Смол.; *купили поросёнок боров* Монастырская Пашня Красноборск.Арх.; *продала весь козлик* Свирская Слобода Лодейнопольск.Лен. (в данном случае речь идет, видимо, не о животном, а о мясе животного); *поросёнок надо выпустить* Зыково Межельск.Костр.; *на одну сторону стол положили да большой*

поросёнок Ямок Новгородск.Новг.; *поросёнок пустишь в избу* Софьинка Новоусманск.Вор.; *надо сторож иметь* Семёновская Черевковск.Арх.; *робёнок надо качать* Речицы Бабаевск.Вол.; *обойдут тот жихарь* Мехикоорма Тартуск.Эст.(К); *пастух наняли* Синичино Ленинск.Вел.; *приняли зять* Ново-Покровка Елань-Калиновск.Вор.; *укутай ребёнок* Медвежья Поляна Острогожск.Вор.; *ей зять приняли в дом* Памятка Аркадакск.Сар. К этим примерам примыкает еще один, где именной компонент выражен местоимением *тот: тот хотела выбросить, да пожалела* (о коте) Типиницы Медвежьегорск.Карел.(К).

Как видно по географическим пометам при приведенных примерах, бóльшая часть материала с именительным падежом мн. числа одушевленных существительных в функции винительного относится к западной части России (западная часть псковских среднерусских говоров и западная группа южнорусского наречия), где этот материал, как указывалось, собирался целенаправленно [14]. Из остальных русских говоров по частоте фиксации конструкций типа *покупают куры* выделяются говоры севернорусские. Примеры типа *надо сторож иметь* отмечены как единичные в разных русских говорах, но большей частью на севере и западе России.

На основании синхронных и к тому же, конечно, весьма неполных материалов говорить о статусе рассматриваемых конструкций в грамматических системах современных русских говоров представляется возможным только предположительно. Соответственно следует признать, что и сама постановка в один ряд конструкций с формой им. падежа мн. и ед. числа может вызвать возражение. Обратимся сначала к конструкциям со словоформами типа *куры, кони, соседки* как более многочисленным в наших материалах.

Факт употребления в некоторых русских говорах (а также значительной части говоров белорусского и украинского языков) конструкций типа *покупают куры* всеми исследователями рассматривается как свидетельство неравномерности протекания по говорам восточнославянских языков процесса становления категории одушевленности/неодушевленности (форма имени — старый винительный падеж, тождественный именительному) [15].

Таким образом, архаические корни данного явления не вызывают сомнения. Вместе с тем материал современных говоров дает, как нам представляется, основание предполагать, что

---

[14] Употребление конструкций типа *покупают куры* не характеризуется здесь той степенью регулярности, которая наблюдается для ряда других явлений, общих западной части русских говоров и говорам белорусского и украинского языков (ср. распространение предлога *з*, частиц-союзов *ти, чи*, количественно-именных сочетаний типа *два столы, три волы*), что неудивительно, поскольку в белорусском и украинском языках данные конструкции имеют юго-западную локализацию [см.: Диялекталагічны атлас беларускай мовы, карты 208, 209; Атлас української мови, карта 277].

[15] См. работу А. Б. Пеньковского, посвященную категории одушевленности/неодушевленности [Пеньковский 1975 [1]].

явление уже не может быть квалифицировано как собственно архаизм, что оно переживает процесс известной трансформации. Попробуем обосновать это положение. Как известно, процесс становления категории одушевленности/неодушевленности проходил разные стадии: значение одушевленности неодновременно формализовалось в разных лексико-грамматических группах имен; конкуренция старых (совпадающих с им. падежом) и новых (совпадающих с род. падежом) форм вин. падежа первоначально регламентировалась некоторыми синтаксическими и контекстными условиями [Томсон 1908[1]]. Обратившись к приведенному выше материалу современных говоров, легко заметить, что лексико-грамматический состав имеющихся там существительных соответствует последовательности стадий в развитии категории одушевленности/неодушевленности: очевидное преобладание имен, являющихся названиями животных, естественно объясняется тем, что формализация значения одушевленности раньше произошла у существительных, называющих лиц [16]. Синтаксическое же употребление словоформ типа *куры, кони, соседки* — абсолютное преобладание конструкций, в которых имя является прямым объектом,— сопоставлением с историческим материалом объяснено быть не может. Факт весьма редкого употребления данных словоформ в сочетании с предлогами (на долю предложных конструкций приходится всего около 8% материала со словоформами типа *куры, кони, соседки*)[17] находится в прямом противоречии с ходом развития категории одушевленности/неодушевленности: как установил еще А. И. Томсон, новая форма вин. падежа для одушевленных существительных (форма род.-вин. падежа) позже всего распространилась именно на те случаи, где имя выступало с предлогом (чем и объясняется сохранение в литературном языке устойчивых оборотов типа *поступить в солдаты*) [Томсон 1908[2], 247]. Преимущественное употребление словоформ типа *куры, кони, соседки* в функции прямого объекта станет понятным, если допустить, что чередование словоформ типа *куры* и *кур* в составе словосочетаний с переходными глаголами *(купить куры/кур')* поддерживается чередованием форм им. и вин. падежей в других

---

[16] Следует, однако, заметить, что дифференциации по степени употребительности между именами муж. и жен. рода при этом, видимо, нет (значение одушевленности раньше формализовалось у существительных муж. рода).

[17] Словосочетания и предложения со словоформами типа *куры, кони, соседи,* имеющиеся в отдельных работах, также представляют собой, как правило, конструкции с именем в функции прямого объекта — вот некоторые примеры: *бейте звери; били звери; стригу овцы; пасу коровы; нашы кóни w гнать; пастú кони; не видал моих кони*? Сибирск. [Селищев 1968, 295]; *пошла кони пасти; на той старане кони пасут* Пск. [Чернышев 1970[2], 391]; *запрягайте кони* Твер. [Чернышев 1949, 271]; *кто караулил пчелы-те*? Горьк. [Крутова 1949, 388]; *у ней вон гуси вывели цыпушки; только лавют козявочки; оне краты лавили ды сдавали.* Из говора тамбовских переселенцев в Челябинской области [Турбин 1956, 182]; *дуга кони запрягат', ета жавърънки пякут'* (существительное означает неодушевленный предмет) [Собинникова 1961, 152]. Один пример с предлогом приводит А. М. Селищев: *па кони в'алит' итить* Сибирск. [Селищев 1968, 295].

конструкциях, где имя также называет семантический объект. Прежде всего мы имеем здесь в виду конструкции с предикативным наречием *надо*, в составе которых им. падеж имени (наряду с винительным: *надо куры/кур*) достаточно регулярно употребляется как в севернорусских говорах, так и в говорах средне- и южнорусских, относящихся к западной части РФ (см. карту 6). Для северно- и среднерусских говоров возможна также поддержка со стороны глагольных конструкций типа *косить трава/траву*. Высказывая предположение о возможности взаимодействия конструкций типа *купить куры* и типа *надо куры*, мы учитываем и факты, касающиеся конструкций с одушевленными существительными муж. рода в ед. числе.

Если для словосочетаний, включающих в свой состав одушевленные существительные во мн. числе, отнесение к числу конструкций с им. падежом прямого объекта является известной условностью (основанной на предположении о тенденции развития данных словосочетаний в современных говорах), то для словосочетаний с именами муж. рода в ед. числе такая трактовка вполне закономерна: во всех имеющихся примерах без исключения словоформы типа *конь, ребенок* сочетаются с переходным глаголом и выполняют роль прямого объекта. Предположение о взаимодействии с конструкциями типа *надо конь* находит здесь подкрепление в том факте, что треть примеров (6 из 17) включает в свой состав наречие *надо* (*надо конь запрячь, ребёнок надо качать* и т. д.).

В нашем материале по конструкциям с существительными муж. рода в ед. числе имена — названия животных и имена — названия лиц представлены почти поровну (соответственно 9 и 7 примеров) — можно думать, что по лексико-грамматическому составу именного компонента данные конструкции кардинально отличаются от конструкций с одушевленными существительными во мн. числе. Единственное, в чем можно усмотреть сходство между теми и другими конструкциями,— повторяемость существительного *конь* (которая в конструкциях с именем во мн. числе проявляется значительно отчетливее). Особое положение лексемы *конь* в современных говорах В. И. Собинникова связывает с моментом стилистическим: по поводу отмеченного ею в Гремяченском р-не Воронежской обл. примера *дуга кони запрягат'* она пишет, что здесь имеет место «архаическое управление, удержавшееся в отдельном слове *конь*, получившем некоторую стилистическую окраску приподнятости в противоположность общеупотребительному слову *лошадь*» [Собинникова 1961, 152—153]. Известно, что старая форма вин. падежа для слова *конь* была частотной в памятниках, а словосочетание *въсѣсти на конь* стало формулой [Кузнецов 1959, 100], следствием чего и явилось, видимо, сохранение выражения *на́ конь* в русском литературном языке. Таким образом, повторяемость слова *конь* в диалектных конструкциях с им. падежом ед. числа говорит о том, что и данные конструкции в той или

иной мере связаны с историей (напомним, что в ед. числе категория одушевленности/неодушевленности оформилась раньше, чем во множественном). О возможности существования (в какой-то части говоров) непрерывной традиции употребления словоформ типа *конь, ребёнок* в функции вин. падежа говорят и факты фольклора — ср. приведенные П. С. Кузнецовым примеры: *Кто таков, как Иван Пятаков? Сел на конь и поехал в огонь* (горшок на ухвате); *Тарарам, тарарам, села баба на баран* (из шуточной песни) [Кузнецов 1959, 106]. Существенно указать также, что употребление формы им. падежа ед. числа (старой формы вин. падежа) отмечается и в начале XX в.: *кот ест налим* (вместо налима) Холмогорск.у.Арх.губ. [Грандилевский 1907, 70].

Итак, наиболее адекватным фактам мы бы считали подход к конструкциям с им. падежом одушевленных существительных — и типа *покупать куры* и типа *загонять конь, качать ребёнок* — как к явлению, представляющему собой сплав старого и нового. Старое (связь с процессом становления категории одушевленности/неодушевленности) отчетливее выступает в конструкциях с мн. числом существительных, новое (современные аналогические процессы) — в конструкциях с ед. числом.

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ИМЕНИ В ФУНКЦИИ ПРЯМОГО ОБЪЕКТА

Фиксация тех или иных неотрицательных конструкций с род. падежом объекта, употребляющихся параллельно конструкциям с вин. падежом *(найти гриба/гриб; купить муки/муку; взять ножа/нож)*, предусматривается следующими диалектологическими программами: программой конца XIX в., предназначенной для работы на северновеликорусской территории (в изд. 1895 г. вопрос 100, в изд. 1896 г.— 99) [18], «Вопросником для составления диалектологического атласа русского языка» (в разных изданиях вопросы 126, 165, 166) и Вопросником ОЛА (вопросы 2904, 2905°). В программу, по которой собирался основной материал для атласа русского языка, соответствующий вопрос не был включен. Однако в части материалов, собранных для составления атласа, конструкции с род. падежом объекта отмечены — они встречаются в ответах на вопросы 123, 129, 130, а также в текстах-приложениях; к сожалению, эти сведения имеют нерегулярный характер. При сборе материала для атласа регулярные данные об употреблении род. падежа объекта были получены только с территории, прилегающей к Украине, где собиратели пользовались, помимо программы, специальным дополнением, включающим в себя отдельные вопросы украинской программы (см. Дополнение II, вопрос 13). Отрицательные конструкции с род. падежом объекта диалектологическими программами не учитывались. Обратимся к материалам сначала современным, затем конца XIX — начала XX в.

[18] В программе 1900 г. вопрос 240.

Несмотря на неполноту материала [19], противопоставленность современных говоров по соотносительности родительного и винительного падежей прямого объекта в неотрицательных конструкциях вырисовывается в целом довольно отчетливо. Менее ограниченным употреблением род. падежа прямого объекта характеризуются севернорусские говоры (явление представлено реже в юго-восточной части вологодских говоров и в говорах костромских, кроме самого северо-запада территории) и небольшая часть среднерусских (новгородских и владимирско-поволжских) говоров, территориально примыкающая к говорам севернорусским. Материал удобно рассмотреть по следующей схеме: I — конструкции, в которых род. падеж используется для обозначения объекта, охваченного действием ограниченно: 1) конструкции с родительным части *(налить молока)* [20]; 2) конструкции с родительным «временного пользования» *(взять ножа)*; II — конструкции, в которых род. падеж называет объект, охваченный действием неограниченно *(купить топора)*. Очевидно, что конструкции группы I в семантическом плане отличаются от конструкций с вин. падежом (хотя и функционируют параллельно с ними), конструкции же группы II являются семантическим дублетом конструкций с вин. падежом.

I. 1. В составе партитивных конструкций выступают имена как в единственном числе (с вещественным, собирательным или отвлеченным значением), так и во множественном: имя называет в этих конструкциях предмет «представляемый как целое делимое» [Тимченко 1913, 44], или совокупность однородных предметов, являющуюся частью из возможного их множества; глагол называет такое действие, которое может распространиться на часть предмета (предметов), ср.: *взяла манки кашу варить* Плехово Суджанск.Кур. (ОЛА); *эва господь всякого народа даёт* Заборовье Гдовск.Пск.[21]; *видла и плохого и хорошего* Вороний Остров Медвежьегорск.Карел.(К); *сделайте губ со сметаной* Малетино Пинежск.Арх.(К). Диалектные различия в этой группе

[19] Напомним, что соответствующие вопросы относятся к той части Вопросника ОЛА, которая была признана обязательной для работы только в так называемых опорных населенных пунктах.

[20] Вопрос о значении род. падежа в сочетаниях типа *налить молока, насажать помидор* принадлежит к числу спорных. Традиционная точка зрения о частичном (партитивном) или разделительном значении не раз была объектом критики. А. И. Томсон еще в начале XX в. писал, что общим признаком словоформ *хлеба, лесу, веры*... в конструкциях типа *дай мне хлеба; он купил лесу* (собират.); *пошли нам веры, надежды, счастья; пришлите стульев* является не значение части целого, а значение пространственно неограниченной массы. В работе А. И. Томпсона содержатся очень интересные положения о том, ка́к это общее значение конкретизируется в именах разных групп [Томсон 1908 [2], 282—294]. Из современных работ развернутую критику подхода к конструкциям типа *налить молока* как к конструкциям с партитивным объектом см.: [Кузнецова 1960; 1962; 1963]. Однако в настоящей работе, где вопрос о значении род. падежа объекта не рассматривается в теоретическом плане, представляется целесообразным описывать материал опираясь на традиционную точку зрения.

[21] О сохранении собирательного значения у имен типа *толпа, народ, ряд* см.: [Шахматов 1952, 149].

конструкций связаны с лексико-грамматическим составом входящих в конструкции глаголов.

Как известно, для литературного языка характерно употребление в конструкциях с родительным партитивным глаголов сов. вида; из глаголов несов. вида употребительны только некоторые (*брать, давать, класть, просить...*). Как свидетельствуют имеющиеся материалы, конструкции с родительным партитивным, включающие в свой состав глаголы сов. вида (а также небольшой круг глаголов несов. вида), имеют общерусский характер — они отмечаются в самых разных говорах, ср.: *я принесла картошки из ямы* Нечаевское Коношск.Арх. (ОЛА); *она дават муки* Плесо-Мякурьё Холмогорск.Арх. (ОЛА); *Гриша, подсоби мне-ка мяса продать* Типиницы Медвежьегорск.Карел. (К); *овощей получили* Гавсарь Мгинск.Лен.; *кладу соды в ванную* Лаврентьево Междуреченск. Вол. (ОЛА); *припасу яичек, картошечки; водички берите отсюда* Офремово Рыбинск.Яр. (ОЛА); *нагрела сейчас молока* Шихириха Пученск.Иван.; *почерпни-ка квасу* Комарово Семеновск.Горьк.; *да вместо оружия икон на фронт-то подбрасывали* Мышкино Пестовск.Новг.; *попили той бражки* Жуки Усмынск.Пск. (ОЛА); *покупала травы себе* Кочергино Солнечногорск.Моск. (ОЛА); *принеси мне песку* Хотилицы Андреапольск.Калин. (ОЛА); *надо помаслить хлеба* Зибрики Краснинск.Смол. (ОЛА); *купила себе ситцу на платье* Козеево Измалковск.Лип. (ОЛА); *сходи возьми мучки* Добрынь Кромск.Орл. (ОЛА); *окрошки сделай* Скородное Золотухинск. Кур. (ОЛА); *сыплю муки* Добрунь Брянск.Брян. (ОЛА); *пойду нарою картови* Темёшево Шацк.Ряз. (ОЛА); *соседка дала крупы* Масловка Прохоровск.Белг. (ОЛА)[22].

На территории севернорусских говоров, а также на прилегающей к ней части территории говоров среднерусских отмечается более свободное, чем в литературном языке, включение в конструкции с родительным партитивным глаголов несов. вида *(варить, возить, вязать, гладить, готовить, греть, делать, драть, есть, заготовлять, косить, кушать, ловить, молоть, находить, петь, печь, пилить, пить, полоскать, прясть, рвать, ростить, рубить, сеять, собирать, таскать, ткать, хлебать, шить...)*, ср.: *свежей рыбы всё бы ел, молока не ест* (о коте); *дров-то заготовляют* Малетино Пинежск.Арх.(К); *там хорошей рыбы ловили* Долгощелье Мезенск.Арх. (ОЛА); *пошли косить травы* Прошутино Котласск.Арх.; *у нас сортовых сеяли* Чечулинское Березниковск.Арх.; *кушайте стряпни-то моей; кушайте этих лепёшек; я чаю-то любительница пить; таких вот ткём посуду-то тереть* (о полотенцах) Типиницы Медвежьегорск.Карел.(К); *они заставляют меня песен петь; нас отправили суков рубить* Вороний Остров Медвежьегорск. Карел.(К); *всего работали, кружевов вязали; мы дубу драли* Гимрека Лодейнопольск.Лен.(К); *на своём*

[22] Широкое употребление данных конструкций в южнорусских говорах — конкретно в воронежских — отмечает В. И. Собинникова [Собинникова 1961, 158—160].

озере-то была — белья полоскать; пособи хоть копён таскать Щелейки Лодейнопольск.Лен.(К); *молоть надо мучки* Давыдовская Винницк.Лен.; *находят этых рогов* Ляшозеро Лодейнопольск.Лен.; *льну ростила; дров тяжело заготовлять, дрова; поём всяких песен* Шамокша Лодейнопольск.Лен.(К); *раньше ватных юбок шили; кушай свежей яишенки* Регмасово Лодейнопольск.Лен.(К); *хлебушка везёт; возят дров да* Слободчиково Усть-Алексеевск.Вол.; *как солдаты из топора каши варили; завтра мне белья гладить* Щетинское Мяксинск.Вол.; *пилить дров да лес да* Плёсо Борисово-Судск.Вол.; *она давай дров рубить* Рылово Чебсарск.Вол.; *вставай супу хлебать* Низ Оштинск.Вол.; *собирают дров* Никитино Поназыревск.Костр.; *на паску крестов-то пекла* Шихириха Пученск.Иван.; *воды греть* Теребутицы Солецк.Новг. (ОЛА); *походим дров пилить* Шарья Маловишерск. Новг.; *стал квас пить/воды/воду* Меньково Волотовск.Новг.; *мальчик был взят вишенья рвать* Ямок Новгородск.Новг.(К); *раньше разных ткали-те и на 12 нитчёнок* Заполек Маловишерск.Новг.; *травы едят* Некрасово Рамешковск. Калин.; *пойду косить травы* Михеево Овинищенск. Калин.; *шерсти пряли* Поповка Максатихинск.Калин.; *ниток ткали* Лебзово Вышневолоцк. Калин.

Для говоров остальной территории мы располагаем только единичными примерами — приводим их все: *они рады, как кустов ядуть* (о коровах) Редковцы Пушкиногорск.Пск.(К); *пекёшь хлеба, пекём хлеба* Волково Опочецк.Пск. (ОЛА); *но и огурцов сеют* Владимирское Горно-Марийск.Марийск.; *походов делали* Троицкое Пристенск.Кур.; *пойду травы рвать* Добродеевка Злынковск.Брян.; *грибов готовят* Рыбное Острогожск.Вор. Следует заметить, что и среди сочетаний родительного партитивного с глаголом сов. вида есть такие, которые возможны, по-видимому, только в говорах, ср.: *самолетов пустили по нам* Сенино Рослятинск.Вол.; *снесли домов; один мужчина украл денег* Гавсарь Мгинск.Лен.; *бабушка, я рыбы поймал* Хотилицы Андреапольск.Калин.; *кто плитов нам поставит* Владимирское Горно-Марийск. Марийск.

2. В конструкциях с род. падежом «временного пользования» употребляются конкретные существительные, называющие такие предметы, которые могут быть даны на какой-то срок; глаголы здесь имеют семантику передачи, получения, просьбы (*брать, взять, дать, просить* и т. д.), ср.: *возьму топора у вас* Костянка Котласск.Арх.; *Настя пришла, просит напилка* Тамица Онежск.Арх. (ОЛА); *дай-ко косы; не знай, у кого косовища просить* Гимрека Лодейнопольск.Лен.(К); *взять молотка; дай сетки* Гатика Киришск.Лен.; *Ольга Васильевна серпа брала* Плотично Подпорожск.Лен. (ОЛА); *подай молотка!* Карпово Белозерск.Вол.; *одолжите мне ножа* Замошье Вытегорск.Вол.; *я мешечка дам; дам платка* Офремово Рыбинск.Яр. (ОЛА); *Вовк, ай Вовк! дай велосипеда до Пустыни; дайте мне кузовка* Рогово Навашинск.Горьк.(ОЛА); *Я у вас возьму лесенки на часок* Ямок

Новгородск.Новг.; *граблей взяла* Луково Любытинск.Новг.; *дай мне серепка пожать* Колоколово Гдовск.Пск.(К); *дай мне ножика, телеги, лошади; надо завтра брать шнура* Подборовье Гдовск.Пск.(ОЛА); *дайте мне лошади* Кунилово Талдомск.Моск.(ОЛА); *ти даси ты мне ножика*? Горки Нелидовск.Калин. (ОЛА); *дайте мне бороны поскородить картошки* Козилово Холм-Жирковск. Смол(ОЛА); *дай мне чугуника* Добрынь Кромск.Орл.(ОЛА); *дай тачечки* Секерино Глушковск.Кур.(ОЛА); *дай мне своей кофты; дай мне ножичка* Зимницы Думничск.Калуж.(ОЛА); *брали ножика? дай серпа! дай рублика; дайте косы* Хоромное Чуровичск.Брян.; *взяла в руки ножа; дай серпа, дай цепа!* Серовка Злынковск. Брян. Может быть, сюда же следует отнести пример: *они знакомые нам, заезжали, вот оставили мотоцикла* Комарово Семеновск.Горьк.

Конструкции с родительным «временного пользования», употреблявшиеся в литературном языке еще XIX в., в настоящее время находятся на периферии кодифицированной системы: они воспринимаются либо как устаревшие, либо как просторечные. В говорах же, как видно по географическим пометам при приведенных примерах, родительный «временного пользования» отмечается повсеместно. Здесь диалектное различие сводится, повидимому, к разной частоте употребления рассматриваемых конструкций: имеющийся материал позволяет думать, что частотны они в говорах севернорусских и части среднерусских; из южнорусских говоров по частоте встречаемости конструкций типа *дай ножа* несколько выделяются говоры территории, примыкающей к Украине (как указывалось, материал на этой территории собирался целенаправленно).

II. Неотрицательные конструкции с род. падежом прямого объекта, семантически дублетные конструкциям с вин. падежом, в настоящее время употребляются только в говорах. Бóльшую часть материала составляют конструкции с глаголами, имеющими семантику восприятия *(видеть, смотреть, посмотреть, глядеть, поглядеть, слухать, послушать)*, чувства *(любить, жалеть, пожалеть, хотеть)*, достижения *(достать, искать)*, а также глаголом *знать*. Как известно, глаголы этой семантики в древнерусском языке регулярно сочетались с род. падежом. Приведем весь материал: (после сообщения о том, что соседка ушла на болото) *а, смотреть морошки? северного народу посмотреть; может, она украинка кака: картошки-то любит; мы любили народа-то этого; матка-то всё жалела девки-то; почему ты жалеешь чужих полсапожков? матери-то жалела; тот ревёт — жалет девки-то; дороги-то* (ед. число) *она знат* Малетино Пинежск.Арх.(К); *севера посмотрите* Заухтомье Котласск.Арх.; *раньше любила я солёных огурцов; я грибов люблю* Долгощелье Мезенск.Арх. (ОЛА); *отколь ни приезжали глядеть этой церквы! жалеет матери* Типиницы Медвежьегорск.Карел.(К); *да и пойдут слухать собачки* (гаданье); *ходила я лошади искать* Вороний Остров Медвежьегорск.Карел.(К); *приехали смотреть нашего до-*

му Корытово Медвежьегорск.Карел.(К); *нечего чужих вещей глядеть; приезжай, погляди моей квартиры; поглядеть хотелось финской церкви; пожалел девушки* Шамокша Лодейнопольск.Лен.(К); *ой, идти лодки* (ед. число) *поглядеть; пойти было Нинки искать* Красный Бор Лодейнопольск.Лен.(К); *там хоть народу погляжу* Регмасово Лодейнопольск.Лен.(К); *погляжу самовара* Павшино Тихвинск.Лен.; *города поглядеть* Гавсарь Мгинск.Лен.; *пчёлочки горазд любят липняжных цветов* Втроя Сланцевск.Лен.; *искали этой козы* Струнино Тихвинск.Лен.; *караводных песен знала* Кошкино Кингисепск.Лен.; *этого праздника поглядела* Низ Оштинск.Вол.; *я искала ножниц* Лаврентьево Междуреченск.Вол. (ОЛА); *всяких сказок знаю* Нижнее Боярское Лальск. Кир.; *думала ли я этого видеть; послушайте моих слов* Кирилловское Рыбинск.Яр.; *пошли домика искать и мы нашли домик* Офремово Рыбинск.Яр.; *очков-то трудно достать* Ямок Новгородск.Новг.(К); *избы хотела хорошей, большой* Теребутицы Шимск.Новг.; *надо к этому сходить старику: рассказов всяких знает* Ямки Оршинск.Калин.; *она песен зная* Кучугуры Нижнедевицк.Вор.[23]

В наших материалах по конструкциям с род. падежом прямого объекта, семантически эквивалентным конструкциям с вин. падежом, имеется еще около двух десятков примеров с такими глаголами, для которых в современном литературном языке сочетание с род. падежом объекта в неотрицательных предложениях невозможно[24]. К числу конструкций с семантикой полного объективирования прежде всего следует отнести те предложения, где в функции прямого объекта употреблены конкретные существительные в ед. числе и существительные pl. tant.: *маменька, покачай ты зыбки-то* Типиницы Медвежьегорск.Карел.(К); *надо этого образка выкинуть; выкинули этого образка* Красный Бор Лодейнопольск.Лен.(К); *вот теперь я кажной газетки прочитаю* Гимрека Лодейнопольск.Лен.(К); *губ обмарали* Захожа Тихвинск.Лен.; *дверей-то открой* Самино Андомск.Вол.; *загребали стóга* Митино Бабушкинск.Вол.; *одного ребра сломаю* Горка Белозерск.Вол.; *поотодвиньте стола* Камчатка Пошехоно-Володарск.Яр.; *мешка починить* Шилово Хвойнинск. Новг.; *с иголкой быть ушивать мешка* Кузино Сокольск.Иван.

Из предложений с вещественными существительными и существительными во мн. числе в эту группу представляется возможным включить следующие: *кто солит воды* Низ Оштинск.Вол.; *невестка уехала зубов вставлять* Малетино Пинежск.Арх.(К); *лесов теперь уж вывели* Лидь Ефимовск.Лен.; *лаптей носили* Пудрино Ефимовск.Лен.; *таких шапок носят в городе?* Брод Кичменско-Городецк.Вол.; *поприограбили, потом попропивали этих денег* Макарьевская Харовск.Вол.; *их понесло, как дров*

[23] Для этого, а также некоторых других примеров с существительными во мн. числе нельзя, видимо, отрицать возможности партитивного значения.

[24] Некоторые из этих глаголов (например, *забывать, починить*) могли управлять род. падежом в древнерусском языке.

Осиновка Тарногск.Вол. (употребление словоформы *дров* в сравнительном обороте могло быть вызвано формой род.-вин. падежа местоимения, непосредственно сочетающегося с глаголом). Объект, полностью охваченный действием, в двух случаях обозначается местоименной словоформой: *вот я этого забываю* Малетино Пинежск.Арх.(К); *везде всего облазили* Базан Ветлужск.Горьк. Один раз встретилось предложение с одушевленным существительным: *похоронить матери некому дак* Ржаное Озеро Прионежск.Карел.; возможно, что род. падеж объекта спровоцирован в данном случае отрицательным местоимением, выполняющим функцию семантического субъекта. Как видно по сопровождающим примеры географическим пометам, рассматриваемые конструкции зафиксированы в севернорусских говорах и среднерусских — новгородских и владимирско-поволжских. Для южнорусской территории мы располагаем только одним примером — словосочетание имеет, вероятно, фразеологизированный характер (приведено оно без контекста): *дня закладать* (из свадебного обряда) Гнездилова Беленихинск.Белг.

В говорах возможно образование конструкций с род. падежом прямого объекта, семантически эквивалентных конструкциям с вин. падежом, и при участии таких глаголов, которые в литературном языке сочетаются с род. падежом только в конструкциях, имеющих семантику неполного объективирования,— в наших материалах встретились примеры с глаголами *купить, принести, дать* и *взять: купит самовара* Ладва Прионежск.Карел.(ОЛА); *своёй машины купим* Мехикоорма Тартуск.Эст.(К); *братец принёс ковша* Лаврентьево Междуреченск. Вол.(ОЛА); *дайте мне вашего адреса* Офремово Рыбинск.Яр.(ОЛА); *и не знаю, какого тебе совету дать* Счастливка Мценск.Орл.(К); *Люся! чемоданчика взяла?* (речь идет о чемоданчике, который Люся-ветеринар постоянно носит с собой) Малетино Пинежск.Арх.(К); *где его возьмём, бревенчатого этого двора?* Кучки Каменск.Пенз. Можно предположить, что употребление конструкций типа *купить самовара* так же, как и типа *купить муки*, не характеризуется строгой территориальной закрепленностью, но имеющийся материал слишком невелик для того, чтобы это предположение было убедительным.

Следует учитывать еще, что пример из Пензенской обл. (акающие среднерусские говоры) нельзя уверенно отнести к числу конструкций с семантикой полного объективирования, поскольку предложение имеет вопросительный характер (это относится, конечно, и к другим вопросительным предложениям): зависимость между род. падежом объекта и вопросительным характером предложения констатируется во всяком случае для литературного языка XIX в.: конкретизируя определение род. падежа как падежа неполного объективирования, А. М. Пешковский пишет: «Иногда эта неполнота выражается, по-видимому, даже не в разделительности (объемной или временной), а в том, что сам факт перехода действия на предмет возбуждает сомнения, напри-

мер: *Заклад! А где мне взять заклада, дьявол?* (Пушкин), и этим данные словосочетания соприкасаются с рубрикой б) (род. при отрицании)» [Пешковский 1956, 298][25].

В диалектологических материалах конца XIX — начала XX в. так же, как и в современных представлены неотрицательные конструкции с род. падежом, имеющие семантику неполного и полного объективирования. Первые — конструкции с родительным «временного пользования» и родительным партитивным — общерусские и собственно диалектные, в которых род. падеж сочетается с глаголами несов. вида, ср.: *дай мне кобылы; он у меня лошади брал* Шенкурск.у. Арх.губ. [Мансикка 1912, 132]; *дай мне багра* Ежезеро Вытегорск.у.Олон.губ. (М II,571); *дájт'е мн'е р'ешетá* Лужск.у.Лен.губ. [Гринкова 1926, 267]; *хомутá вз'ал* Моложск.у. Яр.губ. [Там же 1926, 240]; *дай-ка мне ножа* Нижег.губ. [Пилашевский 1928, 364]; *дайтя бизьмéньчика пря́жу свесить* Калужкина Мещовск.у. Калуж.губ. [Чернышев 1902[1], 42];

свежих грибков принесла Грязовецк.у.Вол.губ. [Мансикка 1912, 78]; *пшену просыпала* Яхреньга Никольск.у. Вол.губ. (М IX,54); *мамонькя миленькяя, дай пирожкá* Минское и Николы-Трестина Костромск.у.Костр.губ (М IX,141); *на-кось пряничка!* Зашижемское Орловск.у. Вят.губ. (М V,37); *положы́ бу́де уголёчка ф самова́р-то* Суздальск.у. Влад.губ. [Чернышев 1902[2], 20]; *нащепай лучины* Кашинск.у. Твер. губ. [Смирнов 1904, 157]; *ч'ajкá поп'ит'; кваска дат'; супка нал'ит'* Гдовск.у.Лен.губ. [Гринкова 1926, 262]; *дядинькя, дай гастинчикя* Морец Богородский Аткарск.у. Сар. губ. (Т 3, 21); *подать милостыньки* Троицкое Брян.у.Орл.губ. (М IX, 209);

ходят мужики вина пить Холмогорск.у. Арх.губ. [Грандилевский 1907, 69]; *я ел молока* г. Кемь Арх.губ. (М IX,2); *любит вина пить* Порог Онежск.у.Арх.губ. (М IX,4); *на полё икон носим* Никольск.у. Вол.губ. [Мансикка 1914, 215]; *травы́ кос'и́л; хр'аш'ш'у пошла мыт'* Моложск.у. Яр. губ. [Гринкова 1926, 253]; *иногда возят кирпичей к нам* Вача Муромск.у.Влад.губ. (М XI,13); *молока носила; яиц возют; пирога ел* Нижег.губ. [Пилашевский 1928, 364]; *што бох привел, таво едим* Большое Болдино Лукьяновск.у.Нижег.губ. [Чернышев 1933, 75]; *мы с горя перестаем хлеба есть, а мужчины с горя начинают вино пить; кто любит вина пить* г. Мещовск Калуж.губ. [Чернышев 1898, 106]; *просим к нам у го́сьти: хле́би-со́ли на́шай ку́шать, а пе́сян на́ших слу́шать* Калужкина Мещовск.у.Калуж.губ. [Чернышев 1902[1], 167].

Предложений, где имя — прямой объект имеет форму род. падежа и называет при этом предмет, полностью охваченный

[25] Анализируя материал южнорусского говора (Гремяченский р-н Воронежской обл.), В. И. Собинникова пришла к выводу об отсутствии зависимости между употреблением род./вин. падежей объекта и характером предложения (вопросительное/невопросительное), но ее наблюдения относятся только к отрицательным конструкциям [Собинникова 1955[1], 126].

действием, в материалах конца XIX — начала XX в. довольно много. Здесь отмечены глаголы разной семантики, такие, для которых в современном литературном языке управление род. падежом объекта невозможно (*сломить, посадить, поправить, подвинуть, мочить, строгать*...), и такие, которые, управляя род. падежом, употребляются в конструкциях с семантикой неполного объективирования (*съесть, принести, дать, попросить*...), ср.: *поправить сохи, покажи руки́, креста́; покажи-ка мне письма; посмотрить карабля; присняла башмака* Шенкурск.у.Арх.губ. [Мансикка 1912, 132]; *ищу топора* Троицкий приход Шенкурск.у.Арх.губ. (М IX,7); *пошла виника моцить; шальняя собака парню носа вырвала; посмотрить цюгунной дороги; дворця поглидить; одной головы видял; я пойду доски строгать; бириги своёго здоровья; дала совету;* и др. Пудожск.у.Олон.губ. [Мансикка 1914, 164]; *я нашел боровика, масляка, рыжика, березовика, осиновика, красика; я съел гриба* г. Муромля Петрозаводск.у.Олон.губ. (М IV,260—261); *дай под'в'и́ну стола́* Лужск.у.Лен.губ. [Гринкова 1926, 267]; *покажи-ко тоненьких иголок; гриба нашла* Грязовецк.у.Вол.губ. [Мансикка 1912, 78]; *сломил рыжика; съел гриба* Богоявленское-Городищенское Устюжск.у.Вол.губ. (М IX,80); *мы нашли мухомора; я съел гриба* Красногорское Котельничск.у. Вят.губ. (М V,17); *он нашол боровика, груздя, осиновика, рыжика* (М VIII,446); *нашел боровика; увидал белого гриба; посадил подсолнечника* Буйск.у.Костр.губ. [Покровский 1895, 412]; *нашел боровика, ландыша; съел гриба* Костр.губ. [Соколов 1919[1], 23]; *я съел* или *нашел гриба; увез столба; выкорчил пня; увидал боровика* Ростовск.у. Яр.губ [Волоцкий 1902, 14]; *попросила я у маменьки суконнова пальта, показала мне родимая ременнова кнута* г. Углич Яр.губ. [Державина 1927, 102]; *уброзо́в подымать* Арханино Покровск.у.Влад.губ. (М I,341); *радуга — дуга, перебей дождя* Влад.губ. [Чернышев 1898, 107]; *я нашел рыжик,* реже: *рыжика* Вача Муромск.у.Влад.губ. (М XI,13); *посадил тополя* Приход Улома Кирилловск.у. Новг.губ. (М IX,185); *он нашел боровика́; я съел гриба; ён принёс василька* Спасо-Пископицы Новгородск.у. Новг.губ. (М II, 555); *говорить пусто́во; белаво нашел* Терехова-Малахова Белозерск.у.Новг.губ. [Соколовы Б. М. и Ю. М. 1910[1], 64]; *нашел боровика; съел гриба, блина* — общая черта всех псковских говоров — как акающих, так и окающих [Соколов 1919[1], 4]; *видала многава* Прасолово Клинск.у.Моск.губ. [Чернышев 1903, 18]; *на́ душу грича́ сибе брать* Гнилуша Московск.у.Моск.губ. [Там же 1903, 45]; *посмотри двора; нет такова молодца, чтоб обманул винца; Василий ходил за грибами, белого нашел* г.Мещовск Калуж. губ. [Чернышев 1898, 106]; *нашол бурьвика́; едут к жениху двара́ глидеть* Калужкина Мещовск.у.Калуж.губ. [Чернышев 1902[1], 167]; *посмотреть Орла* Темная Трубчевск.у. Орл.губ. (Т 10, 112).

Сравнение материалов конца XIX — начала XX в. с современными дает основание предполагать, что территория распространения диалектных конструкций с род. падежом объекта на протяжении последних десятилетий как бы сжимается в двух

направлениях: с юго-востока на северо-запад и с запада на восток — ср. материалы по владимирским, ярославским, костромским, псковским говорам. Может быть, в конце XIX — начале XX в. диалектные конструкции с род. падежом объекта в какой-то мере были присущи и южнорусским говорам.

Можно предположить также, что первыми утрачиваются конструкции с семантикой полного объективирования, включающие в свой состав такие глаголы, которые в литературном языке род. падежом не управляют. Правда, к приведенному материалу необходимо сделать одно примечание. Среди предложений, имеющих семантику полного объективирования, большое место занимают такие, где употребляется существительное *гриб* или существительные, являющиеся видовыми названиями грибов (данное обстоятельство вызвано наличием соответствующих иллюстраций в диалектологических программах). Может быть, примеры с этими существительными должны трактоваться как конструкции не с род., а с вин. падежом имени, обозначающего живой предмет. Прямое указание на отнесенность грибов в народном сознании к миру живых существ содержится в статье В. П. Мансикки о говоре Шенкурского у. Архангельской губ. [Мансикка 1912, 132] и в ответе на программу 1895—1896 г. по населенному пункту Погост Лукин Великолуцкого у. Псковской губ., составленную Ф. Белявским (М VI, 293). Кроме того, в материалах имеется пример предложной конструкции, где словоформа *рыжики* однозначно определяется как вин. падеж: *наступил на рыжика* Буйск.у.Костр.губ. [Покровский 1895, 412][26]. Интересный случай персонификации отмечен В. П. Мансиккой: *сел на ковры на самолёта* Грязовецк.у.Вол.губ. [Мансикка 1912, 78].

Как видно из изложенного, вариативность вин. и род. падежей объекта в диалектном языке представлена иначе, чем в языке литературном: круг конструкций, где родительный падеж может выступать как конкурент винительного, в части говоров существенно расширен по сравнению с литературным языком. В связи с этим мы и сочли возможным широко пользоваться при рассмотрении диалектного материала определением «родительный прямого объекта».

В диалектологических материалах разного времени встречаются предложения, в которых род. падеж сочетается с инфинитивом, зависящим от глагола движения (типа *ходил посмотрить платко-ф* Пудожск.у.Олон.губ.— Мансикка 1914, 164; *пойду травы рвать* Добродеевка Злынковск.Брян.; *приехали смотреть нашего дому* Корытово Медвежьегорск.Карел.(К)). В литературе имеются высказывания о том, что такого типа предложения являются рефлексом супинной конструкции [Чернышев 1902[2],

[26] В форме род.-вин. падежа данные существительные отмечены и в современных говорах: *нашёл одного гриба* Заполек Маловишерск. Новг.; *гриба белого нашла большоханного* Гатика Киришск. Лен.; *я гриба нашел* Засобье Осьминск. Пск.

167; Пеньковский 1975[2]]. Не отрицая, конечно, определенной роли супинной конструкции в истории род. падежа объекта, подчеркнем, что как для современных говоров, так и для говоров конца XIX — начала XX в. имеющиеся материалы позволяют констатировать отсутствие зависимости падежа объекта от формы глагольного компонента: предложения, в которых род. падеж сочетается с инфинитивом, зависящим от глагола движения, не характеризуются большей частотой употребления, чем предложения с другой глагольной формой. Не менее существенным представляется и тот факт, что в материалах (включая данные известных нам диалектологических работ) не встретилось примеров, где бы зависящий от глагола движения инфинитив сочетался с род. падежом такого существительного, которое не встречается при других глагольных формах (иначе в языке фольклора — ср. приведенные А. Б. Пеньковским примеры с одушевленными существительными из былин: *А поехали они к Царюграду Отымать царици Соломанихи; И приходил... сватать молодой жоны Настасьи Микуличной* — Пеньковский 1975[2], 88; из фольклора же, видимо, заимствован и пример: *пошол воровать Илены прикрасной* — Мансикка 1914, 164).

С супинной конструкцией исследователи связывают и предложения типа *пошел воды, пошел рыбы*, распространенные в современных говорах на западе РФ, а также в части белорусских и украинских говоров [Пеньковский 1975[2]; Собинникова 1984, 253]. Предложения типа *пошел рыбы* А. Б. Пеньковский квалифицирует как конструкции с эллипсисом глагольного обстоятельства цели, в которых род. падеж принимает на себя целевое значение, соединяя его с объектным: *пошьлъ есть ловитъ рыбы→пошел рыбы* [Пеньковский 1975[2], 87]. В современных говорах данные конструкции функционируют в ряду объектно-целевых (материал, которым мы располагаем, извлечен из ответов на вопрос 133 Программы ДАРЯ). В составе конструкций с род. падежом встретились следующие глаголы: *идти, пойти, прийти, ходить, сходить, бегать, сбегать, поехать, слазить*. Именной компонент, за единичными исключениями,— вещественное существительное (более, чем в половине примеров,— существительное *вода*); в отдельных случаях именной компонент представлен одушевленным существительным. Вот некоторые примеры: *пойду воды* Крутцы Новоржевск.Пск.; *надо воды ходить* Атрепово Локнянск.Вел.; *я-то травы не ходила* Большое Захарьевское Всходск.Смол.; *водички схожу; ходила крапивы; ходил керосину* Чебуши Спас-Деменск.Калуж.; *сбегай водички* Сильково Перемышльск. Калуж.; *пришел табаку; пошла воды; поехали дубу* Маковье Выгоничск.Брян.; *травы сходите; в погреб слазить капусты* Хотылёво Брянск.Брян.; *соломки сходить; иду воды; иди дедки* Уты Выгоничск. Брян.; *пойдём воды; беги председателя; пойди председателя* Нижне-Песочная Конышевск.Кур.; *иди сходи воды в колодезь* Сторожевое Больше-Солдатск.Кур.; *пошла воды* Старая Ивановка Ровеньск.Белг. Соотносительность данных конструкций с пред-

ложными объектно-целевыми (в которых именной компонент выражается сочетанием предлога *по* с вин. падежом или сочетанием предлога *за* с тв. падежом) подтверждается наличием случаев беспредложного употребления вин. и тв. падежей имени, называющего тот предмет, который является целью движения: *иди лопату* Уты Выгоничск.Брян.; *пойду водой* Вишнево Беловск.Кур.

АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Фиксацию конструкций со значением принадлежности предусматривает только одна из диалектологических программ — Вопросник ОЛА: вопрос 2906° касается выражения принадлежности (в широком плане) в предикативных конструкциях *(у нас украли овцу, у нас пропала собака)*; вопросы 2996—3000° посвящены атрибутивным словосочетаниям, выражающим принадлежность лицу,— с притяжательными прилагательными, образованными от существительных разных грамматических групп, и с род. падежом существительных *(Иванов дом // дом Ивана; ... сестрин платок // платок сестры)*; вопрос 2844° предусматривает возможность функциональной соотносительности конструкций, включающих в свой состав атрибутивные словосочетания со значением принадлежности, и конструкций, в которых данное значение оформляется на предикативном уровне *(моя мать больна;* болг. *майка ми е болна // мать у меня больна)*. В соответствии с данными ответов на эти вопросы, относящимися к русским говорам, представляется целесообразным остановиться, во-первых, на соотношении конструкций с притяжательными прилагательными и с род. падежом принадлежности и, во-вторых, на конструкциях с дат. падежом принадлежности. Так как материал по указанным вопросам собирался только в тех населенных пунктах, которые образуют редкую сетку ОЛА, явления могут быть охарактеризованы далеко не с той полнотой, какой они заслуживают.

Вопросник ОЛА предусматривает фиксацию как нераспространенных, так и распространенных определений со значением принадлежности. Конкуренции нераспространенных определений, выраженных притяжательными прилагательными и род. падежом соотносительных с ними существительных, посвящены вопросы 2996—2999°. Конструкции дифференцируются в зависимости от грамматических признаков того существительного, которое выступает в род. падеже или является производящим для притяжательного прилагательного. Согласно формулировкам вопросов, выделяются конструкции со следующими группами существительных: собственными именами муж. рода с основой на согласный *(Иванов дом // дом Ивана)*; уменьшительными собственными именами муж. рода *(Ванин нож // нож Вани)*; существительными муж. рода с основой на согласный, обозначающими лиц *(отцов нож // нож отца)*; существительными жен. рода, обозначающими лиц *(сестрин платок // платок сестры)*. Для

всех выделенных случаев основным способом выражения нераспространенного определения являются в говорах притяжательные прилагательные, но при этом относительная частота употребления образований от существительных разных групп неодинакова. Приведем данные о количестве примеров с притяжательными прилагательными и с род. падежом принадлежности для каждой из выделенных в Вопроснике ОЛА группы конструкций; в скобках указывается выраженная в процентах доля этих примеров во всем материале по конструкциям соответствующей группы; для краткости каждый тип примеров обозначается при помощи конкретного словосочетания:

Иванов дом	— 82 (~71)	Дом Ивана	— 34 (~29)
Ванин нож	— 130 (~93)	Нож Вани	— 10 (~ 7)
Отцов нож	— 197 (~79)	Нож отца	— 53 (~21)
Сестрин платок	— 197 (~86)	Платок сестры	— 32 (~14)

Из приведенных цифр видно, что наиболее редко род. падеж выступает в тех случаях, когда выражается принадлежность лицу мужского пола, названному собственным уменьшительным именем.

Дифференцированный анализ материалов, относящихся к разным говорам, позволяет предположить, что относительная частота употребления конструкций с притяжательными прилагательными и с род. падежом принадлежности несколько варьируется по говорам. Приведем данные о количестве примеров рассматриваемых конструкций, имеющихся в материалах по разным группам говоров; в скобках указывается выраженная в процентах доля этих примеров во всем материале по конструкциям с нераспространенным определением, относящимся к тем же говорам:

Говоры	Конструкции с притяжат. прилагат.	Конструкции с род. падежом принадлежности
Севернорус.	229 (~81)	54 (~19)
Зап. среднерус. и калинин.	121 (~75)	40 (~25)
Вост. среднерус.	55 (~92)	5 (~8)
Южнорус.	201 (~87)	30 (~13)

Очевидно, что небольшое количество имеющихся примеров снижает достоверность проведенных подсчетов, но следующее из них основное положение — о наименьшей употребительности конструкций с род. падежом принадлежности в южнорусских говорах и восточных среднерусских (за исключением калининской группы) — подтверждается фактом употребления здесь притяжательных прилагательных даже в конструкциях с распространенным определением.

В Вопроснике ОЛА (вопрос 3000°) спрашивается о возможности употребления наряду с предложениями, в которых выс-

тупает род. падеж принадлежности, распространенный притяжательным местоимением *(сын моего брата)*, предложений с притяжательным прилагательным и притяжательным местоимением (словац. mojho bratov syn). В русских говорах повсеместно распространены конструкции типа *сын моего брата*, но дважды отмечены примеры с прилагательным и местоимением: *у ее отцова брата* ('у брата ее отца') Кунилово Талдомск.Моск. (ОЛА); *его матрина сестра* Темёшево Шацк.Ряз. (ОЛА). Фиксации других случаев выражения распространенного определения Вопросник не предусматривает, однако в материалах ОЛА приводится ряд примеров с притяжательными прилагательными, эквивалентных общерусским конструкциям с род. падежом принадлежности, имеющим при себе приложение *(сын дяди Вани, корова тёти Нюры)*. Эти диалектные примеры делятся на группы.

1. Конструкции с род. падежом принадлежности, распространенным притяжательным прилагательным, образованным от имени собственного: *тётки Палагеина Манька* Кунилово Талдомск.Моск. (ОЛА); *у дяди Пашеной сестры* Кочергино Солнечногорск.Моск. (ОЛА); *около тёти Васениной избы* Комарово Семеновск.Горьк. (ОЛА); *дяди Ванин сын* Кузьминские Отвержки Липецк.Лип. (ОЛА); *тётка Нюркина корова* Нижняя Мосоловка Усманск.Лип. (ОЛА). Аналогичный пример отмечен В. И. Собинниковой в Гремяченском р-не Воронежской обл.: *В Руткине ест' тётки Нюркина хрёсная* [Собинникова 1961, 126]. В одном случае притяжательное прилагательное образовано от фамилии и сочетается с род. падежом существительного, называющего имя лица: *на Гриши Зеленковом усаде* Комарово Семеновск.Горьк. (ОЛА).

2. Конструкции с двумя притяжательными прилагательными, одно из которых образовано от собственного имени, другое — от нарицательного; *бабина Машкина могила; нашу и дядину Санину избу* Теребутицы Солецк.Новг. (ОЛА); *дядин Ванин сын; тёткин Машкин брат* Кузьминские Отвержки Липецк.Лип. (ОЛА); *тёткина Нюркина корова* Нижняя Мосоловка Усманск.Лип. (ОЛА); *дядин Ванин сын* Козилово Холм-Жирковск.Смол. (ОЛА). Конструкции разного типа иногда отмечаются в одном и том же населенном пункте (см. примеры из деревень Кузьминские Овержки и Нижняя Мосоловка; в ответе из второй деревни имеется замечание о том, что предложения с двумя притяжательными прилагательными употребляются реже).

Как видно из географических помет при примерах, почти весь материал по таким конструкциям, где лицо, которому что-то принадлежит, названо сочетанием притяжательного прилагательного с другим именем — существительным, местоимением или вторым прилагательным, относится к южнорусским или восточным среднерусским говорам (исключение составляют два примера, зафиксированные в д. Теребутицы Солецкого р-на Новгородской обл.). Конструкции с двумя притяжательными

прилагательными отмечены в говорах украинского языка — как на территории Украины, так и в украинских селах на юге РФ, ср.: 'd'ad'kiu̯ I'vaniu̯ syn Кегичівка Кегичівськ.Харківськ. (ОЛА); moto'cyk̂ d'ad'kiu̯ 'Was'kyn Танюшівка Новопсков.Ворошиловград.(ОЛА); to syn 'd'ad'k'iu̯ 'Mikolin Великая Халань Корочанск.Белг.(ОЛА); syn 'd'ad'kiu̯ I'wani̯u̯ Новоосиновка Острожск.Вор.(ОЛА).

Как известно, широкое употребление в качестве нераспространенного определения притяжательных прилагательных, выражающих принадлежность лицу, было свойственно литературному русскому языку еще в первой половине XIX в. [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе словосочетаний, 1964, 139—140] — таким образом, современные говоры сохраняют то состояние, которое было в недавнем прошлом общерусским. Материалы ОЛА дают основание думать, что в южнорусских и восточных среднерусских говорах позиции рассматриваемых притяжательных прилагательных несколько более прочные, чем в говорах севернорусских и западных среднерусских. Что касается конструкций с притяжательными прилагательными в распространенном определении, то они были утрачены литературным языком раньше[27]: уже в «Российской грамматике» Ломоносова рекомендуется распространенное определение в отличие от нераспространенного выражать при помощи род. падежа (*стихи Гомеровы*, но *стихи Гомера стихотворца*). Это положение повторяется в ряде грамматик второй половины XVIII в. [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе словосочетаний, 1964, 135—136]. Однако в бытовой, непринужденной разговорной речи эти конструкции сохранились, причем употребителен тот их вариант, где изменяется только вторая часть сочетания — конструкции с род. падежом существительного и притяжательным прилагательным. Специалистами по разговорной речи они рассматриваются как случаи вербализации высокочастотных сочетаний, имеющих номинативную функцию: сочетания типа *дяди-Ванин, тети-Анин* по существу превращаются в слово [Земская 1979, 126]. Связь рассматриваемых диалектных фактов с явлением вербализации сочетаний подтверждается наличием в говорах и таких единиц, где первая часть выражена им. падежом: *на Иван Ефимовом пруде* Кунилово Талдомск.Моск. (ОЛА); *за кум-Тишкиным дваром* (ходит корова) Архангельское Гремяченск.Вор. [Собинникова 1961, 126] — в разговорной речи вербализованные сочетания с им. падежом в первой части также известны, ср.: *ты любишь Жюль Верна? ты Валентин Семеныча не встретил?* [Земская 1979, 79—80]. Единичные случаи употребления выражающих принадлежность сочетаний, состоящих из род.

[27] В памятниках древне- и старорусского периода широко представлены конструкции как с род. падежом и притяжательным прилагательным, так и с двумя притяжательными прилагательными [Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Члены предложения, 1968, 83—86].

(им.) падежа существительного и притяжательного прилагательного, отмечаются в художественной литературе: *до отца протопопова дома; на отца Захарьину трость* (Лесков, «Соборяне»); *на шестую весну Катерины Львовниного замужества* (Лесков, «Леди Макбет Мценского уезда»); *не прикажете ли сбегать к Николай Михайловичеву Кузьме* (Герцен, «Былое и думы»)[28]. В связи с тем что употребление распространенных определений с притяжательными прилагательными предстает в диалектной речи как явление локализованное, возникает вопрос о том, не принадлежат ли сочетания типа *дяди-Ванин, тёти-Анин* к числу таких черт разговорной речи, которые в той или иной мере связаны с территорией. Данный вопрос требует, конечно, специального изучения. Может быть, не случайно в художественной литературе подобные конструкции отмечены у Лескова, уроженца юга России, и у москвича Герцена?

Как известно, субстантивные сочетания с дат. падежом, имеющие семантику принадлежности, предназначенности, отнесенности, употреблявшиеся в языке древне- и старорусских памятников[29], в литературном языке XVIII — первой половины XIX в. постепенно заменяются другими структурами — прежде всего конструкциями с род. падежом [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе словосочетаний, 1964, 160—172][30]. До настоящего времени в качестве общерусских сохранились только семантически ограниченные предикативные конструкции с дат. падежом: «В подлежащно-сказуемостные предложения, сообщающие о родственных, социальных и других отношениях лиц может вводиться беспредложный дат. п. местоимения или названия лица, обозначающий непосредственную отнесенность к кому-н. или предназначенность для кого-н.: *...Она бабушка не нам, а маме* (разг. речь); *Гусь свинье не товарищ* (посл.)... Распространяющий дат. п. со значением отнесенности к кому-н. или предназначенности для кого-н. имеет объектно-определительное значение...» [Русская грамматика 1980, т. 2, 146]. Приведем несколько примеров таких конструкций, отмеченных на территории разных русских говоров: *Никифор брат Василию* Пылема Лешуконск. Арх. (ОЛА); *он мне внук* Михалево Ефимовск.Лен. (ОЛА); *он — дядюшка ему* Митиха Харовск.Вол. (ОЛА); *он крёсный ему будет* Гридино Красносельск.Костр. (ОЛА); *она золовка будет моей*

[28] На неразложимость подобных сочетаний указал еще Шахматов; по поводу примера из «Былого и дум» он пишет: «Сочетание *Николай Михайлович* рассматривается как одно слово, как одно нераздельное сочетание» [Шахматов 1941, 289].

[29] Ср.: ныне же паки водою ѡчищю грѣхи *чловимь* Лаврентьевская летопись; жадает *ми* душа пития Сатиры о пьянстве [Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Члены предложения, 1968, 198].

[30] Дат. падеж принадлежности (в широком смысле) оказался нестойкой единицей и в других славянских языках [Собинникова 1976].

сестре Шихириха Пученск.Иван. (ОЛА); *я Сашке сосед* Клин Наро-Фоминск.Моск. (ОЛА); *она мне дочка, а не сестра* Теребутицы Солецк. Новг. (ОЛА); *он ей кум* Нижняя Мосоловка Усманск.Лип. (ОЛА); *она мне сестра* Добрынь Кромск.Орл. (ОЛА); *он шефом был нашему полку* Секерино Глушковск. Кур. (ОЛА).

В диалектологических материалах конца XIX — начала XX в., а также середины XX в. изредка встречаются субстантивные сочетания с дат. падежом, выражающие принадлежность, предназначенность, отнесенность к кому(чему)-нибудь, ср.: «Вместо *хозяин дома, наставник детей, распорядитель имущества* — в Куростров часто скажут: *хозяин дому, наставник детям, распорядитель имуществу*; вместо *царь народа, отец мира* — говорят *царь народу, отец миру*» Куростров Холмогорск.у.Арх.губ. (М VIII,397); *церковь Спасу да Ивану; праздник Афанасьям, Петрам, Покровам, Успеньям, Стретеньям* и т. д. Холмогорск. у.Арх.губ. [Грандилевский 1907, 70]; *хозеин дому; не знаю названия ему; номер улице; сестра старику мать-та нему родная* и др. Шенкурск.у.Арх.губ. [Мансикка 1912, 136]; *тут был ему помощник; хозеин дому идёт* (о коте); *бухгалтеру дочка* (ответ на вопрос: кто эта девочка?); *вот Алексею-то божью человеку икона была* Малетино Пинежск.Арх. (К); *он ей придё братан; моёму-ту мужу сёстра*; есь *ешчо этому мужыку брат; как јим фамиль-та* Пудожск.у.Олон.губ. [Мансикка 1914, 170]; *церковь-то Ильи Пророку; а операцию соскý делать нельзя* Типиницы Медвежьегорск.Карел. (К); *ей деверь, значит, был посажен; два Ивану-дни* ('два престольных праздника') Вороний Остров Медвежьегорск.Карел.(К); *хозяин дому-ту* Ефремково Лодейнопольск.Лен. (К); *дак это мать ему была* Шамокша Лодейнопольск.Лен. (К); *этому дому хозявы все умерли; фамилия ей Потапова* Рыло Южск. Иван.[31]; *назавтра Ильи Пророку праздник* Ямок Новгородск.Новг.(К); *мужу брат приехавши в гости* Мехикоорма Тартуск.Эст.(К); *ему* (глазу) *и операцию не сделали* Зарасайск. р-н Литвы [Шулене 1964, 57]; *был посеву-то приехавши подгоняла* Замежничье Гдовск.Пск.(К); *помощник булга́хтеру* (детальный определения) г. Мещёвск Калуж.губ. [Чернышев 1901[2], 32]; *я ня вижу морю дна* Орл. губ. [Будде 1904, 507]; *Ивану жына пашла абмянит' муку* Кур.обл. [Денисевич 1959, 156]; *комендант городу званит'; пришол адин из етьва из нашьва калхозу памошник яму; аказальс' кастрец, где самая сугибина нагам* Гремяченск. р-н Ворон.обл. [Собинникова 1961, 143]; *у ниво парок сердцу* Брасовск. р-н Брян.обл. [Иванова 1953, 209].

Ответы на соответствующие вопросы Вопросника ОЛА несколько пополняют материал, относящийся к конструкциям с дат. падежом, но, к сожалению, в большинстве случаев сочетания с дат. падежом приводятся здесь без контекста, поэтому не могут быть уверенно квалифицированы как субстантивные (а не

[31] В этом населенном пункте отмечено также предложение, где дат. падеж употреблен вместо формы род.-вин. падежа имени: *схватил отцу за бороду*.

часть предикативных единиц типа *она сестра ему*). Приведем весь материал — как примеры субстантивных сочетаний, так и примеры, которые могут быть таковыми: *отцу сестра тётя; отцу сестра была там взамужем; мужику брат; сестра моему мужу; еговому деду племянник* Койда Мезенск.Арх. (ОЛА); *отцу моему мать; отцу-то мати; брат ему* Долгощелье Мезенск.Арх. (ОЛА); *племенница Василию* Пылема Лешуконск.Арх. (ОЛА); *моему хозяину сестра; моему мужу дядюшка* Ступино Няндомск.Арх. (ОЛА); *отцу братья дяди были* Горка Великоустюгск. Вол. (ОЛА); *отцу отец; сестра жениху* Митиха Харовск.Вол. (ОЛА); *Байлов фамилия-то ему; забыл названье-то ей; названьето им, этим пичужкам* Комарово Семеновск.Горьк. (ОЛА); *моему брату жена* Рогово Навашинск.Горьк. (ОЛА); *а где папа им?* Подборовье Гдовск.Пск. (ОЛА). С точки зрения выражаемых отношений, субстантивные диалектные конструкции с дат. падежом могут быть, видимо, определены как атрибутивные *(Ивану жена, отцу сестра)*, объектные *(операция соску)* и атрибутивно-объектные *(помощник бухгалтеру, хозяин дому)*. Все эти типы конструкций встречаются в литературном языке еще начала XIX в. [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе словосочетаний, 1964, 162—172]. Рассматриваемые конструкции спорадически отмечаются в разных говорах, но можно заметить, что бóльшая часть материала как конца XIX — начала XX в., так и современного относится к архангельским говорам[32].

---

[32] Помимо субстантивных сочетаний, в говорах употребляются диалектные конструкции с дат. падежом, соотносительные с такими общерусскими, в которых выступает субъектный распространитель «*у* + род. падеж», называющий носителя состояния, обозначенного предложением в целом [Русская грамматика 1980, т. 2, 128—129], ср.: *мне там доцька есь* Шенкурск. у. Арх. губ. [Мансикка 1912, 136]; *именины были Володе-пареньку* Гимрека Лодейнопольск. Лен. (К); *мне уже год пятнадцать глазы испортились; мне время нет; мне голова болит* и др. Зарасайск, р-н Литвы (Шулене 1964, 55—56]; *яму бачка балят* Брасовск. р-н Брянск. обл. [Иванова 1953, 209]. В материалах ОЛА зафиксирован ряд таких примеров: *ей ноги отняло* Сиуч Бабаевск.Вол. (ОЛА); *моей-то бабушке есь в Воронкове подружка* Офремово Рыбинск.Яр. (ОЛА); *сколько ему классов кончено?* Оскуй Чудовск.Новг. (ОЛА); *мне грудь здоровая; нам украли овцу; как тебе боки не заболят; ему горячка была* Тумалины Игналинск.Лит. (ОЛА); *скольки мне принято худого* Медведево Торопецк.Калин. (ОЛА); *тебе нет мамы; валяйся он мне в ногах — не надо, ещё мене мужик есть; и Тамарка мне не крещёна* Хотилицы Андреапольск. Калин. (ОЛА). И эти конструкции с дат. падежом — так же, как субстантивные сочетания — не имеют в русских говорах определенной локализации. (В говорах белорусского и украинского языков наиболее распространенными являются семантически ограниченные конструкции типа *мне баліць галава, мене (мені) болит голова* — они характеризуются западной локализацией, см.: Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, 1963, карта 223; Атлас української мови, 1, 1984, карта 280.) Как известно, конструкции с дат. падежом, который распространял не только имя, но и глагол-предикат, употреблялись и в древнерусском и в старорусском языке (а также в старобелорусском и староукраинском) [Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Члены предложения, 1968, 202—203].

Глава вторая

ПРЕДЛОЖНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Диалектные различия в области предложных словосочетаний сводятся к следующим основным типам: I — в составе конструкций одной и той же семантики предлоги сочетаются по говорам с разными падежными формами имени; II — предлоги по-разному функционируют в говорах (участие в образовании конструкций разной семантики; возможность сочетания с разным кругом именных лексем в составе конструкций одной и той же семантики); III — в одних говорах имеются, в других отсутствуют определенные модели словосочетаний, что́ обусловлено наличием // отсутствием по говорам отдельных предлогов. Подлежащий рассмотрению в данной главе материал распределен — в соответствии с перечисленными типами различий — по трем разделам, но при этом различия в сочетаемости предлогов с падежными формами имени, относящиеся к необщераспространенным конструкциям, и различия в сочетаемости необщераспространенных предлогов описываются не в I, а соответственно во II и III разделах.

I ТИП РАЗЛИЧИЙ

В разделе I рассматриваются конструкции с предлогами *возле, подле, мимо* и род.// вин. падежом имени; с предлогами *над, под, перед* и вин.// тв. падежом имени; с предлогом *между* и род.// вин.// тв. падежом имени; с предлогом *по* и дат.// предл. падежом имени во мн. числе.

Конструкции с предлогами *возле, подле, мимо* и род.// вин. падежом имени

Наречные предлоги *возле, подле, мимо* в древнерусском языке сочетались обычно с вин. падежом; вытеснение винительного падежа родительным происходило в рамках старорусского периода [Букатевич 1957, 81—83, 88—89]. Изменение характера сочетаемости с именем предлогов *возле, подле, мимо* вызвано, видимо, процессом вовлечения в сферу род. падежа всех предлогов со значением лишения, отсутствия чего-нибудь *(мимо)* и значением принадлежности, близости *(возле, подле)* [Виноградов 1947, 684][1]. Возможность управлять вин. падежом (наряду с родительным) данные предлоги сохранили в части современных говоров. Фиксация пространственных конструкций со всеми тремя названными предлогами предусматривается диалектологической программой середины XX в. (вопрос 134, пункты *а, б, д*), конструкций с предлогами *возле* и *мимо* — также программой конца XIX в., предназначенной для работы по северновеликорусским говорам (в изд. 1895 г. вопрос 109, в изд. 1896 г.— 108, в программе 1900 г. вопрос 246).

[1] Иначе объясняет этот факт Т. П. Ломтев [Ломтев 1956, 295].

По материалам середины XX в., регулярное употребление конструкций с предлогами *возле, подле* и вин. падежом имени имеет место в севернорусских говорах на северо-востоке европейской части России (Архангельская, Вологодская, Кировская области, а также северо-восточная часть Костромской обл., см. карту 2)[2]. За пределами этой территории отмечены только единичные факты — почти все они относятся к северно- и среднерусским говорам. Приведем некоторые примеры из материалов по говорам, характеризующимся регулярным употреблением рассматриваемых конструкций, и весь материал с территории всех остальных говоров: *идёшь возле осек; возле самой-от тын едет* Климовская Вельск.Арх.; *возле берег плыла* Лукинское Вельск. Арх.; *подле гору ехали* Орлово Устьянск.Арх.; *подле речку не растут дрова* Евда Красноборск.Арх.; *стог сена вон там возле лес* Тарасонаволоцкая Устьянск.Арх.; *возле окно прошел* Горка Соровская Кирилловск.Вол.; *она возле лавку-то бродит* Папино Верховажск.Вол.; *подле невесту сватья* Полесовская Верховажск. Вол.; *возле это место лежит; подле дом чурка дров* Яхренга Сеямженск.Вол.; *подле дорогу растёт* Заболотье Никсенск.Вол.; *подле землю пролетел* Яковлевская Гора Подосиновск.Кир.; *возле печь ход* Ровдино Подосиновск.Кир.; *возле полотно ехали* Ончуровская Шабалинск.Кир.; *садится возле пряху* Баженово Яранск.Кир.; *сидит возле невесту* Васильева Солигаличск. Костр.; *возле речку и растёт наша рожь* Кильны Кологривск. Костр.; *дом возле лес* Кривцово Шарьинск.Костр.; *возле корень гнездышко* Писари Тоншаевск. Горьк.;

возле кустарник, возле лес Люговичи Лодейнопольск.Лен.; *возле сад* Ратилово Тихвинск.Лен.; *возле речку* Мишаково Чебсарск.Вол.; *возле лес, подле реку* Ваганово Лежск.Вол. (данные населенные пункты Вологодской обл. находятся за пределами территории регулярного употребления конструкций); *возле речку* Свинариха Пошехоно-Володарск.Яр.; *возле речку, подле лес* Буйкино Большесельск.Яр.; *возле лес* Панфилово Арзамасск.Горьк.; *возле лес, возле стул, возле гору, возле дом, возле стол* Овечкино Оршанск.Марийск.; *возле лес, речку; подле лес* Кучки Медведевск. Марийск.; *возле лес* Соколово Дмитровск.Моск.; *подле лес* Токариха Краснохолмск.Калин.; *подле лес* Бараново Больше-Козловск.Калин.; *возле село* Александрово Лихославльск.Калин.; *подле гору, подле лес* Шарья Маловишерск.Новг.; *подле гору, подле лес* Нижнее Станино Дрегельск.Новг.; *возле лес* Малый Уторгош Уторгошск.Новг.; *подле гора* Раменье Дновск.Пск.[3]; *возле гору* Покитино Батуринск.Смол.; *возле село* Турмасово Мичуринск. Тамб.; *возле лес, возле сад* Чихачевка Жердевск. Тамб. Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что в материалах,

---

[2] К территории, очерченной изоглоссой, относятся также отдельные населенные пункты Горьковской обл.

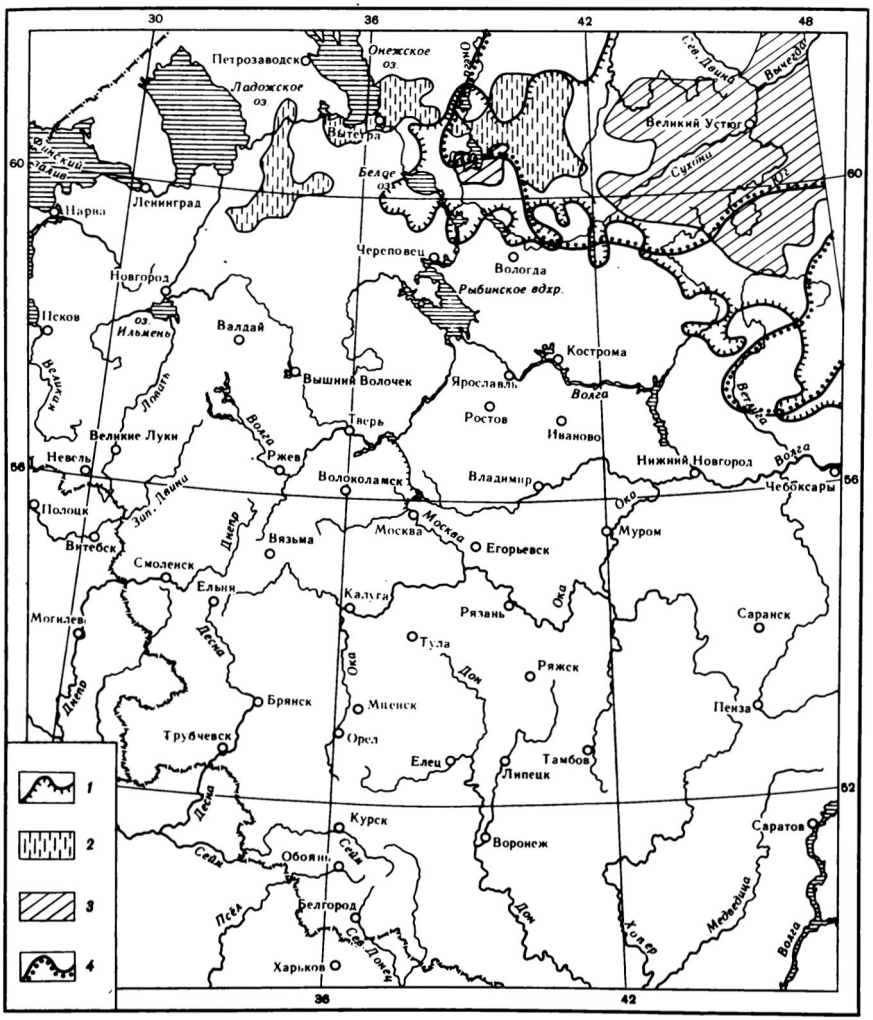
[3] Об употреблении им. падежа имен на *-а* вместо винительного в предложных конструкциях см. в разделе «Именительный падеж имени в функции прямого объекта. Конструкции с им. падежом ед. числа существительных жен. рода».

относящихся к населенным пунктам за пределами территории регулярного употребления конструкций, 3/4 примеров совпадает с иллюстрациями программы — это сочетания предлогов *возле, подле* с существительными *лес, река, гора.*

В говорах, характеризующихся регулярным употреблением конструкций типа *жить возле (подле) лес*, отмечаются также случаи сочетания с вин. падежом предлога *около*, синонимичного предлогам *возле, подле* (этот материал приводится обычно в ответах по вопросу 134): *около огород, волосы, глаз* Избное Коношск.Арх.; *около лес* Большой Двор Белозерск.Вол.; *около лес* Почтовый Починок Кичменско-Городецк.Вол.; *около но́ги* Райлово Сеямженск.Вол.; *около лес* Ивановское Межевск.Костр.; *коло печка* Шаблово Кологривск.Костр.; *коло речку* Емельяново Уренск.Горьк. Один случай отмечен в Псковской обл.: *около вода* (здесь и *подле гора*) Раменье Дновск. Конструкции с вин. падежом имени и предлогом *около* представляют собой новообразование (очевидно, аналогического характера), так как предлог *около* и в древнерусском языке сочетался с род. падежом [Букатевич 1957, 87].

Почти весь материал конца XIX — начала XX в. по диалектным конструкциям с предлогами *возле, подле* (примеры с предлогом *подле*, не предусмотренном программой, также встречаются в ответах) относится к архангельским и вологодско-вятским говорам; по одному свидетельству имеется из Новгородской и Костромской губерний. Кроме того, явление отмечено на той территории, где в настоящее время оно, видимо, отсутствует — на территории олонецких говоров: *возле дороги* и *возле дорогу* Кончезеро, Великая Губа, Вырозеро Петрозаводск. у. и Ладва, Ивина Вытегорск. у. Олон. губ. (М V,9); *возле дорогу добро* (рожь); *возле дорогу лежит зло* (огонь) Олон. губ. [Колосов 1877, 201 и 202].

Конструкции с вин. падежом имени и предлогом *мимо* отмечаются в настоящее время в севернорусских говорах. В материалах, собранных для составления диалектологического атласа русского языка, имеются всего два примера, зафиксированных на территории среднерусских говоров: *мимо сад* Озёрки Залучск. Новг.; *шла мимо деревни* Ново-Каменск.Калин. В отличие от рассмотренных конструкций с предлогами *возле, подле* конструкции типа *проехали мимо твой дом* больше распространены в западной части севернорусских говоров — в говорах ладого-тихвинских, онежских и западной части вологодских (Архангельская, Ленинградская и Вологодская области), в восточной части вологодских говоров явление представлено разреженно (карта 2). Сочетание предлога *мимо* с вин. падежом отмечено также в двух населенных пунктах на территории костромских говоров (Золотовское Тоншаевск.Горьк.; Видякино Корялковск.Кир.). Приведем примеры: *я иду мимо капустника, мимо вашу байну* Лазаревская Каргопольск.Арх.; *мимо его дом шёл* Дор Коношск.Арх.; *мимо дом прошёл, мимо деревню шёл; мимо стол положил* Нечаевское Коношск.Арх.; *прошла мимо сад* Заболотная Коношск.

Карта 2

1, 2 — территории регулярного употребления конструкций типа: *1* — *жить возле (подле) лес*, *2* — *ехать мимо избу*; *3, 4* — территории, в пределах которых отмечается употребление конструкций типа: *3* — *ехать мимо избу* (спорадически); *4* — *висеть над стол, стоять под окно* (относительно часто)

Арх.; *мимо могилу за водой* Горка Мгинск.Лен.; *мимо речку шёл* Верховина Средняя Волховск.Лен.; *пройдёшь мимо полянку, мимо пожню* Михалёво Ефимовск.Лен.; *проходила мимо твой огород* Усадище Тихвинск.Лен.; *мимо столовую проехал* Анхимово Вытегорск.Вол.; *вы не мимо реку шли*? Макаревская Харовск.Вол.; *Вага протекает мимо плёсо* Плесовская Верховажск.Вол. В материалах конца XIX — начала XX в. случаи сочетания предлога

мимо с вин. падежом имени единичны — относятся они к территории Олонецкой, Архангельской и Вятской губерний.

В материалах, собранных для составления диалектологического атласа русского языка, встретились единичные примеры, где именной компонент при предлоге *возле, мимо* состоит из существительного в винительном падеже и определения к нему, выраженного местоимением,— в родительном: *возле самой стену* Житьево Сеямженск.Вол.; *мимо нашего гумно* Тудозеро Вытегорск.Вол.

Конструкции с предлогами *над, под, перед* и вин.// тв. падежом имени

Предлоги *над, под* и *перед* в древнерусском языке были параллельны по характеру сочетания с формами имени: в пространственных конструкциях — в зависимости от их значения — данные предлоги употреблялись с двумя падежными формами: с тв. падежом при обозначении места действия и с вин. падежом при обозначении направления движения. Первым утратил двойное управление предлог *над* (случаи сочетания его с вин. падежом уже в XVIII в. отмечаются как единичные); предлог *перед* мог сочетаться с вин. падежом имени еще в первой половине XIX в. (подборку примеров см. в кн.: Булаховский 1954, 367); предлог *под* сохранил двойное управление до настоящего времени. В современных говорах имеют место и архаические явления — употребление предлогов *над* и *перед* с двумя падежами и новообразование — употребление предлога *под* с тв. падежом в конструкциях со значением направления движения. Об употреблении предлогов *над* и *перед* спрашивается в программе середины XX в., по которой был собран материал для составления атласа русского языка (вопрос 134, пункты *в, г*), предлогов *над* и *под* — в Вопроснике ОЛА (вопросы 2910, 2911°).

Употребление предлогов *над* и *перед* с вин. падежом, по-видимому, ни в каких современных говорах не является регулярным. Можно только выделить ту часть территории севернорусских говоров, на которой имеет место концентрация населенных пунктов, где отмечены конструкции типа *повесить над дверь, поставить перед окно*: эта территория, охватывающая частично говоры ладого-тихвинские, онежские, архангельские, вологодско-вятские, костромские, как бы объединяет территории распространения сочетаний с вин. падежом предлогов *возле, подле* и предлога *мимо* (см. карту 2). Отдельные же случаи употребления рассматриваемых конструкций фиксируются и в среднерусских, и в южнорусских говорах. Вот некоторые примеры: *положи над окно* Песчанка Сольвычегодск.Арх.; *наклонилась над вода, над стол, над кровать, над ребёнка, над меня* Спасское Устьянск.Арх.; *над стол лампу весили* Веригинская Устьянск.Арх.; *повесили над окно; над стол повесь* Тамица Онежск.Арх. (ОЛА); *повесить над кровать надо* Ступино Няндомск.Арх. (ОЛА); *над ведро, над стол* Усланка Подпорожск.Лен.[4]; *над таз, над люлька* Люговичи Ло-

[4] К сожалению, предложно-падежные сочетания часто даются в ответах без контекста.

дейнопольск.Лен.; *над ведро надо повесить* Малеево Вашкинск.Вол.; *над нашу деревню туча придёт* Рыжичная Верховажск.Вол.; *над огонь* Бурцево Сеямженск.Вол.; *над ведро, село, бревно, над окно* Минин Дор Кичменско-Городецк. Вол.; *я повесила картину над стол* Замошье Вытегорск.Вол. (ОЛА); *по две доски положила над яму-то и моюсь* Борисово Судайск.Костр.; *над ведро наклонился* Тайбанур Тужинск.Кир.; *над самую печку* Поздняково Невельск.Вел.; *над ведро повесит что-либо* Малахово Ливенск.Орл.; *над ведро // над ведром нагнулась* Сторожевое Больше-Солдатск.Кур.; *над стол* и *над столом* Вязовое Краснояружск. Белг.;

перед меня поставил бутылку, перед нас перед двоих поставил да Нечаевское Коношск.Арх.; *перед окошечко, перед меня* Березник Вельск.Арх.; *перед дом* Веригинская Устьянск.Арх.; *перед себя* Ратилово Тихвинск.Лен.; *перед вас; перед жениха и ставят* Лисичинская Сеямженск.Вол.; *я водку ставлю перед брата* Прямиково Тотемск.Вол.; *перед стол-от* Горская Тарногск.Вол.; *перед стол; выводят перед жениха* Верховская Тарногск.Вол.; *упал перед меня* Вороново Никольск.Вол.; *выпихают снопы перед овин* Яковлевская Гора Подосиновск.Кир.; *перед чело; перед оболочко радуга изойдёт* Арзаматово Шарангск.Кир.; *перед брата; стань перед бога-то* Зыково Шарангск.Кир.; *перед меня* Демино Коверинск. Горьк.; *перед меня* Жегалово Пурдошанск. Морд.; *перед меня* ('передо мной') Пожинская Кривандинск. Моск.; *перед печку* Шешелево Брусовск.Калин.; *перед мене* Милеево Глинковск.Смол.; *перед мене* и *переда мной* — параллельно Андрейковичи Воропокск.Брян.

В материалах встретились временные конструкции с предлогами *над* и *перед*, в которых вместо творительного падежа употреблен винительный: *ой, мошки были над вечер* Черная Грязь Клетнянск.Брян.; *над вечер, над осень* Сенча Суражск.Брян.; *перед Спаса Галя у нас заболевши* Лютые Болота Славковск. Пск. (Сочетания типа *перед праздником* являются общерусскими, типа *над осенью, над утром* — диалектными, см.: Словарь русских народных говоров, 1983, вып. 19, 220; ср. также: *над утро́м выстывало в избе* Лаврентьево Междуреченск.Вол. (ОЛА)[5].) Предложно-падежное сочетание «*над* + вин. падеж» единично отмечено в пространственных конструкциях со значением местонахождения: *умывальник дак над ведро висит; над лес месяц* Гусево Каргопольск.Арх.[6]

Для предлога *под* отмечены единичные случаи управления тв. падежом в конструкциях со значением направления движения, которые могут быть квалифицированы как новообразование: *коты задушат мышь и принесут под дверью* Тумалины Игналинск.

---

[5] Предлог *перед* во временных конструкциях отмечен также с дат. падежом имени: *перед Илью* Дубище Невельск.Вел.; *перед обеду* Сухой Овраг Тоншаевск.Горьк.

[6] В ответах имеются примеры типа *перед меня стояла, шёл перед брата*, но здесь *перед*, видимо,— вариант *вперёд* ('впереди'), а имя стоит в род. падеже. Сказанное может, видимо, относиться и к примерам *перед меня, перед брата*, данным без контекста.

Лит. (ОЛА)[7]; *поставил под стол/под столом* Копорье Ломоносовск.Лен. (ОЛА); *бутылки под лавкой, под столом не ставим* Михалёво Ефимовск.Лен. (ОЛА)[8].

Конструкции с предлогом *между* и род.// вин.// тв. падежом имени

Вопрос о сочетаемости с именем предлога *между* (в составе пространственных конструкций) включен только в Вопросник ОЛА (2909°), но отдельные примеры встречаются также в материалах русского атласа и материалах конца XIX — начала XX в. По имеющимся данным, предлог *между (меж, миж)*, а также синонимичный ему предлог *промежду (промеж, промиж)*, распространенный в разных говорах, но больше, кажется, на юге (Курская, Рязанская, Воронежская, Липецкая области[9]), отмечены в сочетании с вин., род. и тв. падежами имени. Есть, правда, одно свидетельство о том, что *между* может сочетаться и с предл. падежом: «*Межу* требует иногда предложного вместо родительного: *межу трех верстах они разъехались*» (Олон. губ.) [Колосов 1877, 127].

В современных лингвогеографических материалах имеется всего пять предложений с предлогами *между, промежду* и вин. падежом имени — четыре из них зафиксированы в Архангельской обл. и один — в Вологодской: *меж ру́ки пойдут* Долгощелье Мезенск.Арх. (ОЛА); *берёт* (заяц морской хватает) *межи ножья... за груди* Койда Мезенск.Арх. (ОЛА); *нашёл заулочек меж байны* ('между банями'); *поставь меж стол и шкаф* Тамица Онежск.Арх. (ОЛА); *сунет промеж но́ги* Талица Рослятинск.Вол. Примеры сочетания предлогов *между, промежду* с вин. падежом имени в литературе также очень редки. Укажем известные нам фиксации: два примера (из олонецких былин) даны Ф. И. Буслаевым [Буслаев 1959, 485]; один пример, отмеченный в архангельском говоре, приводит А. Н. Грандилевский: *не ходи между полосу* Холмогорск. у. Арх.губ. [Грандилевский 1907, 74]; один пример (из песни) записала О. Н. Шулене на территории Зарасайского района Литвы: *я на супрядку хожу между сетку* («очевидно, здесь с оттенком временного значения: ср. в других говорах выражение «между дел»») [Шулене 1964, 186]; несколько примеров (выбранных из словарей разных севернорусских говоров) приведено только в статье Е. П. Лупповой, посвященной пред-

---

[7] Данный пример может иметь и другое объяснение: в островных русских говорах на территории Прибалтики отмечается такое явление, как нечеткое разграничение значений местонахождения и направления (см.: Шулене 1964, гл. I,§ 2).

[8] Предложно-падежное сочетание «*під*+тв. падеж» при глаголе *поставити* (пример с этим глаголом имеется в Вопроснике ОЛА) широко представлено в материалах ОЛА по украинским говорам (в материалах по белорусским говорам аналогичные конструкции единичны).

[9] Применительно к современному литературному языку конструкции с предлогом *промеж* квалифицируются как устаревшие (Грамматика русского языка, 1954, т. 2, часть первая,199).

логам с корнем *меж/межд* в русских говорах [Луппова 1974, 154—155]. Рассматриваемые конструкции уходят корнями в прошлое, но широкого употребления они, вероятно, не имели никогда, о чем пишет, в частности, Л. А. Булаховский, указав на два примера из памятника начала XVII в. [Булаховский 1950, 262]. По приведенному материалу видно, что предлоги *между, промежду* сочетаются с вин. падежом в конструкциях, имеющих значение как направления движения, так и местонахождения.

По-видимому, во всех русских говорах предлоги *между, промежду* могут выступать в сочетании с именами в род. и тв. падежах — в конструкциях со значением и местонахождения, и направления движения, ср.: *поставь меж окошков; меж домами можно еще поставить* Ступино Няндомск.Арх.(ОЛА); *зеркало висит (повесил зеркало) между двух окон* Чукша Череповецк.Вол.(ОЛА); *Ваня поставил стол между окнами; стол стоит между окнами* Замошье Вытегорск.Вол(ОЛА); *чтобы меж пальцей она у тебя пролетала* (о семенах ржи) Рогово Навашинск.Горьк.(ОЛА); *поставь между окошкам(и); ходишь между грядами* Комарово Семеновск.Горьк.(ОЛА); *повесь между окон; между баб сидеть; зеркало висит между окнами* Клин Наро-Фоминск.Моск.; *Пётра поставил стол межа берёз; стол стоит межа берёз* Горки Нелидовск.Калин.(ОЛА); *между брёвнов простлан мох; кровать поставим между окнами; между хлевом и избой называется двор* Клевичи Демянск.Калин.(ОЛА); *сложи солому между изгород; промиж гумен соломы было накладено; сложа солому между окном и дверью; между дверью и окном поставила стол* Теребутицы Солецк.Новг.(ОЛА); *посадила-то между яблонь* Ямок Новгородск.Новг.(К); *стань между брата и сестры; посадила калью между лука и боркана; между двух стулов третья поставлена; ты сядь между печкой и дверью; между церквой и школой я живу* Подборовье Гдовск.Пск.(ОЛА); *между лесов тоже маленькие деревеньки есть; стол стоит между окном и дверям(и)* Тумалины Игналинск.Лит.(ОЛА); *сумку постанови промежду нас // нами; судная лавка промежду печей и стеной* Нижняя Мосоловка Усманск.Лип.(ОЛА); *поставь между сарая и закутки; стоит промеж сарая и закутки* Погорельцево Железногорск.Кур.(ОЛА); *стол стоит промеж двух окон; я хочу поставить стол между печкой и кроватью; между скамеечкой и между столиком стоит сундук* Кшень Советск.Кур.(ОЛА); (поставили) *промежду ручки и ножа;* (повесили) *промежду окон; промежду ножа и ручки стоит банка;* (висит) *промежду окнами* Темёшево Шацк.Ряз.(ОЛА). Род. и тв. падежи имени иногда употребляются в одном предложении: *диван стоит между стен и столом* Козилово Холм-Жирковск.Смол.(ОЛА); *поставьте кровать меж угла и стеной* Стрешнево Курск.Кур.(ОЛА). Однако относительная употребительность конструкций с той и другой формой имени оказывается по говорам различной. Если вывести по материалам ОЛА средние цифровые показатели для групп населенных пунктов, расположенных на территории одной

области (или соседних областей), и сравнить полученные данные, то получим следующую картину: на долю сочетаний с род. падежом имени из всего количества примеров, включающих в свой состав предлоги *между, промежду*, в материалах по говорам Архангельской обл. приходится ~6%; Вологодской — ~27%; Ленинградской — ~40%; Московской — ~64%; Псковской, Смоленской, Калининской — ~65%; Рязанской, Орловской, Курской, Воронежской, Белгородской — ~66%; соответственно в севернорусских говорах выше, а в средне- и южнорусских ниже относительная употребительность сочетаний *между, промежду* с тв. падежом имени. Несмотря на то, что эти цифры выведены на основании небольшого количества примеров, тенденцию развития явления в пространстве в общем виде они, конечно, отражают [10—11]. Приведем также цифры, свидетельствующие об употребительности сочетаний предлогов *между, промежду* с разными падежными формами имени в конструкциях, имеющих значение местонахождения и направления движения,— цифры вне скобок обозначают количество соответствующих примеров, цифры в скобках — их долю (%) во всем количестве примеров указанной семантики (в данном случае должны были быть, естественно, отведены предложно-падежные сочетания, приведенные в материалах без контекста):

	Между, промежду + род. п.	*Между, промежду* + тв. п.
Конструкции со значением местонахождения	26 (~40,6)	38 (~59,4)
Конструкции со значением направления движения	28 (~46,7)	32 (~53,3)

Приведенные цифры показывают, что род. падеж, может быть, несколько чаще употребляется в конструкциях со значением направления движения, а тв. падеж — в конструкциях со значением местонахождения.

Как показывают материалы ОЛА, современные говоры различаются между собой не только разной употребительностью конструкций с предлогами *между, промежду* и род. падежом имени, но и тем, в какой мере возможно сочетание этих предлогов с именами в ед. числе. В севернорусских говорах, как правило, фиксируются конструкции с предлогами *между, промежду* и род. падежом имени во мн. числе. В материалах ОЛА имеется только одно исключение: *Петр поставил стол промеж окна и двери* Кряж Кичменско-Городецк.Вол.(ОЛА). Правда, еще два случая встретились в материалах, собранных для составления русского атласа: *поставили между столика и машинки* Введенское Павловск.Лен.; *между берёзы и пня* Хохлово Кичменско-

[10—11] Ср. подборку сведений о соотносительном употреблении род. и тв. падежей в разных говорах, имеющуюся в работе Е. П. Лупповой [Луппова 1974, 154—157].

Городецк.Вол. Более свободным включением в конструкции с предлогами *между, промежду* род. падежа имен в ед. числе характеризуются средне- и южнорусские говоры — приведем весь материал, за исключением примеров, уже процитированных раньше: *и посадил его промеж отца и матери* Шихириха Пученск.Иван.(ОЛА); *между этого городка и деревни; между осоки растет клюква* Кунилово Талдомск.Моск.(ОЛА); *промежду избы и конюшни было пространство; между двора* Кучки Каменск.Пенз.; *между стола и шкапа ставлю табуретку; между шкапа и между стола стоит табуретка* Хотилицы Андреапольск.Калин.(ОЛА); *поставил стол между окна и стола* Еваничи Крестецк.Новг.; *меж-то деревни да меж-то поля* Ямок Новгородск.Новг.(К); *поставь стол (стол стоит) между окна и двери* Вышки Даугавпилск.Латв.(ОЛА); *диван поставили между стенка и стола* Козилово Холм-Жирковск.Смол.(ОЛА); *яблоня посожена между машинки и хаты; мешок поставила между двери и печки; сандучок стоит между стола и кровати* Добрынь Кромск.Орл.(ОЛА); *стоит кровать между шифоньера и стенки* Стрешнево Курск.Кур.(ОЛА); *поставь между крапивы и акации* Скородное Золотухинск.Кур.(ОЛА); *промеж стола и стула ящик поставил; сундук стоит между окна и дверей* Плехово Суджанск.Кур.(ОЛА); *между скамейки поставь* Афанасьево Обоянск.Кур.(ОЛА); *сядь промеж окна и двери, а то грозой убьёт* Калинино Новодеревенск.Ряз.(ОЛА). Как известно, в современном литературном языке предлог *между* сочетается с тв. падежом; сочетания *между* с род. падежом — только существительных во мн. числе — квалифицируются как устаревшие [Ожегов 1984, 304]. Но еще в XIX в. картина была иной: «... несмотря на то что тенденция к преобладанию формы с творит. пад. наметилась давно, колебания в употреблении творит. и родит. пад. с предлогом *между* продолжаются в течение всего XIX в.» [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе словосочетаний, 1964, 82]. Ранее других из литературного языка уходят трехчленные конструкции (т. е. конструкции, включающие в себя два имени) с существительными в ед. числе, типа *и бранную повесил лиру Меж верной сабли и седла* (Пушкин); такие конструкции были редкими уже в начале XIX в. [Там же, 80]. Таким образом, употребление предлогов *между, промежду* в говорах — прежде всего средне- и южнорусских — является синтаксическим архаизмом.

В наших материалах имеются три случая употребления двучленных конструкций с предлогом *между* и род. падежом существительного в ед. числе: *между осоки растёт клюква* Кунилово Талдомск.Моск.(ОЛА); *между скамейки* (ед. число) *поставь* Афанасьево Обоянск.Кур.(ОЛА); *между двора* Кучки Каменск.Пенз. В первом предложении существительное близко к собирательному и предлог выступает в своем обычном значении[12]. Во

[12] Ср. аналогичный пример из «Московского телеграфа» за 1826 год: *между*

втором и третьем предложении можно видеть семантический сдвиг: предлог *между* получает, видимо, значение, близкое к 'около'. В материалах встретились случаи повторения предлога перед каждым из двух имеющихся в конструкции имен: *меж-то деревни да меж-то поля* Ямок Новгородск.Новг.(К); *между шкапа и между стола стоит табуретка* Хотилицы Андреапольск.Калин.; *прогон между Улыбиных и между нас* Кучки Каменск.Пенз.; *между скамеечкой и между столиком стоит сундук* Кшень Советск.Кур. Представляется возможным, что в этих конструкциях значение 'между' осложнено значением 'около' (значением близости предмета к двум другим).

Конструкции с предлогом *по* и дат. // предл. падежом имени во мн. числе

В Вопроснике ОЛА имеется вопрос о падеже имени во мн. числе — дательном или предложном — при употреблении его с предлогом *по* в пространственных конструкциях (2912°). В программе, предназначенной для сбора материала по русскому атласу, такого вопроса нет[13], но диалектный материал — словосочетания с предлогом *по* и именем в форме предл. падежа мн. числа, причем в составе не только пространственных конструкций, но также объектных и временных,— приводится в ответах на вопросы 82 и 84 из раздела «Морфология» (вопросы посвящены окончаниям существительных в дат. и предл. падежах мн. числа). Изоглосса конструкций типа *ходить по улицах, разложить по банках, готовить по праздниках,* при проведении которой были использованы материалы как ОЛА, так и русского атласа (последние гораздо богаче), представлена на карте 1. Употребление при сочетании с предлогом *по* предл. падежа существительных во мн. числе, повсеместно распространенное в говорах белорусского и украинского языков (конструкции с дат. падежом фиксируются здесь как единичные), свойственно только небольшой части русских говоров — южнорусским говорам на территории, примыкающей к Белоруси и Украине. Заметим, что на территории, очерченной изоглоссой, рассматриваемое диалектное явление отмечено почти во всех обследованных населенных пунктах. Приведем примеры: *палкой по ногах* Старое Безменово Ярцевск.Смол.; *пошли по дворах* Зальково Монастырщинск.Смол.; *разбрасали по сараях; засели по окопах; по бураках бегают; по дорогах боялись; не была по людях* Милеево Глинковск.Смол.; *по твердых ценах покупала* Киселевка Починковск.Смол.; *по стенах пыль* Лобково Починковск.Смол.; *по деревнях не ходили* Старое Щербино Ельнинск.Смол.; *пойду по кустах; идёт по трубах* Печерская Буда Хиславичск.Смол.; *по фатерах собирали; по сенцах стук; по конопляx ходили; по дворах*

посеянного чистыми семенами ячменя родится дикий овес, между чечевицею дикий горошек [Очерки по исторической грамматике русского языка XIX в.: Изменения в системе словосочетаний, 1964, 81].

[13] Соответствующего вопроса нет и в программах конца XIX — начала XX в.

собирают; не езди по коленях Тростна-Ивакина Ершичск.Смол.; *по церквях ходят; по других деревнях и хозяйство было; по лавках танцуют; лезь по лестовицах; лески рубили по ночах* Овчинец Суражск.Брян.; *по лесах растут; по межах хожу; по людях жила; по яких-то делах поехали; я недавно прочёл «Хождение по муках»; мы равняемся по лучших учителях* (последние два примера — из речи местного учителя) Кулаги Суражск.Брян.; *ходили по квартирах; растё по часах* Святец Клинцовск.Брян.; *их послано по сёлах* Хоромное Чуровичск.Брян.; *по горах лазить* Погорельцево Железногорск.Кур.(ОЛА); *по болотах ходят* Секерино Глушковск.Кур.(ОЛА); *по малых болотах его* (торф) *резали* Афанасьево Обоянск.Кур.(ОЛА); *по улицах гуляла; пастух ходит по полях; этих по колхозах гоняют; колхозы по разных местностях; по своих местах колхозы разрешили* Стрешнево Курск.Кур.(ОЛА); *по работах ездил* Эммануиловка Льговск.Кур.; *по деревнях стояли* Семидесятское Хохольск.Вор.; *ходила по богатых людях; по людях скиталси* Медвежья Поляна Острогожск.Вор.; *по минутах росла* Шведово Лискинск.Вор.; *по лесах грибы; опёнки около верб по низах* Владимирское Шаталовск.Белг.; *всё обшарили и по домах и по сараях; не лазь по окнах; любил по лесах ходить* Оскольское Ново-Оскольск.Белг.; *тут по огородах есть кукуруза* Песчанка Ново-Оскольск.Белг. За пределами территории, очерченной изоглоссой, рассматриваемые конструкции отмечены в семи населенных пунктах. Шесть из них относится к южной части России: *по дворах, по деревнях, по низких местах* Ивановка Бельск.Вел.[14]; *по этих углах* Заречье Новосильск.Орл.; *тогда по хатах не ходили* Теличье Ливенск.Орл.; *по верёвках* Васильевка Теребунск.Кур.; *по клеточках* Сурава Лысогорск.Тамб.; *по них зовутся* Кучки Каменск.Пенз. Один раз сочетание предлога *по* с предл. падежом имени во мн. числе зафиксировано в русском говоре на территории Литвы: *по наших лесах нет боровиков* Тумалины Игналинск. (ОЛА). Данные конструкции неоднократно отмечались исследователями, работавшими на южнорусской территории — соответствующие материалы см.: [Будде 1904, 86; Голанов 1914, 158; Гринкова 1930, 572—573; Иванова 1953, 307—308; Собинникова 1958[2], 55—56].

Можно думать, что возникновение конструкций с предлогом *по* и предл. падежом имени во мн. числе относится к периоду уже раздельного существования трех восточнославянских языков и что явление и исходно охватывало только часть восточнославянской территории: употребление предл. падежа имени во мн. числе при предлоге *по*, не зафиксированное в древнерусском языке, в памятниках белорусского и украинского языков встречается с XV—XVI вв. [Карский 1956, 438—439; Історична граматика української мови, 1957, 211]; для старорусских же памятников такое употребление предл. падежа имени не характерно

[14] В силу того что в материалах, собранных для составления атласа русского языка, предложно-падежные сочетания типа *по домах* приводятся в ответах на морфологические вопросы, они часто даются без контекста.

и вызывается (например, у Симеона Полоцкого) польско-украинским влиянием [Букатевич 1957, 43][15]. Найденный В. И. Собинниковой пример *и по городам воеводам и всяким приказным людем и по заставах сторожамъ чтоб пропущали везде лебедянвцовъ* из воронежской грамоты XVII в. [Собинникова 1958[2], 56] позволяет предполагать, что рассматриваемое явление уже в старорусский период охватывало и какую-то часть юго-западных русских говоров[16].

II ТИП РАЗЛИЧИЙ

Различительные явления русских говоров, связанные с характером функционирования отдельных предлогов, группируются в работе по семантическому принципу: сначала характеризуются явления из области объектных конструкций, затем — пространственных и в конце раздела — временных. Следует заметить, что по некоторым из рассматриваемых в разделе конструкций материал очень не велик.

Объектные конструкции

Характеристику необщерусских конструкций, выражающих объектные отношения, представляется целесообразным начать с объектно-целевых, предусмотренных всеми диалектологическими программами (кроме краткой программы, составленной членами МДК): в программе конца XIX в., предназначенной для работы по северновеликорусским говорам, это вопрос 106 (в

[15] Л. А. Булаховский, указывая, что предлог *по* изредка управляет предл. падежом, приводит единственный пример XVII в. *(кого же по своему совету в государевых палатах не нашли, тех по дворах их по знакомым людем всюду, полками ходя, искали крепко)* из сочинения Сильвестра Медведева, уроженца Курской земли, ученика Симеона Полоцкого [Булаховский 1950, 261—262].

[16] Отдельные случаи употребления предложного падежа имени вместо дательного отмечены в русском литературном языке XVIII в. и даже XIX в.; известны соответствующие примеры из произведений Крылова, Жуковского, Гончарова, Чехова и других писателей [Буслаев 1959, 488; Шахматов 1941, 382; Булаховский 1954, 365—366; Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе словосочетаний, 1964, 78]. С предлогом *по* в литературном языке сочетается, как правило, предл. падеж местоимений; имеются и семантические ограничения. Думается, что рассмотренные диалектные конструкции непосредственно не связаны с конструкциями литературного языка XVIII — XIX вв. типа *Я видел путь, я плыл по нем* (Жуковский), *Он долго водил по нас своими кроткими тусклыми глазами* (Чехов). Другой точки зрения придерживается В. И. Собинникова [Собинникова 1958[2], 56]. Мы не решились бы связать конструкции типа *ходить по домах* и с таким диалектным же явлением, как употребление при предлоге *по* дат. падежа имени в ед. числе и предл. падежа определения (выраженного обычно местоимением или числительным), ср.: *скотина гуляет по всем лесу* Васильково Мышкинск. у Яр. губ. (М VIII,560); *по всём месту* Подборовье Гдовск. Пск. (ОЛА); *скáла па усем лесý* Смородина Грайвороновск. у. Кур. губ. (М IX,152); *по одном стаканчику; по всём саду; по том боку, по другом боку* Покров Медынск. у. Калуж. губ. (М XI,51). Судить о локализации последних конструкций не представляется возможным, так как соответствующий вопрос был только в программе конца XIX в., предназначенной для работы в южнорусских говорах (вопрос 124), и в обобщающей программе 1900 г. (вопрос 246), на которую имеются единичные ответы.

изд. 1895 г.) и 105 (в изд. 1896 г.); в программе конца XIX в., предназначенной для работы по южновеликорусским говорам,— вопрос 123; в обобщающей программе 1900 г.— вопрос 254; в программе середины XX в.— вопрос 133; в Вопроснике ОЛА — вопросы 2915, 2916°.

Объектно-целевые конструкции состоят из глагола целенаправленного движения (или глагола с семантикой 'послать') и имени с предлогом, называющего предмет, который служит объектом этого движения. Диалектные объектно-целевые конструкции образуются с участием предлогов *в, по* (на территории употребления диалектных сложных предлогов отмечается также *по-за*[17]) и *для: пойти в дрова, по дрова, для дров.* Общерусским функциональным эквивалентом данных конструкций являются конструкции с предлогом *за: пойти за дровами.* При рассмотрении конструкций с предлогами *в* и *по* в качестве основного послужит материал атласа русского языка, при рассмотрении конструкций с предлогом *для* — материал конца XIX — начала XX в.

Конструкции с предлогом *в* — характерная особенность южнорусских говоров западной группы; регулярно употребляются они также в части западных среднерусских говоров (карта 3). За пределами территории, очерченной на карте изоглоссой, конструкции отмечены в небольшом количестве населенных пунктов, частично расположенных близко к изоглоссе: *в ягоды* Замогилье Полновск.Пск.[18]; *в ягоды* Подборовье Полновск.Пск.; *в малину* Марьинско Лядск.Пск.; *в дрова* Подоспа Гдовск.Пск.; *пускай в грибы ходит* Мехикоорма Тартуск.Эст.(К); *в малину* Акишево Пречистенск.Яр.; *в ягодку ходил* Оньшино Красно-Баковск.Горьк.; *в дрова* Милиново Ковровск.Влад.; *в малину пойдешь?* Березники Загорск.Моск.; *в ягоды* Куплиям Егорьевск.Моск.; *пойдем в малину* ('в малинник') Новопанское Михайловск.Моск.; *в ягоды* Хавертово Михайловск.Моск.; *в ягоды, в орехи* Талицы Истринск.Моск.; *в ягоды* Шаболово Ленинск.Моск.; *в ягоды* Пыренка Думничск.Калуж.; *пойдем в малину* ('в малинник') Лавы Валуйск.Белг. Объектно-целевые конструкции с предлогом *в* распространены и на значительной части территории Белоруси [см.: Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, 1963, карты 215, 216][19].

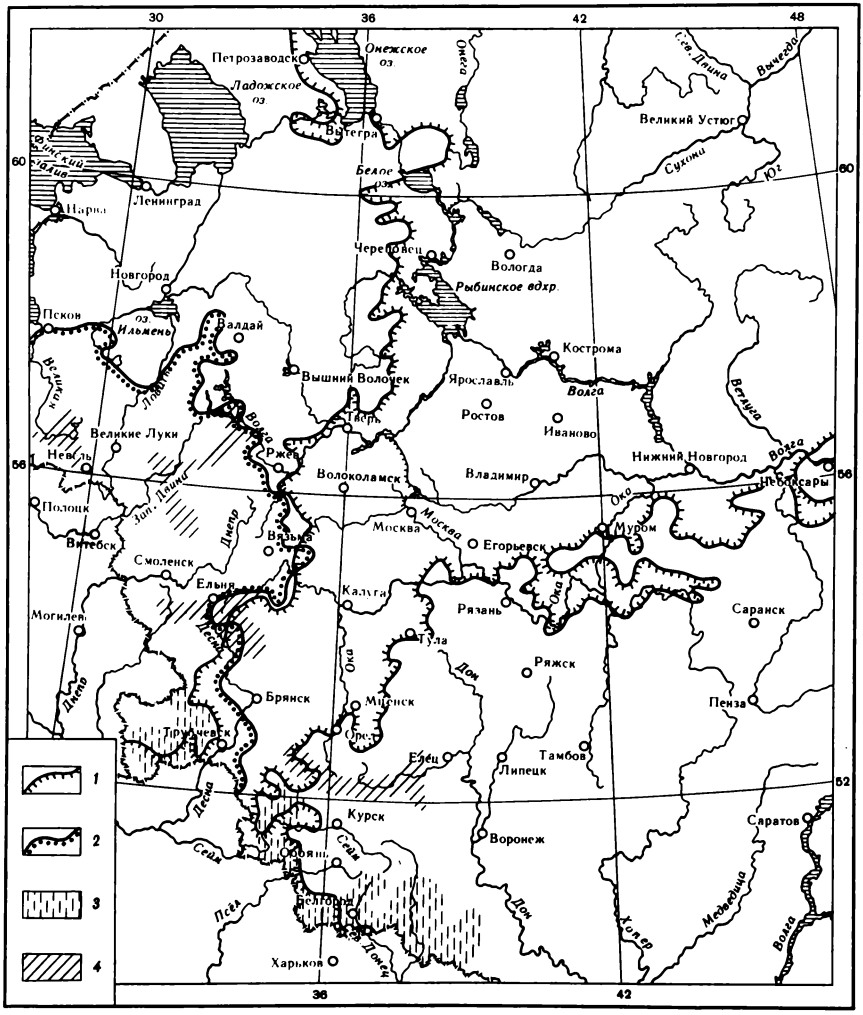
В сочетании с предлогом *в*, по материалам ДАРЯ, отмечено около четырех десятков существительных. Почти обязательно в ответах приводятся примеры со словами, предусмотренными Программой ДАРЯ, типа *ходили в ягоды, в грибы, в малину; ездим в дрова.* Помимо них, отмечены конструкции с существительными,

---

[17] Материал с предлогом *по-за* рассматривается в разделе III.

[18] В некоторых ответах предложно-падежные сочетания приводятся без контекста.

[19] Общая русско-белорусская изоглосса показана на карте в статье И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко [Кузьмина, Немченко 1962, 23].

Карта 3

1, 2 — территории регулярного употребления объектно-целевых конструкций с предлогами: *1* — *по (побежать по соседку, по хлеб, по грибы)*, *2* — *в (пойти в грибы)*; *3, 4* — территории употребления конструкций типа *пойти до соседа*: *3* — отмечается относительно регулярно, *4* — отмечается спорадически.

перечисляемыми ниже в алфавитном порядке с указанием количества случаев употребления,— цифра не ставится только при тех словах, которые встретились один раз: *боб, брусника (брусницы, брушницы)* 11, *веники* (растение) 21, *вода, горох* 2, *грыжа* (морошка), *дурки* (голубика), *дурницы* (голубика) *2, жерди* 2, журавина (клюква) 4, *земляница (земляники, земляницы)* 11, *кислица* (расте-

ние) 4, *кисляк* (щавель), *клюква (клюквы)* 9, *кони, кора* 2, *лисички* 2, *лоза* 3, *лыки* 3, *мёд, молоко, мох, огурцы, орехи* 32, *прутья, раки, рыба (рыбы)* 9, *сено* 2, *смола, смородина* 2, *трава* 5, *хворост* 5, *цветы, черника (черница, черницы)* 22, *щавель, яблоки* 6. Приведем примеры: *в малину ходил; он в сено ушотчи* Ямно Поддорск.Новг.; *в бруснику можно идти* Луг Славковск.Пск.; *в орехи, в яблоки лазили* Чертёны Дновск.Пск.; *все в ягоды ходят, а мне жаль* (что я не хожу) Подборовье Гдовск. Пск. (ОЛА); *ездил в жерди* Поляки Октябрьск.Вел.; *пошел в рыбу* Крутики Ильинск.Вел.; *пойду в воду схожу; пошли в ягоды; в дрова поехал* Козлово Новосокольническ.Вел.; *в дровы пошлю* Фёдорково Локнянск.Вел.; *яна ушодчи в кони* Болдино Опочецк.Вел.; *сходили б в ягоды, в грибы; собираются ехать в рыбу* Хотилицы Андреапольск.Калин. (ОЛА); *махану в веники* Холм Батуринск.Смол.; *в кору ушёл* Пустошка Всходск.Смол.; *девочка в хворост ездит* Овчинец Суражск.Брян.; *ходили в молоко, в рыбу* Немчино Поченск.Брян.; *бабы есть в смолу ходят; сходи в огурцы* Прилепы Навлинск.Брян. (см. также примеры выше).

За единичными исключениями в составе объектно-целевых конструкций с предлогом *в* выступают существительные, называющие предметы, связанные с растительным миром — дикие и культурные растения и их плоды, а также продукты определенной обработки растений (*лыки, жерди, смола...*). Все эти предметы объединяются тем, что приобретение их представляет собой более или менее длительный процесс, обычно сопровождающийся передвижением в пространстве. Возможно, что сказанное относится в той или иной мере и к таким существительным, как *мед, рыба, раки.* Это ограничение состава имен, употребляющихся в рассматриваемых конструкциях, указывает на генезис последних: по всей вероятности, объектно-целевые конструкции с предлогом *в* развиваются на базе местных. О том же говорят и некоторые замечания собирателей диалектологических материалов. Так, например, в материалах по населенным пунктам Новопанское Михайлов.р-на Моск.обл. и Лавы Валуйск.р-на Кур.обл. указывается, что *пойти в малину* означает ‘в малинник’, а в материалах по населенным пунктам Петровка Ершич.р-на Смол.обл. и Прихабы Ельнич.р-на Смол.обл. конструкции типа *пойти в дрова* и *пойти за дровами* противопоставлены следующим образом: *пойти в дрова* — это ‘пойти заготавливать дрова в лес’, а *пойти за дровами* — ‘пойти и взять уже приготовленные ранее дрова’. Интересны и такие чисто местные конструкции, как *была в ягодах; в огурцы вошовши* Аксентьево Серёдкинск.Пск.; *была в грибах* Алё Новосокольническ.Вел. и Авдеенки Красногородск.Вел.; *не был в лыках* Иванцево Кунвинск.Вел.; *кошка в рыбе* Ермолово Пустошкинск.Вел.; *были в малинах* Ракитня Сычёвск.Смол.; *в малинах ушодчи* Оленино Ржевск.Калин.; *Колька в ягодах* Глухово Юхновск.Калуж.; *она в дровах* Семеновская Черевковск.Арх.; *с ягод* (прийти) Выбье Кингисепск.Лен.; *из ягод идут* Нижние Котицы

Осташковск.Калин.; *пришёл с ягод* Заверняйка Опочецк.Вел.; *с дров* ('вернулся из леса, куда ездил за дровами') Монино Кудеверск.Вел.; *в бруснику войтить* Чебуши Спас-Деменск.Калуж.[20] Однако возможность (хотя и редко реализуемая) употребления предложений типа *пойду в воду схожу, ходила в молоко, ушотцы в кони* свидетельствует о том, что местное значение может быть полностью вытеснено в конструкциях с предлогом *в* значением объектно-целевым. При сочетании с предлогом *в* в составе объектно-целевых конструкций имя неизменно имеет форму вин. падежа.

В материалах ОЛА примеры объектно-целевых конструкций с предлогом *в* единичны: Вопросник ОЛА не ориентирует собирателей на фиксацию материала с существительными типа *ягоды, грибы, дрова* — приведенные здесь иллюстрации (вопрос 2915°) включают в себя неодушевленные существительные *молоко, лекарство, вода.* Примеров с существительными типа *ягоды, грибы, дрова* не было и в программах конца XIX в., предназначенных для работы по русским говорам[21]: в материалах начала XX в. объектно-целевые конструкции с предлогом *в* отмечены всего два раза — интересно, что и здесь наряду с существительными *ягоды* и *грибы* отмечено существительное *рыба: пошёл у грибы, у ягоды* г. Торопец Псковск.у.Пск.губ. (М XI,116)[22]; *я ходил в ягоды, в грибы, в рыбу* г. Холм Пск.губ. (М XI,119).

Объектно-целевые конструкции с предлогом *по* известны большинству русских говоров. Изоглосса очерчивает широкую, сужающуюся лишь к середине полосу, протянувшуюся с северо-востока европейской части России на юго-запад (Брянская обл.). Соответствующая территория включает в себя бóльшую часть севернорусских говоров, восточные среднерусские говоры и часть южнорусских. Изоглосса отсекает, таким образом, запад России (западные среднерусские говоры, западная часть севернорусских, бóльшая часть западной группы южного наречия) и юго-восток (рязанская группа южного наречия, а также восточная половина тульских, елецких и оскольских говоров) (см. карту 3, карта составлена на материалах атласа русского языка и материалах ОЛА). За пределами территории, очерченной изоглоссой, употребление объектно-целевых конструкций (по преимуществу с существительными *ягоды, грибы, дрова...*) отмечается лишь спорадически. Конструкции с предлогом *по* широко употребляются в говорах белорусского и украинского языков [см.: Дыялекта-

[20] Следует заметить, что Е. Ф. Карский определяет основное значение конструкций типа *пошов у грибы, у я́годы, у дро́вы...* как значение местное [Карский 1956, вып. 1, 167—168].

[21] Вопрос о словосочетаниях с предлогом *в* и существительными типа *ягоды, грибы* имеется в Программе ДАРЯ (вопрос 143).

[22] Данный нас. п. был обследован по белорусской программе, хотя, как пишет составитель ответа, «у коренных жителей говор чистейший великорусский» (М XI, 116).

лагічны атлас беларускай мовы, 1963, карты 213—216; Атлас української мови 1, 1984, карта 279][23].

Для современных севернорусских говоров вологодской и костромской групп, а также для южнорусских говоров на территории Брянской обл. характерна возможность сочетать с предлогом *по* в составе объектно-целевых конструкций любые имена, называющие предмет, способный быть объектом целенаправленного движения, в том числе одушевленные существительные и заменяющие их местоимения. В среднерусских же говорах и большей части южнорусских употребляются только конструкции с неодушевленными существительными, причем круг их в большинстве случаев ограничен. Прежде чем говорить о характере этих ограничений, покажем весь материал атласа русского языка по тем населенным пунктам, где в составе рассматриваемых конструкций отмечены только неодушевленные существительные. Как и на территории распространения конструкций с предлогом *в*, здесь приводятся почти во всех ответах имеющиеся в иллюстрациях программы существительные *ягоды, грибы, дрова, малина.* Помимо них, отмечены конструкции со следующими 95 существительными: *белянки* (вид грибов) 2, *бензин, брёвна, брусника* 9, *велосипед, веники* (растение) 17, *вёшница* (клюква), *вино, вица* (прут, ветка), *вишня (вишни)* 2, *вишняк, вода* 249, *водка* 2, *волжанки* (вид грибов), *волна* (шерсть), *волнушки, гонобобель* 2, *горох* 7, *грузди (груздики)* 2, *груши* 5, *деньги* 3, *дрючки* (колья, жерди), *жевина* (видимо, вид ягод), *жмыха* (жмых), *журавлика* (клюква), *зарплата, земляника* 6, *зерно, калина (калинушка)* 3, *картошка (картошки, картоха)* 4, *керосин, кирпич, кислицы* (растение), *кички* (выкорчеванные пни, идущие на дрова), *клубника, клюква (клюквы)* 17, *книжки, крапива* 4, *крыжовник, куница* (растение), *леснушка, лопата (лопатки) 2, лук* 2, *лыки (лыко, лыка) 7, мёд, молоко* 6, *морошка* 8, *мох* 2, *мука, мясо, налог, овощи, огурцы, опёнки* 5, *орехи* 37, *пальто, пенсия, пенька, помело* (видимо, растения или ветки, пригодные для подметания), *продукты, прутья, пьяница* (вид ягод), *ружье, рыжики* 9, *сани, сахар, свежее* (видимо, о мясе), *свекольник, семена, сено* 21, *сковорода, сливы, смородина* 3, *снопы, солома* 5, *соль* 2, *стрючки, сучок, сыворотка, толкач, топор, торф* 3, трава 21, *хата*[24], *хлеб* 15, *хмель, цветы, черемуха (черёма)* 3, *черника (черница)* 16, *шипарь* (шиповник), *шишки, щавель* 2, *щепки, яблоки* 7, *яйца.*

Нельзя не заметить, что бóльшую часть списка составляют существительные тех же семантических групп, которые были выделены применительно к материалу конструкций с предлогом *в* — названия растений и их плодов и названия предметов, полученных из растений. Значительность этого пласта лексики для объектно-целевых конструкций с предлогом *по* подтверждается

[23] Распространение объектно-целевых конструкций с предлогом *по* на территории всех восточнославянских языков показано на карте в статье И. Б. Кузьминой [Кузьмина 1980, карта 4].

[24] *Поехал по хату на десяти подводах* (Борисовка Львовск. Кур.).

также высокой частотностью ряда входящих сюда слов (*ягоды, грибы* и их видовые названия, *орехи, веники, трава, дрова...*). Существенно указать также на то обстоятельство, что конструкции с приведенными в списке словами другой семантики *(бензин, велосипед, деньги, хлеб, пенсия, сахар...)* локализуются обычно в населенных пунктах, расположенных поблизости от территорий, характеризующихся употреблением в составе объектно-целевых конструкций с предлогом *по* и одушевленных существительных; в материалах по этим населенным пунктам часто приводится по два и более примеров со словами, не относящимися к выделенным выше семантическим группам, ср.: (пойти) *по велосипед, по водку* (2), *по пенсию* (Барыбино Карачевск.Брян.); (пойти) *по деньги, по твою сковороду, по пальто, по продукты, по лопатки* (Каменная Гора Карачевск.Брян.). Таким образом, можно говорить о том, что в части говоров (главным образом средне- и южнорусских) с предлогом *по* сочетается тот же семантически ограниченный круг имен, который был определен применительно к конструкциям с предлогом *в*,— имена, называющие такие предметы, которые связаны с растительным миром и приобретение которых мыслится как длительный процесс, обычно сопровождающийся передвижением в пространстве. Следовательно, конструкциям типа *пойти по орехи* так же, как и конструкциям типа *пойти в орехи*, присуща, по-видимому, сложная семантика: объектно-целевое значение сочетается здесь с пространственным[25]. К сказанному необходимо прибавить, что материалы ОЛА, собранные по вопроснику, где иллюстрации для конструкций с неодушевленными существительными (вопрос 2915°) включают в себя иные существительные, чем программа русского атласа,— *молоко, лекарство*[26] — также свидетельствуют о выделении как наиболее частотных и наиболее широко распространенных конструкций с семантически ограниченным кругом существительных. В конструкциях с предлогом *по* выделяется по частоте встречаемости еще существительное *вода* — сочетание *идти по воду* представляет собой широко распространенный фразеологизм, употребление которого (как и сочетаний *идти по ягоды, по грибы*) допустимо при определенных стилистических условиях и в современном литературном языке. Приведем примеры, характеризующие сочетаемость предлога *по* в составе объектно-целевых конструкций с разными по грамматическим и семантическим признакам существительными:

по гостей, девка, сходи-ка Нокола Каргопольск.Арх.; *по нас приехали; по вас приезжал* Ступино Няндомск.Арх. (ОЛА); *дружко едет по невесту; больше по лошадь не ходила* Щетинское Мяксинск.Вол.; *утром идёт жених по невестину сторону; человек поди шесть было по овцу* Кононовская Сеямженск.Вол.; *поеду по зятя*

[25] Близость значений цели и места (если предполагается, что место является конечной точкой движения) неоднократно отмечалась в литературе; см.: [Апресян 1974, 141—142].

[26] Общим в Программе ДАРЯ и Вопроснике ОЛА является слово *вода*.

и по сестру; по покойников ездят и своим ходом привозят Боровское Верховажск.Вол. (ОЛА); *надо по Ивана Иваныча сходить* Кириловское Рыбинск.Яр.; *она пошла по Тосю, по врача, по ребятишек* Шихариха Пученск.Иван. (ОЛА); *по лошадей не хожу* Большое Пирогово Нерехтск.Костр.; *по коней ходил* Березка Старорусск.Новг. (ОЛА); *по деда прибёг* Чухраи Суземск.Брян.; *ходила по телушку* Большая Семёновка Карачевск.Брян.; *она поехала по него* Добрунь Брянск.Брян. (ОЛА);

по битон приезжал Климовская Вельск.Арх.; *ходили по муку; по деньги пошел* Никишенская Няндомск.Арх.; *ты сходи-ка по молоко-то* Малетино Пинежск.Арх. (К); *ходила по пирожок; схожу по утюг-от; по банку побежала* Лысцово Сеямженск.Вол.; *ушёл по петли* Хороброво Тотемск.Вол.; *сходите по молоко; сходи к Васе по хомут* Акиньхово Верховажск.Вол. (ОЛА); *буди москвичёв-то по молоко* Стрельская Опаринск.Кир.; *по колун я пошла* Марковица Макарьевск.Костр.; *по корыто пошла* Михайлово Коверинск.Горьк.; *пришел по седло* Шаблино Кимрск.Калин.; *ходила по топор по тей* Сенча Суражск.Брян.; *пришла по толкач* Верхличи Красногорск.Брян.; *по стол поехали* Добрунь Брянск.Брян. (ОЛА); *куды пошлют — по бензин, по керосин; по хлеб пошёл* Счастливка Мценск.Орл. (К); *по продукты ездить* Фомино Барятинск.Калуж.;

по траву ходили; пойдем по цветочки Ступино Няндомск. Арх. (ОЛА); *с дедом по рыжики ходили* Ладва Прионежск.Карел.; *пошла по малины* Переволок Сланцевск.Лен.; *по дудки ушел* Кондрашово Кичменско-Городецк.Вол.; *по осину-то надо за речку идти; по вици схожу; по черницу кузовочки брали* Райлово Сеямженск.Вол.; *по рыбу ходят на реку* Кононовская Сеямженск.Вол.; *по шишки ходили по клеверные* Рославлево Петровск.Яр.; *по дрова не замогу ехать* Ровдино Подосиновск.Кир.; *по снопы уехал* Дарьино Семеновск.Костр.; *по клюкву — смородины мало, по её мало ходят* Епишово Камешковск.Влад.; *подался по грибы* Черемша Середкинск.Пск.; *по груши, ребята!* Дуброво Горици Калин.; *по капусту ходила; по лист ходила* Субботово Выгоничск.Брян.; *полезь-ка по лыки; иди по рыбу* Нехочи Хвостовичск.Брян.; *ребята ходили по рыбу; внуки по орехи ходили* Счастливка Мценск. Орл. (К).

В составе объектно-целевых конструкций при предлоге *по*, как правило, употребляется вин. падеж имени (см. все приведенные примеры), но отмечены также конструкции с именем в форме им., род., дат. и предл. падежей. Употребление им. падежа в данных конструкциях (как и в других предложных) вызвано конкуренцией вин. и им. падежей как падежей прямого объекта — соответствующий материал рассмотрен в главе 1 (раздел «Именительный падеж имени в функции прямого объекта»). В форме род. падежа отмечены только существительные во мн. числе: *по дров* Дор Коношск.Арх.; *по картох* Васьково Черевковск.Арх.; *по ягод* Чудалово Опаринск.Кир.; *по губ* ('за грибами') Орловица и Сурнаково Вохомск.Костр.; *по дров ходила; съездить по дров* Субботово Выгоничск. Брян:, *поедет по дров* Рогово Злынковск.Брян.; *по дров иди* Чёлхов Чуровичск.Брян. Во всех

перечисленных населенных пунктах в объектно-целевые конструкции с предлогом *по* могут входить и одушевленные существительные. Исходя из этого факта можно предположить, что род. падеж неодушевленных существительных во мн. числе возник по аналогии с род.-вин. падежом одушевленных существительных, выступающим в данных конструкциях (ср.: *пойти по коней*). Кроме того, конструкции с род. падежом могут быть поддержаны партитивными словосочетаниями типа *принести дров, картох*.

Случаи сочетания предлога *по* в составе объектно-целевых конструкций с дат. падежом существительных довольно многочисленны и отмечены в разных говорах; *по сену собирайся* Тарасонаволоцкая Устьянск.Арх.; *по председателю* Лихая Шалга Каргопольск.Арх.; *по вам // вас* Глубокое Пудожск.Карел.; *схожу по им туды* ('за') Кивуя Новоладожск.Лен.; *ты послала по матери-то?* Югозеро Андомск.Вол.; *самолётов пустили по нам* Сенино Рослятинск.Вол.; *ушел по Клашке* Печена Тотемск.Вол.; *по борану* Сидорово Никольск.Вол.; *не по молоку ли пришла?* Глухая Бирюковск.Вол.; *всяко говорят: по бабушке и за бабушкой* Васильевское Междуреченск.Вол.; *сбегай по сахару* Королевское Нюксенск.Вол.; *по хлебу-то* Великий Двор Бабушкинск.Вол.; *пойду по мешку домой* Веретья Бабушкинск.Вол.; *по учителю* Носково Павинск.Костр.; *сходи по братку* Богдашево Мантуровск.Костр.; *по ёй поехал* Никитино Поназыревск.Костр.*; *по маслу* Кривцово Шарьинск.Костр.; *ездила по мужу* Болотново Радниковск.Иван.; *сбегай по председателю* Егорий Шуйск.Иван.; *по поросёнкам* Фалино Варнавинск.Горьк.; *по лесу ходил* ('за лесом') Елкино Залесный Горьк.; *я по Ваське пошлю* Веснино Дрегельск.Новг.*; *по мне прибегае* Демиденки Славковск.Пск.*; *по воды ходить* Староселье Удомельск.Калин.[27]; *по молоку пошли?* Никитское Медынск.Калуж.; *пошли по уткам* ('за') Зимницы Барятинск.Калуж.; *сбегай по быку* Байдино Арсеньевск.Тул.; *по деньгам пришли* Погибелка Каменск.Тул.; *сбегай по свиньям* Малаховка Клетнянск. Брян.**; *по свежей воды* Нехочи Хвостовичск.Брян.; *пошли по лыку* Рёвин Карачевск.Брян.; *по налогу пришли* Субботово Выгоничск.Брян.; *по картошкам* Уткино Задонск.Лип. Кроме приведенных, в материалах имеется еще 28 примеров — это сочетания *пойти по ягодам (грибам)*; они распределяются по говорам разных областей следующим образом: Арх.— 1, Лен.— 2, Вол.— 3, Костр.— 1, Новг.— 1, Калин.— 6, Вел.— 5, Пск.— 1, Орл.— 1, Кур.— 1, Лип.— 2, Вор.— 1, Тамб.— 2, Белг.— 1. По всей вероятности, объектно-целевые конструкции с предлогом *по* подвергаются воздействию более широко употребительных общерусских конструкций с этим предлогом и дат. падежом имени (прежде всего пространственных). На территории, где предлог *по* может сочетаться с предл. падежом имени во мн. числе (в составе пространственных и других конструкций —

[27] Как известно, в части русских говоров дат. падеж ед. числа имен на *-а* имеет окончание *-и*.

см. раздел I настоящей главы), отмечены два случая употребления объектно-целевых конструкций с предл. падежом имени во мн. числе: *по орехах ходили* Черная Грязь Клетнянск.Брян.; *по партизанах пришли* Уты Выгоничск.Брян.

Согласно материалам конца XIX — начала XX в., так же, как и современным, по характеру распространения выделяются три группы объектно-целевых конструкций, включающие в свой состав предлог *по*: с одушевленными существительными, с неодушевленными существительными неограниченной семантики, с одушевленными существительными ограниченной семантики. Первые отмечены в губерниях: Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Новгородской, Калужской и Курской; вторые — еще в Нижегородской и Тверской; третьи — в тех же губерниях, где конструкции первых двух групп, а также в Симбирской, Московской, Псковской, Орловской, Рязанской, Воронежской. Наибольшее количество свидетельств об употреблении объектно-целевых конструкций с предлогом *по* в материалах конца XIX — начала XX в., как и в материалах по современным говорам, относится к Вологодской земле. Обращает на себя внимание тот факт, что в материалах конца XIX — начала XX в., относящихся к севернорусской территории, часто подчеркивается высокая частотность конструкций с *по*, ср.: «Очень часто вместо *за* употребляется *по*» Прилук Онежск.у.Арх.губ. (М VIII,336); «Обороты *по коров, по коня, по́ сено* широко употребительны» Вол.губ. (М I,346); «Вместо предлога *за* всегда почти говорят *по*; напр.: *он поехал по овес*; *пошел по коней*; *идти по грибы, по ягоды*; *по коров, по овец*» Якуньково Макарьевск.у.Костр.губ. (М VIII,446); «Вместо предлога *за* обязательно скажут *по* в следующих выражениях: *он пошел по коней, по коров, по́ воду, по горо́х*» Зашижемское Орловск.у.Вят.губ. (М V,36). В ответах на программы конца XIX в. встретилось по одному случаю сочетания предлога *по* в составе объектно-целевых конструкций с дат. и предл. падежами имени: *пойти по кобылам* Соколово Нолинск.у.Вят.губ. (М VIII,537); *идти по ягодах* Темная Трубчевск.у.Орл.губ. (Т 10, 112).

В отличие от материалов ОЛА материалы более раннего времени — конца XIX — начала XX в. и атласа русского языка — содержат свидетельства об объектно-целевых конструкциях и с предлогом *для* типа *пошел для рыбы или для мяса* (Муромля Петрозаводск.у.Олон.губ.). Для конца XIX — начала XX в. данные конструкции зафиксированы в Архангельской, Олонецкой, Новгородской, Владимирской и Симбирской губерниях. Из тех замечаний об употреблении конструкций с предлогом *для*, которые приводятся в некоторых ответах, следует, что применительно к этому времени они должны рассматриваться как единицы, выражающие широкое значение мотивации действия, в котором объединены семы цели и причины, ср.: «*Он пошел для овса, для*

ржи говорят тогда, когда сомневаются, дадут ли, например, в долг» Ежезеро Вытегорск.у.Олон.губ. (М II,571); «Когда куплен на стороне хлеб, овес, мука, рожь, семя или же дано взаймы, то употребляют предлог *за*: *он поехал за хлебом, за мукой, за рожью* и т. д. Наоборот, когда имеется в виду только справиться о цене товаров и если цены не высоки, то можно приобрести, *за* заменяется *для*: *он поехал для овса, для хлеба, для семя*» Вача Муромск.у.Влад.губ. (М XI,13—14); «Скажут и *он поехал для овса*, если действительно поехал куда-нибудь покупать овес или узнать что-нибудь об овсе. Но когда уж положительно выражается, что он поехал взять овес, то скажут — *он поехал за овсом*» Ембулатово Буинск.у.Симб.губ. (М VIII,469—470). В последнем ответе предлог *для* сближается далее с предлогом *насчёт* (*поехать для коровы* и *насчёт коровы*) и при этом указывается на возможность совместного употребления данных предлогов: *поехать насчёт для коровы*[28]. В материалах середины XX в., собранных для составления атласа русского языка, объектно-целевые конструкции с предлогом *для* отмечены всего пять раз: *для дров* Палкино Ашевск.Пск.; *для дров* Порховок Бежаницк.Вел.; *для рыбки* Воютино Ляховск.Влад.; *ездил в лес для дров* Новая Деревня Выксунск.Горьк.; *ступай для молока* Ново-Михайловка Наруксовск.Горьк. Тот факт, что примеры с предлогом *для* всегда приводятся здесь в одном ряду с объектно-целевыми конструкциями, включающими в свой состав предлоги *за*, *по* или *в* без каких-либо замечаний относительно их значения и употребления, позволяет предполагать, что процесс утраты конструкций типа *ступай для молока* сопровождался или предварялся их десемантизацией. Широкое значение мотивации действия можно, правда, видеть в предложении, записанном автором настоящей работы в д. Ефремково Лодейнопольского р-на Ленинградской обл.: *уж Виктор да Нядя приехаччи были для ягод, да так поехали* (т. е. без ягод).

Из трех рассмотренных диалектных конструкций одна — с предлогом *в* — представляет собой новообразование: объектно-целевое значение развилось здесь на базе пространственного[29]; в памятниках не только древне-, но и старорусских такие конструкции, видимо, не встречаются. Две конструкции — с предлогами *по* и *для* — имеют архаический характер: конструкции с предлогом *для*, выражающие значение мотивации действия, в литературном языке были утрачены еще в первой половине XVIII в. [Лозбэ 1965, 16]; конструкции с предлогом *по* просуществовали в качестве обще-

[28] Как известно, в конце XIX — начале XX в. предлог *для* мог еще употребляться и в составе причинных конструкций, ср.: *поём молебны для нечистого духа; надрываемся за этою работою только для нужды* [Грандилевский 1907, 72]; *для утиснения семейства* (строится другая изба) [Чернышев 1909, 13].

[29] Как указывает Л. П. Якубинский, все целевые сочетания развивались в свое время на основе пространственных [Якубинский 1953, 259].

русских до середины XIX в. [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе словосочетаний, 1964, 73]. В части современных говоров, а также говоров конца XIX—начала XX в. конструкции с предлогом *по* предстают как семантически ограниченные — представляется допустимым следующее предположение: при разрушении данных объектно-целевых конструкций в части говоров удержались сочетания, которые как-то могли корреспондировать с наиболее частотными общерусскими конструкциями, включающими в себя предлог *по*,— с пространственными. В силу того что конструкциями с предлогом *по* по говорам охватывается разный круг лексики, говоры различаются между собой не только инвентарем конструкций, образующих объектно-целевой ряд (*за//по*; *за//в*; *за//по//в*)[30], но и характером соотносительности его членов.

В диалектологических материалах разного времени встречаются объектные конструкции, в которых имя в вин. падеже, сочетающееся с предлогом *про*, называет предмет (лицо, группу лиц, животное), ради которого, в пользу которого совершается действие; для которого что-то требуется; которому чего-то хватает (не хватает); для которого что-то предназначено; все эти конструкции эквивалентны общерусским конструкциям с предлогом *для* и род. падежом имени. Вопрос о конструкциях с предлогом *про* есть в программе 1900 г. (вопрос 254), он входит также в число дополнительных вопросов, на которые отвечала часть диалектологов, работавших по Вопроснику для составления диалектологического атласа русского языка[31]; в Вопроснике ОЛА имеется вопрос (2924°), где спрашивается об именных конструкциях типа *подарок для мамы/подарок маме*.

Явление отмечается главным образом в северно- и среднерусских говорах; свидетельства с южнорусской территории единичны. Приведем весь материал: *стерёг про себя да тебя*; *живу про чужих* Холмогорск.у.Арх.губ. [Грандилевский 1907, 73]; *про тебя и наложоно* Шенкурск.у.Арх.губ. [Мансикка 1912, 144]; *про больных да про ребят* Родихи Устьянск.Арх.; *старуха-царица про них припасала питомство* Олон.губ. [Колосов 1877, 193]; *я про людей не стирывала*; у миня *про ей кофий сварён* Пудожск.у. Олон.губ. [Мансикка 1914, 172]; *а это я про вас* (ответ на вопрос о том, зачем хозяйка ставит самовар); *сам про себя и строил*; *по два да по три хлева про скотинушку*; *да я будто про всю деревню топила байну*; *про себя только красила* (о яйцах) Типиницы Медвежьегорск.Карел. (К); *биться про одных коней* (косить); *надо выкосить государству, да про себя надо*; *надо про коровушку* (сена) Вороний Остров Медвежьегорск.Карел. (К); *только что про себя* (молоко) Корытово Медвежьегорск.Карел. (К); *трудились про*

[30] Конструкции с предлогом *для* здесь не учтены как абсолютно единичные.

[31] Материал ответов на этот дополнительный вопрос характеризуется и приводится в статье Ф. П. Филина [Филин 1948 [2], 164—165].

себя Ладва Прионежск.Карел. (ОЛА); *я про себя, вы про себя готовьте* Шамокша Лодейнопольск.Лен. (К); *про их сварить* Лазаревичи Тихвинск.Лен.; *хозяин про себя работал* Гатика Киришск.Лен.; *про меня одного запасёно*; *про себя только сеяли* Горка Мгинск.Лен.; *про себя насеяла*; *про меня захвати* Гавсарь Мгинск.Лен.; *это про дочку у мня куплено* Михалево Ефимовск.Лен. (ОЛА); *про меня полно* ('хватит') *хлеба* Лигово Волховск.Лен.; *про одного много ли надо? про одную много ли надо?* Глушица Чудовск.Лен.; *про одного хватает* Ямно Чудовск.Лен.; *это не про тебя готовили* Яхреньга Никольск.у.Вол.губ. (М IX,255); *он делаў про их* ('для них') Грязовецк.у.Вол.губ. [Мансикка 1912, 279]; *про с'еб'á куп'úў* Житьево Сеямженск.Вол.; *это она про зятя* (вино берет) Гридино Красносельск.Костр. (ОЛА); *я баню про вас истопила*; *готовить не буду про них* Шихириха Пученск.Иван. (ОЛА); *про меня, про всех места хватит* Чертовищи Вичугск.Иван.; *клетка про зайцев* Гоголево Ивановск.Иван. (ОЛА); *не варила про вас ничего*; *запасаюсь про корову*; *он работал только про себя* Рогово Навашинск.Горьк. (ОЛА); *про кого она картошку-то чистит?* Кунилово Талдомск.Моск. (ОЛА); *про ся работа* (ответ гостя хозяйке, когда она чем-либо угощает) Новг.губ. [Колосов 1877, 26; Соловьев 1904, 21]; *про себя* (крестьянин просит денег); *про гостей* ['для') Тихвинск.у.Новг.губ. [Соколов 1908, 114 и 115]; *картошку про вас накопала; сено про вас запасла*; *я нарощу про себя*; *доставай про себя, я про себя достала*; *катка про крошыво* Мстинск.Новг. [Гринкова 1948, 192]; *я про себя запасала* северо-западное побережье озера Ильмень [Овчинникова 1957, 52]; *про одного много ли надо* Посад Мстинск. и Чауни и Долгово Новгородск.Новг.; *на продажу прядут и про себя прядут* Пск.обл. [Ломонов 1962, 91]; *поставила — было про гостей всякой всячины* Кашинск.у.Твер.губ. [Смирнов 1904, 161]; *всё держали про себя* Мехикоорма Тартуск.Эст. (К); *я сама про себя сделаю кое-что*; *не про вас писано* Зарасайск.р-н Литвы [Шулене 1964, 255]; *это не про тебя готовили*; *про родителей жить* ('для родителей приобретать средства к жизни') г. Мещовск Калуж.губ. [Чернышев 1898, 109]; *я пра ццá с мáтирью принёс, а ни пры тибé* г. Мещовск Калуж.губ. [Чернышев 1902[2], 169]. Конструкции, в которых имя, сочетающееся с предлогом *про*, называет лицо (лиц) или животное, в интересах которого совершается действие, вошли в письменность из разговорной речи [Букатевич 1958, 46] и были вполне употребительны в литературном языке еще XVIII в. По-видимому, дольше держались конструкции с местоимениями [32] *.

---

[32] Ср.: *Тутошний черный поп... делал обед про богомольцев* [Путешествие священника Лукьянова (1701—1703); ... *работай так, как ты можешь про себя работать* Посошков (Завещание отеческое); *А это блюдо я спрячу про себя* Левшин (Слуга двух господ) (Примеры приводятся по картотеке Словаря русского литературного языка XVIII в. Л., Словарный сектор Института русского языка АН СССР). Ср. также у Грибоедова (Горе от ума): *Хоть честный человек, хоть нет — Для нас ровнёхонько: про всех готов обед.*

Как известно, в древнерусском языке с помощью предлога *до* образовывался широкий круг конструкций, в которых глагол имеет семантику направленного движения: помимо современных общерусских конструкций, где имя в форме род. падежа, сочетающееся с предлогом *до*, обозначает предмет — предел движения (*дойти до леса*), употреблялись конструкции, где имя называет предмет, внутрь которого или к которому направлено движение,— функционально-смысловым эквивалентом последних в современном русском языке являются конструкции с предлогом *в* (*войти в дом*) и предлогом *к* (*пойти к соседу*). В русской письменности дольше просуществовали конструкции со значением движения к предмету — они употребительны в памятниках XVII и XVIII вв., особенно в тех, которые отражают по преимуществу язык народно-разговорного типа [Букатевич 1957, 56—57]. Конструкции с предлогом *до*, имеющие значение движения внутрь предмета и к предмету, сохранились до настоящего времени в части говоров восточнославянских языков. Как показали материалы ОЛА (вопросы 2913 и 2914°), пространственные конструкции со значением движения внутрь предмета употребляются в украинских говорах, объектные конструкции с оттенком пространственных, выражающие движение к предмету (лицу, группе лиц), являющиеся общеукраинскими, отмечаются также в части говоров белорусского и русского языков.

Применительно к русским говорам конструкции типа *пойти до соседа* фиксируются, помимо материалов ОЛА, еще в материалах, собранных для составления атласа русского языка: они спорадически приводятся в ответах на вопрос программы 133, посвященный объектно-целевым конструкциям; регулярный материал имеется только для небольшой части говоров, работа по которым велась с учетом Дополнений I и II, включающих в себя отдельные вопросы белорусской и украинской программ (Дополнение I, вопрос 6; Дополнение II, вопрос 17). По материалам ОЛА и атласа русского языка выявляется территория, для говоров которой характерно употребление конструкций типа *пойти до соседей*,— это запад и юго-запад РФ — территория, примыкающая к Украине и в меньшей степени к Беларуси [33] (см. карту 2). За пределами этой территории рассматриваемые конструкции не имеют локализации — соответствующие примеры отмечаются как единичные в отдельных населенных пунктах, расположенных как на юге, так и на севере РФ. Приведем примеры объектных с пространственным оттенком конструкций с предлогом *до* из материалов по южнорусским говорам и весь материал, относящийся к говорам средне- и севернорусским:

до матки сбегай, бежи до соседа Осташково Октябрьск.Вел.; *иди до бригадира, до сестре* Холм Октябрьск.Вел.; *подошёл до мене* Старая Вёртка Пречистенск.Смол.; *приходил до вас, до соседа* Киселёвка Починковск.Смол.; *до бригадира* Мамоново Ки-

[33] Конструкции типа пайшóў да бáцькі распространены на западной половине Беларуси; см.: Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карта № 217.

ровск.Калуж.; *сходи до председателя*; *ходи до секретаря*; *ходи до Лёни*; *ушёл до девочек*; *ходи до мамки* Ущерпье Клинцовск.Брян.; *иди до бабушки* Святец Клинцовск.Брян.; *пойду до юриста* Озеривле Мценск.Орл. (К); *а вы прямо сюда приехали иль ещё до кого? муж-то отвращается, бегает до другой* Счастливка Мценск.Орл. (К); *пришла до тётки*; *до Игната ходила*; *я ходила до сестре* Скородное Золотухинск.Кур. (ОЛА); *до нас пойдёмте*; *до председателя ходила* Стрешнево Курск.Кур. (ОЛА); *ходила до Годунова* Плехово Суджанск.Кур. (ОЛА); *до бабушки поедем* Знаменка Измалковск.Лип.; *сноха до мене приведёна* Никольское Никифоровск.Тамб.; *поехал до врачей*; *сходите до Парани*; *ушла до немца*; *до сына поехал*; *приезжают до энтой баби до хрёсной* Шведово Лискинск.Вор.; *пришёл до дяди* Татарино Острогожск.Вор.; *до попа иду* Цепляево Больше-Троицк.Белг.; *едут до жениха*; *идут до бригадира*; *пойду до брата*; *бегит до мене* Климов Хутор Борисовск.Белг.;

пришёл до вас Монастырская Пашня Красноборск.Арх.; *не скажет, что до невесты* (едет) Корытово Медвежьегорск.Карел. (К); *я до вас пришла-то: не даёшь ли баенки стопить? до бабки поедут*; *поехал до матери* Шамокша Лодейнопольск.Лен. (К); *поди сходи до бабки Кати* Щелейки Подпорожск.Лен. (К); *надо ехать до кого-то* Гимрека Подпорожск.Лен. (К); *пошла до Марьи* Чукша Череповецк.Вол. (ОЛА); *схожу до лошади* Черная Слобода Коржинск.Вол.[34]; (идти) *до бригадира, до дедушка* Шилово Хвойнинск.Новг.; *приведут до нас* Тумалины Игналинск.Лит. (ОЛА); *уехала до этого сына*; *я хочу до вас* Заручье Бежецк.Калин.; *пошел до председателя* Завирье Кировск.Калин.; *до председателя* Бортники Кировск.Калин.; *сбегай до председателя* Никулино Весьегонск.Калин.; *до тебя* Бурцево Балахнинск.Горьк.; *схожу до Ольги* Рогово Навашинск.Горьк. (ОЛА)[35]. Имеются и более ранние свидетельства об употреблении в русских говорах конструкций типа *пойти до соседа*, ср.: *я пойду до яво* ('к нему') Паньково Новосильск. у. Тул.губ. (М VIII,555); *сходи до него* ('к нему') Кашинск.у.Твер. губ. [Смирнов 1904, 160]; *ходзил до зафхоза* Савкино Пушкинск. р-на Пск. округа [Иеропольский 1930, 593].

Пространственные конструкции

К числу явлений, характерных для относительно небольшой части территории, занятой русским языком, относится употребление предлога *о* в пространственных конструкциях, где сообщается о местонахождении или движении предмета около, вблизи, рядом с другим предметом, ср.: *живём о самое Онего, а рыбу не ловим*; *об угол проезжай* (Песчаное Пудожск.Карел.).

Пространственные конструкции с предлогом *о* (в отличие от временных с тем же предлогом) не были предусмотрены ни одной

[34] Данный пример является единственным, где имя называет животное.

[35] В д. Жеребут Луж. р-на Лен. обл. отмечена чисто объективная конструкция: *до ней был позван врач* (ОЛА).

из диалектологических программ (вопрос об этих конструкциях включен только в число дополнительных вопросов, на которые отвечали некоторые диалектологи, работавшие по Вопроснику для составления диалектологического атласа русского языка), поэтому материал не имеет регулярного характера — он встречается чаще всего в ответах на вопрос 134 программы, по которой собирался материал атласа русского языка: примеры приводятся наряду с конструкциями, включающими в свой состав предлог *возле*, или вместо них. Пространственные (а также временные) конструкции с предлогом *о* описываются в двух работах, обобщающих значительные материалы,— это статья Ф. П. Филина, построенная на данных, собранных по Вопроснику [Филин 1948, 161—163] и статья Е. А. Белоусовой, написанная с привлечением свидетельств картотеки Словаря русских говоров Карелии [Белоусова 1979]. Согласно данным, заключенным в названных работах (имеем в виду географические пометы при примерах), и материалам, собранным для составления диалектологического атласа русского языка по программе 1945—1947 гг., пространственные конструкции с предлогом *о* отмечены на территории Карелии и следующих областей РФ: Архангельской (Каргопольский, Кемский, Онежский, Плесецкий, Приморский районы), Ленинградской (Лодейнопольский, Мгинский, Новоладожский, Оятский, Подпорожский районы), Вологодской (Андомский, Вытегорский, Кирилловский районы)[36]. По-видимому, данные конструкции, представляющие собой синтаксический архаизм [см., в частности: Буслаев 1959, 486—487; Букатевич 1957, 40—41; Собинникова 1977, 59], в настоящее время характерны для западной части севернорусских говоров (ладого-тихвинские, онежские, западная часть архангельских и вологодских)[37].

Приведем примеры из материалов, собранных для составления атласа русского языка и из личных записей автора — в основном с территорий, не охваченных материалами Ф. П. Филина: *о реку, о лес* Антиповская Коношск.Арх.; *о са́му деревню, о капусту* Избное Коношск.Арх.; «вместо *возле* говорят: *у нас раньше дома были о са́му Свирь*»; *на кладбище о крайчику похоронено* Плотично Подпорожск.Лен. (второй пример — из материалов ОЛА); *мы о самы скалы жили*; (деревня была) *о само озеро*; *а малины о Щель*! Гимрека Подпорожск.Лен.(К); *а эта-та об лесе* (около леса плохая трава) Красный Бор Подпорожск.Лен.(К); *байна так об ручеек; тут об дорогу; всё деревни, всё деревни об Оять; а здеся это будет об Оять; горы об Оять-реку; на этой руке — о Свирь; об реку клеточки* (дрова лежат) Шамокша Лодейнопольск.Лен.(К); *там таки ямы-ты естя об реку*; *большущий*

---

[36] Автором настоящей работы один пример был записан в д. Ямок Новгородск. р-на Новг. обл.: *молилась, пошла о хлев-то там.*

[37] Ф. П. Филин предполагает, что пространственные конструкции с предлогом *о*, широко представленные в языке новгородских и псковских памятников, постепенно оттеснялись на север под влиянием более южных говоров, рано утративших или не знавших этой особенности [Филин 1948, 162—163].

назывался — об печь-ту (о каком-то предмете, находящемся около печи); *об самой даже угол впёрто — была земля; стоим об лошадь*; (ларь находится) *об двери* Ефремково Лодейнопольск.Лен.(К); *об реку иди; мы были-то об дорогу, да заблудились; — где косить? — об реку* Чидово Лодейнопольск.Лен.(К); *об самый берег — бе́режно* Лигово Волховск.Лен.; *живём о реку; побрели о свой берег* Кузнецово Кирилловск.Вол.; *о реку* Холы Ковжинск.Вол.; *шли о линию; о реку по берегу домой* Илатовская Велико-Устюгск.Вол.; *деревня о деревню там часто*; *об озеро байны; много о дорогу живёт малины; где привязана коза? — о дорогу* Типиницы Медвежьегорск.Карел.(К); *наша* (деревня) *об озеро тоже, около Толвуя; вот тут, где вчерась кошено, об загон-то об этот; это о берег фронт был* Вороний Остров Медвежьегорск.Карел.(К); (ясновидящая говорит о потерявшейся корове) *живая она у озера, она об озере ходит* Корытово Медвежьегорск.Карел.(К). Заметим, что три деревни из числа тех, материал которых здесь приведен,— Избное и Антиповская Коношск.Арх. и Илатовская Велико-Устюгск.Вол.— относятся к восточной части архангельских и вологодских говоров.

В материалах начала XX в. встретились следующие примеры: *о дорогу* ('возле дороги'), *о баню, о запашку* Чуженгский приход Кирилловск.у.Новг.губ. (М IX,187); «Предлогом *о* заменяют часто предлоги *около, близ, возле, недалеко от*: так, *о дорогу, о лесок, о пески* — говорят вместо *близ дороги, леска, песку* Емецкое и Куростров Холмогорск.у.Арх.губ. (М VIII,397); *о* — 'на': *не стой о середине избы*; *о* — 'около', 'близ', 'возле': *иди о деревню* (т. е. близ или около деревни); *о самой огонь повесь чайник* (т. е. возле самого огня); *лошади о край берегу ходят* (т. е. возле обрыва на реку) Холмогорск.у.Арх.губ. [Грандилевский 1907, 73]; *он шол о реку* ('возле реки', по 'реке'); *о полё о само* (идет граница); *о берег* Шенкурск.у.Арх.губ. [Мансикка 1912, 143]; *о саму дорогу; о само озёро; дом-о́-дом; койка-о́-койку спали ф салдатах; о их лёгла; о Надежду* ('возле Н.'); *о рику пришол; о́-руцей туды завяртываются* Пудожск.у.Олон.губ. [Мансикка 1914, 171]; *о полё о самоё об нашо* Никольск.у.Вол.губ. [Там же, 1914, 216]. Единственный известный нам случай фиксации пространственной конструкции с предлогом *о* на южнорусской территории относится к воронежским говорам: *об окошку** [Гринкова 1929, 96]. Как видно из приведенного материала, предлог *о* в составе пространственных конструкций обычно сочетается с винительным падежом имени и лишь изредка с предложным. Заметим, что в материалах Е. А. Белоусовой есть примеры и с другими падежными формами [Белоусова 1979, 179—180].

Вопрос 2918° Вопросника ОЛА предусматривает фиксацию пространственных конструкций со значением движения вокруг предмета (*бегать вокруг дерева*). В ответах иногда приводятся также конструкции с семантикой расположения (местонахождения) вокруг предмета (*кругом дома росли деревья*). Значение движения (местонахождения) вокруг предмета передается в русских

www.ruslang.ru

говорах обычно при помощи конструкций, включающих в свой состав предлоги (варианты предлогов) с корнем *круг*: *кругом, вокруг, круг, округ...* Но в материалах по отдельным населенным пунктам, относящимся к территории южнорусских говоров, встречаются примеры, свидетельствующие о возможности употребления в значении 'вокруг' предлогов, обычно имеющих значение 'около': *около*[38], *возле, повз, обапол*: *коло дома ходит* (и 'около', и 'вокруг') Добрунь Брянск.Брян. (ОЛА); *дети бегали возле* ('вокруг') *ракиты* Погорельцево Железногорск.Кур. (ОЛА); *дети бегают повз дерева* ('вокруг дерева') Секерино Глушковск.Кур. (ОЛА); *жерело на платье обапол шеи* Нижняя Мосаловка Усманск. Лип. (ОЛА); *обапол дома* ('вокруг дома') Никоново Рождественско-Харовск.Вор. (Пример встретился в материале атласа русского языка.) Один случай употребления предлога *обапол* в значении 'вокруг' отметила В. И. Собинникова: *абапъл сароки ленты* Гремяченск. р-н Вор.обл [Собинникова 1961, 200]. В русских говорах имеют место и обратные случаи — употребление предлогов с корнем *круг* в значении 'возле', 'около': *кругом амбара* ('возле') Ивановка Брейтовск.Яр.; *круг дому* ('возле') Кузьминка Рамешковск.Калин.; *округ Макарихи я малины нашла бы воза* ('около', 'вблизи') Рогово Навашинск.Горьк. (ОЛА); *она круг их живёт* ('рядом') Инясево Балашовск.Сар.; *круг завалинов было полно муравьев* Темёшево Шацк.Ряз. (ОЛА)[39]. Аналогичное употребление предлогов с корнем *круг* отмечено В. И. Собинниковой для воронежских говоров, И. Т. Гомоновым — для псковских, О. Н. Шулене — для русского островного говора на территории Литвы [Собинникова 1961, 195; Гомонов 1962, 87; Шулене 1964, 272—273]. Как предлоги с корнем *круг*, так и названные здесь предлоги, имеющие значение 'возле', управляют род. падежом имени.

В вопросе 2922° Вопросника ОЛА спрашивается о том, какой предлог употребляется в конструкциях, где называются действие и пространство, преодолеваемое в процессе этого действия. Во всех русских говорах употребляется предлог *через*, сочетающийся с вин. падежом имени (*идти через лес*). Но спорадически, как свидетельствуют материалы ОЛА, на территории разных говоров отмечаются случаи использования для выражения данного значения и архаических конструкций — с предлогом *сквозь* (*скрозь, скрозть*) и вин. падежом имени, ср.: *он шёл сквозь лес* Боровское Верховажск.Вол. (ОЛА); *скрозь всю деревню пойдёте*?

[38] Употребление предлогов (вариантов предлогов) с корнем *кол* в значении 'вокруг' характерно для говоров украинского языка и спорадически отмечается в белорусских говорах.

[39] Употребление предлога *круг* в значении 'около' отмечено и во временных конструкциях: *круг Петрова дни; круг восьми-то часов* Анхимово Вытегорск. Вол.; *поминки круг Ильи; убирали крук Михайлова дня* ('около'), *круг какова числа Пахка была? они круг успенья-то гораз сердитые* (о мухах) — новгородские говоры [Гринкова 1948, 192].

Подборовье Гдовск.Пск. (ОЛА); *он ушёл скрозь лес* Зекеево Нелидовск. Калин. (ОЛА); *скрозть болото сам прошёл*; *скрозь поле прошёл* Погорельцево Железногорск.Кур. (ОЛА). Аналогичные факты зафиксированы и в отдельных диалектологических описаниях [см., в частности: Гомонов 1962, 89; Шулене 1964, 239—240].

Временны́е конструкции

В материалах конца XIX — начала XX в. широко представлены временные конструкции с предлогом *о* (*приехать о Пасхе*): они были предусмотрены как программой, предназначенной для работы по северновеликорусским говорам (в изд. 1895 г. вопрос 108, в изд. 1896 г.— 107), так и программой для южновеликорусских говоров (вопрос 123); имеется соответствующий вопрос и в обобщающей программе 1900 г. (254); примеры типа *приехать о Пасхе* нередко приводятся также в диалектологических описаниях этого времени.

Временные конструкции с предлогом *о*, еще в конце XVIII— начале XIX в. бывшие употребительными (хотя и непродуктивными) в литературном языке [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе словосочетаний, 1963, 92—94], к концу XIX — началу XX в. сохранились в разных русских говорах — соответствующие свидетельства имеются для говоров следующих губерний России: Архангельской (Холмогорский и Шенкурский уезды), Олонецкой (Лодейнопольский, Олонецкий, Петрозаводский, Пудожский уезды), Вологодской (Кадниковский, Никольский, Тотемский уезды), Вятской (Глазовский, Налинский, Орловский, Слободский, Яранский уезды), Костромской (Галичский, Кинешемский, Кологривский, Макарьевский, Солигаличский, Чухломской уезды), Ярославской (Ростовский у.), Владимирской (Меленковский и Покровский уезды), Новгородской (Новгородский и Устюженский уезды), Петербургской (Гдовский у.), Псковской (Холмский у.), Тверской (Кашинский у.), Московской (Московский и Рузский уезды), Нижегородской (Васильсурский и Семеновский уезды), Симбирской (Буинский у.), Пензенской (Инсарский и Чембарский уезды), Орловской (Елецкий у.), Курской (Грайворонovский и Дмитревский уезды), Калужской (Медынский и Мещовский уезды), Воронежской (Валуйский, Задонский и Землянский уезды), Рязанской (Егорьевский и Касимовский уезды).

В составе временных конструкций с предлогом *о* выступают по преимуществу существительные, являющиеся названиями старых праздников, а также существительное *праздник*. Данное обстоятельство в известной мере может быть связано с наличием соответствующих иллюстраций в программах, но выделение именно этого пласта лексики подтверждается и современными данными. В ряде ответов приводится предложно-падежное сочетание *об эту пору* — оно имеется в числе иллюстраций в программе 1900 г. Остальные существительные представлены единичными примерами (они все включены в приведенный ниже матери-

ал). С предлогом *о* в составе временных конструкций обычно сочетается предложный падеж имени и лишь изредка — винительный. Приведем примеры: *Ванька о покрове ездил* Троицк. приход Шенкурск.у. Арх.губ. (М IX,7); *о празднике брюха́ всё толстые*; *о Христове дни, о рожестве, об этой зиме* Шенкурск.у. Арх.губ. [Мансикка 1912, 143]; *о этой весны, о этой ночи, о этой зимы, о этом лети, о этой осени, о вечери; о празднике, о Паски, о Рождестви; об утро, об вечер* ('утром', 'близ вечера') Холмогорск.у.Арх.губ. (М VIII,397); ответ составлен А. Н. Грандилевским)[40]; *о пасхе* ('на Пасху'), *о обеди* ('за обедом') Лембачева Петрозаводск.у.Олон.губ. (М I,345—346); *случилось дело о Пасхи, о Христоведни, о Рождестви, о Крещеньи, об Ильи, о Петровадни, о Варваровадни, о большом праздники, о Егорьевадни; такой скупой, что леду о Крещеньи не выпросишь* Муромля Петрозаводск.у.Олон.губ. (М IV,261); *заболел о Покрови и помёр о Петрови-дни; о Паски; о свадьбы; об этой поры* Пудожск.у.Олон.губ. [Мансикка 1914, 171]; *об эту пору; о Рождестве приходи* Яхреньга Никольск.у.Вол.губ. (М IX,55); *о́-просту пору* Никольск.у.Вол. губ. [Там же, 216]; *мне о Паске 17 лет минёт*; *это случилось о Рожестве* Соколово Нолинск.у.Вят.губ. (М VIII,537); *это случилось о Рождестве; о ту пору мы были с ним на огни́ще* Борок Кинешемск.у.Костр.губ. (М VIII,514, 515); *показался мне кривой О потёмочках одной* Кинешемск.у.Костр.губ.[41]; *не помню, о посте это было или об маслянице; это случилось еще о Рождестве* Ростовск.у.Яр.губ. [Волоцкий 1902, 14]; *умереть о весне* ('весною') Устюженск. у. Новг. губ. (М III, 982); *о Рождестве, о празднике* Гдовск. у.Петерб.губ. (М I, 342); *мы лучше приедем к тебе о Рождестве или о Паске, а може, ты и сам завернёшь к нам о маслянице* Кашинск. у.Твер.губ. [Смирнов 1904, 161]; *об праздники поют* ('во время праздника'); *об эту пору* ('в эту пору') Московск. у.Моск.губ. [Чернышев 1901 [1], 30]; *нога за ногу ехали мы, а все-таки об ста́дну по́ру приехали* Ембулатово Буинск.у.Симб.губ. (М VIII,471); *о маслянице блины пекли; о Ржастве наряжались* Шувары Инсарск.у.Пенз.губ. (М XI,91); *об масляной, об празднику* Запольный Теребунец Елецк.у.Орл.губ. (М XI,78); *об Ражествяны́х свя́тках* Смородина Грайворонозск.у.Кур.губ. (М IX,152); *о(б) Рожестве, о Пасхе, об святой; об ету пору; об масляной был у тёщи на блинах* Покров Медынск.у.Калуж.губ. (М XI,52); *об масляной* Ураево Валуйск.у.Вор.губ. (М IX,92); *дела была ап Пасхи* Вор.губ. [Филатов 1898, 202]; *об масляной, об Рожестве* Егорьевск.у.Ряз.губ. (М XI,125). Как видно по приведенным данным, более активно явление представлено в говорах северных губерний России; можно заметить также, что в севернорусских говорах состав имен не так строго ограничен.

---

[40] В этом ответе приводятся также наречные сочетания: *о веснусь* (наряду с *веснусь*), *о зимесь*.

[41] *Сильчевский Н. Д.* Частушки Кинешемского уезда Костромской губернии, 1901. Картотека словарного отдела Института лингвистических исследований (Петербург), рукописный фонд. Папка 25—26, рукопись 146. С. 10—11.

В литературном языке «предложн. пад. с предлогом *о** мог заключать в себе при равных лексических условиях два значения: ‘действие, совершающееся в один из моментов названного времени’ («прибыть зимой») и ‘действие, совершающееся около названного времени’, т. е. ‘действие и приблизительное время его совершения’ («прибыть перед самой зимой» или «прибыть после зимы»)» [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе словосочетаний, 1963, 94]. В говорах конца XIX — начала XX в. временны́м конструкциям с предлогом *о* присуща та же нерасчлененность значения. Составители ответов на диалектологические программы и авторы описаний говоров чаще всего определяют значение временных конструкций с предлогом *о* как эквивалентное значению конструкций с предлогами *в* и *на* (*о Рождестве* — ‘в Рождество’, ‘на Рождество’); иногда это значение ясно из контекста (*о рождестве наряжались*). Но имеются свидетельства и о значении *о* — ‘близь’ и ‘после’: *начало извозов о рожесьство* (‘вблизи рождества’) Холмогорск.у.Арх.губ. [Грандилевский 1907, 73]; *об вечер* (‘близ вечера’) Холмогорск.у.Арх.губ. (М VIII,397); *о Покрове* (‘после Покрова’) *приходи; о масляной* (‘после масляной’), *о Рожестве* (‘после Рождества’) Елисеево Семеновск.у.Нижег.губ. (М XI,74).

В программе середины XX в. и Вопроснике ОЛА вопроса о временных конструкциях с предлогом *о* нет; фиксация этих конструкций предусматривается только одним из дополнительных вопросов к Вопроснику для составления диалектологического атласа русского языка — соответствующий материал был обобщен Ф. П. Филиным [Филин 1948, 163]. Материал, приведенный Ф. П. Филиным, относится к следующим территориям: Архангельская обл. (Каргопольский р-н), Карелия (Беломорский, Медвежьегорский, Петрозаводский, Пудожский р-ны), Ленинградская обл. (Лодейнопольский р-н), Вологодская обл. (Андомский и Чарозерский р-ны), Ярославская обл. (Мышкинский р-н), Новгородская обл. (Бологовский р-н), Псковская обл. (Карамышевский и Полновский р-ны). Данные, имеющиеся в статье Ф. П. Филина, мы можем пополнить отдельными примерами из материалов атласов и некоторых диалектологических описаний, а также из личных записей автора настоящей работы: *яички красят о Паске* Койда Мезенск.Арх.(ОЛА); *о святках, о святки* (‘на’, ‘во время’); *о праздниках* Долгощелье Мезенск.Арх.(ОЛА); *о паске приехала; о святках приехал; с монастыря-то с колокольни звонили бывало о Паске-то; это ведь о Паске играют-то?* Малетино Пинежск.Арх.(К); *приедут о празднике; об октябрьских-то тут казанска* Типиницы Медвежьегорск.Карел.(К); *об Ильина дни за полем сера кобыла не видно* (рано темнеет) Вороний Остров Медвежьегорск.Карел.(К); *об Илье взяли* (мужа), *а о покрове и убили; спать легла о святках; половицы пали о свадьбу* Гимрека Подпорожск.Лен.(К); *здесь о празднике была с хозяином; хулиганили о Христово-дни; о празднике* (‘на праздник’) Ефрем-

ково Лодейнопольск.Лен.(К); *Алёша теперь был о празднике, об Иване-дни; о празднике что одевали-то? куды ты пойдёшь о празднике?* Регмасово Лодейнопольск.Лен.(К); *гадали об Рождестве* Лавиничи Лодейнопольск.Лен.(К); *я в Гундалы и то бывала о празднике* Чидово Лодейнопольск.Лен.(К); *о новом годе* Кузнецово Кирилловск.Вол.; *приезжал о вечер* Семеновская Вытегорск.Вол.(ОЛА); *о па́аске пожа́р-от быў* Пермас Никольск.Вол. [Орлова 1949, 60]; *о Пасхе* Ямок Новгородск.Новг.(К); *о Паску то было* северо-западное побережье озера Ильмень [Овчинникова 1957, 52]; *а събираюцы хъраводом иүрають/об масляной* Ряз. обл. [Шапиро 1953, 31]; *я ходила ап святую; ап святой ходил ф церкву; аб маладу* (месяце) *буваит'* (о дожде) Гремяченск. р-н Вор. обл. [Собинникова 1961, 226 и 229]. Сравнение имеющихся данных середины XX в. с материалами конца XIX — начала XX в. дает возможность предположить, что и временны́е конструкции с предлогом *о*, подобно пространственным, постепенно оттесняются на север — точнее, на северо-запад территории, занятой русским языком, однако это предположение нуждается в проверке регулярно собранным материалом.

Значение временны́х конструкций с предлогом *о* и в говорах середины XX в. остается нерасчлененным, ср.: *половицы пали о свадьбу* ('во время свадьбы') и *об октябрьских-то тут казанска* (время указывается приблизительно: соответствующий праздник бывает 4 ноября). Как видно из последнего примера, в конструкции втягиваются названия и новых праздников, ср. также приведенный выше пример *о новом годе;* аналогичные факты имеются и в материале Ф. П. Филина: *приехал сын о совецких праздниках* Сергиево Медвежьегорск.Карел.; *народ-то партией соберётся об октябрьском* ('в октябрьские праздники') Янгансельга Пудожск.Карел. [Филин 1948, 163]. Приведенный материал показывает, что предлог *о* обычно выступает с предл. падежом имени, но отдельные случаи сочетания его с вин. падежом встречаются еще и в говорах середины XX в.[42].

Как известно, использование для выражения временны́х отношений предлога *по* в предшествующие эпохи жизни русского языка было значительно более широким, чем в современном литературном языке. Значительная перестройка системы словосочетаний с временны́м значением, приведшая к сужению функционально-семантических возможностей конструкций с предлогом *по*, происходила в литературном языке XVIII — XIX вв. [Букатевич 1957, 130—134; Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе словосочетаний 1964, 90—150]. В современном литературном языке временны́е конструкции с предлогом *по* занимают довольно скромное место, хотя предлог *по* и сочетается при выражении

[42] Временны́е конструкции с предлогом *о* и вин. падежом имени были утрачены в литературном языке раньше, чем конструкции с предл. падежом [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе словосочетаний, 1964, 90].

временны́х отношений с тремя падежными формами имени. Словосочетания, в которых предлог *по* выступает с дат. падежом существительных во мн. числе, обозначающих отрезки времени, называют повторяющееся действие и временны́е отрезки, в которых эта повторяемость осуществляется (*работать по ночам*); словосочетания с дат. падежом ед. числа, называющие действие и время его осуществления (*цыплят по осени считают*), к настоящему времени вышли из употребления. Словосочетания с вин. падежом имени называют действие и срок, являющийся его пределом (*не знать по сей день*),— в настоящее время эти словосочетания уступают место другим, включающим в свой состав предлог *до* и род. падеж имени. Словосочетания с предл. падежом имени (обычно отглагольным существительным) называют действие и предшествующее ему событие (*уехать по окончании школы*); словосочетания используются преимущественно в деловой и книжной речи и постепенно выходят из употребления [Грамматика русского языка, 1954, 161, 181, 213]. В говорах как конца XIX — начала XX в., так и середины XX в. наблюдается более свободное употребление предлога *по* для выражения временны́х отношений, чем в литературном языке этого времени. К сожалению, имеющийся материал в данном случае (как и во многих других) дает лишь некоторое представление о явлении, но отнюдь не обеспечивает его полной характеристики.

В программе конца XIX в., предназначенной для работы на территории северновеликорусских говоров, и в обобщающей программе 1900 г. предусматривается фиксация временны́х конструкций с предлогом *по* и дат. падежом имени, называющих действие и время его совершения, типа *это было по весне* (в изд. 1895 г. вопрос 108, в изд. 1896 г.— 107; в программе 1900 г. вопрос 244). В Вопроснике ОЛА имеется вопрос (2919°) о конструкциях, называющих действие и предшествующее ему событие (*это случилось после войны*) — в ответах на этот вопрос встретились и словосочетания с предлогом *по*. Единичные примеры временны́х конструкций с предлогом *по* приводятся в некоторых диалектологических описаниях и в материалах, собранных для составления атласа русского языка.

Имеющийся материал свидетельствует о наличии диалектных конструкций с предлогом *по* и дат., вин. и предл. падежами имени. Диалектные конструкции с дат. и вин. падежами отличаются от литературных той же структуры своей семантикой, конструкции с предл. падежом — составом именного компонента. Диалектные конструкции с именем в форме вин. падежа называют действие и время его совершения. Конструкции зафиксированы в материалах разного времени, относящихся к севернорусской территории: *по другой день приду, по другую ноць* Шенкурск. у. Арх. губ. [Мансикка 1912, 143]; (птица) *по перьву ночь оставила вот это кольце, по другую — эти серьги, а по третью — этот пояс* Олон. губ. [Колосов 1877, 202]; *не по один год ходят; ни по одну субботу моста не мыли; нету у меня по другой год*

нёвода Пудожск. у. Олон. губ. [Мансикка 1914, 172]; *и по другой день пошла опять подносить* (царевна вино) Новг. губ. [Колосов 1877, 63]; *по одно лето сильный был буран* Талица Рослятинск. Вол.; *у нас по один год все ржи градом поколотило; по один год всё застыло — платья негде было полоскать* Балмасово Бабаевск. Вол.; *по первый год* (контекста нет) Кузнецово Кирилловск. Вол. В конструкциях с вин. падежом именной компонент однотипен — это существительное, называющее временнóй отрезок (*день, ночь, год...*), имеющее при себе определение *один, первый, другой (третий)*.

Предложно-падежное сочетание «*по* + дат. падеж» участвует в образовании конструкций двух типов — таких, где называется действие и время его совершения, и таких, где называется действие и предшествующее ему событие, ср.: 1) *по празднику Христову, тебе говорю* ('на праздник Христов') Шенкурск. у. Арх. губ. (М IX,29); *по лету* ('в летнее время'), *по зиме, по Паске, по темне* ('в темноту') Шенкурск.Арх. [Мансикка 1912, 143]; *по лету-та платили* ('во время лета') Московск. у. Моск. губ. [Чернышев 1901 [1], 30]; *это было по лету, это было по весне, это было по осени, это было по зиме* Покров Медынск. у. Калуж. губ. (М XI, 50); *она как-то приходила к нам по лету; дело было по весне* Мещовск. у. Калуж. губ. (М XI,63); *молоко у ней брали по лету* ('во время лета') г. Мещовск Калуж. губ. [Чернышев 1901 [2], 32] и 2) *теперь уж по обеду* ('после обеда') Семеновская Вытегорск.Вол.(ОЛА); *по прошлому году не было такой суши* ('после') Шихириха Пученск.Иван.(ОЛА). Форма имени, однозначно определяемая как предл. падеж, встретилась только в одном примере с предлогом *по* — конструкция называет действие и предшествующее ему событие: *до обеда работаем, а по обеде иди куда хочешь* Зарасайск. р-н Литва [Шулене 1964, 248]. В наших материалах имеется еще ряд таких примеров с предлогом *по*, где форма имени не может быть однозначно определена как дат. или предл. падеж имени. В тех случаях, когда имя, сочетающееся с предлогом *по*, называет событие, предшествующее действию, можно предполагать употребление как дательного, так и предложного падежа имени; в конструкциях же, где имя называет время совершения действия, употреблен, видимо, дат. падеж, так как это значение для сочетаний с предл. падежом не зафиксировано ни в памятниках, ни в говорах,— нужно, однако, заметить, что и семантика конструкций не всегда поддается точному определению. Приведем этот материал: *по Паске* ('после') Долгощелье Мезенск.Арх.(ОЛА); *мамы, царство ей небесное, хорошие башмаки па смерти надели* Пск. обл. [Гомонов 1962, 90]; *по революции* ('после') Большое Болдино б. Лукояновск. у. Нижег. губ. [Чернышев 1933, 75]; *по войне приехали* Сюверня Тамалинск. Пенз.; *так было по весны!* Холмогорск. у. Арх. губ. [Грандилевский 1907, 69]; *мне по Пасхе будет семнадцать лет* ('на Пасху') г. Олонец Олон. губ. (М IV,243); *это было по весне* Яхреньга Никольск. у. Вол. губ. (М IX,54); *мне по Пасхе семнадцать лет*

Устюжск. у. Вол. губ. (М IX,85); *картофель садят по весне, а роют по осени* Ростовск. у. Яр. губ. [Волоцкий 1902, 14]; *по Пасхе* Шарово Крестецк. у. Новг. губ. (М IX,194); *оттуль по вёсны ехали* Тихвинск. у. Новг. губ. [Соколов 1910, 111]; *по зиме был у него в дому* Аргаш Карсунск. у. Симб. губ. (М VIII,523); *это давно было, по весны* Хотилицы Андреапольск.Калин.(ОЛА); *это было по весны* ('весной') Мехикоорма Тартуск.Эст.(К); *это было па висне́* Троицкое Брянск. у. Орл. губ. (М IX,209); *е́та бы́ла па висьне́* Мещовск. у. Калуж. губ. [Чернышев 1902[1], 167]. Конструкции с предлогом *по* и дат. или предл. падежом имени отмечены как в севернорусских, так и в средне- и южнорусских говорах. Бо́льшая часть материала относится к началу XX в., но отдельные примеры зафиксированы и в современных говорах[43].

III ТИП РАЗЛИЧИЙ

В разделе III рассматривается употребление двух групп предлогов, фиксация которых частично (главным образом в составе пространственных конструкций) предусматривается диалектологическими программами,— это предлоги *с, з, из* и сложные предлоги *по-над, по-под, по-за, повз;* кроме того, сообщаются имеющиеся сведения о конструкциях с предлогами *обапол, край, прямо* и *рядом,* которые не были объектом специального изучения лингвогеографическими методами.

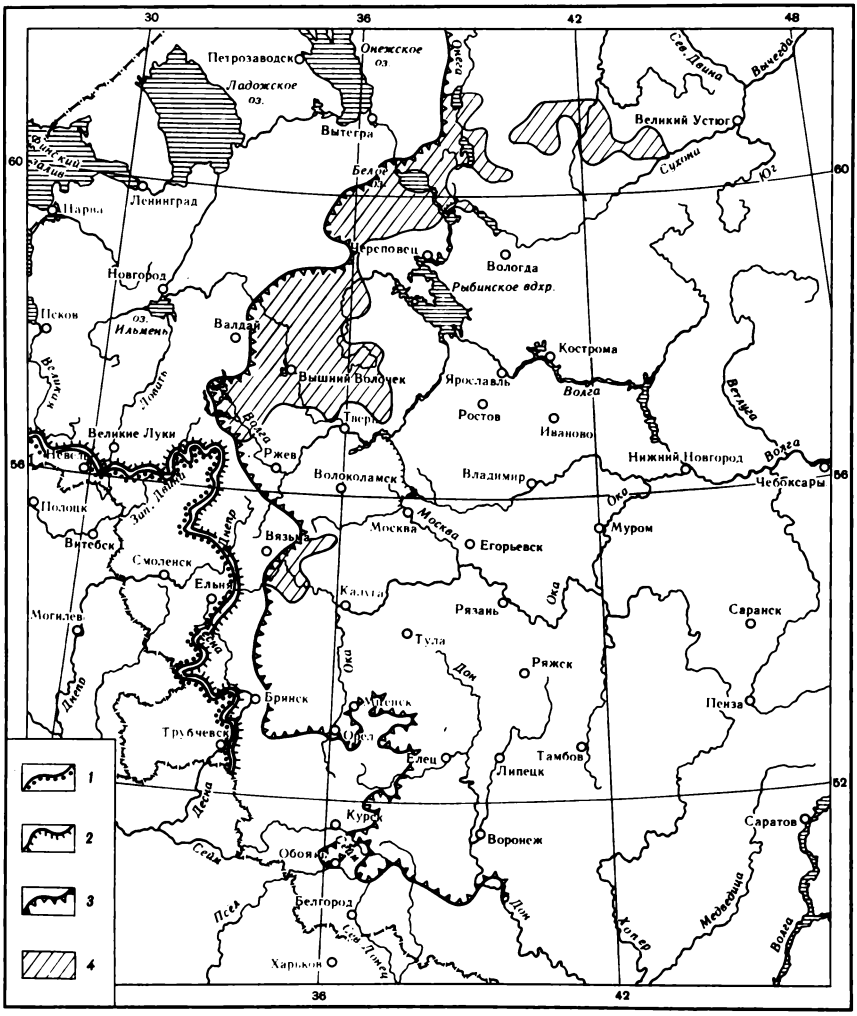
Конструкции с предлогами *с, з, из*

Предлоги *с, з* и *из,* каждый из которых характеризуется ограниченным распространением в русских говорах, находятся между собой в весьма сложных отношениях, являющихся результатом не только синтаксических, но и фонетических процессов. Изучение этих процессов — самостоятельная и сложная задача, которая еще ждет постановки и решения. В настоящей же работе дается лишь характеристика употребления предлогов в говорах на основании имеющихся лингвогеографических материалов. Необходимо заметить, что конструкции с предлогами *с* и *з* не всегда могут быть разграничены, поскольку *с* и *з,* с одной стороны, разные предлоги, а с другой — каждый из них в результате ассимиляции по глухости-звонкости может быть фонетическим вариантом другого. Выявление того, какой предлог употреблен — *с* или *з,*— возможно только при определенных фонетических условиях: в положении перед сонорными, *в, j* и гласными — следовательно, показательны примеры типа *ехать с(з) леса, с(з) Москвы, с(з) Воронежа, с(з) Ельни, с(з) Орла* и не показательны — типа *ехать с села с Киева, з деревни, з города.*

[43] Конструкции с предлогом *по* и предл. падежом имени, называющие действие и предшествующее ему событие, распространены в говорах западной части Беларуси и Украины (везде, кроме юго-запада Украины, одновременно употребляются конструкции и с предлогом *после* и род. падежом имени).

Предлоги *с* и *з* во всех городах, где они употребляются, сочетаются с именами в род. и тв. падежах (*выйти с леса* и *з леса; уехать вместе с ним* и *з ним*), предлог *из* — с именами в род. падеже (*выйти из леса; связать из шерсти*). Таким образом, в русских говорах образуются два ряда структур с данными предлогами: 1) «главное слово + *с* + тв. падеж»; «главное слово + *з* + тв. падеж» и 2) «главное слово + *из* + род. падеж»; «главное слово + *с* + род. падеж»; «главное слово + *з* + род. падеж». В качестве главного слова в большинстве случаев выступает глагол, но отмечаются и именные словосочетания (*поездка с(з) отцом; вода из(с, з) родника*). Соотносительность говоров по употреблению структур первого ряда проста: словосочетания с предлогом *з* и словосочетания с предлогом *с*, употребляющиеся в говорах разных территорий (первые распространены в западной части южнорусских говоров, вторые — во всех остальных русских говорах), полностью эквивалентны: на их основе образуются конструкции, выражающие одинаковый круг смысловых отношений,— те, которые в литературном языке передаются конструкциями с тв. падежом имени и предлогом *с* (объектные отношения: *смешать с песком, приехать с чемоданом;* отношения совместности: *встретиться с сестрой* и др.). Соотносительность же говоров по употреблению структур с род. падежом, где выступают три предлога, сложнее, и именно к этому ряду относятся вопросы диалектологических программ.

В программах конца XIX в. предусматривалась фиксация пространственных конструкций с предлогом *с* (в программе, предназначенной для работы по северновеликорусским говорам,— только в изд. 1896 г.— вопрос 109; в программе для южновеликорусских говоров вопрос 123); в обобщающей программе 1900 г. спрашивается не только о пространственных конструкциях, но и об объектных: *сделал раму с дерева // из дерева* (вопрос 254). В Программе ДАРЯ вопрос (132) касается пространственных конструкций с предлогами *с* и *з*, но в материалах, собранных для атласа (если принять во внимание ответы и на морфологические вопросы и тексты-приложения), представлены также объектные конструкции — главным образом такие, где называется материал из которого делается предмет (*сшить с(з) льна*). В Вопроснике ОЛА имеется вопрос (2877°) об отрицательном местоимении в конструкциях типа *туда не ходил никто (из нас);* попутно внимание собирателей материала обращается на предлог. Обобщая все эти данные (основу которых составляет, конечно, материал атласа русского языка), можно сказать, что предлог *з* распространен в говорах западной группы южнорусского наречия — на территории, прилегающей к Беларуси и частично к Украине (карта 4) (*з* является, как известно, общебелорусским и общеукраинским предлогом). Предлог *с* в сочетании с род. падежом имени (так же, как и в сочетании с тв. падежом) известен всем русским говорам, за исключением

Карта 4

1, 3 — территории распространения предлогов: *1* — *з*, *2* — *с*, *3* — *из*; *4* — территория регулярного употребления предлога *с* (наряду с *из*) в таких пространственных конструкциях, где имя не является собственным или нарицательным названием населенного пункта *(вынуть с ящика, вода с реки)*

тех, где употребляется предлог *з*. Изоглосса предлога *из* проходит восточнее, чем изоглосса предлога *с*,— примерно по линии Каргополь — озеро Белое — Боровичи — Валдай — Вышний Волочек — Осташков — Ржев — Гагарин — Вязьма — Брянск — Орел — Мценск — Ефремов — Ливны — Щигры — Старый Оскол — Острогожск (см. карту 4). Предлог *из* не характерен для всех говоров, составляющих западную диалектную зону

(об этой зоне см.: [Русская диалектология 1964, 242—244])[44]. Таким образом, получается, что одним говорам известны только словосочетания с предлогом *з* (территория, примыкающая к Белоруси и частично к Украине), другим — только словосочетания с предлогом *с* (территория между изоглоссами предлогов *з* и *из*), третьим — словосочетания с предлогами *из* и *с* (территория, ограниченная с запада изоглоссой предлога *из*). Круг смысловых отношений, выражаемых словосочетаниями с именем в род. падеже, во всех трех группах говоров одинаков — по-видимому, он исчерпывается теми отношениями, которые в литературном языке передаются при помощи словосочетаний с двумя предлогами — *из* и *с*,— частотными из них являются словосочетания пространственные и объектные. По отношению к говорам, характеризующимся, как и русский литературный язык, употреблением двух предлогов — *из* и *с*, встает вопрос об их соотношении. Обратимся сначала к пространственным, затем к объектным конструкциям.

Пространственные конструкции как с предлогом *из*, так и с предлогом *с* называют в русском языке действие и место, являющееся его исходным пунктом. Для литературного языка характерна известная семантическая дифференциация данных конструкций (хотя и не вполне последовательная): предлог *из* употребляется в тех случаях, когда должен быть назван предмет, изнутри которого исходит действие, предлог *с* — по преимуществу там, где действие совершается с поверхности предмета (*приехать из леса, скатываться с горы*). Следствием данной семантической дифференциации является то обстоятельство, что круг слов, сочетающихся с рассматриваемыми предлогами, неодинаков — это относится к словам, составляющим как зависимую, так и главную часть словосочетания. В говорах, как показывают собранные материалы,— в одних больше, в других меньше — наблюдаются отклонения от того соотношения в употреблении предлогов *из* и *с*, которое свойственно литературному языку. На территории, характеризующейся сосуществованием пространственных конструкций с предлогами *из* и *с*, отмечаются, с одной стороны, словосочетания типа *прийти с леса, взять с ящика, приехать с Орла*, с другой — правда, редко — словосочетания типа *прийти из поля, из огорода; прийти из войны; вернуться из мельницы, из Украины*. Естественно поставить вопрос, что́ имеет здесь место: известная неразграниченность предлогов *из* и *с* при употреблении в пространственных конструкциях или иное, чем в литературном языке, их распределение. Думается, что на этот вопрос нельзя дать единого ответа для всех говоров.

---

[44] Следует заметить, что граница распространения предлога *из* очень нечетка, особенно в южной своей части, и что отдельные случаи употребления словосочетаний с этим предлогом отмечаются по всей территории, занятой русским языком, а также и в говорах восточной части Беларуси [Нарысы па беларускай дыялекталогіі, 1964, 320].

Из имеющихся материалов следует, что если случаи употребления в говорах предлога *из* в соответствии с предлогом *с* литературного языка немногочисленны и связаны с отдельными словами (чаще других со словами *поле* и *Украина*[45]), то факты обратные — когда предлог *с* выступает в говоре там, где в литературном языке был бы использован предлог *из*,— отмечаются на территории сосуществования предлогов *из* и *с* почти повсеместно, но с разной частотой. Используя то обстоятельство, что для пространственных конструкций с рассматриваемыми предлогами имеется регулярно собранный материал атласа русского языка, автор попытался изучить соотношение пространственных конструкций с предлогами *из* и *с* в разных говорах статистически и представить результат в виде карты-схемы, где единицей, для которой устанавливается количественный показатель, является совокупность населенных пунктов, расположенных на территории между двумя меридианами, проведенными через один градус, и двумя параллелями, проведенными с той же частотой [Кузьмина 1973]. Материалы атласа показали, что соотношение пространственных конструкций с предлогами *из* и *с* по степени употребительности изменяется в говорах постепенно — в направлении с запада на восток. Относительная частота употребления конструкций с предлогом *с* максимальна на западе территории, т. е. на участках, примыкающих к границе использования словосочетаний с *с* в качестве единственных (к границе распространения предлога *из*). По мере удаления от территории исключительного употребления конструкций с *с* доля словосочетаний типа *прийти с леса, вынуть с ящика* в общей массе рассматриваемых словосочетаний (пространственных словосочетаний с предлогами *из* и *с*, в которых имя называет место, являющееся исходным пунктом действия) уменьшается, и на многих участках восточной части территории диалектные примеры с *с* представлены в материалах как единичные. Имеет место некоторое изменение интенсивности употребления конструкций с предлогами *из* и *с* и в направлении с севера на юг: доля конструкций с *с* несколько выше на севере и юге (к северу от 60° с. ш. и к югу от 53° с. ш.) и ниже в центральной части.

На территории сосуществования предлогов *из* и *с*, если взять всю совокупность имеющихся материалов, в сочетании с предлогом *с* зафиксирован широкий и семантически разнообразный круг имен. Из данных атласа не вытекает вывода о том, что для какой-либо группы имен сочетание с предлогом *с* является в соответствующих говорах невозможным (что они всегда выступают с предлогом *из*). Приведем некоторые примеры: *бежит с лесу; выходит с комнаты; привет тебе с города* Ануфриево Белозерск.Вол.; *яблоков с подполья достать* Чистый Дор Кирилловск.Вол.; *кони пришли с саду* Боковское

[45] Употребление сочетания *с Украины* (а также *на Украине*) в русском литературном языке Л. А. Булаховский связывает с влиянием украинского языка (Булаховский 1950, 264].

Кирилловск.Вол.; *с родника вода* Левашово Середск.Яр.; *пей с самовара* Игольница Гаврилов-Ямск.Яр.; *с бани пришла* Селиваново Угличск.Яр.; *пришел с Риги* Большие Рымы Макарьевск.Костр.; *воду-ту с реки у нас берут* Рыспаево Приволжск.Иван.; *выбыл со строя* Стародубцы Даровск.Кир.; *шли с школы* Сестренки Боровичск.Новг.; *с своей головы взял* Язвиха Вышневолоцк.Калин.; *с ведра воды возьми* Заболотье Лесной Калин.; *выбыл с армии* Шишковердь Княгининск.Горьк.; *парни приходят с чужих сел* Кугушевка Лунинск. Пенз.; *с колхоза дали* Старая Кутля Лунинск.Пенз.; *их с лесов-то выгнали* Кашировка Тамалинск.Пенз.; *яйцо с гнезда* Большие Хутора Ново-Ломовск.Пенз.; *с деревни потянуло дымом Подвигаловка Гражданск.Тамб.; воды принесу себе с колодца; а с Танбова без пересадки ехать* Троицкая Вихляйка Сосновск.Тамб.; *принес с дому; вылезу с погреба* Текино Сампурск.Тамб.; *надысь с Рязани слезла* ('приехала') Панино Спасск.Ряз.; *с банку денег давали* Русиново Юхновск.Калуж.; *шёл с вагона* Алексеевка Алешковск.Вор. Вместе с тем можно заметить преимущественную связь предлога *с* с определенными словами. Данный предлог чаще сочетается с собственными именами, являющимися названиями населенных пунктов (это могут быть как местные топонимы, так и названия больших городов — из последних по частоте употребления с предлогом *с* выделяется слово *Москва*), а также с нарицательными существительными, обозначающими населенный пункт (*деревня, село, город...*). Следует еще заметить, что выбор предлога — *из* или *с* — может быть, по-видимому, связан в отдельных случаях с фонетическими условиями: как показывает материал атласа, слова, начинающиеся с группы согласных (*школа, Смоленск, Псков...*), чаще выступают с предлогом *с* — точнее, с его вариантом *со*.

Дифференцированный анализ лексического состава имен, сочетающихся с предлогом *с*, применительно к разным участкам территории сосуществования предлогов *из* и *с* позволяет сказать, что, помимо описанных выше количественных различий, по говорам имеются и качественные (хотя и выраженные неотчетливо). Для говоров, которые отличаются низкой относительной частотой употребления конструкций с предлогом *с*, характерно сочетание *с* с собственными и нарицательными существительными, называющими населенные пункты. В говорах, характеризующихся более высокой относительной частотой употребления конструкций с *с*, данные конструкции свободнее включают в свой состав существительные другой семантики. В западной части территории, на которой сосуществуют предлоги *из* и *с*, выделяются участки, где *с* регулярно отмечается в сочетании и с такими существительными, которые не называют населенных пунктов,— несмотря на то что границы этих участков очень размыты, мы попытались показать их на карте (см. карту 4). Таким образом, если в одних говорах на первый план выступают элементы иного, чем в литературном языке, распределения предлогов *из* и *с*, то в других наблюдается известная неразграниченность данных

предлогов при употреблении их в пространственных конструкциях, однако провести четкую границу между этими группами говоров вряд ли возможно.

Как указывалось, в ответах на вопросы диалектологических программ и в текстах-приложениях имеется довольно большой материал по глагольным конструкциям с предлогом *с*, выражающим объектные отношения,— в подавляющем большинстве случаев здесь называется действие и предмет (материал), из которого что-либо делается при помощи этого действия; встречаются также именные конструкции, выражающие определительные отношения,— чаще всего предмет характеризуется по материалу, из которого он сделан. Вот некоторые примеры: *бочка с дуба* Буторинская Вельск.Арх.; *сделал рамку с дерева* г. Олонец Олон.губ. (М IV,244); *подушку делают с перьев — с котов не делают подушек* Типиницы Медвежьегорск.Карел.(К); *с бревна выходит четыре горбыля; с сосны смолу гонят, с берёзы — дёготь* Лебяжье Ломоносовск.Лен.; *а с овина пудов 15—20 падёт* ('получится') Ефремково Лодейнопольск.Лен.(К); *хороши сухари — у меня с булочек;* (занавески) *с марли е деланы* Красный Бор Подпорожск.Лен.(К); *с молока каша* Рыжичная Верховажск.Вол.; *шубья шили с овец* Самино Андомск.Вол.; *с нас один* Назарово Тутаевск.Яр.; *сапаги с нашай шéрсти* Верейск.у. Моск.губ. [Чернышев 1970[3], 336]; *сошьют с холста* Богдановка Жадовск.Ульян.; *мука с пшеницы* Кочергино Балахнинск.Горьк.; *с костей человека сделано* Безлесное Новопокровск.Сар.; *Иринка клей с воды захотела сделать* Котовицы Новгородск.Новг.; *партки со́ льну; шуба с афчин* Псковск.у. Пск.губ. [Чернышев 1970[1], 336]; *с турнепу одного варим* Замошье Лядск.Пск.; *торба с холста сшита* Губино Кудеверск.Вел.; *суп с леща* Залучье Куньинск.Вел.; *с чарники кисель лутчи* г. Осташков [Чернышев 1949, 276]; *забор забран с лесу* Верхние Горицы Кировск.Калин.; *с какого-то дерева люльку сделала* Пустошка Всходск. Смол.; (деревня) *домов с девяти-десяти* Писково Сычевск. Смол.; *задала вопрос с арифметики* Глинное Сычевск.Смол.; *дерюга с полотна с толстого* Хинель Севск.Брян.; *они ж с господ* Нижний Жерновец Русско-Бродск. Орл.; *скалки делают с берёзы* Борисовка Льговск.Кур.; *сделали солянку с малосольных огурцов* Зимницы Барятинск.Калуж.; *с хвороста сплетён* Чихачёвка Жердевск.Тамб.; *церкаф с пираноф складена* Вор.губ. [Филатов 1898, 202]; *с воды варили* Вторая Верёвка Таловск.Вор.; *она с казаков* Русаново Новохопёрск.Вор.

Картографирование показало, что объектные и определительные конструкции с предлогом *с* и род. падежом имени встречаются в самых разных говорах (это видно и по географическим пометам при приведенных примерах), однако частота их фиксации по говорам очень значительно колеблется. Нетрудно заметить также, что между употребительностью пространственных и непространственных конструкций с предлогом *с* наблюдается соответствие. На всей территории, где употребление *с* в пространственных конструкциях ограниченно (*с* сочетается по пре-

имуществу с существительными, называющими населенные пункты), случаи фиксации конструкций типа *сделать с марли, бочка с дуба* абсолютно единичны. Реально употребительны данные словосочетания там, где *с* в составе пространственных конструкций сочетается с различными существительными: помимо западной части РФ, это юго-восток (южнее 54° с. ш.; Пензенская, Тамбовская, Воронежская области) и в меньшей мере — северо-восток (севернее 60° с. ш.). Основная же часть материала по конструкциям типа *сделать с марли, бочка с дуба* приходится на территорию, где в пространственных конструкциях употребляется только один предлог — *с*. Таким образом, сделанный выше применительно к пространственным конструкциям вывод о том, что в части русских говоров сосуществование предлогов *с* и *из* имеет неразграниченный характер, можно сформулировать шире: в части говоров предлог *с* может быть употреблен в соответствии с литературным *из* в любой позиции. В других же говорах употребление *с* вместо литературного *из* почти сводится к пространственным конструкциям, причем регламентируется, как правило, сочетаемостью с определенной лексикой. Картина, представленная в этих последних говорах, в известной мере является отражением общерусских фактов, относящихся к предшествующим эпохам в развитии языка: как известно, в старорусский период и даже в XVIII в. предлог *с* широко употреблялся в сочетании с именами, называющими населенные пункты [Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение, 1978, 375—379; Букатевич 1957, 73]. Что же касается говоров на западе РФ, то по отношению к ним напрашивается предположение, что широкое или исключительное употребление *с* здесь имеет фонетическую основу[46]. В западной части РФ предлог *с* заменяет *из* и в составе сложных предлогов *из-за* и *из-под*, ср.: *с-под ручки поглядишь* Муромля Петрозаводск.у. Олон.губ. (М IV,262); *с-за плана; с-за тебя* Усадище Осьминск.Лен.; *отец-то еговый естя с-под Костромы* Красный Бор Лодейнопольск.Лен.(К); *с-под Жиздря* Боровск.у. Калуж.губ. (Т 10, 72); *с-за Серпейску* г. Мещовск Калуж.губ. [Чернышев 1898, 95]; *крестьяне с-пат По́чьпа* Брянск.у. Орл.губ. (Т 3, 162); *с-под лошади* Большое Тялино Кармановск.Смол.; *не с-за корму* Вязовка Сычёвск.Смол.; *с-под Москвы* Саввин Больше-Троицк.Белг. Иногда аналогичные примеры встречаются и на юго-востоке РФ, где употребление предлога *с* также характеризуется известной широтой (Пензенская, Тамбовская, Воронежская области).

Конструкции со сложными предлогами

К числу распространенных только в части говоров принадлежат сложные предлоги (кроме *из-за* и *из-под*). Фиксация сложных диалектных предлогов предусмотрена Программой ДАРЯ

[46] Н. И. Букатевич предполагает, что в употребляющихся по памятникам сочетаниях типа *с города* и *из города* выступает один и тот же предлог «в разном фонетическом оформлении» [Букатевич 1957, 72].

(вопрос 135); регулярный материал имеется для трех названных в программе предлогов — *по-над, по-под, по-за* — и для предлога *повз*. Сложные предлоги *по-над, по-под, по-за* характерны для северо-востока европейской части РФ (главным образом севернорусские вологодские говоры) и юго-запада РФ (южнорусские говоры на границе с Украиной); предлог *повз* распространен только в южнорусских говорах на территории Брянской обл. (см. карту 5). При помощи предлога *повз*, а также предлогов *по-над* и *по-под* (за единичными исключениями) выражаются пространственные отношения, при помощи предлога *по-за* — отношения пространственные (по преимуществу), временные и объектные. Значение словосочетаний со сложными предлогами характеризуется широтой и известной нерасчлененностью. О значении словосочетаний свидетельствуют замечания составителей ответов на программу, контексты, а также состав употребляющихся с предлогами имен (к сожалению, предложно-падежные сочетания часто приводятся в материалах без контекста). Все указанные предлоги отмечены в сочетании с разными падежными формами имени.

Словосочетания с предлогом *по-над* в большинстве случаев выражают значение местонахождения или движения (действия) предмета около или вдоль другого предмета, ср.: *по-над садом робит* Беклемишево Устьянск.Арх.; *по-над Сухому Болоту видел ваших лошадей* Лычная Коношск.Арх.; *по-над озеро лес* Люговичи Лодейнопольск.Лен.; *по-над усадьбой ходили* Костино Белозерск.Вол.; *по-над угор деревня будет* Заболотье Нюксенск.Вол.; *по-над лесу не пойти, а по-над реке* Горская Тарногск.Вол.; *по-над болоту-то есь* Папино Верховажск.Вол.; *по-над берегом тут и ходим* Скрябино Подосиновск.Кир.; *по-над дорогой тропочка буде* Старищи Порховск.Пск.; *по-над рекой* — ‘около реки’ Федорково Весьегонск.Калин.; *станьте по-над вагоном* (‘вдоль’) Прилепы Навлинск.Брян.; *косили по-над лесом* Лагирёвка Комаричск.Брян.; *по-над лесом скот ходя* Белица Беловск.Кур.; *по-над землю метёт* Черемошное Солнцевск.Кур.; *иди прямо по-над лугом* Котельниково Обоянск.Кур.; *по-над берегом, по-над речкою* — ‘около’ Русская Поречная Суджанск.Кур.; *верба по-над лугом; по-над линию хатки стоят* Белый Колодезь Больше-Троицк.Белг.; *по-над ставом лес большой; станьте по-над стеночкой* Гредякино Буденновск.Белг.; *по-над лесом у Ольки хороший огород* Песчанка Ново-Оскольск.Белг.; *по-над берегом идти можно* Расховецк Уколовск.Белг.; *по-над хлебом ходят; по-над хлебом ездиют* Берёзовка Елань-Каленовск.Вор.; *по-над лесом* — ‘вдоль, по опушке леса’; *по-над берегом* — ‘вдоль по берегу’ Липовка Бобровск.Вор. Несколько меньшую группу составляют словосочетания, в которых выражается значение местонахождения или движения (действия) предмета над другим предметом или над и одновременно вдоль другого предмета (это последнее значение возможно в некоторых из тех конструкций, где имя, сочетающееся с предлогом *по-над*, называет предмет, обладающий известной

протяженностью,— река, лес...), ср.: *по-над крышей самолёт; по-над реку птицы летят* Митино Бабушкинск.Вол.; *по-над реку радуга* Рыжичная Верховажск. Вол.; *по-над рекой радуга* Печена Тотемск.Вол.; *по-над столом* Нижняя Становая Тотемск.Вол.; *по-над ведром* Крутая Пыщугск.Костр.; *по-над тем леском зарево стояло* Тяжино Большесельск. Яр.; *по-над рекой туман расстилался* Семёновское Коломенск.Моск.; *по-над рекой пролетели гуси* Подлесное Тагайск.Ульян.; *самолёт летит по-над рекой* Заречье Горицк.Калин.; *вчера туман по-над речкой поднялся* Азаровка Воронокск.Брян.; *по-над речкой* — 'над рекою' Верхняя Любовша Краснозоренск.Орл.; *по-над полем Косиченским пролетело анадысь штук десять аэропланов* Песчанка Ново-Оскольск.Белг.; *мы утром рано пошли в город: по-над рекой туман густой — пригустой; когда молния зажгла дерево, то туман был густый по-над лесом* Оскольское Ново-Оскольск.Белг.; *по-над речкою туман стелется* Солдатское Шаталовск.Белг.; *по-над лесом летит самолёт* Верейка Голосновск. Вор.

Предлог *по-над* отмечен в сочетании с дат., вин. и тв. падежами имени. Основную часть материала составляют конструкции с тв. падежом: они употребительны во всех говорах, которым известен предлог *по-над*. Конструкции с дат. падежом возможны только в севернорусских говорах — соответствующие примеры имеются в материалах по единичным населенным пунктам, относящимся к следующим территориям (цифры указывают количество населенных пунктов, если их более одного): Архангельская обл. (районы: Коношский — 2, Устьянский); Вологодская обл. (районы: Бабушкинский — 4, Верховажский, Вологодский, Нюксенский, Рослятинский — 3, Тарногский — 3); Кировская обл. (Опаринский р-н); Костромская обл. (Сусанинский р-н). Словосочетания с вин. падежом также весьма немногочисленны, но относятся как к севернорусским, так и к южнорусским говорам — назовем территории, где они отмечены: Архангельская обл. (Устьянский р-н); Ленинградская обл. (Лодейнопольский р-н); Вологодская обл. (районы: Бабушкинский, Верховажский, Нюксенский, Тотемский); Новгородская обл. (Крестецкий р-н); Брянская обл. (Суземский р-н); Курская обл. (районы: Пристенский, Солнцевский); Белгородская обл. (районы: Больше-Троицкий, Корочанский). По-видимому, конструкции со всеми тремя падежами семантически соотносительны между собой: имя, употребляющееся с предлогом *по-над*, называет место расположения или действия предмета (предложно-падежное сочетание отвечает на вопрос «где?»). Сочетание с дат. падежом имени обусловлено первой частью сложного предлога, сочетание с тв. падежом — второй его частью. Второй частью предлога определяется, по-видимому, и сочетание с вин. падежом: примеры типа *по-над реку птицы летят* отмечены в пределах территории распространения конструкций, включающих в свой состав предлог *над* и вин. падеж имени (см. соответствующий раздел настоящей главы). Следует заметить при этом, что в конструкциях с пред-

логом *над* и вин. падежом в отличие от конструкций с *по-над* указывается обычно направление движения (*повесить над дверь*). Аналогичное наблюдение было сделано Ф. Л. Скитовой по материалам пермских говоров — она пишет: «В пермской речи в нескольких случаях отмечен винительный. *По-нат крылецько ви́сит-ца* (виси́т).. Этот винительный привнесен из характерных для пермских говоров сочетаний с первообразным предлогом *над* и винительным падежом имени, отвечающих на вопрос „куда?“» [Скитова 1960, 22].

Предлог *по-над* один раз отмечен во временной конструкции: *по-над вечер* Малая Медведица Павинск.Костр.

В отличие от предлогов *по-под* и *по-за* предлог *по-над* спорадически отмечается в разных говорах за пределами северо-востока и юго-запада РФ: в западной части севернорусских говоров; в западных и восточных среднерусских; в южнорусских, территориально не соприкасающихся с Украиной. Несколько «менее диалектный» характер данного предлога свидетельствуется и тем обстоятельством, что он иногда встречается в художественной литературе (в описаниях), ср.: *Вскоре он был уже на дороге, которая вилась по-над рекой Кодора, блестевшей, как узкий кривой нож, на дне ущелья* (Каверин. «Перед зеркалом»); *По-над водой мостки тесовые там и тут* (Солоухин. «Владимирские проселки»); *От дамбы, конечно, не осталось и следа, тропинка вилась по-над самой водою* (В. Андреев. «Детство»)[47]. Следует заметить, что в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. III) предлог *по-над* дается с пометой «народно-поэтический», тогда как предлог *по-за* характеризуется как областной, а предлог *по-под* не упоминается[48].

Предлог *по-над* употребляется в украинском и белорусском языках.

Предлог *по-под* характерен для вологодских говоров и в меньшей мере — для прилегающей к ним части костромских; на южнорусской же территории он отмечен только в отдельных населенных пунктах — главным образом по границе с Украиной: предлог *по-пid* так же, как и *по-над*, является общенародным элементом украинского языка.

Предлог *по-под* сочетается с дат., вин. и тв. падежами имени. Словосочетания с тв. падежом фиксируются как в севернорусских, так и в южнорусских говорах, словосочетания с дат. и вин. падежами — только в севернорусских. Сочетания предлога *по-под* с дат. и тв. падежами, по-видимому, всегда отвечают на вопрос «где?»: сочетание с дат. падежом обусловлено первой частью сложного предлога, с тв. падежом — второй его частью.

[47] См. также примеры, приведенные Е. П. Лупповой и В. И. Собинниковой (Луппова 1971, 121—122; Собинникова 1977, 87].

[48] Е. П. Луппова приводит, однако, отдельные примеры из языка художественной литературы и с этими предлогами [Луппова 1971, 118—120].

С помощью данных сочетаний выражается значение расположения или движения предмета 1) вблизи, вдоль другого предмета и 2) ниже, внизу другого предмета — иногда, возможно, ниже, внизу предмета и одновременно вдоль него. Некоторые примеры: 1) *по-под лесу ходишь* Усть-Нименьга Няндомск.Арх.; *по-под стене да во двор* Буторинская Вельск.Арх.; *по-под лесу за грибами ходят* Дресвянка Вилегодск.Арх.; *речка по-под селу* Миньково Бабушкинск.Вол.; *по-под деревней* Веретья Бабушкинск.Вол.; *подите по-под полями* Ляпшево Харовск.Вол.; *по-под лесу* — 'возле леса' Боровая Пустошь Верховажск.Вол.; *пошла по-под низине поля; по-под лесу идёт* Беляевка Никольск.Вол.; *по-под земле ласточки* Талици Рослятинск.Вол.; *жар по-под низу идёт* Сенино Рослятинск. Вол.; *по-под Мурманом* Бабья Рослятинск.Вол.; *по-под лесу грибов-от много* Емельяновская Тарногск.Вол.; *по-под окошку шёл* Осиновка Тарногск.Вол.; *по-под речкой* Подволочная Тарногск.Вол.; *пойдешь по-под речушке* Чукша Череповецк.Вол.(ОЛА); *по-под берегу на простой лошаде не объехать* Ровдино Подосиновск.Кир.; *волки по-под окошку бегают; три волка по-под окошку бежат; по-под окошком бегают* (сохатые) Яковлевская Гора Подосиновск.Кир.; *шёл по-под окошкам(и)* Гусиха Пыщугск.Костр.; *кто-то прошёл по-под окошку* Новоселка Борисоглебск.Яр.; *по-под полям(и)* Большая Гарь Арефинск.Яр.; *по-под низом* Любовка Рославльск.Смол.; *по-под лесом* Городище Крупецк.Кур.; *по-под речкой* Введенская Готня Ракитянск.Белг.; 2) *я мимо прошла по-под горою* Малетино Пинежск.Арх.(К); *по-под крышкой всё пропарилось* Берег Ковжинск.Вол.; *иду по-под горе* Павловская Тарногск.Вол.; *в Ленинграде-то по-под земле ходит метро?* Верхне-Спасский Погост Тарногск.Вол.; *поточник по-под крыше идёт* Папино Верховажск.Вол.; *река была по-под угору; по-под горе-то всё сделано* Плесо-Мосеево Велико-Устюгск.Вол.; *по-под лавкой вышарили* Чистяково Усть-Алексеевск.Вол.; *по-под одной крышей* Волково Междуреченск.Вол.; *нефть по-под землёй провести надо* Миньково Бабушкинск.Вол.; *по-под столу пролез* Сирино Кичменско-Городецк.Вол.; *ты идёшь по-под берегу, а я по берегу* Скрябино Подосиновск.Кир.; *у нас по-под угорчиком сдувает водой* Ровдино Подосиновск.Кир.; *по-под берегу, если берег крутой, высокой* Остажевский Починок Подосиновск.Кир.; *по-под горою тракторы пашут теперя* Гредякино Буденновск.Белг.

Единичные примеры с вин. падежом имени отмечены в разных севернорусских говорах — вот весь имеющийся материал: *по-под лес ходил* Долматово Ровдинск.Арх.; *по-под горку* Маурино Вельск.Арх.; *поставил по-под стол, под стол* Боровская Верховажск.Вол.(ОЛА); *по-под лес* Якутинская Вожегодск.Вол.; *по-под лес* Ивановская Тотемск.Вол.; *по-под хутор речка* Веретья Бабушкинск.Вол.; *по-под мост прошёл* Луни Шарьинск.Костр. Один раз — на территории интенсивного употребления конструкций типа *косить, кошу трава* — отмечено сочетание предлога *по-под* с им. падежом имени: *по-под горка* Люговичи

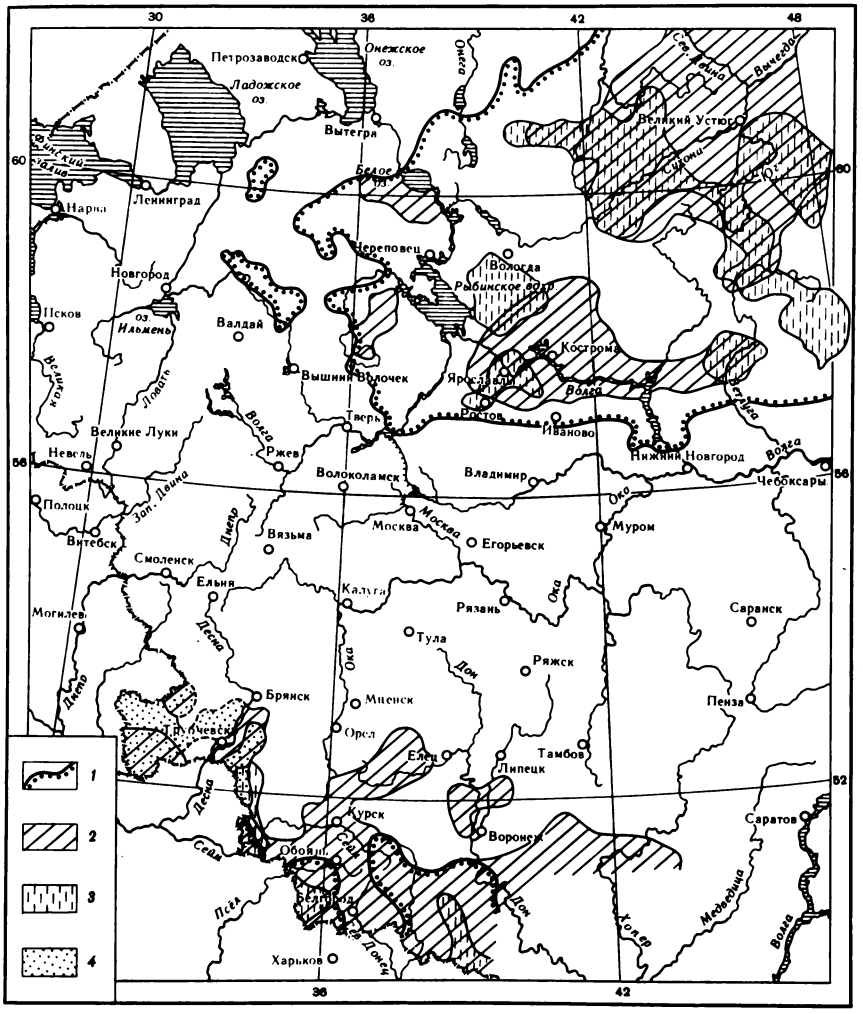
Лодейнопольск.Лен. По-видимому, сочетание с вин. падежом обусловлено второй частью сложного предлога, но если предлог *под*, управляя вин. падежом, употребляется в конструкциях со значением направления движения, то сочетание предлога *по-под* с вин. падежом имени, как видно по приведенным примерам, может использоваться и для указания на место расположения предмета.

Непространственное значение отмечено дважды: *по-под сохе подделывали* Крутиха Никольск.Вол.; *по-под народу* Осиновка Тарногск.Вол.

Северо-восточный ареал распространения предлога *по-за*, как видно из карты (карта 5), шире, чем предлогов *по-над* и *по-под:* он включает в себя, помимо вологодских и костромских, белозерско-бежецкие севернорусские говоры, а также частично говоры восточные среднерусские. В пределах данного ареала, за исключением южной его части (среднерусские говоры), конструкции с предлогом *по-за* отмечаются достаточно регулярно, хотя и не во всех населенных пунктах. Второй ареал распространения предлога *по-за* — юго-запад РФ (южнорусские говоры). Предлог употребляется также в украинском и белорусском языках. Словосочетания с предлогом *по-за* выражают отношения пространственные, временные и объектные.

Наиболее частотными в говорах как на северо-востоке РФ, так и на юго-западе являются пространственные конструкции с предлогом *по-за*. В их составе предлог сочетается с дат., вин. и тв. падежами имени. (О единичных случаях сочетания с другими падежными формами см. ниже.) Конструкции с тв. падежом употребляются как в северно- и среднерусских говорах, так и в южнорусских; конструкции с дат. падежом в южнорусских говорах не отмечены, конструкция с вин. падежом отмечена здесь один раз: *по-за хату* Афанасьевка Алексеевск.Белг. Сочетание с дат. падежом определяется первой частью предлога, сочетание с вин. и тв. падежами — второй его частью.

Сочетания предлога *по-за* с дат. и тв. падежами имени, как правило, отвечают на вопрос «где?». Имя называет предмет, за пределами которого, вне которого, рядом с которым расположен или движется (действует) другой предмет,— в некоторых случаях это значение, возможно, осложняется значением ‘вдоль’, ‘мимо’. Некоторые примеры: *по-за пожней идёшь* Усть-Нименьга Няндомск.Арх.; *кто по лугу, а кто по-за лугом* Климовская Вельск.Арх.; *по-за двором она валялась* Гавсарь Мгинск.Лен.; *у меня по-за кожей болезнь ходит* Чидово Лодейнопольск.Лен.(К); *по-за деревней* — ‘мимо деревни’ Ляшозеро Лодейнопольск.Лен.; *по-за кустами прошли* Елюнино Усть-Кубинск.Вол.; *по-за лугу шла; по-за лужку иди* Заболотное Кубено-Озерск.Вол.; *у меня по-за полю-то пять гектаров было* Плесо-Мосеево Велико-Устюгск.Вол.; *дорога прошодцы по-за берегу* Асташкино Устю-

Карта 5

1, 4 — территории относительно регулярного употребления предлогов: *1* — *по-за*, *4* — *повз*; *2, 3* — территории, в пределах которых отмечается употребление предлогов: *2* — *по-над*, *3* — *по-под*

женск.Вол.; *по-за моему-то дому* — ‘за моим домом’; *это уж по-за дороге нужно идти* (чтобы так изваляться в снегу); *вы, как, в самой Москве живёте или по-за Москве?* Замошье Череповецк.Вол.; *пошла торговля по-за рынку* Чукша Череповецк.Вол.(ОЛА); *по-за речкой шла* Костюнинская Вожегодск. Вол.; *ты что по-за столу-то?* Передово Кирилловск.Вол.; *ноги по-за зыбке* Колобово Сеямженск.Вол.; *по-за деревне Малая текёт* Лом Подосиновск.Кир.; *по-за реке всё хутора были* Кучуг

Опаринск.Кир.; *по-за деревней чайна* Большое Варакино Шарьинск.Костр.; *по-за ограде стояла* Медведица Мантуровск.Костр.; *по-за селу магистрал-от прошёл* Огаркова Пыщугск.Костр.; *по-за городом сделаны каналы* Жуковка Лухск.Иван.; *голова по-за подушке* Милюшино Рыбинск.Яр.; *по-за полю идите; по-за лугу идёт* — 'мимо, краем луга' Раменье Большесельск.Яр.; *смотрю, след волчий по-за тынам(и)* Пруды Мышкинск.Яр.; *машина по-за бревну проехала* Великое Село Тутаевск.Яр.; по-за столу — 'рядом с ним' Веретея Некоузск.Яр.; *идите по-за речке-то* — 'за речкой, вдоль нее' Бухалово Некоузск.Яр.; *послал косить по-за реке* Чириково Владимирск.Влад.; *по-за сараю был овин* Мигалиха Дальне-Константиновск.Горьк.; — *где ходят машины?* — *по-за саду* Федоровское Талдомск.Моск.; *по-за лесом* — 'около леса'; *по-за полем* — 'с краю поля' Федорково Весьегонск.Калин.; *по-за дому* — 'мимо дома' Яковлевское Горицк.Калин.; *по-за лугом стерёг коров* Солдатское Шаталовск.Белг.; *камни были по-за плетнём; ходят по-за выгонами* Русская Матрёнка Алексеевск.Белг.; *по-за горой турки были; только одному человеку по-за посевом пройти можно* Расховецк. Уколовск.Белг.; *по-за лугом проходил* Двуречье Ровеньск.Белг.; *ветер по-за ветёлками* Крутое Петровск.Тамб. В отдельных случаях сочетания той же структуры, по-видимому, отвечают на вопрос «куда?»: *по-за лугом пошёл наломать на веник* Лучкино Тотемск.Вол.; *по-за го́роду выезжает* (чтобы послать посылку) Коростылёво Сеямженск.Вол.; *по-за полю выкидывало* Тарасово Борисово-Судск.Вол.; *по-за гумну кладут* Чертово Судайск.Костр.; *в угол, по-за ведру* Болотново Радниковск.Иван.; *по-за печкой дрова положила* Тяжино Большесельск.Яр.; *по-за доской ставлю* Насопово Валуйск.Белг.

Для сочетаний предлога *по-за* с вин. падежом имени обычным является значение «куда?», но изредка отмечается и значение «где?», ср.: *дак на мельницу вода идет, закрепить её* — *дак воду опускают по-за мельницу* Евда Красноборск.Арх.; *по-за болото прошёл* Врачёво Ефимовск.Лен.; *по-за поле пойдём* Дуброво Пришекснинск.Вол.; *по-за деревню хожу* Передово Кирилловск.Вол.; *по-за кожу заноза ушла* Нежбуй Кадуйск.Вол.; *по-за угольки ставь* Яхренга Сеямженск.Вол.; *уйду по-за огород и умру* Яковлевская Гора Подосиновск.Кир.; *по-за Дьяково ходил* Большое Пирогово Нерехтск.Костр.; *по-за кусты спрятались* Труфонцово Ильинск.Яр.; *по-за прялку напихаешь* Козиха Спировск.Калин.; *по-за поле косить пошли* Никулино Весьегонск.Калин. и *не по-за сарай, так на крыше сено лежит* Бурцево Сеямженск.Вол.; *болото всё и собирали ли по-за болото?* Яхренга Сеямженск.Вол.; *а по-за поле в лесу нигде огорода нет* Скрябино Подосиновск.Кир.; *по-за деревню прошли* — 'за деревней' Ананьино Солигаличск.Костр. Аналогичное использование двух падежей — дательного и винительного — в конструкциях со значением местонахождения и направления движения для пермских говоров констатирует Ф. Л. Скитова, объясняя появление вин. падежа

в конструкциях со значением местонахождения и дат. падежа в конструкциях со значением направления движения взаимодействием двух видов пространственных конструкций с одним предлогом [Скитова 1960, 20—21]. В материалах встретился пример, где при помощи вин. падежа имени с предлогом *по-за* называется расстояние до предмета: *по-за километр школа* Нестеровская Вилегодск.Арх.

На территории широкого употребления конструкций типа *косить, кошу трава* несколько раз отмечено сочетание предлога *по-за* с им. падежом имени, ср.: *по-за лядина логи-те есь* Ратилово Тихвинск. Лен.; *по-за канава пошла, по-за канавы* Новинка Тихвинск.Лен.; *по-за банька* Красково Коношск.Арх. Кроме того, единично отмечены случаи сочетания предлога *по-за* с род. и предл. падежами, ср.: *по-за дóма, по-за огорода* Родихи Устьянск.Арх.; *по-за полей* Валюшка Тихвинск.Лен.; *по-за болоте тут липа стоит; хоть и по-за городе, в деревне живут* Коростылёво Сеямженск.Вол.; *по-за сараях* Муньга Вашкинск.Вол.; *по-за дворах* Назарово Тутаевск.Яр.

Количество имеющихся в материалах примеров временных конструкций с предлогом *по-за* невелико. О характере конструкций в большинстве случаев приходится судить только по лексическому значению имени (имя называет отрезок времени), так как предложно-падежные сочетания даются без указания на значение и вне контекста. На основании отдельных примеров можно сказать все-таки, что предлог *по-за* может быть синонимичен предлогу *по (по-за будням работали)* и может заключать в себе идею предшествования — в этом значении *по-за* имеет тенденцию превратиться в приставку (ср. общерусское *позапрошлый*). Приведем весь материал, в том числе и примеры с прилагательными и наречиями: *по-за воскресенье* Новиково Сольвычегодск.Арх.; *по-за зиму; по-за той зиме* Орлово Устьянск.Арх.; *по-за тому-то году четыре раз съездила* Липовец Второй Усть-Алексеевск.Вол.; *по-за благовещенье* Язвицево Череповецк.Вол.; *по-за третьёва дня* Илатовская Велико-Устюгск.Вол.; *по-за того там году* — 'в позапрошлом году' Абрамовская Велико-Устюгск.Вол.; *по-за этом летом* Гущины Котельничск.Кир.; *по-за лонскому году ходили; насмотрелася по-за лонскому году* Остажевский Починок Подосиновск.Кир.; *позалонися* — 'позапрошлый год' Дароватка Боговаровск.Костр.; *по-за будням работали* Вятский Починок Шарьинск.Костр.; *по-за то лето* Хмелевица Пречистенск.Яр.; *по-за тот день* Головец Комсомольск.Иван.; *по-за ту зиму* Спас Зелёные Горы Вадск.Горьк.; *по-за этому году у нас было* Парамоново Залесный Горьк.; *по-за будни* Залужье Сандовск.Калин.; *по-за летось* («близко к наречию») Кривка Первая Молотовск.Лип.; *по-за лето* Орловка Таловск.Вор. В материалах встретилось одно предложение с предлогом *по-за*, где время выражено опосредованно — существительное не называет временного отрезка: *по-за матерям-то за нашим носили* (о сарафанах) Большие Рымы

Макарьевск.Костр. Во временных конструкциях с предлогом *по-за* отмечены род,. дат,. вин. и тв. падежи имени.

Как указывалось в разделе II, на территории употребления объектно-целевых конструкций с предлогом *по*, отмечены конструкции той же семантики и с предлогом *по-за*, ср.: *по-за гороху что ль?* Калитинка Каргопольск.Арх.; *по-за черёмуху* Спасское Устьянск.Арх.; *по-за лозу уехали* Берег Ковжинск.Вол.; *по-за деньгам приехала* Кондрашово Кичменско-Городецк.Вол.; *по-за хлебом ушла* Емельяновская Вожегодск.Вол.; *по-за малину* Чистый Дор Кирилловск.Вол.; *ходили по-за ягодам* Ведрово Вологодск.Вол.; *по-за им ребята пошли* Яхренга Сеямженск.Вол.; *по-за хмель* Окапово Кологривск.Костр.; *по-за ним* (из вопроса об объектно-целевых конструкциях) Шулево Мантуровск.Костр.; *ходили по-за яйцо* Вятский Починок Шарьинск.Костр.; *по-за песку* Лотыниха Юрьевецк.Иван.; *пришли по-за налогом* Святец Клинцовск.Брян. По примерам видно, что имя выступает в дат., вин. и тв. падежах. Сочетание с вин. и дат. падежами обусловлено первой частью предлога (см. объектно-целевые конструкции с предлогом *по*), сочетание с тв. падежом — второй его частью (ср. общерусские объектно-целевые конструкции типа *пойти за малиной*).

В материалах встречаются конструкции с предлогом *по-за* и именем в дат., вин. или тв. падеже, выражающие различные оттенки объектных отношений. Как правило, семантически они соотносительны с общерусскими конструкциями, включающими в свой состав предлог *за*, но отмечены и случаи, когда общерусским эквивалентом были бы конструкции с предлогом *по* (см. три последних примера): *по-за папе бегает* Бабья Рослятинск.Вол.; *жених идёт по-за попу, невеста по-за жениху; по-за мне что ты ходишь?* Талица Рослятинск.Вол.; *по-за шейку* Рылово Чебсарск.Вол.; *а я-то по-за им-то да поехала-то да* Илатовская Велико-Устюгск.Вол.; *по-за мне несколько человек сделали высадку* Верхне-Спасский Погост Тарногск.Вол.; *он по-за народу и за стол* Рыжичная Верховажск.Вол.; *вязали по-за жнейкой* Большая Мурга Сокольск.Вол.; *по-за мне не ходи* Осиновцы Грязовецк.Вол.; *затирай по-за меня; в артели поёт по-за людям; молодые пришли и телеграмма по-за ими пришла* Опариха Сеямженск.Вол.; *по-за деньги продавали; старший Сергей, потом Вера по-за ему; одна по-за одной* (выходили замуж); *самая старшая и по-за ней четыре штуки; по-за этой-те сохе* (был плуг) Коростылево Сеямженск.Вол.; *они по-за им эдак идут* (рассказ о молотьбе); *я опять по-за ей еду и заваливаю* Яхренга Сеямженск.Вол.; *кузовок по-за кузовку косит* Райлово Сеямженск.Вол.; *и он по-за им ругает, по-за им говорит* Лысцово Сеямженск.Вол.; *я по-за старшой* (сестрой) *родилась* Спас-Печенга Вологодск.Вол.; *надо было по-за нам метать* Ведрово Вологодск.Вол.; *по-за мне прыг в дверь* Савиновская Опаринск.Кир.; *жнут и вяжут по-за машинам* Скрябино Подосиновск.Кир.; *по-за талью* Шелково Тутаевск.Яр.; *в темноте-то по-за ухо несите* Большое Сидорово Тон-

кинск.Горьк.; *по-за шею ленты привязаны* Веретье Острогожск.Вор.; *понесли по-за кормушкам* Заболотное Кубено-Озерск.Вол.; *переборка по-за кладовым* Негодяиха Харовск.Вол.; *знакомой какой-то по-за ферме-то* Вятский Починок Шарьинск. Костр.

Предлог *по-за* отмечен также в составе фразеологизма '(говорить) за глаза'. В большинстве случаев выступает словоформа *глазам* (на соответствующей территории — Вологодская, Кировская, Костромская области — дат. и тв. падежи мн. числа совпадают в одной форме): *по-за глазам поговорят* Чистяково Усть-Алексеевск.Вол.; *в глаза-ти матушкой, по-за глазам — так свекровь* Лысцово Сеямженск.Вол.; (называют) *сестрой, по-за глазам-то золовка* Костино Судайск.Костр. и т. п. На той же территории отмечена и форма вин. падежа: *по-за глаза* (говорит) Язвицево Череповецк.Вол.; *а чахлая, дак по-за глаза говорят* Скрябино Подосиновск.Кир.; *по-за глаза* Веревкино Судиславск.Костр. По одному разу в составе данного фразеологизма встретились формы тв. и род. падежей: *по-за глазами* Медведево Медведевск.Марийск.; *по-за глаз-то* (говорить) Язвиха Сандовск.Калин.

Предлог *повз*, употребляющийся в украинском и белорусском языках, на территории РФ занимает весьма скромное место: весь материал, за исключением одного примера, относится к Брянской обл. Определение предлога *повз* как сложного (двойного), видимо, можно считать общепризнанным, однако по вопросу о составе его имеются разные суждения: Н. И. Букатевич считает предлог *повз* результатом сложения предлогов *по* и *уз, вз*[49] [Букатевич 1957, 42], В. И. Собинникова же предполагает, что вторая часть предлога восходит к *возле* [Собинникова 1977, 100].

Предлог *повз* употребляется обычно с род. и вин. падежами имени, но в сочетании с ним отмечены также формы дат. и тв. падежей. При помощи сочетаний с предлогом *повз* выражаются различные оттенки пространственных отношений: собиратели материалов определяют значение предлога *повз* как 'возле', 'подле', 'около', 'у', 'по-над', 'вдоль', 'мимо', 'по', 'вокруг'. Приведем весь материал: *повз лесу, повз реки* — приводится в ответе на вопрос 134а (вместо сочетаний с предлогом *возле*) Новая Дубровка Красногорск (все примеры, кроме последнего, относятся к Брянской обл.); *повз лес, повз реку, повз хату* Полужская Рудня Красногорск.; *повз самую землю жнёт* Верхличи Красногорск.; *повз мене садись; повз самую хату; повз прясла* Увелье Красногорск.; *повз улицы посеял бульбу* Фёдоровка Суражск.; *повз стены висит; повз кладбища* Сенча Суражск.; *повз реки ходим; повз*

[49] Предлог *уз* (возможны и другие огласовки) известен современным украинскому и белорусскому языкам; наличие предлога *воз (вз)* в старорусском языке, а также в языке фольклора доказывает В. И. Чернышев [Чернышев 1948, 385—386].

стены засеки; повз окон Овчинец Суражск.; *повз реки ходила, ходила* Кулаги Суражск.; *повз лесу — 'по-над лесом' Мамаёвка Мглинск.; повз лесу* Великие Дубровы Мглинск.; «Вместо предлога *по-над* употребляется равный ему по значению *повз: повз двери, повз речку*» Субботово Выгоничск.; *ходила повз лесу* — «по утверждению местных учителей, это адекватно *по лесу*»; *вы пройдете повз могил* — 'около кладбища' Любегощь Дятьковск.; *повз земельки, повз озера, повз колхоза* Алисовка Гордеевск.; *идите повз реки* Творишино Гордеевск.; *повз лес* Святск Новозыбковск.; *повз нашу хату, повз лес* — приводится в ответе на вопрос 134б) (вместо сочетаний с предлогом *мимо*) Скоробогатая Новозыбковск.; *повз деревни, повз саду, повз хаты* — приводится в ответе на вопрос 134*б, д* (вместо сочетаний с предлогами *мимо* и *подле*) Галинек Стародубск.; *корова ходит повз прясла* — 'мимо прясла'; *ходил повз речки — 'мимо речки', 'по берегу' Святец Клинцовск.; повз лесом; повз мене, повз хату, повз лес* Засковье Климовск.; *повз речку — 'вдоль реки' Рогово Почепск.; повз двери, повз речку* — «вместо предлога *мимо* употребляется предлог *повз*» Горожанка Суземск.; *повз рекой, повз лесом, повз школой* Гаврилова Гута Суземск.; *повз лес, повз магазин, повз речку — 'вдоль леса, магазина, речки'* Тарасовка Брасовск.; *повз речку, повз гору, повз лес, повз дороги* — «употребляется в значении 'вдоль речки' и 'у дороги'» Хинель Севск.; *дети бегают повз дерева* — 'вокруг дерева' Секерино Кореневск.Кур (ОЛА)[50]. Можно заметить, что, по-видимому, общим для всех конструкций с предлогом *повз* является представление о расположении или движении (действии) предмета вблизи от другого предмета.

В материалах, собранных для составления диалектологического атласа русского языка, имеются примеры и с другими сложными предлогами, но ряд конструкций (14) зафиксирован только с предлогом *по-на*, участвующим в выражении пространственных отношений. Примеры относятся как к северно- и среднерусским говорам, так и к южнорусским: *дорога — травка по-на ту сторону и по-на эту* Теребино Вельск.Арх.; *по-на левую руку* Сосновская Вилегодск.Арх.; *по-на улице* Долматово Ровдинск.Арх.; *по-на шкап* Чукша Петриневск.Вол.; *по-на избам собираются на поседки* Большие Рымы Макарьевск.Костр.; *по-на сене* Малая Торзать Макарьевск.Костр.; *по-на той стороне* Кишлеево Ставковск.Влад.; *по-на кровать* Старое Меленино Вадск.Горьк.; *по-на лугаф* Косово Молоковск.Калин.; *по-на горочку* Засобье Осьминск.Пск.; *ляжет по-на землю и хрюкает* Глинное Навлинск.Брян.; *ягоды по-на Навлю возят продавать* Борщево Навлинск.Брян.; *по-на мосту* Огорь Жиздринск.Брян.; *по-на нижнем ряду* Троицкая Вихляйка Сосновск.Тамб. Применительно к пер-

[50] Как показывалось в разделе «Пространственные конструкции», в южнорусских говорах значение 'вокруг' выражается иногда при помощи сочетаний и с другими предлогами, имеющими обычно значение 'около'—с предлогами *около, возле, обапол.*

мским говорам Ф. Л. Скитова, располагавшая тремя примерами с предлогом *по-на*, включающими в свой состав одно и то же существительное — улица — в дат. падеже, пишет, что сочетания с этим предлогом «называют действие и пространство, где оно совершается, определяемое в двух планах: на чем и вдоль чего» [Скитова 1960, 22]. И. Т. Гомонов, приведя записанный в псковском говоре пример *И речка маленька бегё по-на деревне*, приравнивает значение предлога *по-на* к общерусскому *вдоль* [Гомонов 1962, 81]. Приведенный выше материал показывает, что данные значения не являются единственными: для большинства примеров из атласа можно предполагать соотносительность предлога *по-на* с предлогом *на* (ср: *ляжет по-на землю*), на что указывает и преимущественная сочетаемость его с именем в вин. или предл. падеже, но возможна соотносительность *по-на* и с *по* (ср. пример с дат. падежом имени: *по-на избам собираются*).

В двух населенных пунктах отмечен предлог *за-по* (ср. *по-за*) и единично же (2—5 нас. п.) — сложные предлоги, образующие две пары с одинаковыми составными частями, следующими в разном порядке: *за-под, под-за* и *на-под, под-на*. В большинстве примеров выражаются пространственные отношения, но встретились также временная конструкция (с предлогом *на-под*) и объектные (с предлогами *за-по* и *за-под*): *за-по хозяйству* Песчанка Сольвычегодск.Арх.; *за-по гору* Борисово Судайск.Костр.; *идут за-под ручкой с женой* Лукинское Вельск.Арх.; *за-под барщиной* Рамзай Нечаевск.Пенз.[51]; *у корове под-за кожу кладет* (червь яйца) Антропшино Павловск.Лен.; *не выпьешь — под-за пазуху вылью; положи под-за голову* Коровино Белозерск.Вол.; *под-за кожи мороз* Заручье Бежецк.Калин.; *под-за стреху* Глинное Навлинск.Брян.; *под-за стогом* Расховецк Уколовск.Белг.[52]; *жили в плохом домике на-под гору* Глинно Макарьевск.Кир.; *на-под вечер* (здесь же: *по-над вечер*) Малая Медведица Павинск.Костр.; *на-под низ* Нижнее Гурово Советск.Кур.; *под-на речкой* Большое Раменье Сандовск.Калин.; *под-на лугом* Коськово Калязинск.Калин. Очевидно, что имеющийся материал недостаточен для определения значения сочетаний с данными предлогами. Можно предполагать, однако, что в большинстве случаев конструкции со сложными предлогами соотносительны с общерусскими конструкциями, в которых выступает предлог, являющийся одной из частей (обычно второй) сложного предлога. По географическим пометам видно, что примеры относятся к разным говорам. На территории Вологодской обл. зафиксировано пять примеров со сложными предлогами, состоящими из трех частей: *с-по-на саду ходит* Ануфриево Белозерск.; *с-по-на бережку сидел* Костино Белозерск.; *с-по-над лесом туман* Коровино Белозерск.; *по-за-по*

[51] Один случай употребления предлога *за-под (за-под горо́й опя́ть ле́с)* отмечен Е. П. Лупповой на территории Кировской обл. [Луппова 1971, 123].

[52] Два примера с предлогом *под-за*, записанные в говорах Воронежской обл. *(шли под-за жылезньй дарогъй; под-за энтим лесом озира)*, приводит В. И. Собинникова [Собинникова 1977, 104].

стеной Сирино Кичменско-Городецк.; *по-из-за этого* (молодёжь уезжает в город) Лысцово Сеямженск.[53]

В материалах атласа встретились единичные случаи удвоения предлогов (*по* и *за*) и употребления подряд двух синонимичных предлогов: *по-по-саду идёт* Талица Рослятинск.Вол.; *по-по ходням, по-по насту* Пустынь Чагодощенск.Вол.; *за-за гумнам* Рождественское Яранск.Кир.; *над-сверх мыс* — 'над мысом' Шатенёво Кичменско-Городецк.Вол.; *подле-рядом избы* Нос Ефимовск.Лен.; *при-край леса, при-край луга* Труфаново Борисоглебск.Яр.; *близкого* Невы Тухун Боровичск.Новг.; *при-близ нас в Палихе был барин* Новое Каменск.Калин.[54]

Программами конца XIX — начала XX в. фиксация сложных предлогов не была предусмотрена, поэтому в материалах того времени о них имеются лишь единичные свидетельства: «Предлог *по-за́* — вместо того, чтобы соединять с в. п., соединяют с и., р., д., тв. и п.: так вместо *позареку* говорят: *позареке, позарекою, позареки, позарека;* вместо *позаозеро* — говорят: *позаозером, позаозерьё, позаóзера, позаóзеру* и т. д. Прибавляют предлоги *по* и *за* там, где их и ненадобно: ... *пóзаочь, позаúсподволь, позáпросту, позáсердцу, позадомашнему; ... позасвойски, позасвояси; ... позáпоясь, позáплечи, позáдвери, позáворот*». В авторской речи составителя ответа — настоятеля Куростровской церкви — употреблен фразеологизм: «Куростровлянин... *позаглаз* обманывает» Емецкое и Куростров Холмогорск.у.Арх.губ. (М VIII,357, 397); *ходит царёв сын по-за городу, ишшет кнегину молодую* (из песни) Колобово Нолинск.у.Вят.губ. (М VIII.417); *по заочмú* (или *по заочáм*) *што хошь бай* ('заочно') Минское и Николы Трестина Костромск.у. Костр.губ. (М IX,140); *по-за сáдику мой миленькой похаживат* Воротишино Череповецк.у.Новг.губ. (М IX,197); *по-над берегом; по-вз лесом, по-вз ручьём* Меньшиково Дмитриевск.у.Кур.губ. (М IX,163); «Употребляются сложные предлоги: *по-за, по-над, по-под: по-над Доном, по-за Донцом, по-за горами*» Станица Кочетовская Первый Донской округ Донская обл. Приводится материал со сложными предлогами и в некоторых диалектологических описаниях начала XX в. [см., например: Смирнов 1904, 162; Грандилевский 1907, 74; Мансикка 1912, 144; Мансикка 1914, 172; Мансикка 1914, 216]. В этом материале имеется, в частности, пример удвоения предлога *по*, а также примеры с предлогами, состоящими из трех частей (в том числе с удвоением одной из частей): *по-по-избе не бегать вам! по-за-за гумна овины; вынь-ко ключи из-за-за-пояса* Холмогорск.у.Арх.губ. [Грандилевский 1907, 74]; *споза овину пойдеш прямо* Шенкурск.у.Арх.губ. [Мансикка 1912, 144].

---

[53] В современных русских говорах употребляются и некоторые другие сложные предлоги [см., в частности: Скитова 1960; Гомонов 1962, 81; Луппова 1971, 122—123; Собинникова 1977, 103—104].

[54] О синонимическом удвоении предлогов как особенности крестьянской и городской низовой речи писал В. В. Виноградов [Виноградов 1947, 679].

Как видно из приведенных материалов, в качестве первой части сложных диалектных предлогов в подавляющем большинстве случаев выступает компонент *по*. Об образовании предлогов с этим компонентом в славянских языках В. И. Собинникова пишет: «...весьма распространенная группа сложных предлогов образует первую часть посредством предлога *по*, имевшего первоначально пространственное значение и указывавшего на распространение субъекта или объекта в пределах определенного пространства (середины пути). Сложный предлог получает совмещенное значение благодаря второй части, конкретизирующей положение субъекта или объекта по отношению к какому-либо другому предмету, имеющему протяженность» [Собинникова 1977, 87]. В современных русских говорах, однако, значение сложного предлога далеко не всегда может быть определено как совмещенное: достаточно частотны случаи, когда оно сводится к значению одной из частей (чаще второй) сложного предлога; иногда значение предлога имеет тавтологический характер (ср. объектно-целевые конструкции с предлогом *по-за*)[55].

В историческом плане сложные диалектные предлоги совершенно не изучены, что́ связано, конечно, с единичностью выявленных случаев их фиксации в письменности. Если общерусские сложные предлоги *из-за* и *из-под* представлены в памятниках с XIV—XV вв. [Букатевич 1957, 75], то диалектные — видимо, с XVII—XVIII вв. Для XVII в. имеются данные об употреблении предлога *по-за*, ср.: *Сѣнной покосъ... внизъ рѣки Вятки подлѣ Боровое озеро, а съ другую сторону по за Веретеѣ по мокровому кочеватому логу* (Писцовая книга 1629 г. Хлыновского у.)

«Труды Вятской ученой археографической комиссии», 1914, вып. 1): *Шел межи Яжелобицкіе дороги и Мсти. А царевичу Даньяру велѣл итти... по за Мстѣ* (Софийский временник или русская летопись с 862 по 1534 г./Изд. П. Строев. М., 1820—1821); *Он же благословляше люди, егда его везоша около Москвы... через реку, по Даниловскому мосту, по-за Симонову монастыру... и Андроникова по-за слободамъ, по полямъ, з дороги на дорогу перенимаяся* (Аввакум. Записки о лицах и событиях... XII. О заточениях и расстрижении Аввакума. Список конца XVII в.); *А батюшко по-за-воронами охочь!* (Аввакум. Книга бесед. Русская историческая библиотека, т. 39). В памятниках

---

[55] Следует отметить то обстоятельство, что в материалах атласа приводятся глаголы с удвоенной приставкой *по*, а также образования с этой приставкой, соотносительные с общерусскими образованиями без нее, ср.: *попонесла ношуту да и встала да* Киселево Грязовецк. Вол.; *попойду, попосидите* Разбойница Вохомск. Костр.; *попотряс, попошёл, попокосить, попоплясать* Орловица Вохомск. Костр.; *поповозили* Борисово Судайск. Костр.; *попоесть спелых яблок* Русская Берёзовка Краснояружск. Белг.; *понавстречу* Хомутово Ковжинск. Вол. (в этом же нас. п. зафиксировано наречие *сыздалé;* составитель ответа пишет, что оба образования «употребляются в фольклоре»); *позахворала* Еськино Любимск. Яр.; *чи мы будем поподолами носить?* Старый Кривец Новозыбковск. Брян., ОЛА (см. также приведенный материал начала XX в. по селам Емецкое и Куростров Холмогорского у. Архангельской губ.).

XVIII в. представлены, насколько нам известно, предлоги *по-за* и *по-под: Показывается потом скоро, а у иных на другой и третий день больше или меньше болезненных моровых шишек, ... по за ушми, на подбородке и под оным* (Лечебник 1789 г., ч. I); *... и шедше по подгорою, обрящете тесну стезицу* (Дмитрий Ростовский. Книга житий святых... Киев, 1711); *В это время зарождаются у них под кожею маленькие червячки, которые по под кожею ползая, рог точат* (В. Левшин. Совершенный егерь, 1779 г.)[56]. Присоединяясь к мнению Г. В. Судакова о том, что материал по сложным диалектным предлогам следует искать в памятниках, находящихся в местных архивах [Судаков 1972, 126], заметим вместе с тем, что работа Н. В. Поповой о предлоге *по-за* в «Великорусских заклинаниях», записанных Л. Майковым [Попова 1974], убедительно показывает, что для изучения сложных предлогов в историческом плане необходимо и широкое привлечение материалов фольклора. Говоря о становлении современной системы предлогов в русском языке, Г. В. Судаков сопоставляет образование сложных предлогов в народно-разговорном типе языка с процессом обогащения системы предлогов литературного языка за счет перехода в предлоги полнозначных слов. Кратко охарактеризовав названные явления, автор пишет: «Так по-разному отреагировали диалекты и литературный язык на необходимость создания новых средств более точной и тонкой передачи информации» [Судаков 1972, 126]. Это сопоставление не кажется убедительным уже потому, что сложные диалектные предлоги, с одной стороны, и новые (появлявшиеся с XVII в.) предлоги литературного языка — с другой, служат по преимуществу для выражения разных отношений (первые — пространственных, вторые — причинных, целевых, условия и др.).

Конструкции с предлогами *обапол, край, прямо, рядом*

В заключение главы о предложных словосочетаниях приведем имеющиеся данные о четырех предлогах — *обапол, край, прямо* и *рядом*,— фиксация которых не была предусмотрена ни одной из диалектологических программ. В современном языке данные предлоги являются диалектными.

Согласно материалам, собранным для составления атласа русского языка, предлог *обапол (обаполо)* распространен только в южнорусских говорах — он отмечается на территории Орловской, Курской, Липецкой, Воронежской (наибольшее количество

[56] Приведенные примеры заимствованы соответственно из картотеки «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (М., Ин-т русского языка РАН) и картотеки «Словаря русского языка XVIII в.» (Л., Словарный сектор Ин-та русского языка РАН). Единичные примеры с предлогом *по-за* из вятских документов XVII — самого начала XVIII в. приводит Е. П. Луппова, два примера также с предлогом *по-за* из вологодской письменности XVII в.— Г. В. Судаков [Луппова 1971, 118; Судаков 1972, 124].

примеров)[57] и Тамбовской областей. (Заметим, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля для предлога *обапол*, кроме южных губерний России, называется Владимирская.) Предлог *обапол* выступает в пространственных конструкциях — в материалах указывается, что предлог имеет значение 'около', 'возле', 'рядом', а также 'вокруг'. Предлог *обапол* сочетается с род. падежом имени. Приведем примеры: *обапол леса* — 'возле' Перлёвка Землянск. Вор.; *обаполо лесу* — 'около' Стадница Ведугск. Вор.; *обапол села, дороги, грейдера; обапол* — 'возле', 'рядом' Сластёнка Щучинск.Вор.; *сидел обапол мене; обапол нас; обапол дороги* Малинино Хлевенск.Лип.; *обапол дома* — 'вокруг дома' Никоново Рождественско-Харовск. Вор.; *жерело на платье обапол шеи* Нижняя Мосоловка Усманск.Лип. (ОЛА). В лингвогеографических материалах начала XX в. есть указание об употреблении предлога *обаполо* (с семантикой 'около') в курских говорах (Т 1, 83).

Предлог *край (окрай)* не имеет определенной локализации — он отмечен (по материалам атласа) в говорах следующих областей: Ленинградской, Вологодской, Ярославской, Саратовской, Пензенской, Воронежской, Тамбовской. Предлог распространен также в рязанских говорах [Словарь... д. Деулино, 1969]. В материалах атласа предлог *край* выступает только в пространственных конструкциях (в словаре д. Деулино он характеризуется как предлог, участвующий в выражении и временных отношений). Предлог *край* сочетается обычно с род. падежом имени, но отмечены случаи употребления его и с вин. падежом. Приведем весь материал: «Вместо *возле, около* употр. *круг, край: забор круг дому, край дому*» Пустошь Подпорожск. Лен.; *край Свири было загорожено* (пример приводится в ответе на вопрос 134а), где спрашивается о конструкциях с предлогом *возле*) Плотично Подпорожск.Лен.; *кладут край огород сохнуть* Гимрека Подпорожск. Лен.(К); *край столба-то севши* Спиридоновская Винницк.Лен.; *окрай острову* Пороги Ковжинск.Вол.; *при край леса, при край луга* Труфаново Борисоглебск.Яр.[58]; *край лесов, край городьев* Малое Щербедино Романовск.Сар.; *край борозды* Чиганак Ртищевск.Сар.; *край двора, край стенки* Наровчат Белинск.Пенз.; *край двора, край реки* Владимировка Белинск. Пенз.; *край дома* Большая Ижмора Заметчинск.Пенз.; *край лес* Чигорак Борисоглебск.Вор.; *край дворов* Вырубово Глазковск. Тамб.

Предлог *прямо (прям, прем)*, сочетающийся с род. падежом имени, отмечен в севернорусских говорах (Ленинградская, Вологодская, Кировская, Костромская, Ярославская области) и в западных среднерусских (Новгородская обл.). Предлог *прямо* употребляется в пространственных конструкциях, где указывается на местонахождение предмета около или напротив другого

[57] В. И. Собинникова пишет, что употребление предлога *обапол* является одной из характерных особенностей воронежских говоров [Собинникова 1961, 200].

[58] О синонимическом удвоении предлогов см. в разделе настоящей главы «Конструкции со сложными предлогами».

предмета: *прем ворот, прем печи* — 'подле' Яковлевская Гора Подосиновск.Кир.; *огородец прем окошка; прем окошек, прем дому; прем* — 'около', 'перед' Бортино Подосиновск.Кир.; *аккурат прем моей двери* — 'около' Ямок Новгородск. Новг.(К); *прям устья* — 'напротив устья' Гришино Брейтовск.Яр. (В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля для предлога *прямо* указывается только значение 'против', 'напротив').

Предлог *рядом (ряд, поряду)*, семантически соотносительный с литературным *рядом с*, зафиксирован в материалах атласа, относящихся к севернорусским говорам (Архангельская, Ленинградская, Вологодская области и Карелия) и к говорам среднерусским (Новгородская, Псковская и Калининская области). Предлог сочетается с именем в род. падеже. Некоторые примеры: *ряд колодца* — 'возле колодца' Борисовская Коношск.Арх.; *рядом нас суседы были* Модолицы Ломоносовск.Лен.; *рядом меня горело, а я осталась* Новоселье Лужск.Лен.; *рядом реки, да не смею купаться; там рядом их старушка есть* Регмасово Лодейнопольск.Лен. (К); *поряду* — 'возле' Васюковская Оштинск.Вол.; *а рядом нас дом; рядом ей живе; вот тут рядом меня умерла старуха* Ямок Новгородск.Новг.(К); *барин нас рядом жил* Колоколово Гдовск.Пск.(К)[59].

[59] Предлог *рядом* отмечен В. П. Мансиккой в Пудожском у. Олонецкой губ.: *рядом уцилишча* [Мансикка 1914, 173], И. Т. Гомоновым — в псковских говорах: *ана́ жыла рядом нас* [Гомонов 1968, 91].

Часть вторая

ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОБЛАСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Глава первая

СТРУКТУРНАЯ ОСНОВА ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СТРУКТУРНОЙ СХЕМОЙ, ВКЛЮЧАЮЩЕЙ В СВОЙ СОСТАВ ГЛАГОЛ

В этом разделе рассматриваются следующие диалектные синтаксические конструкции: предложения со структурной схемой, состоящей из словоформы *быть* или *есть* и инфинитива значимого глагола *(быть без ног лежать; весь припас есть ткать-то)*; предложения с бытийным глаголом и субъектным генитивом *(есть еще старых навыков; раньше часовен было)*; двусоставные отрицательные бытийные предложения *(голуби у нас нет; у нас не бывали кролики)*; двусоставные предложения, выражающие состояние частей человеческого тела *(глаза щиплют; спина ломит)*; предложения с глаголом *дождить* и его производными.

Предложения со структурной схемой «*быть* или *есть* + инфинитив значимого глагола»

Предложения со структурной схемой, состоящей из словоформы *быть* и инфинитива значимого глагола, являются синтаксическим архаизмом. С. И. Ожегов указывает, что в памятниках письменности они отмечаются с XVI в., но предполагает существование более ранней традиции их употребления в живом народном языке [Ожегов 1947, 24]. Принадлежность сочетаний типа *быть писать, быть умереть* к литературному языку еще в XVIII в. свидетельствуется «Российской грамматикой» Ломоносова [Ломоносов 1952, 566] и некоторыми другими грамматическими трудами [см.: Ожегов 1947, 24][1]. После XVIII в. рассматриваемые конструкции фиксируются в языке фольклора — в былинах, песнях, пословицах [Буслаев 1959, 375; Потебня 1958, 401—402; Ожегов 1947, 23; Чернышев 1970[4], 230—231]. Для XX в. имеются и немногочисленные диалектологические свидетельства. Лингвогеографическое изучение конструкций типа *быть без ног лежать* относится только к середине XX в.— фиксация

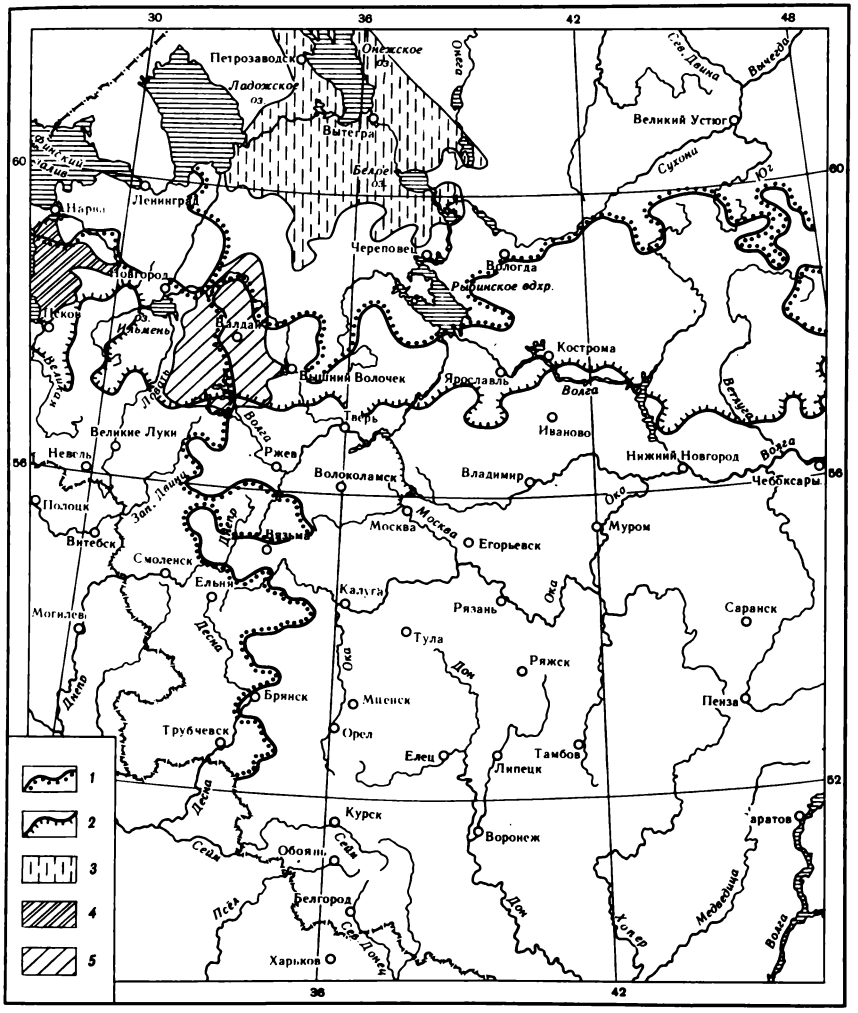
[1] Л. А. Булаховский предполагает, что уже и во время Ломоносова эти сочетания «вряд ли были в большом ходу...; скорее и тогда они выступали больше как архаизмы и диалектизмы» [Булаховский 1950, 297]. З. К. Тарланов отмечает жанрово-стилистическую ограниченность явления в литературном языке XVIII в. [Тарланов 1964, 161].

явления предполагается программой, предназначенной для сбора материала по атласу русского языка (вопрос 125).

Употребление конструкций типа *быть без ног лежать* сначала определялось как явление, свойственное говорам тех территорий, которые исторически были связаны с Новгородом [Ожегов 1947, 24][2]. Это мнение было подвергнуто критике В. А. Ивановой, которая располагала соответствующим материалом по брянским говорам [Иванова 1953, 7]. Согласно лингвогеографическим данным, предложения со структурной схемой, состоящей из словоформы *быть* и инфинитива значимого глагола, не имеют в современных говорах четкой локализации. Наиболее компактные ареалы их распространения относятся к гдовской группе западных среднерусских говоров и северной половине курско-орловской группы южного наречия; более разреженно явление представлено на территории между городами Холм — Новгород — Любытино — Боровичи — Вышний Волочёк — Торжок — Осташков (средне- и севернорусские говоры) и на территории Брянской обл. (южнорусские говоры) (карта 6). За пределами показанных на карте ареалов употребление конструкций отмечено только в отдельных населенных пунктах или группах, состоящих из двух-трех населенных пунктов,— эти единичные свидетельства относятся к говорам на территории Ленинградской, Вологодской, Ярославской, Ивановской, Горьковской, Калининской, Великолукской, Калужской и Воронежской областей, а также Мордовии. В целом можно сказать, что рассматриваемые конструкции фиксируются — за совершенно единичными исключениями — на западной половине европейской части РФ.

Приведем примеры из материалов по разным говорам: *быть замуж идти; ей быть помирать тоже; бороновать тебе не быть* Втроя Сланцевск. Лен.; *быть нам приехать в Кингисеп* Заполье Кингисеппск. Лен.; *быть сидеть мне всё лето дома* Жилино Осьминск. Лен.; *ай бабка, быть упасть тебе* Сабцы Лужск. Лен.; *быть привязать тебя сегодня; быть косить там; быть прясть; не быть гулять летом* Восново Бабаевск. Вол.; *быть, доченька, жить* Дильские Кадуйск. Вол.; *быть идти* Труфаново Масловск. Яр.; *с иголкой быть ушивать мешка* Кузино Сокольск. Иван.; *быть гостить вам у меня* Антониха Калининск. Горьк.; *быть воротиться тебе* Панфилово Арзамасск. Горьк.; *быть ему утонуть* Быковка Рузаевск. Морд.; *быть идти дождю сегодня; не быть сегодня жать; быть тебе самовар ставить; быть с байни чай пить* Заборовье Гдовск. Пск.; *быть без ног лежать; быть умирать* Мошки Гдовск. Пск.; *быть нам разодраться; быть винегрет доедать и кашу варить* Подоспа Гдовск. Пск.; *быть гуливать опять; быть вам поругаться; быть вам после ужина лопнуть; быть ему без жены остаться* Марьинско Лядск. Пск.; *быть тебе пироги печь да гостей звать; быть тебе плясать сегодня; то*

[2] См. также материал по Лужскому у. Ленинградской губ., опубликованный Н. П. Гринковой [Гринкова 1926, 267].

Карта 6

1 — территория регулярного употребления конструкций со структурной схемой, состоящей из наречия *надо* и им. падежа имени *(вода надо, кот надо)*; *2* — территория относительно регулярного употребления глагольных конструкций с субъектным генитивом *(воды у нас есть)*; *3* — территория наиболее интенсивного употребления глагольных конструкций с субъектным генитивом; *4* — территория относительно регулярного употребления конструкций типа *быть (нам) идти*; *5* — территория, в пределах которой спорадически отмечается употребление конструкций типа *быть (нам) идти*

примета хорóша: быть тебе замуж нонич идти Заборовка Лядск. Пск.; *быть вам сегодня плакать; быть дождю идти* Большие Толбицы Псковск. Пск.; *до тла сгореть быть* Засобье Середкинск. Пск.; *быть остаться вам Казанскую провести; быть остаться до*

завтрия Берёзка Полавск. Новг.; *быть терпеть нам горюшка чашу; быть заблудить мне сегодня* Озёрки Залучск. Новг.; *быть есть нам молоко* Хирово Любытинск. Новг.; *быть лететь тебе на пол* Дымовья Любытинск. Новг.; *быть опять завтра ехать в город* Радухово Осташковск. Калин.; *быть не уехать тебе сегодня; быть разбить тебе чашку* Федоров Двор Есеновичск. Калин.; *быть погодить: забыла* Серёдка Пеновск. Вел.; *быть ехать нам два часа* Плоское Юхновск. Калуж.; *быть опять ходить на луг; быть не доехать вам ко времю* Черная Грязь Клетнянск. Брян.; *не быть им сговориться* Сенча Суражск. Брян.; *жить нам так не быть* Рогово Почепск. Брян.; *посидим погомоним — быть идтить* Алёшенка Брасовск. Брян.; *быть приехать ему сюда* Красные Горки Володарск. Орл.; *и быть верить этому* Городище Урицк. Орл.; *ведь быть же нам в праздник работать* Нижний Жерновец Русско-Бродск. Орл.; *быть начинать сначала; быть мне ехать завтра* Ново-Полево Глазуновск. Орл.; *быть им рано не управиться; быть ему сегодня не дойти* Мужланово Золотухинск. Кур.; *быть воротиться ему нынче* Полянское Стрелецк. Кур.; *значит, быть тому случиться* Верхняя Медведица Стрелецк. Кур.; *уж быть тому не миновать; уж быть случиться этому в нашем доме* Каменка Долгоруковск. Лип.; *им висеть неделю быть* Русаново Новохопёрск. Вор.

Предложения со структурной схемой, состоящей из словоформы *быть* и инфинитива значимого глагола, выражают, как видно по приведенным примерам, значение долженствования, неизбежности, предопределенности, при отрицании — невозможности осуществления какого-либо действия. Это действие всегда соотносится с субъектом, поэтому для рассматриваемых предложений очень частотно включение субъектного детерминанта (в форме дат. падежа). Рассматриваемые предложения, известные только части современных говоров и употребляющиеся в них, как указывают составители ответов на вопросы диалектологической программы, спорадически или в единичных случаях, функционально и в известной мере семантически соотносительны с общерусскими инфинитивными предложениями типа *сидеть мне всё лето дома, не уехать тебе сегодня*, с предложениями, модальное значение которых выражается с помощью определенных лексем *(надо, доченька, жить; придется начинать сначала)*, а также, видимо, с глагольными предложениями в форме будущего времени *(дождь пойдет; лопнете вы после ужина; ай бабка, упадёшь!)*.

В современных говорах отмечены конструкции, в которых можно видеть контаминацию диалектных конструкций типа *быть без ног лежать* и общерусских типа *надо (придется, должен...) ехать*, ср.: *нельзя быть помнить* Синяки Черевковск. Арх.; *шесть человек должен быть остаться* Ладва Прионежск. Карел.; *не должно ему быть жениться-то* Межерье Борисово-Судск. Вол.; *быть надо мириться, чего сердиться зря* Выползово Бабаевск. Вол.; *быть жить надо — худо ли, хорошо ли* Шикши-Остров Кадуйск. Вол.; *быть гулять нам хотелось тоже, да эдак*

не ви́сились; быть жить придется, хоть не люб Новая Деревня Кадуйск. Вол.; *быть работать надо, да сушилка ушла* Дильские Кадуйск. Вол.; *быть бежать да стрельнуть надо, а я без ружья был* Красавино Нюксенск. Вол.; *надо быть помириться* Тырыково Сокольск. Вол.; *могу истопить быть* Слудка Опаринск. Кир.; *надо быть поддержать свою жизнь* Кирилловское Рыбинск. Яр.; *быть ждать нам его надо* Маркино Ладск. Морд.; *одно от другого не должно быть отставать* Никифорово Щёлковск. Моск.; *не хотца быть учиться* Ляхово Куровск. Моск.; *надо быть сделать рамочку* Алё Новосокольническ. Вел.; *должен быть приехать* Лобково Починковск. Смол.; *ну, надо быть согласиться* Каменка Долгоруковск. Лип. Как видно по географическим пометам при примерах, конструкции с трехкомпонентной структурной схемой зафиксированы на той территории, где в настоящее время конструкции типа *быть без ног лежать* либо совсем не употребляются, либо представлены единичными примерами в единичных населенных пунктах. Характер распространения контаминированных конструкций так же, как и отдельные случаи фиксации предложений типа *быть без ног лежать*, за пределами их основных ареалов дают основание предполагать, что конструкции со структурной схемой, состоящей из словоформы *быть* и инфинитива значимого глагола, были в относительно недавнем прошлом территориально менее ограниченными. Случаи включения в структурную схему «*быть* + инфинитив» третьего компонента, лексически выражающего определенную модальность, указывают на то, что утрата конструкций типа *быть лежать* связана с их широким, недостаточно специализированным значением. Широта семантики конструкций со структурной схемой «*быть* + инфинитив», нерегулярность их употребления и наличие тенденции к замене их предложениями, в которых то или иное модальное значение выражается лексически, делают, как нам представляется, спорной возможность определения известных части современных говоров сочетаний типа *быть лежать* как формы (аналитической, описательной) долженствовательного наклонения [Ожегов 1947, Чернышев 1970[4]; Тарланов 1964, 160[3]].

Конструкция со структурной схемой, состоящей из словоформы *есть* и инфинитива значимого глагола, отмечены в языке фольклора и говорах XX в. Фольклорный материал — примеры из Онежских былин, записанных А. Ф. Гильфердингом,— приводит В. И. Чернышев:

1. Уж ты дай мне-ка прощеньицё,
   Прощеньицё да благословеньицё
   Есть повыехать мне-ка да́леко,

[3] Заметим, что названные исследователи располагали в основном историческим и фольклорным материалом.

Да́лече, да́лече во чисто́ поле,
Мне *попробовать есть* своей силушки...
2. ...А пожалуй-ко во спальну во теплую,
Есть молвить я словечушко тайное
[Чернышев 1970[4], 233].

Случаи фиксации в диалектной речи конструкций типа *ведь припас есть ткать-то*, не предусмотренных ни одной из диалектологических программ, весьма немногочисленны. Насколько нам известно, все они относятся к территории русского северо-запада: *грабить есь, убежали все* Шенкурск.у.Арх.губ.[4]; *у меня есть 2 кг. мяса получить из колхоза* Дорогорское Мезенск. Арх.[5]; *весь припас есть ткать-то* Синики Устьянск.Арх.[6]; *звала с собой жить-то она ей, а та отвечает: ладно тебе, хоть приехать домой есть* Малетино Пинежск.Арх. (К); *рожь-то есте выжата, ячмень есть начинать* Ржаное Озеро Прионежск.Карел.; *цветы куплены, е возлагать к памятнику* Ладва Прионежск.Карел.; *далеко ли пройти-то е? у вас-то косить е* ('предстоит косить')— *дак возьмите косу* Гимрека Подпорожск. Лен.; *есть полоть; есть подмести* Ивачёво Вытегорск.Вол.; *у нас есть приехать на дачу* Мишина Гора Полновск.Пск. Дважды отмечены контаминированные предложения с предикативным наречием *надо: тебе надо писать е столько, что ой!* Красный Бор Подпорожск.Лен. (К); *местечка нет ли, где надо удить есть?* Даймище Гатчинск.Лен.

Сочетаясь с инфинитивом, словоформа *есть*, видимо, сохраняет (хотя бы частично) свое лексическое значение. На это указывает, в частности, то обстоятельство, что структурная схема «*есть* + инфинитив» не принимает отрицания. Благодаря лексическому значению *есть* предложения со схемой «*есть* + инфинитив» в целом выражают, как представляется, не столько безусловную предопределенность, необходимость действия (ср. конструкции со словоформой *быть*), сколько наличие необходимости, возможности, намерения его совершить. Именно с этим значением конструкций связана возможность выражения семантического субъекта сочетанием предлога *у* с род. падежом имени (ср. широко распространенные общерусские предложения типа *у меня есть деньги*). Заметим, что субъектный детерминант в форме дат. падежа в материале по современным говорам встретился один раз, причем в предложении, включающем в свой состав предикативное наречие *надо*.

Предложения со структурной схемой «бытийный глагол + род. падеж имени»

Структурная схема предложения, состоящая из непереходного глагола в форме 3-го лица ед. числа и род. падежа имени,

[4] [Мансикка 1912, 133].
[5] [Дементьева 1973, 64] (пример заимствован В. И. Дементьевой из картотеки «Архангельского областного словаря»).
[6] [Там же].

принадлежат к числу общерусских (ср. такие предложения, как *не минуло и году; народу (не) прибавилось; снегу выпало*[7]), однако характер ее реализации создает довольно существенные диалектные различия (а также различие между частью говоров и литературным языком). Основные различия связаны с составом глаголов, которые могут входить в неотрицательные предложения, построенные на основе данной структурной схемы. Диалектные конструкции типа *картошки-то растёт, косарей каких-то пошло* в их соотношении с общерусскими конструкциями той же структуры были довольно подробно описаны в совместной статье Е. В. Немченко и автора настоящей работы [Кузьмина, Немченко 1976]. В этой статье, построенной на различных диалектологических материалах, в том числе материалах, собранных для составления ДАРЯ и ОЛА, рассматриваются вопросы о лексико-грамматическом составе компонентов структурной схемы (как глаголов, так и имен), о семантике глагольных предложений с субъектным генитивом и их функциональной соотносительности с предложениями другой структуры, а также о роли субъектного генитива в предложении и характере связи между компонентами структурной схемы. В настоящей работе мы сосредоточиваем внимание на той группе конструкций, для которой имеются регулярные лингвогеографические материалы,— на конструкциях с глаголом абстрактного бытийного значения *(быть, бывать)*. Основной вопрос, который здесь ставится,— количественные и качественные диалектные различия, связанные с употреблением конструкций типа *есть еще старых навыков, раньше часовен было*, которые, как известно, еще в XVIII — первой половине XIX в. были свойственны и литературному языку [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения, 1964, 312—313].

Фиксация конструкций с бытийным глаголом и субъектным генитивом предусматривается диалектологической программой конца XIX в., предназначенной для работы по северновеликорусским говорам (в изд. 1895 г. вопрос 101, в изд. 1896 г.— 100[8]), Программой ДАРЯ (вопрос 123[9]) и Вопросником ОЛА (вопросы 3116°, 3118°[10]). Обратимся сначала к материалам ДАРЯ.

Как показывают материалы, собранные для составления атласа русского языка, случаи фиксации конструкций с бытийным глаголом и субъектным генитивом имеют место в разных современных говорах, ср.: *супу есь старого; дождя сегодня было здесь* Филинское Красноборск.Арх.; *красных ягод у меня есь, не хотите ли? пустых-то домов есь ведь* Малетино Пинежск.Арх. (К); *есть ли дров печка затопить? белок тоже есь* Деревянное

[7] Русская грамматика 1980, т. II. Синтаксис, 274.
[8] В программе 1900 г. вопрос 241.
[9] Вопрос принадлежит к числу факультативных.
[10] Вопрос 3116° посвящен предложениям с формами наст. времени глагола, вопрос 3118° — с формами прош. времени.

Прионежск.Карел.; *там ветра-то было; было женихов, а всё его ждала* Вороний Остров Медвежьегорск.Карел. (К); *е толщины уж* (о коте); *парней-то теперь е; раньше-то бывало ягод* Гимрека Подпорожск.Лен. (К); *теперь разговоров-то будет* Врачёво Ефимовск.Лен.; *в Ярославле церквей-то есь? бывает нечистой силы* Старина Борисово-Судск.Вол.; *да ведь, наверно, и здесь будет сена-то продажного* Щетинское Мяксинск.Вол.; *гусей было в кажном дому* Орловский Санчурск. Кир.; *ягод вот, яблоков бывает* Русская Толшева Корляковск.Кир.; *у меня тканого есь* Хорошая Вохомск.Костр.; *бывает шпиёнов* Большое Ермолино Буйск. Костр.; *да болот-то есть* Яковлево Угличск.Яр., *есть таких домов не в одной нашей деревне* Шельшедом Большесельск.Яр.; *осинник, березник и елошнику есь; церквей-то рядом есть* Кузино Сокольск.Иван.; *есть у него сыновьёв, зятьёв* Бахтино Судогодск.Влад.; *разговоров есь? сенов есь?* Разнежье Воротынск. Горьк.; *волков бывat* Большое Куликово Богородск. Горьк.; *есть такого стекла* Красная Сосна Базарно-Сызганск.Ульян.; *там слепня есть* Полбино Егорьевск.Моск.; *всякого разговору есть* Белыничи Зарайск.Моск.; *змей тоже есть* Инясово Балашовск. Сар.; *медку там в рамочке есь; есь теперя его?* (о подсолнечном масле); *и хлеба у их было* Ямок Новгородск.Новг. (К); *малин-то будет* Веснино Дрегельск.Новг.; *у меня еще яичек есть; есте немецких коров у нас* Большие Толбицы Псковск.Пск.; *змеев-то есь* Колоколово Гдовск.Пск. (К); *в лесах-то есть змей* Новая Деревня Вирухск.Эст.; *неуж этого есь где?* Брыкино Калязинск. Калин.; *полтора-два месяца бывает снегу* Поцепы Кесовогорск. Калин.; *есть таких дураков* Большое Тялино Кармановск.Смол.; *кажный день работы есь* Пупович Новосокольническ.Вел.; *таких петухов-чертей бывает* Короли Торопецк.Вел.; *есть у нас любых сортов — тольки пробуйте; за Юпутим садов всяких есть* Черная Грязь Клетнянск.Брян.; *есть у нас таких баб; бывает писем, да редко* Гаврилова Гута Суземск.Брян.; *есть разных сортов; бывает яблок* Городище Свердловск.Орл.; *голубей бывает* Каплино Старооскольск. Белг.; *есть у нас таких баб, хат* Климов Хутор Борисовск.Белг.; *у его земелечки есь* Ильинское Перемышльск. Калуж.; *бывает всяких делов* Мордово Муравлянск.Ряз.; *там у нас бердов-то было* Третьяки Борисоглебск.Вор. Однако частота фиксации рассматриваемых конструкций на территории разных говоров весьма различна.

По употребительности конструкций с бытийным глаголом и субъектным генитивом территорию русских говоров, представленную в ДАРЯ, можно разделить на две основные части. В пределах бытования южнорусских и восточных среднерусских говоров явление отмечается лишь в отдельных населенных пунктах, причем соответствующие материалы содержат по одному-два примера. Относительно регулярно явление представлено на территории севернорусских и западных среднерусских говоров (а также части калининских восточных среднерусских) (см. карту 6). Наибольшей интенсивностью употребления конструкций типа

есть еще старых навыков, раньше часовен было характеризуются западная часть северного наречия и особенно онежские говоры и примыкающие к ним части ладого-тихвинских и белозерско-бежецких (см. карту 6). В пределах территории, показанной на карте штриховкой, рассматриваемые конструкции отмечаются почти во всех обследованных населенных пунктах, явление иллюстрируется в ответах большей частью несколькими живыми примерами. Материал атласа (около 1350 примеров)[11] распределяется по территории следующим образом: на территорию, находящуюся за пределами показанной на карте 6 изоглоссы (южнорусские и восточные среднерусские говоры) приходится менее 1/10 его части, на территорию, очерченную изоглоссой (говоры севернорусские, западные среднерусские и небольшая часть восточных среднерусских),— соответственно более 9/10, причем значительная часть этого последнего материала (свыше 40%) относится к небольшой территории, выделенной на карте 6 штриховкой. Обратимся теперь к вопросу о семантике конструкций и попытаемся показать качественные различия в говорах.

Для распространенных в современных говорах предложений со структурной схемой, состоящей из формы 3-го лица ед. числа непереходного глагола и род. падежа имени, характерно количественное значение. Состав употребляющихся здесь имен ограничивается названиями предметов исчисляемых или делимых[12]; основную часть последних составляют существительные с вещественным, собирательным или абстрактным значением. Глаголы, сочетающиеся с субъектным генитивом, с точки зрения семантической можно разделить на две основные части: I — глаголы, в семантике которых присутствует сема количества (они обозначают достаточность количества или массы предметов; изменение количественной меры предметов; действия, осуществляющиеся при участии большого количества или большой массы предметов, ср.: *яиц вам хватит* Гимрека Подпорожск.Лен. (К); *так земли-то и убавилось* Нижняя Волманга Опаринск.Кир.; *опять комаров налетело* Типиницы Медвежьегорск.Карел. К.); II — глаголы, семантика которых не включает семы количества (*людей гибнет* Мехикоорма Тартуск.Эст. К.; *там всяких живе служащих* Ладва Прионежск.Карел.; *пригорело лесу-то* Семеньково Судайск.Костр.). Предложения с глаголами первой группы употребляются как в говорах, так и в литературном языке, предложения с глаголами второй группы для литературного языка не характерны. В предложениях с глаголами первой группы количественная семантика конкретизируется в соответствии с лексическим значением глагола. В предложениях с глаголами второй группы, к числу которых относятся и *быть, бывать*, характер реализации количественного значения зависит от контекста в целом, а в некоторых случаях и от лексического значения именного компонента.

[11] Подсчет проведен на основе данных только тех населенных пунктов, которые картографируются в ДАРЯ.

[12] О единичных исключениях см. далее.

Предложения с субъектным генитивом и бытийными глаголами (как и предложения со всеми остальными глаголами второй группы) представляется возможным разделить на две основные части. В одних предложениях сообщается о наличии большого количества (большой массы) предметов, ср.: *уж тут слёз есть!* Трофимово Белозерск. Вол.; *ох, змей-то есть* Ременик Вирухск. Эст.; *старухам было страху, как бомбы-то полетели* Кульково Новоладожск.Лен.; *тоже горюшка было: мой потонул весной, а ее осенью* Ямок Новгородск.Новг. (К); *было работы с тремя ребятами* Кудамозеро Вытегорск.Вол.; *комаров-то у нас бывает* Щелейки Подпорожск.Лен. (К); *бывало болезней у ей* Ляшозеро Лодейнопольск.Лен. В других предложениях субъекту может быть приписано только неопределенно-количественное значение, ср.: *есть ли дров печка затопить?* Деревянное Прионежск.Карел.; *покамесь сил есь* Посад Подпорожск.Лен.; *куриц есь, а боле никого нету* Федьково Каргопольск.Арх.; *было ли чужих коз-то?* Давыдовская Винницк.Лен.; *там было и старых* (монахов) Педасельга Прионежск.Карел.; *вот если в Ильинскую пятницу дождя не будет, весь год будет пожаров; очень сухо, хоть дождика бы было* Косколово Кингисеппск.Лен.[13] Предложения типа *ох, змей-то есть* функционально и семантически соотносительны с общерусскими предложениями, в которых выступают слова (или сочетания слов) с семантикой 'много'. Предложения типа *есть ли дров печка затопить?* функционально соотносительны с подлежащно-сказуемостными предложениями того же лексического состава: *есть ли дрова печку затопить?* Думается, что эти предложения близки и семантически. Возможность образования предложений с субъектным генитивом, полностью лишенных количественного значения, свидетельствуется такими — правда, абсолютно единичными — примерами, где именной компонент выражен существительным, называющим неделимый предмет, ср.: *есть ли там моего телка?* Посад Подпорожск.Лен.; *ручья есть* Ортино Ковжинск.Вол.; *а отца-то у тебя есть?* Друго-Симоновская Верховажск.Вол.; *за рекой лавки есть* (имеется в виду одна лавка) Ольково Андомск.Вол. Как известно, образование генитивных конструкций без количественной семантики, не свойственное современному литературному языку, имело место в литературном языке XVIII и даже начала XIX в. [Очерки по исторической

[13] Ср. предложения с другими глаголами второй группы, в которых также выражается значение большого количества (сообщается о появлении, движении, действии большого количества или большой массы предметов) или неопределенно-количественное: 1) *хлеба вырастало — дак годом не съедали* Типиницы Медвежьегорск. Карел. (К); *нонеча родилося их, огурцов-то* Низы Уторгошск. Новг.; *крови-то вытекло* Давыдово Кашинск. Калин.; *всяких людей-то прошло* Матенжа Вытегорск. Вол.; *ходит здесь всяких людей чужих* Коварзино Кирилловск. Вол.; *ахти, туда мира ездило* Мехикоорма Тартуск. Эст.; 2) *часто господ сменялось?* Пущино Осьминск. Лен.; *если красной день, оводов появляется* Слободка Харовск. Вол.; *под дождем растет грибов* Коровино Белозерск. Вол.; *внук был месячный мальчик, сквозняка попало — помер* Ровдино Подосиновск. Кир.; *попадает белых грибов* Макарово Шахунск. Горьк.

грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения, 1964, 312—313].

Материалы ДАРЯ дают основание думать, что генитивные предложения, соотносительные с двусоставными, характерны только для тех говоров, где употребление конструкций со структурной схемой, состоящей из бытийного глагола и род. падежа имени, предстает как относительно регулярное явление, предложения же с семантикой большого количества возможны в разных говорах. В пользу этого предположения говорит, в частности, характер распространения рассматриваемых ниже трех групп генитивных предложений, обладающих формальными признаками, релевантными с точки зрения их семантики.

В качестве признака, указывающего на значение большого количества, можно принять входящее в именной компонент конструкции определение *всякий, разный* (иногда эти прилагательные выступают вместе), ср.: *всяких зверей было в лесах* Осинка Шестаковск.Кир.; *есть всяких грибов в лесе* Еловики Навлинск.Брян.; *у ей разных книг е; там есь дорог разных* Кошкино Кингисеппск. Лен.; *есть разных сортов* Городище Свердловск.Орл.; *у меня есть всяких болезней разных* Пушкино Осьминск.Лен.; *у нас всяких разных тут есть детей* Коростово Есеновичск.Калин. Представляется справедливым положение Ю. М. Костинского, автора монографии о субъектном генитиве в современном литературном языке, о том, что лексическое значение определения *всякий* допускает смысловой сдвиг «разнообразие→множественность» [Костинский 1970, 217]. По-видимому, то же переосмысление возможно и для определения *разный*. Дифференцированный подсчет данных ДАРЯ, относящихся к разным говорам, показал, что предложения с определением *всякий, разный* по отношению ко всему количеству примеров рассматриваемых генитивных конструкций составляют в материалах по севернорусским говорам около четверти, по среднерусским — как западным, так и восточным — около 30%, а по южнорусским — почти половину.

На отсутствие значения большого количества (возможность только неопределенно-количественной семантики) указывает, в частности, вопросительный характер предложения (вопрос имеет целью установление самого факта наличия каких-то предметов), ср.: *есть травы*? Педасельга Прионежск.Карел.; *есь у нас дров наколоных*? *спичек есть*? *разве у ней молока есь*? Косколово Кингисеппск.Лен.; *золовушек е*? Бурмакино Капшинск.Лен.; *цыплёнков-то есь*? Сойда Андомск.Вол.; *у тебя есь денег или дать*? Берег Ковжинск.Вол.; *а табаку-то есютко*? Алексеево Вологодск. Вол.; *а маленьких-то есь*? Кузьминское Большесельск.Яр.; *есть у вас ещё Семёновских-то*? Непогодиха Варнавинск.Горьк.; *грибов-ту есь ли*? Парамоново Залесный Горьк.; *разговоров есь*? *сенов есь*? Разнежье Воротынск.Горьк.; *грибов-то е белых на Воронове*? *лошадей-то у вас есь*? Большая Крестовая Окуловск.Новг.; *есь ли дураков на свете*? Дрёглы Батецк.Новг.; *дрожжей-то е*?

Малы Печорск.Пск.; *есь тёпленькой водицы в печке*? Черпеса Плоскошск.Вел.; *гармошек-то было*? Сабурово Сонковск.Калин.; *хлеба-то есь у вас*? Шишелево Брусовск.Калин.; *у вас там чаю есь*? Федоров Двор Есеновичск.Калин. Все вопросительные предложения этого типа, имеющиеся в материалах атласа, приходятся на территорию относительно регулярного употребления глагольных генитивных конструкций, причем основная часть материала относится к западным группам северного наречия и примыкающей к ним с юга части среднерусских говоров [14].

Только неопределенно-количественное значение можно видеть также в предложениях, структурная схема которых распространена наречием *еще*, ср.: *у меня лонського еще е* (о еде) Давыдовская Винницк.Лен.; *у меня еще есть огурцов* Тушемля Ефимовск.Лен.; *есть еще тёплого молока* Артюшино Белозерск.Вол.; *на дворе еще есь их* (о дровах) Ваганово Лежск.Вол.; *есть пустых еще домов*; *еще есть обрезков* (на поле) Лом Подосиновск.Кир.; *тут еще барских есть* Исаковское Тутаевск. Яр.; *пленных там еще есь наших, работают* Лихабразово Некрасовск.Яр.; *у вас кипяченова-то еще есь* Изъянка Воскресенск.Горьк.; *еще есть у нас овинов-ту* Парамоново Залесный Горьк.; *есте еще таких людей* Мста Мстинск.Новг.; *у меня еще яичек есть* Большие Толбицы Псковск.Пск.; *шпионов еще и сейчас есь* Заполье Плюсск.Пск.; *есь таких платков еще в Летневе* Летнево Кушалинск.Калин.; *еще есь таких-то* Сабурово Сонковск.Калин.; *есь еще местов* Ново-Отрадное Максатихинск.Калин. Предложения с наречием *еще* так же, как вопросительные генитивные предложения, встречаются в материалах ДАРЯ, относящихся к территории относительно регулярного употребления глагольных генитивных конструкций. (Наибольшее сгущение примеров имеет место в материалах, относящихся к онежским говорам.) Следует указать, что и все другие предложения из материалов ДАРЯ, в которых контекст указывает на возможность только неопределенно-количественного значения,—генитивные предложения, функционально соотносительные с двусоставными и семантически в той или иной мере с ними сближающиеся, относятся к той же территории. Приведем несколько примеров—в дополнение к тем, которые были приведены ранее: *дров-то когда есть, когда нет* Черевково Красноборск.Арх.; *у кого коров есь, дак и кринок еся* Семеновская Черевковск.Арх.; *есть дёгтю—можно мазать* Ржаное Поле Прионежск.Карел.; *месяц ходил* (по ресторанам), *пока было денег*; *было верёвочек, да все не знаю где* Шамокша Лодейнопольск.Лен.(К); *сегодня дополнительных постов есть* Коновалово Ломоносовск.Лен.; *есь воды вон в чугуне* Замошье Череповецк.Вол.; *есть таких людей, которые говорят, что лешего видели* Коварзино Кирилловск.Вол.; *бывает ошибок-то у всех* Колково Халтуринск.Кир.; *в деревне гусей было, да перевелись* Шилекша Кологривск.Костр.; *яблоней в Вёдрове есь, груш нет* Андреевка Ка-

[14] В материалах атласа по южнорусским говорам имеется одно вопросительное генитивное предложение, но такое, где род. падеж мог быть спровоцирован наличием отрицания: *у вас грибов-то там есть ай нет?* Веретье Спасск. Ряз.

дуйск.Костр.; *платья у нас было в земли* Драготин Полновск.Пск.; *есь молочка, так стаканчик выльешь* Шелехово Вышневолоцк. Калин.

Свидетельства конца XIX—начала XX в. о конструкциях со структурной схемой, состоящей из бытийного глагола и род. падежа имени, по преимуществу относятся к той территории, которая и в настоящее время характеризуется относительно регулярным употреблением данных конструкций (Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Вятская, Костромская, Новгородская, Псковская, Тверская губернии), см.: М I, 345, 353; II, 571, 959; III, 972, 1002; IV, 243, 261; V, 6, 36; VI, 294; VIII, 396, 414, 426, 506, 514, 537; IX, 54, 62, 76, 80, 100, 113, 116, 119, 129, 170, а также: Смирнов 1904, 158; Грандилевский 1907, 69; Мансикка 1912, 131; Мансикка 1912, 278; Мансикка 1914, 163—164; Соколов 1919[2], 4; Чернышев 1903, 6; 1949, 275. Имеются свидетельства о широкой распространенности конструкций, относящиеся к Архангельской, Олонецкой, Новгородской, Псковской губерниям. Так, А. Н. Грандилевский, характеризуя говор Холмогорского у. Архангельской губ., пишет: «Вместо им. падежа при глаголе *есть* чуть не исключительно становят родительный» [Грандилевский 1907, 69]. Думается, что это указание само по себе говорит о возможности для генитивных предложений с бытийным глаголом не только функционально, но и семантически соотноситься с двусоставными предложениями. При сравнении данных начала и середины XX в. обращает на себя внимание также свидетельство Н. Н. Соколова о том, что употребление конструкций типа *есть хлеба, есть богатых и бедных* является общей чертой всех псковских говоров — как окающих, так и акающих [Соколов 1919[2], 4]. По данным ДАРЯ, именно псковские говоры (особенно южная их часть) выделяются из всех западных среднерусских известной разреженностью явления. К территории, определяемой по современному диалектному членению как территория восточных среднерусских говоров, относятся следующие материалы: *есть всякого народу* Покровск.у.Влад.губ. (М IX,42); *есь лугоф* (т. е. луга) Суздальск.у. Влад.губ. [Чернышев 1902[2], 20]; *не знаю, какой травы тут есь* Московск.у. Моск.губ. [Чернышев 1901[1], 66]; *есь таких селений* Клинск.у. Моск.губ.; *тут ягодничку есь* Московск. у. Моск.губ. [Чернышев 1903, 21, 45]. С южнорусской территории имеется только одно свидетельство — оно относится к мещовскому говору (Калуж. губ.): «В одном случае замечен род. п. вместо им-го: *Он слаб* (т. е. пьет): *у него деньжонок навряд будет*» [Чернышев 1898, 107] — кажется возможным, что употребление род. падежа в данном случае связано с тем, что предложение по смыслу является отрицательным[15].

[15] Напомним, что в программе конца XIX в., предназначенной для работы на южнорусской территории, явление предусмотрено не было.

Принципиальным отличием материалов ОЛА от материалов атласа русского языка является отсутствие данных об употреблении конструкций со структурной схемой, состоящей из бытийного глагола и род. падежа имени, на южнорусской территории и на большей части территории восточных среднерусских говоров. Хронологическая разница между материалами ДАРЯ и ОЛА (хотя она и не велика) дает повод предположить утрату явления, случаи фиксации которого на этой территории уже в 40—50-е годы были единичными. Однако такой решительный вывод был бы преждевременным: нельзя забывать о том, что сетка ОЛА, предложенная для работы по большинству синтаксических вопросов, является весьма редкой. В материалах ОЛА (которые относятся к севернорусским и западным среднерусским говорам) встречаются как предложения со значением большого количества, так и с неопределенно-количественным значением, ср.: *на пожне есь дела*; *болот кругом везде есь* Пылема Лешуконск.Арх. (ОЛА); *весной-то е воды*; *всяких есь слов бестолковых* Ладва Прионежск.Карел.(ОЛА); *блох-то было* Теребутицы Солецк. Новг.(ОЛА); *этого добра есь* Клевичи Демянск.Калин.(ОЛА) и *кушаков-то есь каких-то*; *красного пёрышка есь и чёрного* Куя Приморск.Арх.(ОЛА); *есть же людей честных* Большие Слудицы Гатчинск.Лен.(ОЛА); *по некоторым деревням часовен е* Подборовье Гдовск.Пск.(ОЛА). Ср. в одном и том же населенном пункте: *всяких разных-то есь* (о грибах); *всяких есь в лесу животных и трески бывает ли*? Верхняя Золотица Приморск.Арх. (ОЛА). Зафиксирован случай употребления в форме род. падежа имени, называющего лицо: *его есть этого Ваньки* Койда Мезенск.Арх.(ОЛА).

Двусоставные отрицательные бытийные предложения

Как известно, в русском языке по XVII в. включительно употреблялись два типа отрицательных предложений с глаголами *нѣсьм — быти, бывати*: односоставные (где именной компонент структурной схемы имеет форму род. падежа) и двусоставные [Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Типы простого предложения, 1968 274—277]. Подлежащно-сказуемостные предложения, вытесненные в литературном языке генитивными конструкциями, сохранились в некоторых говорах.

Вопросы об отрицательных бытийных конструкциях в настоящем и прошедшем времени имеются в Вопроснике ОЛА (вопросы 3117, 3119°). Все приведенные в материалах ОЛА примеры предложений в настоящем времени являются односоставными (типа *волков здесь нет*). Среди примеров предложений в прошедшем времени есть шесть подлежащно-сказуемостных — они относятся к четырем населенным пунктам. В материалах атласа русского языка также встретилось несколько подлежащно-сказуемостных отрицательных бытийных предложений, причем как в прошедшем, так и в настоящем времени (программой, предназ-

наченной для сбора материала по русскому атласу, явление предусмотрено не было). Приведем все примеры, встретившиеся в материалах атласов, а также в личных записях автора (среди последних имеются предложения в будущем времени и сослагательном наклонении): *вода нет* Лукинское Каргопольск.Арх.; *никакая трава тут нету* Шоломя Красноборск.Арх.; *трава нету* Семеновское Черевковск.Арх.; *нету конопля* Ладва Прионежск.Карел.; *картошка сейчас нету* Деревянное Прионежск.Карел.; *сода нету* Вороний Остров Медвежьегорск.Карел.(К); *у меня нету чай* Анхимово Вытегорск.Вол.; *конопля у нас нет* Дороватка Биряковск.Вол.; *корова нет* Оринодоры Верховажск.Вол.[16]

барщина здесь не была Погост Енецк.Арх.; *магазины не были*; *самовары не были*; *пароходы не были* Нюхча Пинежск.Арх.(ОЛА); *грамота не была, ничего не было*; *у меня ребята-то не были* ('не было детей'); *танцы это у нас никакие не были*; *не была замена у меня*; *у меня свёкор не был*; *не был случай ещё на людей-то* (чтобы звери нападали на людей); *пастух-то не был, телята ходили*; *как она не была, дак...* ('когда ее не было'); *у нас седых никто не был*; *долго суд не был*; *вша не бывала ни в головы, ни в рубахе — нигде*; *сей год ничто не будет* (о ягодах); *если не будет польга, дак...*; *тебе город никакой не будет* (провинившуюся девочку не возьмут в город); *и молоко-то не будет* (если козу кормить луком); *тоже килограмм не будет* (о рыбе); *да хоть бы и сын не был, да всё-таки как-то неловко* (выходить замуж второй раз); *чтобы эти все не были!* (о чужих детях); *воздух сквозной бы чтобы не был* Малетино Пинежск.Арх(К); *разница не была никакая* Деревянное Прионежск.Карел.; *мука-то не была, а нонь привезёна, верно*; *там-то финны не были*; *в этом году не было пшено*; *у меня-то не был чепчик*; *никогда не были у нас лапти*; *у меня не бывал повойник*; *у нас не бывали кролики*; *девять дён дак и крошка хлеба во рте не бывала* Типиницы Медвежьегорск.Карел.(К); *не было трава* Малеево Вашкинск. Вол.; *я на свете, может, не было* Горушки Угличск.Яр.; *ни тележки, ни такие не были* (для детей была только зыбка) Мехикоорма Тартуск.Эст.(К); *у меня никакой румянец не было* Кучки Каменск.Пенз.; *у нас волки не были* Алексеевка Кимовск.Тул.(ОЛА); *козы не были у нас* Плехово Суджанск.Кур.(ОЛА); *вербá не бывали* Масловка Прохоровск. Белг.(ОЛА).

Приведенный материал, несмотря на его небольшой объем, пополняет имеющиеся в литературе сведения о двусоставных отрицательных бытийных предложениях — как о глагольных (с бытийным глаголом в прошедшем — будущем времени), так и о предложениях с предикативом *нет* (предложения настоящего времени с глаголом *бывать* в наших материалах отсутствуют).

[16] В материалах встретились также предложения с им. падежом количественно-именных сочетаний: *много домов уж нет; десять домов нет: уж истоплено* Малетино Пинежск. Арх. (К); *две копейки нет?* Типиницы Медвежьегорск. Карел. (К); *у меня три зуба нет* Загривье Сланцевск. Лен.

По характеру отрицательных бытийных предложений с глаголами А. Б. Шапиро противопоставляет севернорусские и южнорусские говоры, он пишет: «В северновеликорусских говорах при отрицательных сказуемых, обозначающих существование, наличие, почти не встречается безличных оборотов, широко распространенных в таких случаях в южновеликорусских говорах» (Шапиро 1953, 197]. Приведенные А. Б. Шапиро примеры двусоставных предложений относятся к говорам Архангельской и Вологодской областей [Там же]. Корректив в это положение внесла В. И. Собинникова, которая отметила случаи употребления двусоставных отрицательных бытийных предложений в говорах Воронежской обл.: *казаки у нас не были*; *у нас не было крепостное право*; *тут не были манастыря* [Собинникова 1961, 101]. В. И. Собинникова приводит также одно предложение из работы А. Н. Гвоздева о говоре западной части Вадского р-на Пензенской обл.: *съпаги не были на ногах* [Там же]. Примеры, имеющиеся в лингвогеографических материалах (хотя они и единичны), относятся к территории разных южнорусских говоров; один пример зафиксирован в южной части территории восточных среднерусских говоров (Пензенская обл.). Факт же почти полного отсутствия примеров типа *самовары не были* в материалах ОЛА, относящихся к севернорусским говорам, противоречит представлению о рассматриваемом явлении как общей черте севернорусских говоров. Против такой квалификации явления говорят и личные наблюдения автора — в частности, отсутствие соответствующих примеров в его достаточно обширных записях по ряду населенных пунктов из Ленинградской обл. Но для какой-то части севернорусских говоров положение А. Б. Шапиро о высокой частотности двусоставных отрицательных конструкций с бытийными глаголами нельзя не признать справедливым (см. материалы по деревням Малетино и Типиницы).

В специальной работе о предложениях типа *дома мешок-от нету* (Хабариха Усть-Цилимск). В. Ф. Барашков пишет: «...известные нам материалы ограничивают территорию распространения рассматриваемого оборота в основном тремя районами: районом верхней Камы, северо-восточной частью Сибири и, повидимому, некоторыми местностями Карелии и прилегающих к ней соседних областей» [Барашков 1957, 253]. На указанных территориях русское население находится в непосредственном контакте с народностями, говорящими на языках финно-угорской группы. Основываясь на этом обстоятельстве, а также на структурном параллелизме данных конструкций с соответствующими конструкциями финно-угорских языков, В. Ф. Барашков высказал предположение, что конструкции типа *мешок-от нету* являются в современных русских говорах синтаксической калькой [Там же, 253—256]. В пользу квалификации конструкций типа *мешок-от нету* как вторичных для современных русских говоров говорит то обстоятельство, что в памятниках старорусского периода (в отличие от более ранних памятников) употребительны, видимо, двусоставные отрицательные бытийные предложения

только в прошедшем-будущем времени (см. материалы, приведенные в кн.: [Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Типы простого предложения, 1968, 274—276]). Но при этом объяснение фактов современных говоров только синтаксическим калькированием, может быть, и не является исчерпывающим. Употребление конструкций типа *мешок от нету*, в частности в архангельских или вологодских говорах, наряду с более частотными двусоставными отрицательными бытийными предложениями в прошедшем-будущем времени, дает основание допустить возможность аналогического процесса внутри одной синтаксической парадигмы. Очевидна необходимость дальнейшего пополнения имеющегося материала.

Двусоставные предложения, выражающие состояние частей человеческого тела

Вопросник ОЛА предусматривает фиксацию нескольких типов односоставных предложений с безлично употребленными личными глаголами (вопросы 3124—3126). Материал, относящийся к разным типам предложений, выражающих явления, происходящие в природе или окружающей человека среде (*в трубе завывает*; *его убило деревом, его убило в лесу*; *дом занесло снегом*), диалектных различий для русских говоров не показывает [17]. Единственный включенный в Вопросник тип предложений, выражающих явления, происходящие в организме человека (предложения с переходными глаголами *щиплет глаза*; вопрос 3124), также является общерусским, но ответы на этот вопрос содержат материал, свидетельствующий о диалектном различии — об употреблении в некоторых говорах подлежащно-сказуемостных предложений типа *глаза режут, ноги ломят*. Этот тип предложений был описан А. Б. Пеньковским, который располагал личными материалами по брянским говорам, а также рядом свидетельств, относящихся к другим говорам юго-запада РФ [Пеньковский 1970]. Материалы ОЛА показали, что предложения типа *глаза режут, ноги ломят*, будучи более частотными в западной части южнорусских говоров, отмечаются и в восточной их части, и в говорах средне- и севернорусских.

Самыми частотными в материалах являются предложения с глаголом *щипать* (*глаза щиплют/щипют*), что соответствует приведенной в Вопроснике иллюстрации (*щиплет глаза*). Эти предложения отмечены в говорах на территории Ленинградской, Смоленской, Брянской, Орловской, Липецкой, Рязанской, Воронежской, Тамбовской, Белгородской областей. На втором месте по частоте употребления в составе подлежащно-сказуемостных предложений стоит глагол *ломить* — предложения типа *ноги ломят* зафиксированы на территории Ленинградской, Горьковской, Калининской, Калужской, Орловской, Липецкой, Рязанской

[17] Можно отметить только два случая выражения компонента с субъектно-орудийным значением (второй тип предложений) не тв. падежом, как обычно, а предложно-падежным сочетанием: *от молнии его убило в лесу* Пашозеро Тихвинск. Лен.; *его убило в лесу от грозы* Сельцо Починковск. Смол.

областей[18]. Остальные предложения из материалов ОЛА (а также единичные примеры из других источников) приводятся ниже: *глаза щемят*; *дым найдёт — глаза защемят* Бор Лодейнопольск.Лен.(ОЛА); *щемят глаза от луку* Пашозеро Тихвинск. Лен.(ОЛА); *глаза все изъели* Коростелево Сямженск.Вол.(ОЛА); *глаза защемели*; *глаза щемят* Долгово Новгородск.Новг.(ОЛА); *почала рука раздувать* Воеводино Емельяновск.Калин.; *застыла я: дужа колет моя грудь* Ковширы Демидовск.Смол.(ОЛА); *глаза режут* Добрынь Кромск.Орл.(ОЛА); *глаза режут* Щербачёво Новодеревеньковск.Орл.(ОЛА); *глаза режут* Капризка Покровск.Орл.(ОЛА); *а мине колют: как взгляну — и вовсе колют* (о глазах); *как придёт, ноги-то и грызут* Счастливка Мценск. Орл.(К); *а рука у меня — она грызла день и ночь* Озеривле Мценск.Орл.(К); *глаза режут*; *ноги ломят, жуют, как ровно кто щипет их — жуют называют* Козеево Измалковск.Лип. (ОЛА); *ты хвараиш, а мине щой-ть абмятали* (губы) Вор.[19] Согласно данным ОЛА, явление отмечается в украинских и белорусских говорах[20].

Располагая территориально ограниченным материалом, А. Б. Пеньковский о генезисе рассматриваемых конструкций высказывается осторожно: «Происхождение этих западнобрянских двусоставных конструкций, пока они остаются изолированными на славянской почве, едва ли поддаются однозначному определению. Они могут быть пережитком глубокой старины, но могут быть также более или менее поздним новообразованием этой во многом своеобразной диалектной группы» [Пеньковский 1970, 198—199]. Далее автор склоняется все-таки к квалификации явления как архаизма: «Однако учитывая, что западнобрянские говоры, как это характерно для говоров ярко выраженного периферийного типа... сохраняют целый ряд бесспорно архаических явлений лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса, можно было бы и в этих конструкциях видеть архаизм, а не новообразование. В пользу этого предположения мог бы говорить и тот факт, что единичные следы двусоставных предложений такого рода обнаруживаются в ряде ю-в-р. говоров: курских, орловских, воронежских, связь которых с западнобрянскими прервалась несколько веков тому назад» [Там же, 199]. Очевидно, что материалы ОЛА подкрепляют это предположение А. Б. Пеньковского.

Предложения с глаголом *дождить* и его производными

Среди тех вопросов Вопросника ОЛА, которые ориентированы на получение материала одновременно для разделов «Лексика» и «Синтаксис», имеется вопрос о способах выражения поня-

[18] Ср. у Аксакова «Семейная хроника»: *Сказал бы Василью Петровичу, что у меня ломят ноги* [пример приведен в работе: Чернышев 1970[5], 587—588].

[19] [Собинникова 1961, 84]. Ср. в более ранних материалах: *обметали губы* — потрескались, покрылись струпьями Болховск. у. Орл. губ. [Сахаров, 1901, 30].

[20] Карту, показывающую распространение конструкций типа *глаза щиплют* на восточнославянской территории, см. в ст.: [Кузьмина 1985[1], карта 4].

тия ‘идёт дождь’ (вопрос 2451). С точки зрения синтаксической интерес представляют предложения с глаголом *дождить*.

Материалы ОЛА свидетельствуют о том, что употребляющийся в современном литературном языке безличный глагол *дождить* характерен только для части севернорусских говоров: весь имеющийся материал с этим глаголом, а также его производными, за исключением трех примеров, относится к населенным пунктам, расположенным на территории Архангельской, Вологодской и Ленинградской областей (по одному примеру встретилось также в материалах из Ивановской, Псковской и Смоленской областей)[21]. Кроме словоформ *дождит, дождило, дождить*, в материалах ОЛА, а также личных записях автора, относящихся к ряду населенных пунктов Ленинградской обл., отмечены словоформы *задождило, дождится, надождило, надождяло, подождит, подождяло, раздождилось*. Глагол *дождить* и его производные образуют структурную схему односоставных предложений, ср.: *а сейчас не дождит? гляй-ко задожжало как — всё занесло* Гимрека Подпорожск.Лен.(К); *дождило — дождило, теперь уж хорошей погоды надо* Шамокша Лодейнопольск.Лен. (К); *весь день дожжало* Верховье Вытегорск.Вол.(ОЛА); *сегодня подождит, дак две недели будет* Пылема Лешуконск.Арх.(ОЛА); *как, мол, раздожжилось на воле-то* Гоголево Ивановск.Иван. (ОЛА).

Как известно, глагол *дождить* относится к той группе глаголов, которые на протяжении последних веков истории русского языка пережили трансформацию из личных в безличные. Еще в XVIII — первой половине XIX в. этот глагол мог употребляться как личный — с более широким, чем в современном языке, значением, ср.: Не паки ли Зевес в громах к Данае сходит? Не паки ль на нее он золотом *дождит* (В. Майков); *Дождил* Россию жгучими лучами своего властолюбия (Лажечников); Разумеется, возражения *задождили* отовсюду (Бестужев-Марлинский) [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка: Изменения в системе простого и осложненного предложения, 1964, 271][22]. Единичные случаи употребления глагола *дождить* (*дожжать*) в подлежащно-сказуемостных предложениях отмечены в севернорусских говорах, однако значение глагола здесь общерусское — предложения имеют тавтологический характер: *дождит дождь* Сторожевское Шенкурск.Арх.(ОЛА) и Старина Бабаевск.Вол.(ОЛА); *дождь дождит* Пашозеро Тихвинск.Лен.

---

[21] Карта, показывающая распространение в говорах восточнославянских языков предложений типа *сегодня дождило*, представлена в ст.: [Кузьмина 1985 ¹ карта 1].
На большей части территории русских говоров фиксируются только двусоставные предложения типа *дождь идёт, дождь летит, дождь падает*.

[22] В Словаре русского языка XI—XVII вв. (вып. 4) глагол *дождити* иллюстрируется двумя цитатами — из памятников XVI и XVII вв.: глагол имеет значение ‘посылать дождь’ и употребляется в составе подлежащно-сказуемостных предложений.

(ОЛА); *дождит дождичок, дождик дождит* Плотично Подпорожск.Лен. (ОЛА); *дождик маленько дожжал да и* Гимрека Подпорожск. Лен.(К)[23].

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СТРУКТУРНОЙ СХЕМОЙ, ВКЛЮЧАЮЩЕЙ В СВОЙ СОСТАВ НАРЕЧИЕ

В этом разделе рассматриваются две группы конструкций с двукомпонентной структурной схемой, состоящей из предикативного наречия и имени в форме им./вин. падежа,— конструкции с наречием *надо* (*нужно*) и конструкции с наречием *видно* (а также предикативом *видать*). Первые были предусмотрены Программой ДАРЯ (вопрос 124), вторые — Вопросником ОЛА (вопрос 3122°). Основное диалектное различие, касающееся конструкций как с *надо* (*нужно*), так и с *видно* (*видать*), заключается в том, что именной компонент структурной схемы в одних говорах имеет форму винительного падежа (*надо шапку, видно речку*), в других — именительного (*надо шапка, видно речка*). Указанные наречные конструкции функционируют в современных говорах наряду с двусоставными предложениями, сказуемое которых выражено кратким прилагательным (*шапка нужна, речка видна*)[24]. Конструкции с вин. падежом возможны и в литературном языке — правда, в течение последнего столетия употребление их связано по преимуществу с разговорным стилем (более свободное и стилистически нейтральное функционирование было свойственно данным конструкциям до середины XIX в.) [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе простого и осложненного предложения, 1968, 312—318]. Что же касается конструкций с им. падежом, являющихся в настоящее время собственно диалектными, то они также употреблялись в русской письменности предшествующих веков, но были полностью утрачены литературным языком к концу XVIII в. [Там же, 318—320]. В современном литературном языке как стилистически нейтральные и широко употребительные выступают конструкции с краткими прилагательными.

Конструкции с наречием *надо* (*нужно*)

Регулярная фиксация конструкций с наречием *надо* (*нужно*[25]) и им. падежом имени имеет место в севернорусских говорах, за исключением костромской группы, и в средне- и южнорусских говорах на западе РФ (см. карту 6). В говорах костромской

[23] Ср. предположение Потебни о развитии *светает* из *свет светает* [Потебня 1968, 330]. О соотносительности в современных славянских языках односоставных и двусоставных (в том числе тавтологических) предложений с глаголами, называющими стихийные явления природы, см. в ст.: [Собинникова 1985] (глагол *дождить* непосредственно в статье не рассматривается).

[24] Возможно, что относительная употребительность конструкций с наречиями и прилагательными варьируется по говорам, но для освещения этого вопроса материалы атласов недостаточны.

[25] Наречие *нужно* встречается в материалах очень редко.

группы явление отмечается спорадически — чаще в восточной их части. На территории всех остальных говоров случаи фиксации конструкций немногочисленны, причем приводимые в ответах предложения в большинстве случаев представляют собой повторение иллюстраций программы (иногда с известными изменениями). (Несколько наиболее надежных примеров с этой последней территории ниже приводится.)

При наречии *надо* отмечается употребление им. падежа всех групп существительных, различающих формы им. и вин. падежей, а также местоимений, ср.: *ему бы надо узда да поводья*; *не надо и печь никака*; *ей надо рюмочка* Малетино Пинежск.Арх.(К); *им надо старина* Остров Устьянск.Арх.; *мне надо осьмушка на неделю* (о чае) Красный Бор Подпорожск.Лен.(К); *коса надо хорошая* Деревянное Прионежск.Карел.; *кака ей помога надо*? Львов Двор Чагодощенск.Вол.; *теперь бы жара надо*; *вода-то надо* Чистяково Усть-Алексеевск.Вол.; *сковорода надо* Савиновская Опаринск. Кир.; *надо шлея* Пономарево Ярославск.Яр.; *вода почище надо* Дубовка Поназыревск.Костр.; *крупа надо, мука надо* Зименки Кинешемск.Иван.; *мне надо одна картошка*; *вам не надо больше вода теплая*? Дёмино Гусь-Хрустальн.Влад.; *колхозу надо трáвы-то* Егрево Гусь-Хрустальн.Влад.; *мне надо мука* Фокино Воротынск.Горьк.; *им своя воля надо* Полянки Ядринск.Чуваш.; *квашня тебе не надо*? Сысоево Молвотицк.Новг.; *пила вострая надо* Верховье Лядск.Пск.; *нам бы ножная машинка надо шить* Антушино Лесной Калин.; *сейчас соха не надо*; *какая тебе надо катушка*? Козлово Новосокольническ.Вел.; *кочерга надо* Ситьково Велижск.Смол.; *больше вам тёплая вода не надо*? Плота Барятинск.Калуж.; *не надо нам война* Одинцово Иваньковск.Тул.; *мне сердце ваше надо, а красота не надо* Новая Дубровка Красногорск.Брян.; *мне надо кочерга* Дарьино Суджанск.Кур.; *чужая мне не надо* Дракино Давыдовск.Вор.; *какая помочь мне надо*?! Низовка Красавск. Сар.;

как мальчик надо домой, так позовут Заболотная Коношск.Арх.; *каждый день кладовщик надо* Сабцы Лужск.Лен.; *парень надо дома* Язвицево Череповецк.Вол.; *и там надо народ*; Бортино Подосиновск.Кир.; *нам помощник надо* Шахоть Арефинск.Яр.; *ему надо ближний друг* Румянцева Горка Боровичск.Новг.; *мне такой и надо* (муж) — *чтоб меня никто не забижал* Редковцы Пушкиногорск.Пск.(К); *мне такой муж не надо Стояново Молоковск.Калин.; там надо второй человек* Бурцево Нелидовск.Вел.; *нам котёночек надо* Большая Мышинка Всходск.Смол.; *вам надо человек смирный* Шеломы Новозыбковск.Брян.; *народ надо*; *хозяин нужно* Нижняя Мосоловка Грачевск.Лип.; *ей теперь сын надо* Ранино Мичуринск.Тамб.;

надь коровы, надь молоко Малетино Пинежск.Арх.(К); *курицы нам не надо: не стали класться* Захонье Осьминск.Лен.; *всё подпаски надо* Мусора Череповецк.Вол.; *надо люди к трактору* Яковлево Угличск.Яр.; *раньше надо работники-то были* Корегино Шарьинск.Костр.; *теперь родители детям родным не надо*; *теперь*

старые-то не надо Ямок Новгородск.Новг.(К); *козы мне не надо* Деревицы Новоржевск.Пск.; *мне не надо пособщики* Фетинино Новосокольническ.Вел.; *работники такие надо* Ивановское Тумановск.Смол.; *не надо мне гости* Уты Выгоничск.Брян.; *нам молодые люди надо* Гнездилово Спас-Деменск.Калуж.; *на комбайны надо люди* Костино Малоархангельск.Орл.;

это часто говорят, что я-то тебе не надо, да и ты мне не надо Нечаевское Коношск.Арх.; *не надоть он мне* (о сахаре) Малетино Пинежск.Арх.(К); *худо* (жить), *потому никому я не надо* Кивуя Новоладожск.Лен.; *скажи матке, что я дома-то надо* Львов Двор Чагодощенск.Вол.; *может быть и не надо я уже туды буду* Косолапиха Пучежск.Иван.; *никому не надо она* (о старой церкви) Ямок Новгородск.Новг.(К); *не приедешь — не надо ты* Замежничье Гдовск.Пск.(К); *вам надо свои, местные* Голенищево Ленинск.Вел.; *они мне сами лично надо* Алексеевка Екимовичск.Смол.; *я тебе не надо — не живи со мной* Гришина Слобода Жуковск.Брян. Как видно из приведенного материала, им. падеж может употребляться не только в утвердительных предложениях с *надо*, но и в отрицательных (наряду с род. падежом имени: *не надо война / не надо войны*).

Материалы, собранные для составления атласа русского языка, свидетельствуют о том, что говоры, применительно к которым употребление конструкций со структурной схемой «*надо* + им. падеж имени» может быть определено как регулярное явление, различаются между собой по относительной употребительности конструкций с именами разных грамматических групп. Покажем это при помощи таблицы:

Грамматическая группа имен	Количество нас. п., где отмечены конструкции с им. падежом		
	Севернорусские говоры	Западные среднерусские говоры	Южнорусские говоры
Сущ. на *-а*	380	133	123
Одуш. сущ. муж. рода	18	25	21
Одуш. сущ. во мн. числе	8	18	17
Местоимения	27	60	64

Из таблицы следует, что по характеру распространения разных групп наречных конструкций с им. падежом имени южнорусские и западные среднерусские говоры параллельны между собой и вместе противостоят говорам севернорусским: в средне- и южнорусских говорах количество населенных пунктов, в которых отмечены конструкции типа *вода надо* значительно меньше, чем в севернорусских, а количество населенных пунктов, где отмечены все другие типы наречных конструкций с им. падежом (*котёнок надо*; *работника надо*; *я дома-то надо*), больше. Выделение группы конструкций типа *надо вода* как особо частотной в север-

норусских говорах естественно связать с фактом распространения в этих говорах других конструкций с им. падежом существительных на *-а* — глагольных (типа *нести, несу вода*).

Сопоставление изоглосс, представленных на картах 1 и 6, показывает, что территория регулярного употребления в севернорусских говорах конструкций типа *надо вода* и территория регулярного употребления конструкций типа *принести, принесу вода* почти полностью совпадают. Взаимодействие данных конструкций становится еще более очевидным, если вспомнить, что из глагольных конструкций в севернорусских говорах наибольшей употребительностью характеризуются такие, глагольный компонент которых выражен сочетанием инфинитива с наречием *надо* — *надо принести вода* (как показано в части I, главе 1, в материалах по севернорусским говорам конструкции типа *надо принести вода* составляют половину всех примеров глагольных конструкций с им. падежом существительных на *-а*). Существование взаимодействия в севернорусских говорах между глагольными и наречными конструкциями с им. падежом имени является одним из обстоятельств, дающих основание предположить, что им. падеж на *-а* для этих говоров и в наречных конструкциях служит объектной формой, что в севернорусских говорах — в отличие от средне- и южнорусских — наречные конструкции с им. падежом по преимуществу односоставны (см. об этом в Заключении).

В материалах атласа, относящихся к западным среднерусским говорам, встретились два предложения, свидетельствующие о вытеснении наречных конструкций с им. падежом имени конструкциями, в структурную схему которых входит краткое прилагательное,— это случаи употребления новообразований — прилагательных, однокоренных с наречием *надо*: *мне девушка на́дыя* Засобье Осьминск.Лен.; *на́ден-то конь хороший* Захарова Кировск.Калин.

Конструкции с наречием *видно* и предикативом *видать*

Как указывалось выше, фиксация конструкций с наречием *видно* и предикативом *видать* предусматривается Вопросником ОЛА (вопрос 3122°), но данные об этих конструкциях имеются и в материалах атласа русского языка (соответствующие примеры приводятся обычно в ответах на вопросы 124 и 129). Именной компонент предложений со структурной схемой «*видно* (*видать*) + им. падеж», встретившихся в материалах атласов, выражен существительными на *-а* (исключение составляет только одно предложение: *узор был видать* Теребутицы Солецк.Новг., ОЛА).

Конструкции типа *видно (видать) земля* так же, как и конструкции типа *надо земля*, отмечаются в севернорусских говорах и говорах средне- и южнорусских на западе России, однако отнюдь не равномерно: явление заметно локализуется в западной части

севернорусских говоров, на всей остальной территории случаи фиксации рассматриваемых конструкций единичны. Нельзя не сказать о том, что из примеров, имеющихся в материалах по акающим говорам, надежными являются только предложения со структурной схемой, состоящей из предикатива *видать* и существительного с ударенным окончанием. Как уже указывалось при рассмотрении южнорусского материала по глагольным конструкциям с им. падежом существительных на *-а* (ч. I гл. 1), однозначному определению формы имени (как им. или как вин. падежа) при безударном окончании препятствуют такие отмечаемые здесь фонетические явления, как редукция заударного *а* (до ъ) и делабиализация *у*[26]. Кроме того, второй компонент структурной схемы, представленный в написаниях *ви́дна* (*ъ*, *а*[ъ]), нельзя уверенно квалифицировать как наречие, поскольку ударение на первом слоге возможно, видимо, и в прилагательном — ср. пример из населенного пункта Архангельской обл.: *у ней голова и спинка ви́дна чуть-чуть* Койда Мезенск.(ОЛА) (пример приведен в материале наряду с предложением, структурная схема которого состоит из наречия *видно* и вин. падежа имени).

Как известно, для формы мн. числа краткого прилагательного постановку ударения как на втором, так и на первом слоге допускают и словари современного литературного языка. Приведем примеры, ограничившись при этом для акающей территории всего двумя предложениями с предикативом *видать*: *отсюда церква видно, от нас* Турчасово Онежск. Арх.(ОЛА); *видно крыша* Калитинка Каргопольск.Арх.; *земля видно*; *вон трава-то видно* Никола Каргопольск.Арх.; *об Ильина дни за полем сера кобыла не видно* (о рано наступающей темноте) Вороний Остров Медвежьегорск.Карел.(К): *видно крыша и труба* Мартыновская Поповка Шольск.Вол.; *ихна земля видно* Алексино Белозерск.Вол.; *станция видно там* Рылово Чебсарск.Вол.; *иголка на полу видно* Назариха Харовск.Вол.; *рыба видно* Вошково Дрегельск.Новг.; *отсюда видно и школа* Еваничи Крестецк.Новг.(ОЛА); *юбка видно* Шелехово Лихославск.Калин.;

отступь школа видать Талица Онежск.Арх.(ОЛА); *закрыли, а картошка видать* Большие Слудицы Гатчинск.Лен.(ОЛА); *железная дорога видать* Заполье Лужск.Лен.; *крыша-то видать* Карпово Белозерск.Вол.; *уж церква видать* Раменье Белозерск.Вол.; *вся спина видать* Трофимово Белозерск.Вол.; *только хребтинка видать* Львов Двор Чагодощенск.Вол.; *у неё только одна головка видать* Офремово Рыбинск.Яр.(ОЛА); *воно метёлочка-та видать* Пруды Мышкинск.Яр.; *отсюда видать школа* Еваничи Крестецк. Новг.(ОЛА); *макушка видать* Русская Гора Вышневолоцк.Калин.; *он там сиди — голова едва видать* Подборовье Гдовск.Пск.(ОЛА); *Москва видать* Черпеса Великолукск.Вел.; *она отсюда видать* Секерино Глушковск.Кур.(ОЛА).

---

[26] Рассматривая конструкции с наречием *надо*, мы не касались этого вопроса потому, что данное явление иллюстрируется в ответах большей частью несколькими примерами, среди которых есть и предложения с существительными типа *вода́*, *мука́*.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СТРУКТУРНОЙ СХЕМОЙ, ВКЛЮЧАЮЩЕЙ В СВОЙ СОСТАВ ПРИЧАСТИЕ

Причастия являются классом слов, единицы которого претерпели на протяжении истории русского языка разнообразные (причем иногда глубокие, качественные) изменения и с которым связаны многочисленные диалектные различия — морфологического и синтаксического характера. Не приходится поэтому удивляться тому обстоятельству, что проблематика русских причастий привлекла внимание многих, в том числе крупнейших, русистов и славистов. Неоднократно предметом описания исследователей как XIX, так и XX в. становились и диалектные синтаксические конструкции с причастиями — назовем только последнюю известную нам большую работу, посвященную синтаксису причастий в русских говорах,— это книга В. И. Трубинского «Очерки русского диалектного синтаксиса» [Трубинский 1984], подводящая итог долголетней работе автора в этой области (в книге рассматривается и ряд общетеоретических вопросов диалектного синтаксиса).

Некоторые из диалектных конструкций с причастиями (по преимуществу конструкции с предикативными краткими формами прош. времени) стали объектом и лингвогеографического изучения: те или иные вопросы, касающиеся причастных конструкций, имеются во всех диалектологических программах, кроме краткой программы МДК, предназначенной для работы на южновеликорусской территории (в этой программе нет синтаксического раздела).

Основа лингвогеографических материалов по причастным конструкциям — это, конечно, материалы, собранные для составления диалектологического атласа русского языка (ответы на вопросы 118—122 Программы ДАРЯ и соответствующие вопросы Вопросника для составления диалектологического атласа русского языка, а также тексты-приложения). Чтобы дать представление об объеме этих материалов, скажем, что для территории, вошедшей в окончательную бланковку ДАРЯ, в материалах, собранных для атласа, имеется около 17 тыс. предложений с предикативными формами на *-ши (он давно женивши)*; около тысячи предложений с причастными формами типа *уйдено, убежено (у пса убежено)*; около 250 предложений с причастными формами типа *разутось, отстряпанось (у хозяйки уж отстряпанось)*; свыше 800 предложений со структурной схемой, состоящей из причастной формы на *-но, -то*, соотносительной с переходным глаголом, и им.-вин. падежа имени *(вода принесено, воду принесено, мешок брошено)*. Существенно отметить также то обстоятельство, что в материалах ДАРЯ содержатся сведения и о таких диалектных явлениях в области употребления причастных форм, которые не были предусмотрены программой.

Первым исследователем, который имел возможность обратиться к лингвогеографическим материалам середины (точнее, 40-х годов) XIX в., был Ф. П. Филин. Он располагал материалами с территории русского северо-запада, собранными по

Вопроснику. Обобщение этих материалов представлено в статье Ф. П. Филина [Филин 1948, 28—50], а также на двух картах «Лингвистического атласа района озера Селигер» [Мальцев, Филин 1949, карты 28, 29]. Материалы, относящиеся ко всей территории ДАРЯ (наряду с лингвогеографическими материалами по говорам белорусского и украинского языков), были использованы В. А. Матвеенко — она посвятила свое исследование односоставным конструкциям с причастными формами на *-но, -то (-н, -т)*, употребляющимся в говорах восточнославянских языков [Матвеенко 1962][27]. Попытка полного описания материалов ДАРЯ по причастным конструкциям была предпринята автором настоящей работы совместно с Е. В. Немченко [Кузьмина, Немченко 1971]. Два вопроса, касающиеся предикативного употребления кратких причастных форм прош. времени,— о грамматическом статусе сочетаний типа *(есть) поставлен, был (будет) поставлен; (есть) вставши, был (будет) вставши* и о синтаксической квалификации (двусоставность/односоставность) конструкций типа *изба вымыто, дом покрашено*,— более подробно были освещены позже в статьях И. Б. Кузьминой [Кузьмина 1975[1], 1975[2]]. В названной работе И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, имеющей довольно большой объем, а также в статье о конструкциях с формами на *-но, -то* [Кузьмина 1975[2]] авторы могли детально показать материалы атласа — этой цели служат таблицы, карты и карты-схемы, составленные на основе количественных данных о явлениях и характеризующие тенденции их развития в пространстве, а также многочисленные иллюстрации. Очевидно, что повторение этих сведений и нецелесообразно и невозможно в рамках работы, посвященной разным синтаксическим явлениям. Вместе с тем исключение из описания данных о причастных конструкциях, с которыми связаны существенные диалектные различия, или рассмотрение этих конструкций только по материалам конца XIX — начала XX в. и ОЛА (без сравнения с материалами атласа русского языка) нарушило бы общий план работы. В этих условиях представляется возможным компромиссное решение — остановиться в основном на явлениях, предусмотренных диалектологическими программами, причем описать их (использовав результаты предыдущих работ) кратко и декларативно.

Синтаксические вопросы Программы ДАРЯ предусматривают сбор материала по действительным и страдательным конструкциям с предикативными причастными формами на *-ши (все ушодчи; у него нога сломавши)* и по трем группам конструкций с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н, -т-*[28]: 1) однокомпонентным конструкциям со структурной

---

[27] К материалам ДАРЯ по этим конструкциям обращалась также Л. И. Макарова [Макарова 1955], уделившая основное внимание морфологическим особенностям причастий с суффиксами *-н-, -т-* в русских говорах [Макарова 1957].

[28] Обобщенно формами с суффиксами *-н-, -т-* здесь называются причастные образования с суффиксами *-н-, -т-, -ден- (съеден), -он-//-ен- (отвезён, принесены)*.

схемой — формой на *-но, -то; -нось, -тось*, соотносительной с непереходным глаголом *(нигде не бывано; у него простуженось)*; 2) двукомпонентным конструкциям со структурной схемой, состоящей из формы на *-но, -то* от переходного глагола и вин. падежа имени *(руку поранено)*; 3) двусоставным конструкциям без координации компонентов структурной схемы *(корова напоен)*.

Обратимся сначала к конструкциям с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-, -т-*.

Конструкции с краткими причастными формами, образованными с помощью суффиксов *-н-, -т-*

Предикативное использование кратких причастных форм с суффиксами *-н-, -т-* можно считать фактом общерусским[29], однако и лексико-грамматический состав причастных форм и круг конструкций, в которых они выступают, оказываются по говорам далеко не одинаковыми. При этом одни говоры (южнорусские и восточные среднерусские) по первому из указанных признаков сближаются, а по второму совпадают с литературным языком, другие же (севернорусские и западные среднерусские) в той или иной степени отличаются от него по обоим признакам. Если взять русские говоры в их совокупности, то предикативное функционирование причастных форм с суффиксами *-н-, -т-* можно представить следующим образом.

Конструкции, включающие в себя краткие причастные формы с суффиксами *-н-, -т-* (в сочетании со связкой или без нее), образуют две группы, различающиеся составом структурной схемы. Одна группа — это конструкции с двумя организующими центрами — предложения, в структурную схему которых, помимо причастной формы со значением состояния, вызванного предшествующим действием, входит имя в им., вин. или род. падеже. Как правило, в двукомпонентных конструкциях употребляются причастные формы, соотносительные с переходными глаголами, и имя называет здесь тот предмет, который послужил объектом действия, ср.: *церковь сделана и топор в воду брошен — больше такой красоты не будет* (о Кижах) Типиницы Медвежьегорск. Карел.(К); *это не пенсию ли принесено?* Талица Онежск.Арх.; *всяких слухов было пущено* Большие Шихали Сунск.Кир.[30]

---

[29] Конструкции с данными формами не характерны лишь для небольшой части говора — западных среднерусских селигеро-торжковской группы: здесь широко употребляются страдательные конструкции с формами на *-ши* (типа *жена хорошая у меня из Ленинграда взявши* Пагино Удомельск. Калин.), см. об этом ниже.

[30] Двухкомпонентные конструкции с причастными формами, образованными от непереходного глагола, очень редки и локально ограничены. Имя в им. или — при партитивном значении — род. падеже называет здесь субъект действия, ср.: *дьякон был приехан* Крутца Новоржевск. Пск.; *а у меня так уж тут перехожено всяких людей* Заполье Кингисеппск. Лен.; *я-то замазанась* Типиницы Медвежьегорск. Карел. (К).

Другую группу конструкций составляют предложения, имеющие один организующий центр — причастную форму, называющую состояние (действие, вызвавшее данное состояние, было или представлено безобъектным), ср.: *а как замуж выйдено — в две косы* Ременик Вируск.Эст.; *с тем-то братом не разделёнось было* Окатовская Тарногск.Вол.; *круг озёр не огребено* Верхне-Спасский Погост Тарногск.Вол. В предложениях этой группы употребляются причастные формы от глаголов непереходных (первые два примера) или от переходных, но выступающих без объекта (третий пример). Во всех конструкциях с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-, -т-*, за исключением конструкций типа *дьякон(был) приехан, я замазанась*, может выступать предложно-падежное сочетание или имя в тв. падеже, называющее предмет, который был субъектом действия, ср.: *колдун сказал: твоей коровушки нету, одни косточки оставлены у волков* Ямок Новгородск.Новг.(К); *у него было взятось скосить гектар* Дуброво Уломск. Вол.; *но всё-таки мы все созданы от бога* Красные Горы Тартуск.Эст.; *прислано гостинец от тётенек* Веснино Дрегельск.Новг.; *очки были из Ленинграда высланы врачом* Колоколово Гдовск.Пск.(К); *молоду женщину схвачено медведицей* Раменье Белозерск.Вол.

Среди указанных способов выражения субъекта действия выделяется как наиболее употребительный способ, а вернее, единственный широко употребительный — использование сочетания с исходным посессивным значением «*у* + род. падеж»; с наибольшей регулярностью данное сочетание выступает в однокомпонентных конструкциях[31].

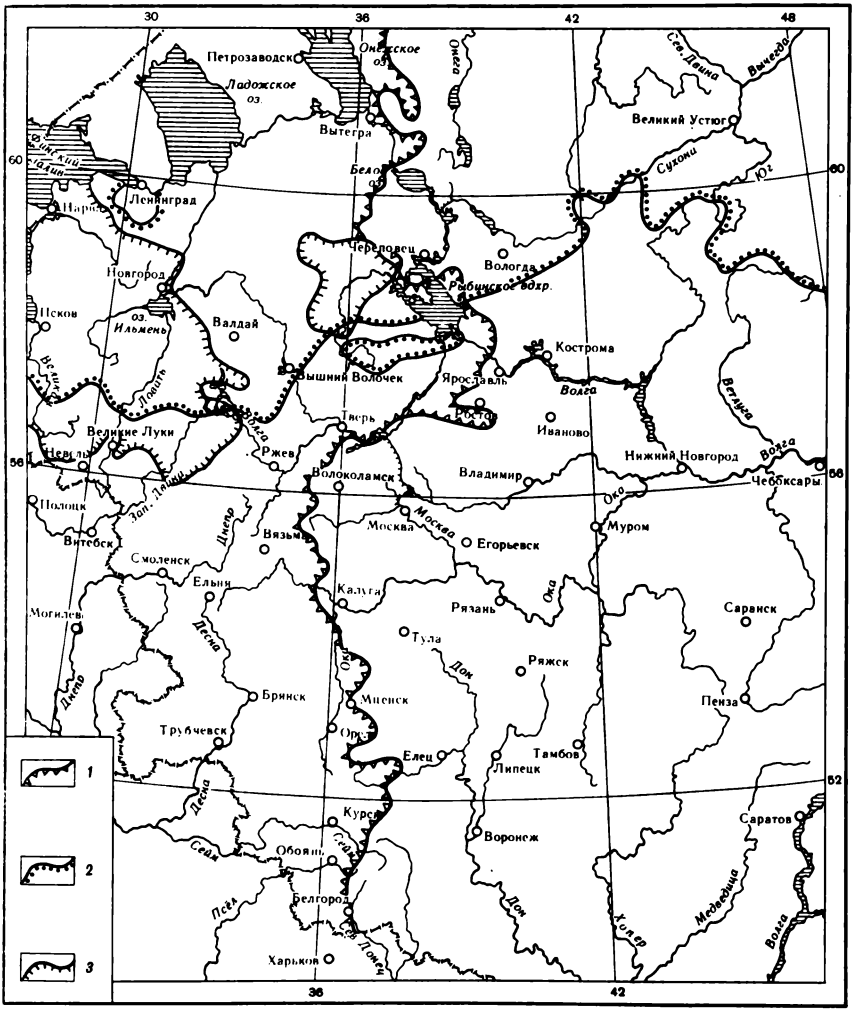
Двукомпонентные причастные конструкции, в свою очередь, могут быть разделены на две части — по характеру отношений между компонентами структурной схемы — на конструкции с координацией компонентов структурной схемы и без координации. Конструкции первого типа включают в себя имя в им. падеже и причастие, соответствующее ему по форме: *цела тетрадка у тебя написана* Гимрека Лодейнопольск.Лен.(К); *мои огурцы достаны с подвалу* Окороки Молвотицк. Новг. Конструкции второго типа состоят из имени в им., вин. или род. падеже и причастной формы на *-но, -то*, ср.: *про маму у меня поставлено скамейка, а не про тебя* Орехово Бабаевск.Вол.; *и бабки-то все объезжено, не только доктора* Менюша Шимск.Новг.; *шубу давно уже отдано* Кленно Кингисепск.Лен.; *сколько меня пересватано* Большой Сварец Лядск.Пск.; *на столы тут наворено квасу* Подберезье Пудожск.Карел.; *не пеяно песен боле 60 лет* Кануновщина Гдовск.Пск. При именном компоненте в именительном падеже, а изредка также и в родительном причастие может выступать

[31] Сочетание «*у* + род. падеж», употребительное в конструкциях разных типов, является, с нашей точки зрения (как и другие названные здесь формы выражения субъекта действия), не компонентом, а распространителем структурной схемы предложения — детерминантом. Иначе подходит к этому вопросу В. И. Трубинский [Трубинский 1984, 147—148].

и в другой форме — на *-н, -т*, ср.: *у нас кадочка огурцов посолен, а у людей еще не пробовано* Новоселье Лужск.Лен.; *все мужчины взят* Люботеж Середкинск.Пск.; *у меня воды поставлен на огороде* Лединки Лядск.Пск.

Двукомпонентные конструкции, в которых имя и причастие координируют между собой, являются общерусскими. Повсеместно распространены также конструкции с именем в род. падеже и причастной формой на *-но, -то*. Однако материалы атласа позволяют сказать, что эти последние конструкции значительно более частотны в севернорусских и западных среднерусских говорах и образуются здесь с большей степенью свободы — на этой территории нередки, в частности, такие конструкции с род. падежом имени, где выступает причастная форма, соотносительная с глаголом несовершенного вида, ср.: *жиру было брано* Верхний Конец Борисово-Судск.Вол.; *молока лито тут* Матинка Череповецк.Вол.; *на сушилке хлеба сушено* Поток Ефимовск.Лен.; *этого раньше и не считано* Подоспа Гдовск.Пск.; *всего вижено* Мошки Гдовск.Пск. Остальные два типа двукомпонентных конструкций, включающих в свой состав причастия на *-но, -то*,— с именем в форме им. падежа и в форме вин. падежа — характеризуются определенной локализацией: за небольшими исключениями они отмечаются (с разной частотой) в пределах говоров западных среднерусских — псковских, новгородских и западной части селигеро-торжковских — и севернорусских — всех групп, кроме костромских и южной части вологодских (карта 7). Изоглоссы конструкций с им. и с вин. падежами имени между собой совпадают — данное обстоятельство делает невозможным однозначное определение формы имени в конструкциях типа ***крючком*** *вязёно платок* Замошье Лядск.Пск.; *все руки перецарапано у кошки* Кошкино Кингисеппск.Лен. Конструкции с формами на *-н, -т*, характерны для западных среднерусских говоров, но отмечаются также и в западной части севернорусских: ладого-тихвинских, онежских и белозерских (см. карту 7).

Конструкции с именем в вин. падеже отмечены в 119 населенных пунктах, основное количество которых приходится на территорию, очерченную изоглоссой на карте 7. Единичные факты отмечены в говорах костромских и восточных среднерусских, а также в южнорусских говорах — на территории, где они соприкасаются с говорами белорусского и украинского языков (большинство примеров относится к западной части Брянской обл.). Количество примеров — 152 — в их число входят предложения с именами, форма которых однозначно определяется как вин. падеж, и такие утвердительные предложения с омонимичной формой род.-вин. падежей, для которых нельзя предположить возможности партитивного значения, ср.: *у дедка-то мерёжу оставлено* Ямок Новгородск.Новг.(К); *гребёнку сломато* Типиницы Медвежьегорск.Карел.(К); *два месяца поросёночка взято* Погорелица Пеновск.Вел.; *парня уведено* Князево Вытегорск.Вол.; *таких животных и напрасно создано* Логоза

Карта 7

1 — территория регулярного и относительного регулярного употребления конструкций с предикативными причастными формами на *-ши (лес зазеленевши)*; *2* — территория, в пределах которой отмечается употребление конструкций со структурной схемой, состоящей из причастной формы на *-но, -то* и имени в им./вин. падеже *(вода/воду принесено)*; *3* — территория регулярного употребления конструкций со структурной схемой, состоящей из неизменяемой причастной формы на *-н, -т* и имени в им. падеже *(вода принесен, доски были положен)*

Тартуск.Эст.; *этих девок привезено откуль-то* Струнино Тихвинск.Лен.; *тебя послато записывать всё?* Ржаное Озеро Прионежск.Карел.; *всех было взято на войну* Карпово Белозерск.Вол. Очевидно, что предложения с вин. падежом имени являются

односоставными, связка прош. времени всегда выступает здесь в форме *было*.

В составе конструкций с причастными формами на *-но, -то* и им. падежом отмечаются имена всех грамматических групп, характеризующихся различением форм им. и вин. падежей, ср.: *написано грамотка не пером* Дороватка Биряковск.Вол.; *второй сын отправлено в Калинин* Ермолино Фировск. Калин.; *врачи хороши в отпуск отпущено* Ямок Новгородск.Новг.(К); *крест снесли туда, где он убито* Ямно Поддорск. Новг.; *которы минеры, те в городе забрато* Верендаль Ашевск.Пск. Материалы атласа свидетельствуют о том, что конструкции с существительными на *-а* распространены как в западных среднерусских, так и в севернорусских говорах, конструкции же со всеми остальными именами характерны только для западных среднерусских говоров и некоторых севернорусских, относящихся к их западной части. Это обстоятельство обусловлено тем, что среди предложений с причастными формами на *-но, -то* и им. падежом имеются конструкции двух разных типов: 1) двусоставные без координации компонентов структурной схемы, в которые могут входить любые имена; 2) односоставные, где словоформы типа *трава, вода* выступают в объектной функции. Территория, на которой отмечаются односоставные конструкции типа *соха было кладено* Холы Ковжинск.Вол.; *одна лощина скошено* Лебяжье Андомск.Вол., практически совпадает с территорией регулярного употребления глагольных конструкций с существительными на *-а* в объектной функции (см. карту 1). Конструкции без координации компонентов структурной схемы характерны для говоров на территории русского северо-запада. Характер употребления связки прош. времени (преобладание случаев координации связки и именного компонента, ср.: *а у меня свой ребёнок был взято в Сланцы* Замежничье Гдовск.Пск.К.; *попрошено соседи были помочь дом строить* Быково Молвотицк.Новг.) и некоторые другие факты позволяют предполагать, что формы на *-но, -то* здесь— для современных говоров — застывшие, неизменяемые образования (а не формы, которые можно непосредственно возводить к безличным конструкциям). На наличие в северо-западных говорах тенденции к превращению страдательных причастий в неизменяемые образования обратил внимание еще Д. Н. Овсянико-Куликовский. Появление несогласованных форм страдательных причастий рассматривается им как этап в общем процессе развития кратких форм русских причастий — процессе приближения их к неизменяемым словам (наречиям). Несогласованное употребление страдательных причастий логически следует за общерусским явлением утраты этими формами склонения, причем в развитии страдательных форм причастий Д. Н. Овсянико-Куликовский видит повторение истории действительных форм, приведшей к превращению их в деепричастия [Овсянико-Куликовский 1912, 69]. Впоследствии сходные мысли высказывались П. С. Кузнецовым и С. П. Обнорским [Кузнецов 1948, 206; Обнорский 1953, 159]. Из

указанного распределения типов конструкций с им. падежом по говорам следует, что конструкции с омонимичной формой им.-вин. падежа (*рядом дом заколочено* Орловский Санчурск.Кир.; *индийский у ней куплено* (о чае) Ямок Новгородск.Новг.,К; *луга засеяно* Шамокша Лодейнопольск.Лен.К.) в севернорусских говорах скорее являются односоставными (безличными), а в западных среднерусских — двусоставными с неизменяемой формой причастия.

Причастные формы на *-н, -т (корова напоен, окно вымыт)* генетически связаны, видимо, с неизменяемыми формами на *-но, -то*. По мнению исследователей, работавших на материале псковских говоров, эти формы представляют собой результат редукции окончания в формах на *-но, -то* [Чернышев 1970[2], 390—391; Петрова 1962, 179]. Так, З. М. Петрова пишет: «Вытеснение форм на *-на, -та* (имеется в виду произносительный вариант форм на *-но, -то*, выступающий в акающих говорах) формами на *-н, -т* можно представить себе как закономерный процесс отпадения флексии, утратившей свое первоначальное значение» [Петрова 1962, 179]. В абсолютном большинстве случаев причастные формы на *-н, -т* употребляются в предложениях с именем в форме им. или им.-вин. падежа. Связка прош. времени, как правило, координирует с именным компонентом, ср.: *вот за что скотина-то и была пущен по посеву* Замежничье Гдовск.Пск.(К); *овцы, коровы были загнан в лес* Осташково Октябрьск.Вел.; *где мы были отселен, туды она и отправилась* Редковцы Пушкиногорск.Пск.(К); *задание было дан* Мешково Куньинск.Вел. Лишь изредка встречаются случаи уподобления формы связки форме причастия: *у них был поставлен конюшня* Кишкино Пушкиногорск.Пск.; *был посожен елочки* Кудь Пеновск.Вел.

Формы на *-н, -т* очень ограниченно употребляются в конструкциях безличных: в сочетании с вин. падежом они не отмечены совсем, а в сочетании с род. падежом, а также в однокомпонентных конструкциях (ср.: *не дан было свободы* Заполье Лужск.Лен.; *на этом соборе напечатан золотыми буквами* Сунево Пыталовск.Пск.; *ой, да попутешествован тоже* Ямок Новгородск.Новг.,К.) встречаются лишь изредка. Для того чтобы показать, что причастные формы на *-н, -т* не характерны для безличных предложений, приведем некоторые цифровые данные. Возьмем территорию наиболее широкого употребления данных форм. Несколько огрубляя границы, определить ее можно следующим образом: это участки с 28° в. д. по 32° в. д. между параллелями 58-й и 59-й и с 27° в. д. по 33° в. д. между параллелями 57-й и 58-й. В материалах, относящихся к этой территории, общее количество предложений, однозначно определяемых как безличные (за исключением конструкций с формами на *-нось, -тось*),— 1076. Из этого числа на долю предложений с формами на *-н, -т* приходится 113, что́ составляет примерно 10,5%; основная же масса примеров здесь — 963 — включает в свой состав формы на

-но, -то. При этом количество предложений, структурная схема которых состоит из имени в им. падеже и не координирующей с ним причастной формы на *-н, -т*, исчисляется в этих материалах многими сотнями. Превращение причастий в неизменяемые образования — процесс морфологический, и, следовательно, его реализация не должна зависеть от типа конструкции. Естественно встает вопрос о том, почему формы на *-н, -т* лишь изредка встречаются в безличных конструкциях. По этому поводу мы можем высказать лишь следующее предположение: благодаря наличию им. падежа имени личные конструкции в достаточной мере сохраняют синтаксическую выразительность и в том случае, когда утрачивается координация компонентов структурной схемы[32], в безличных же предложениях именно форма причастия является показателем типа конструкции, поэтому она с трудом поддается изменению. Следует отметить тот факт, что если в конструкциях с им. падежом существительных во мн. числе или существительных жен. и ср. рода в ед. числе связка прош. времени иногда уподобляется причастному образованию и выступает в форме *был* (см. примеры выше), то в безличных конструкциях всегда употребляется словоформа *было* (*у меня было всякой кисеи выткан со льна* Вещанка Поддорск.Новг.; *у него было накошен и складен* Лединки Лядск.Пск.[33]

В конструкциях с одним организующим центром, как правило, выступают причастные формы на *-но, -то* или *-нось, -тось*: как уже отмечалось выше, формы на *-н, -т* в составе этих конструкций употребляются редко. Однокомпонентные причастные конструкции составляют три группы — в зависимости от грамматических признаков причастных форм — их соотносительности с глаголами переходными, непереходными без постфикса *-ся* и непереходными с постфиксом *-ся*. Диалектные различия связаны со всеми тремя группами конструкций.

Предложения, организующим центром которых являются причастные формы, образованные от переходных, но выступающих без объекта глаголов (*у меня стирано* Мхи Осьминск.Лен.; *как насеяно, так бог даст* Талица Рослятинск.Вол.; *тут на один стакан только брато* Ивановка Николаевск.Ульян.; *в избе не метено* Владыкино Свердловск.Сар.; *у них еще не пахано* Марицы Льговск.Кур.), употребляются в различных говорах (а также в литературном языке), но частота употребления их по говорам при этом неодинакова: более высокой частотностью данные конструкции характеризуются в говорах

---

[32] Напомним, что для территории распространения неизменяемых форм на *-н, -т* объектное употребление формы им. падежа не характерно.

[33] Исключение из этого правила составляют только два примера. Безличное употребление неизменяемых причастных форм на *-ши* (*мне приснивши было* Задорье Бокситогорск. Лен.; *в доме всего нажившии* Лебзово Вышневолоцк. Калин.) также встречается очень редко.

западных средне- и севернорусских (за исключением костромских и южной части вологодских). На этой территории отмечаются и некоторые такие причастные словоформы, которые в литературном языке (и, вероятно, в других говорах) не образуются, ср.: *было тут попрошено у одной* Подоспа Гдовск.Пск.; *разве не увидено?* Орда Овинищенск.Калин.; *было жердиной ударено по ноге* Семёновщина Лычковск.Новг.; *а вот не спрошено у хозяйки* Плотично Подпорожск.Лен.; *поведёно с жалобами ко мне* Ольково Андомск.Вол.; *у них проспано* Середняя Бабаевск.Вол.; *в кружок плясано* Жердянка Сланцевск.Лен.; *сколько раз тут у них проверяно* Ивачёво Вытегорск.Вол.; *со мной посылано* Вадьезерская Няндомск.Арх.

Образование причастных форм от непереходных глаголов в современном литературном языке очень ограниченно — употребительными являются лишь отдельные словоформы *(велено, хожено, пожито, поплакано...)*. В говорах же — главным образом западных средне- и севернорусских — причастные формы с суффиксами *-н, -т-* возможны от значительного числа непереходных глаголов без постфикса *-ся*: в материалах атласа зафиксированы конструкции со словоформами *бегано, бывано, быто, встато, выехано, выйдено, езжено, ехано, жито, идёно, ляжено, ночёвано, отвыкнуто, отдохнуто, плакано, поезжено, пойдено, привыкнуто, придено, приехано, работано, спано, схожено, убежено, уехано, уйдено* и многими другими. Приведем несколько примеров: *как не отдохнуто, так и рук не сдынешь* Чертены Дновск.Пск.; *с сельсовету уж уехано у них* Загорье Порховск.Пск.; *наврежоно много у них* Слизениха Мошенск.Новг.; *в то воскресенье было гадано Монастырек Сланцевск.Лен.; у них в сарае обедано* Новоселье Лужск.Лен.; *ночь у меня не спано, устато* Глубокое Пудожск.Карел.; *быстренько ушагано* Замошье Андомск.Вол.; *к этой корове ни разу не подхожено у медведя* Малое Борисово-Судск.Вол.; *у него залезено на ёлку* Усть-Нименьга Няндомск.Арх.; *у нас позавтракано* Ивановка Николаевск.Ульян. Наибольшей частотой употребления конструкций и самым широким лексико-грамматическим составом входящих в них причастных словоформ характеризуются онежские, лачские и белозерские говоры северного наречия.

Причастные формы с суффиксами *-н-, -т-*, образованные от глаголов с постфиксом *-ся*, употребительны только в говорах, причем на ограниченной территории. По материалам ДАРЯ, конструкции со словоформами типа *валянось, взятось, договорённось, женёнось, закрытось, запертось, записанось, изломанось, мытось, напитось, наученось, обутось, одетось, поделёнось, помоленось, разведёнось, расписанось, снятось, списанось, ученось* регулярно отмечаются в западной части севернорусских говоров — в говорах онежских, лачских и белозерских; встречаются они также в северной части вологодских говоров, а в качестве отдельных примеров — в говорах среднерусских (новгородских и псковских) и севернорусских — ладого-тихвинских. Вот некоторые примеры: *было наработанось* Чертены Дновск.Пск.; *у него десять раз раз-*

женено́сь и женено́сь Соловьево Волотовск.Новг.; *у них валя́нось на снегу* Заборожки Сланцевск.Лен.; *да, помучанось было* Валюшка Тихвинск.Лен.; *боянось всех: не смеешь ни поесть, ни попить* Песчаное Пудожск.Карел.; *там у хозяйки отстряпанось?* Типиницы Медвежьегорск.Карел.(К); *топором замахнутось* Балмасово Бабаевск.Вол.; *ни с кем не руганось* Новая Деревня Кадуйск.Вол.

В заключение раздела о конструкциях с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, остановимся на вопросе о семантике сочетания «*у* + род. падеж». Как известно, общерусским фактом является использование этого сочетания для выражения значения обладания чем-либо, значения принадлежности в широком смысле слова[34]. К числу общерусских относятся, в частности, конструкции, где при помощи сочетания «*у* + род. падеж» называется лицо, которое, будучи субъектом совершенного действия, предстает вместе с тем и как обладатель того (возможны и предмет и ситуация), что́ создано, приобретено или получилось в результате действия, ср.: *работа у него закончена; у меня уже билеты взяты; у нас всё было куплено заранее; у хозяйки накрыто на стол уже.* Предикативную основу таких конструкций образует причастие с суф. *-н-* или *-т-*, образованное от переходного глагола,— одно или чаще в сочетании с именем в им. падеже, называющим предмет, который послужил объектом действия и является объектом обладания (в конструкциях с партитивным значением и отрицательных возможен и род. падеж, ср.: *у нас всего накуплено; у нее и обеда не приготовлено*). В западных средне- и севернорусских говорах употребляются и такие причастные конструкции, где сочетанием «*у* + род. падеж» называется лицо, которое было субъектом действия, но которому не приписывается обладания каким-либо возникшим в результате действия предметом или ситуацией. Наиболее отчетливо данное значение выступает, как представляется, в двух случаях: 1) когда сам характер действия не предполагает создания чего-либо, ср.: *поля погублено у коней да у коров* Тамица Онежск.Арх.(ОЛА); *у него кончено техникум* Плотично Подпорожск.Лен.; *у крыс, наверно, съедено* Большие Слудицы Гатчинск.Лен.; *у лосей похожено* Раменье Устюженск.Вол.; *с сельсовету уж уехано у них* Загорье Порховск.Пск.; 2) когда обладателем результата действия является какое-то другое лицо (отличное от субъекта действия)— оно может быть указано и может предполагаться, ср.: *какие Люське были писаны письма у Коли!* Жеребут Лужск. Лен.; *были у сына очки привезёны* Ручьи Мезенск.Арх. В данных

[34] В статье, посвященной семантике и функции сочетания «*у* + род. падеж» в русском литературном языке, Р. Мразек и Ю. Брым объясняют широкое употребление этого сочетания в русском языке (а также белорусском и украинском) более ограниченным, чем в других славянских языках, использованием, во-первых, глагола *иметь* и, во-вторых, дат. падежа принадлежности [Mrazek, Brum, 1962].

диалектных конструкциях выступают причастия как от непереходных (основная масса случаев), так и от переходных глаголов.

Конструкции с причастными формами на *-ши*

Обратимся теперь к конструкциям с другой группой причастных форм — формами на *-ши*. В современном литературном языке образования с суффиксами *-н-*, *-т-* и образования типа *вставши, заперши* относятся к двум разрядам форм, различающихся по морфологическим, синтаксическим и семантическим признакам: первые являются причастиями, вторые — деепричастиями. По соотношению данных двух групп форм говоры (одни в меньшей, другие в большей степени) отличаются от литературного языка. Изучение соответствующих диалектных материалов привело Е. В. Немченко и автора настоящей работы к выводу, что выделение разряда деепричастий для говоров не имеет достаточных оснований,— образования типа *вставши, заперши* называются в работе причастными формами на *-ши*. Существенно обратить внимание на два момента: 1) как было показано выше, неизменяемость не является прерогативой форм, соответствующих деепричастиям литературного языка; 2) формы на *-ши*, как и формы с суффиксами *-н-*, *-т-* , могут употребляться предикативно. Среди диалектных различий в употреблении форм на *-ши* важнейшими являются различия, связанные с предикативной функцией.

Предикативное употребление причастных форм на *-ши* — если не говорить о единичных случаях, возникающих в разговорно-просторечном стиле,— для нашего времени можно квалифицировать как явление, свойственное только диалектным системам русского языка. Территория, в пределах которой конструкции типа *бригадир спит, а картошка затравевши* (Подборовье Полновск.Пск.); *покуль добегли, он скончавши был* (Рогово Почепск.Брян.); *умерши-то все будем* (Ямок Новгородск.Новг.,К.) отмечаются во всех или большинстве населенных пунктов, представляет собой широкую полосу, протянувшуюся от восточного побережья Онежского озера до Белгорода (см. карту 7). Эта территория включает в себя говоры среднерусские — западные их группы, севернорусские — ладого-тихвинские, часть онежских и белозерских и небольшой участок на территории вологодских и костромских, а также южнорусские — западную их часть. Употребительность конструкций с формами на *-ши* в пределах данной территории далеко не одинакова.

Материалы, собранные для составления атласа русского языка, показали, что интенсивность явления падает в направлении с северо-запада на юго-восток. Если в материалах атласа по населенным пунктам, относящимся к территории гдовских, новгородских или ладого-тихвинских говоров, приводится по 15—50 примеров, а в материалах по псковским говорам — не менее 10, то в материалах по южнорусским говорам количество приме-

ров, приходящихся на один населенный пункт, следующее: в северной части территории — 4—5, в южной — 1—3. Но конструкции типа *он давно померши, магазин закрывши* спорадически отмечаются и за пределами территории, очерченной изоглоссой. Материалы, собранные для составления атласа, показали, что употребление предикативных причастных форм на *-ши* нельзя считать исключенным ни для какой группы русских говоров. Всего в материалах по этой территории имеется 868 предложений с рассматриваемыми причастными образованиями (количество обследованных по сетке атласа населенных пунктов здесь около 3000). На территорию севернорусских говоров из этого количества приходится менее половины — приблизительно 350. Во всех говорах примеры с предикативными формами на *-ши* чаще отмечаются в зоне, прилегающей к изоглоссе. Существенно отметить, что для южнорусских говоров проведение границы регулярного употребления предикативных форм на *-ши* в значительной степени условно: территория, очерченная изоглоссой, и территория, примыкающая к изоглоссе с востока, по степени употребительности предикативных форм на *-ши* резко между собой не различаются.

В конструкциях с предикативными формами на *-ши* так же, как и в конструкциях с причастиями, образованными при помощи суффиксов *-н-, -т-*, как правило, выражается значение состояния предмета или окружающей среды, возникшее в результате какого-либо предшествующего действия. Этому значению соответствует совершенный вид причастной формы; предикативные формы на *-ши* от глаголов несовершенного вида встречаются редко.

В предикативной функции употребляются по преимуществу формы на *-ши*, соотносительные с непереходными глаголами совершенного вида — как без постфикса *-ся*, так и с постфиксом (при образовании причастной формы постфикс утрачивается). Как правило, эти формы (в сочетании со связкой или без связки) входят в структурную схему двусоставных предложений, где выражается значение состояния предмета, вызванное предшествующим действием этого же самого предмета, ср.: *трава вся сгорелши — нет ничего* Редковцы Пушкиногорск.Пск.(К); *Наполеон был на гору Голгофу сошоти* Загорье Печорск.Пск.; *я стрянать научивши — ни одной бабе так не сделать* Усть-Тосна Мгинск.Лен.; *я выросши есть на почтовику* Ржаное Озеро Прионежск.Карел.; *есть сахар к утрему — будете проспавши, тогда выпьете* Выбье Кингисеппск.Лен. Изредка встречаются односоставные предложения с формами на *-ши* — они могут быть как одно-, так и двукомпонентными, ср.: *леса были большие, везде было заглохши* Большие Толбицы Псковск.Пск.; *вчера с утра так было наволокши* Кроксово Гдовск.Пск.(К), *в печи простывши* Хвилово Новоладожск.Лен.; *ленинградских наехатчи* Усланка Подпорожск.Лен.; *комарья-то налетевши опять* Абрамова Гора Ефимовск.Лен.

Формы на *-ши* от переходных глаголов употребляются в предикативной функции значительно реже. С их участием образуются два типа конструкций: действительные и страдательные — как те, так и другие могут быть и дву- и односоставными, ср.: 1) *родивши моя овечка* Званка Киришск.Лен.; *какой некрасивый кот, да вот хвост ободравши где-то!* Лединки Лядск.Пск.; *я забывши свою жизнь* Станоговщина Сунск.Кир.; *Егор воды нагревши* Ильинское Лихославльск.Калин.; *теперь я не исполнивши заветов: назаветала, да не пошла* (по святым местам) Ефремково Лодейнопольск.Лен. (К); 2) *две корове, теперь одна продавши* Мельница Пушкиногорск.Пск.; *теперь бойкой парень были только ноги перебивши* Соловьево Волотовск.Новг.; *железка была приделавши* Зауженье Молоковск.Калин.; *вся земля соравши* Старина Борисово-Судск.Вол.; *не было настлавши камней* Козиха Спировск.Калин.; *сена не накосили — залимши* Пустошки Островск.Пск.; *некогда мне — открывши у меня там* Зимницы Думничск.Калуж.

Действительные конструкции с причастными формами на *-ши* могут включать в свой состав имя в вин. или род. падеже, называющее тот предмет, который послужил объектом действия. Материалы атласа показали, что конструкции типа *я забывши свою жизнь, он воды нагревши* более характерны для тех говоров, где предикативное употребление форм на *-ши* не предстает как регулярное явление. Дело в том, что введение имени, называющего объект действия, в предложение, являющееся активной конструкцией, очень повышает глагольность, процессуальность предиката, следовательно, трансформирует в какой-то мере грамматическое значение предикативной причастной формы: причастная конструкция сближается с конструкцией, включающей в свой состав спрягаемую глагольную форму. Таким образом, употребление форм на *-ши* в конструкциях с указанным объектом действия, с точки зрения грамматического значения предикативных причастных форм, можно, по-видимому, считать неправомерным — наличие соответствующих предложений свидетельствует о том, что рассматриваемое диалектное явление переживает в современных говорах в той или иной степени процесс внутреннего разрушения.

Материал атласа позволяет утверждать, что страдательные конструкции с формами на *-ши* не локализуются сколько-нибудь отчетливо. Более того, изучение данного материала привело нас к убеждению, что возможности употребления этих конструкций нельзя исключить ни для одной группы говоров, хотя это отнюдь не значит, что соответствующий материал может быть зафиксирован в каждом населенном пункте. Так, в частности, примеров страдательных конструкций не удалось записать в некоторых из тех населенных пунктов, которые были обследованы автором настоящей работы на территории Псковской и Ленинградской областей. Ф. П. Филин пришел к заключению, что на территории северо-запада данные конструкции распространены пятнами [Фи-

лин 1948, 39]. Приблизительно такая же картина наблюдается, видимо, и на других территориях. Выделяется, однако, один ареал, в пределах которого конструкции типа *корова продавши* распространены повсеместно и широко. Данный ареал вписывается в территорию селигеро-торжковских западных среднерусских говоров, граница его приблизительно такова: оз. Селигер — Боровичи — Бежецк — Тверь — оз. Волго — оз. Селигер (местами граница проходит южнее линии Тверь — оз. Волго). Формы на *-ши* почти вытеснили на данной территории формы с суффиксами *-н-*, *-т-*. В страдательных конструкциях с формами на *-ши* может употребляться субъектный детерминант — сочетание «*у* + род. падеж», ср.: *у меня верёвка тут кинувши* Заболотье Лесной Калин.; *жена хорошая у меня из Ленинграда взявши* Пагино Удомельск.Калин.; *рожь горит — наверно, у немцев зажжовши* Лединки Лядск.Пск. Отмечен и тв. падеж субъекта действия, ср.: *утка охотником подбивши* Алябьево Бесединск.Кур.

Грамматическое значение предикативных форм на *-ши* накладывает определенные ограничения на лексический состав глаголов, от которых они образуются. Среди этих форм — особенно на территории их регулярного употребления — отсутствуют или встречаются очень редко образования от глаголов, называющих такие действия, которые по характеру своему далеки от результативности — например, от глаголов со значением приступа к действию или значением мгновенно совершаемого действия. Предикативная функция характерна для форм на *-ши*, образованных от таких глаголов, которым присуща «способность обозначать реализованное изменение в общем состоянии или пространственном положении субъекта» [Трубинский 1961, 199].

Диалектные различия, связанные с предикативным употреблением форм на *-ши*, в значительной степени имеют количественный характер. Материалы атласа показывают, что количественное затухание явления (в направлении с северо-запада на юго-восток) сопровождается увеличением относительной частоты употребления конструкций, свидетельствующих о внутреннем его разрушении,— конструкций с выраженным объектом действия (о чем уже говорилось выше), конструкций с формами на *-ши* от глаголов несовершенного вида (*у нас называвши пестерь* Великий Двор Бабушкинск.Вол.; *нигде не бывавши, людей не видавши, а не боимся людей* Гимрека Подпорожск.Лен.(К); *я-то ведь много живши* Переволок Сланцевск.Лен.), конструкций с опущением связки прош. времени (*старик заболевши весной и помер вчерась* Заполье Белебелковск.Новг.; *а вы загорели или вы раньше загоревши?* Колоколово Гдовск.Пск.,К.) и некоторых других. Наибольшую относительную употребительность все эти конструкции имеют на территории за пределами показанной на карте 7 изоглоссы.

Среди предикативных причастных словоформ на *-ши* выделяется группа, характеризующаяся более широкой сферой

употребления в современном языке, чем другие словоформы. Эта группа состоит из нескольких единиц: *выпивши, обувши, одевши, разувши, раздевши, раскрывши, (не) евши, (не) пивши, (не) спавши.* В предложениях с данными словоформами, как правило, выражается такое состояние предмета, которое уже с трудом связывается с действием, ср.: *он сильно выпивши; она была раздевши и раскрывши; что же мы не евши, не пивши будем?* — причастия выступают здесь как слова почти чисто именные. В материалах атласа, относящихся к территории восточнее изоглоссы регулярного употребления предикативных форм на *-ши*, нередко указывается, что в предикативной функции отмечены лишь отдельные словоформы на *-ши* и приводятся все или чаще часть из только что названных. Подобные же замечания можно встретить и в печатных работах, относящихся, например, к южнорусским говорам [Аванесов 1949, 200; Земская 1953, 128; Лосева 1961, 15; и др.]. В целом около половины примеров, имеющихся в материалах по говорам территории за пределами показанной на карте 7 изоглоссы, — это предложения со словоформами из ряда *выпивши... (не) спавши.* На окраинных участках территории, очерченной изоглоссой, доля предложений с этими словоформами также значительна — до 1/5 всего материала. Словоформы из приведенного ряда в полупредикативном, а иногда и в предикативном употреблении — чаще со связкой прош. времени — отмечаются и в речи, которую нельзя, по-видимому, квалифицировать как диалектную. Так, предложения, подобные приведенным, можно услышать, в частности, от людей, говорящих на московском просторечии.

Вопрос о месте предикативных сочетаний типа *(есть) поставлен, был (будет) поставлен; (есть) вставши, был (будет) вставши* в грамматической системе современных говоров

Характеристику употребления конструкций с причастными формами, образованными от глагольной основы прош. времени, по материалам атласа русского языка мы закончим рассмотрением вопроса о месте предикативных сочетаний типа *(есть) поставлен, был (будет) поставлен; (есть) вставши, был (будет) вставши* в грамматической системе современных говоров.

Из истории индоевропейских языков известно, что для именных предикатов с именной частью, выраженной причастиями, характерна тенденция превращаться в неразложимые грамматические единства — аналитические формы глагола. Такой путь прошли, в частности, сочетания типа *есть... (былъ...) пришелъ* в истории русского языка. Трансформация именного предиката, структуры синтаксической, в морфологическую единицу — сложный и длительный процесс, и объективно определить момент, когда то или другое сочетание уже стало аналитической формой, далеко не всегда возможно, поэтому одни и те же структуры нередко

квалифицируются разными исследователями по-разному[35]. Так обстоит дело и с рассматриваемыми причастными сочетаниями.

В трудах, содержащих описание грамматического строя русского литературного языка, предикаты предложений типа *забор (был, будет) поставлен* всеми исследователями рассматриваются как единицы, выражающие страдательное (пассивное) значение, но место этих единиц в грамматической системе может при этом определяться по-разному: одни ученые видят здесь именное сказуемое (Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. М. Пешковский, А. Б. Шапиро, В. Н. Сидоров и др.)[36], другие допускают, что сочетания типа *(был, будет) поставлен* имеют характер аналитических форм (В. В. Виноградов, А. В. Исаченко)[37]. Так же по-разному квалифицируются и сочетания кратких причастий с формами глагола *быть*, употребляющиеся в русских говорах, но здесь уже приходится говорить — по отношению к части говоров — не только о сочетаниях типа *(есть, был, будет) поставлен*, но и типа *(есть, был, будет) вставши*, что́ особенно существенно, если вопрос решается в пользу признания морфологической природы данных сочетаний (налицо формы и страдательного и действительного залогов).

Еще в середине XIX в. исследователи обратили внимание на то, что грамматическое значение употребляющихся предикативно кратких форм причастий, образованных при помощи суффиксов *-н-*, *-т-* и *-ши*, при нулевой связке (или связке *есть*), близко к значению перфекта, а при сочетании с *был, была...* — плюсквамперфекта классических и новых западноевропейских языков. Соответствующие сопоставления имеют место как в работах по русскому языку, так и в работах, заключающих в себе сделанные для русского читателя описания грамматических систем других языков. Наиболее развернутую характеристику значения предикативных причастных сочетаний, употребляющихся в русском языке (включая диалекты), именно как значения перфектного дал впоследствии С. И. Соболевский в своем труде по латинскому языку [Соболевский 1948, 203]. В диалектологических работах определение значения предикативных причастий как значения перфектного является обычным. При этом основное внимание исследователей привлекают диалектные формы на *-ши*. Значение предикативных форм типа *пришедши* характеризуется обычно в сопоставлении со значением глаголов прош. времени. Так, В. И. Борковский пишет: «Можно заметить определенную закономерность в употреблении деепричастия и формы на *-л*. Первая из отмеченных форм указывает не на действие, а на признак, состояние как результат действия (если имеется при деепричастии связка *был*, то она

[35] Как известно, до настоящего времени отсутствует общепризнанный критерий для разграничения синтаксических и морфологических единиц — структур, являющихся именным предикатом, и аналитических форм слова.

[36] [Овсянико-Куликовский, 1912, 62 и 77; Пешковский 1956, 226—227; Шапиро 1941, 60; Сидоров 1945, 213].

[37] [Виноградов 1947, 424; Исаченко 1960, 363—364].

указывает, что признак, состояние возникли в прошлом и не имеют места в настоящем). Форма на *-л* употребляется тогда, когда надо указать на действие» [Борковский 1944, 119].

Семантическую близость предикативных причастий, употребляющихся в русских говорах, с перфектом признают едва ли не все исследователи, но при этом одни из них рассматривают сочетания типа *(есть, был) поставлен, (есть, был) вставши* в рамках синтаксиса (А. А. Потебня, В. И. Борковский, А. Б. Шапиро, Ф. П. Филин, В. И. Собинникова, В. А. Матвеенко, О. Н. Шулене и др.)[38], другие идут в сближении данных сочетаний с перфектом (плюсквамперфектом) дальше и более или менее уверенно квалифицируют их как единицы морфологические — сложные формы времени (М. А. Колосов, Л. П. Размусен, М. Ф. Семенова, В. И. Трубинский и др.)[39]. Примечательно, что П. С. Кузнецов, уделивший много внимания изучению предикативных причастных форм русских говоров, в специальной работе о данных формах не решается причислить предикаты типа *(есть, был) поставлен; (есть, был) вставши* ни к синтаксическим, ни к морфологическим структурам, склоняясь по существу к процессуальному их рассмотрению. Так, сблизив по значению сочетания типа *(есть) вставши, был вставши* соответственно со старым русским перфектом и плюсквамперфектом, П. С. Кузнецов пишет: «Старый русский перфект и плюсквамперфект, несомненно, представляют собой единую аналитическую форму. Решить вопрос о том, представляют ли собой рассматриваемое нами деепричастие и его сочетание с *был* единую (хотя бы аналитическую) форму или составное сказуемое, трудно. Любая аналитическая форма когда-то возникла из свободного синтаксического сочетания, т. е. из составного сказуемого» [Кузнецов 1949[1], 67][40]. Этот подход П. С. Кузнецова к конкретным структурам русских говоров находится в полном соответствии с общим положением В. В. Виноградова о соотношении морфологии и синтаксиса, о морфологических формах как «отстоявшихся синтаксических формах» и невозможности «механических делений и рассечений» в грамматике, «имманентной живому языку» [Виноградов 1947, 29]. Как известно, горячим сторонником процессуального подхода к структурам, характеризующимся непоследовательными признаками аналитизма, был В. М. Жирмунский. Он писал: «Статическому "морфологизму" фортунатовской школы я считаю свое-

---

[38] [Потебня 1958, 138 и след.; Борковский 1944, 119 и 1952, 272—274; Шапиро 1953, 168—169; Филин 1948, 28—50; Собинникова 1961, 54—56, 113; Матвеенко 1962; Шулене 1964, 309 и след.]. Так же рассматривает — применительно к разным славянским языкам — сочетания со страдательными причастиями Б. Гавранек [Havránek 1937, § 225].

[39] [Колосов 1877, 27; Размусен 1891, § 6; Семенова 1954, 14—16 и 1957; Трубинский 1969[1], 1969[2], 1984, гл. VI].

[40] Заметим, что в работе, напечатанной несколько раньше, но в том же 1949 г. (работа содержит морфологическую характеристику пильмасозерского говора), П. С. Кузнецов говорит о сочетаниях типа *(есть, был) вставши* как о сложных формах прошедшего времени [Кузнецов 1949[2], 122].

временным противопоставить процессуальное рассмотрение явлений языка, которое позволяет говорить о большей или меньшей грамматизации тех или иных аналитических конструкций, о разных ступенях их трансформации из словосочетаний в аналитическую форму слова. Такая точка зрения позволяет расширить круг явлений анализа, наличествующих в большинстве индоевропейских языков как одна из тенденций их грамматического развития» [Жирмунский 1965, 7]. И несколько далее: «В целом аналитическое формообразование имеет характер процессуальный с переходными случаями большей или меньшей грамматизации, которые следует рассматривать не как метафизически изолированные классификационные клеточки, а, говоря языком диалектики, как «узловые точки» в процессе развития, представляющие ряд последовательных ступеней грамматизации, сосуществующих одновременно в языке без непроницаемых между ними перегородок» [Там же, 12][41].

Итогом нашего изучения современных диалектологических материалов явилось представление о предикативных структурах с краткими причастными формами как о весьма сложном звене грамматической системы, характеризующемся существенными количественными и качественными различиями по говорам. Сочетания кратких форм причастий, образованных при помощи суффиксов *-н-*, *-т-* и *-ши*, со служебным глаголом *быть* представляют собой, с нашей точки зрения, сумму конструкций, которые, будучи в основе своей синтаксическими, характеризуются и некоторыми — причем разные конструкции несколько разными — признаками, сближающими их с единицами морфологическими — сложными формами глагола. Причастным образованиям на *-ши*, кроме того,— особенно на территории за пределами изоглоссы регулярного употребления их в предикативной функции — свойственна тенденция сближения с простыми глагольными формами (на *-л*). Из сказанного следует, что наиболее целесообразным подходом к рассматриваемому материалу мы бы считали подход процессуальный, т. е. дифференцированное по говорам изучение присущих причастным структурам синтаксических и морфологических признаков в их соотношении и определение места данных структур на шкале постепенных переходов от синтаксических единиц к морфологическим. Ни в коей мере не претендуя на исчерпывающее решение вопроса (для этого было бы необходимо прежде всего располагать материалами монографического характера, собранными по определенному единому плану на территории разных говоров), попытаемся подойти к предикативным причастным сочетаниям русских говоров с точки зрения тех признаков, которые объединяют данные сочетания либо с синтаксическими, либо с морфологическими единицами. При этом представляется существенным учесть как некоторые признаки самих этих сочетаний, так и характер соотношения их

[41] [Жирмунский 1963].

с другими грамматическими единицами. Остановимся последовательно на этих вопросах.

1. 1. Как известно, одним из признаков, которые должны приниматься во внимание при характеристике структур, развивающихся в сторону морфологии, является признак изменяемости / / неизменяемости знаменательной (именной) части сочетания[42]. Неизменяемость кратких форм действительных причастий — факт общерусский. Утрата показателей рода и числа у страдательных причастий — превращение их в застывшие, неизменяемые формы, на *-но, -то* или *-н, -т* — имеет место в говорах западных среднерусских и западной части севернорусских. Конструкции с причастными образованиями на *-но, -то* или *-н, -т* повсеместно употребляются наряду с такими конструкциями, где входящее в предикат причастие совпадает по форме рода и числа с именем — подлежащим. Соотношение данных конструкций по степени употребительности может быть при этом различным.

Основная часть севернорусских говоров отличается от говоров южнорусских и восточных среднерусских более широким употреблением безличных предложений с причастиями, образованными при помощи суффиксов *-н-, -т-*: здесь свободно используются как однокомпонентные конструкции с данными формами, так и конструкции, включающие в свой состав род. падеж объекта действия; кроме того, для этих говоров характерны безличные предложения, в которых объект действия назван именем в форме им. или реже вин. падежа. Широкое употребление причастий на *-но, -то* в безличных конструкциях — это тоже, на наш взгляд, некоторый сдвиг в сторону превращения этих причастий в неизменяемые формы.

2. Роль глагола *быть* является формальной, служебной при употреблении его как в составе сложных глагольных форм, так и в составе именного предиката, однако если служебный компонент аналитической формы глагола не может иметь никакого лексического значения, то для связки возможность сохранить известную долю экзистенциального значения не исключается, что не раз отмечалось в литературе[43]. Ряд фактов, касающихся употребления служебного компонента *есть* (как будет показано в следующем разделе настоящей главы, включение данного компонента в различные структурные схемы предложений имеет место на территории северо-запада), дает основание предполагать, что при сочетании с краткими причастными формами служебный элемент не всегда характеризуется полной семантической опустошенностью. К числу этих фактов можно отнести, в частности, параллельное употребление *есть* и *нет: дачники есть пущен — дачников нету пущено.*

3. Очевидно, что причастные образования с суффиксами *-н-, -т-* и образования на *-ши* генетически являются формами, проти-

[42] [Жирмунский 1956, 282—283; Гухман 1955, 350—359; 1957, 107 и 131].
[43] [Гухман 1955, 346; Смирницкий 1957, 112; Стеблин-Каменский 1957, 191].

вопоставленными по залоговому признаку. В современных же говорах, как показывает материал, эта противопоставленность в известной мере стерта. Как отмечалось, формы на *-ши* образуются только по преимуществу, но не исключительно от непереходных глаголов, причем образования от глаголов переходных могут употребляться как в действительных, так и в страдательных конструкциях. Причастия же с суффиксами *-н-*, *-т-* образуются не только от переходных глаголов и не всегда употребляются в страдательных (пассивных) конструкциях. Думается, что даже частичная залоговая нейтрализация вряд ли возможна для спрягаемых глагольных форм (в том числе сложных). Существенно, однако, указать, что все отмеченные здесь факты залоговых нарушений прежде всего связаны не с теми говорами, которые характеризуются сосуществованием предикативных форм на *-ши* и форм с суффиксами *-н-*, *-т-*,— возникают по преимуществу в тех случаях, когда та или другая группа причастных образований оказывается на какой-то территории мало употребительной (для селигеро-торжковских говоров, где высоко частотны страдательные конструкции с причастными формами на *-ши*, не характерны причастия, образованные при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*; в той части севернорусских говоров, где регулярно употребляются конструкции типа *у него уйдено, у меня выспанось*, почти не отмечаются формы на *-ши* в предикативной функции). Следовательно, положение об ослабленной противопоставленности двух групп причастных образований больше относится к русским говорам в целом, чем к отдельным диалектным системам. Применительно же к последним правильнее, по-видимому, говорить не столько о залоговой нейтрализации, сколько о частичном преодолении той или другой группой причастных образований их залоговой ограниченности. Отметим еще, что при сосуществовании форм на *-ши* и форм на *-но, -то*, образованных от непереходных глаголов (новгородские и псковские говоры), наблюдается тенденция дифференциации их по кругу лексем — из словоформ с суффиксами *-н-*, *-т-* здесь употребляются по преимуществу такие, которые образованы от глаголов, называющих процесс, растянутый во времени,— глаголов несовершенного вида и глаголов с префиксом *по-* типа *побегано, побыто, поезжено, пожито, пороблено*... Формы же на *-ши* от данных групп глаголов образуются относительно редко[44].

4. Как известно, один из основных признаков аналитических форм — выражение определенного грамматического значения только сочетанием в целом — ср., например, следующее определение М. И. Стеблина-Каменского: «В так называемых сложных глагольных формах, например в английском перфекте, внешним выразителем грамматического значения является, по-видимому, сама форма словосочетания (но, конечно, не какие-либо

[44] О соотношении форм с суффиксами *-н-*, *-т-* от непереходных глаголов и форм на *-ши* в отдельных говорах см.: [Доля 1962; Трубинский 1969 [2]; Булатова 1975].

элементы этого словосочетания)» [Стеблин-Каменский 1954, 160]. Естественно поставить вопрос о том, является ли значение состояния, вызванного предшествующим действием, значением только предиката, в состав которого входят краткие причастные формы, или оно может быть приписано и самим этим формам как морфологическим единицам. Как кажется, соотношение значений предиката и входящего в его состав причастного образования не является стабильным: оно различно для форм с суффиксами *-н-*, *-т-* и форм на *-ши*, а для каждой из этих групп форм несколько варьируется по говорам. Данное предположение основано на сопоставлении тех функций, которые могут иметь рассматриваемые группы причастных образований в разных русских говорах. Мы исходим при этом из следующего представления: присущее причастному предикату значение вызванного предшествующим действием состояния может быть с уверенностью приписано и самой причастной форме как ее семантической характеристике только в том случае, если предикативная функция является для данной группы форм в данной языковой системе единственно возможной (ср. положение кратких форм страдательных причастий в современном литературном языке).

На основании изучения материалов разных русских говоров Е. В. Немченко пришла к заключению, что рассматриваемым причастным формам при предикативном и непредикативном их употреблении свойственны следующие функции:

Краткие причастные формы	Полупредикативное употребление		Непредикативное употребление	
	предикативный атрибут	предикативное обстоятельство	атрибут	обстоятельство
С суфф. *-н-*, *-т-*	+	–	+	–
На -ши	+	+	+	+

Знаками + и – в таблице соответственно показано наличие или отсутствие у каждой группы причастных форм той или иной функции [Кузьмина, Немченко 1972, ч. I, гл. 2]. Проиллюстрируем эту таблицу несколькими примерами из числа тех, которые приведены Е. В. Немченко. Порядок приведения примеров тот же, в каком соответствующие функции следуют в таблице: 1) *она накрашенось пошла* Георгиевское Белозерск.Вол.; *столы собраны стоят* Долговка Лужск.Лен.; *меня дождь поймал с сена ишотчи* Песчанка Пустошкинск.Вел.; 2) *всяких пожывши людей-то видал* Шамокша Лодейнопольск.Лен.(К); *возьми угости, вином напой* (соседа — хозяина бани), *а не угостивши не даст баню затопить* Мешково Куньинск.Вел.; 3) *есть у меня ещё посолен немножко* (об огурцах) Ямок Новгородск.Новг.(К); *нет ли чего*

послано у его? Чидово Лодейнопольск.Лен.(К); *засахарившu мёд не рекомендуется на корм* Окороки Молвотицк.Новг.; *зарудевши — это как грязный: заскорузши, зарудевши* Волошово Лужск.Лен.; 4) *вот котенок-то сидит хвост подогнувши* Заполье Кингисеппск.Лен.; *обнявши на горки лезем* Виженка Брасовск.Брян. Как видно даже из приведенных примеров, диапазон варьирования значений кратких причастных форм, образованных от основы глаголов прош. времени, достаточно широк — от случаев субстантивации причастий, когда значение их может быть определено только как чисто именное, до случаев, где при помощи причастия дается обстоятельственная характеристика действия или выражается состояние, сопутствующее действию. Значение состояния, вызванного предшествующим действием, т. е. значение, свойственное предикативным причастиям, можно констатировать только для случаев употребления их в качестве предикативного атрибута (группа 1)[45] и то не всегда, так, причастные образования на *-нось*, по мнению Е. В. Немченко, «передают не только определительные отношения, они приобретают также и обстоятельственный оттенок значения» [Кузьмина, Немченко 1972, 250].

Случаи непредикативного и полупредикативного функционирования форм с суффиксами *-н-*, *-т-* отмечаются исключительно редко (всего в материалах атласа имеется три-четыре десятка примеров, причем в части из них можно предполагать употребление стяженных форм); соответствующие примеры относятся к разным говорам, но по преимуществу к говорам на территории северо-запада (только на северо-западе возможны, в частности, упоминавшиеся выше предложения с формами на *-нось, -тось*). Для форм на *-ши* непредикативное и полупредикативное употребление является куда более обычным — общее количество соответствующих примеров в материалах приближается к 2000 (редкой является только функция атрибута — всего около 50 предложений). Случаи непредикативного и полупредикативного употребления форм на *-ши* отмечаются в разных говорах, но значительное большинство их относится к территории регулярного использования данных причастных форм в предикативной функции. Из сказанного вытекает, как нам представляется, вывод о том, что об идентификации значений предиката, включающего в свой состав причастную форму, и самой этой причастной формы можно говорить только для причастий с суффиксами *-н-*, *-т-* и то с некоторыми оговорками, причем более уверенно применительно к говорам, не относящимся к территории северо-запада. Значение же форм на *-ши*, взятых вне определенной синтаксической функции, может быть определено только весьма широко — значительно шире, чем значение предиката, включающего

[45] О близости случаев употребления форм на *-ши* в функции предикативного атрибута к случаям предикативного их употребления см. также: [Трубинский 1966, 128—129].

в свой состав данные причастные образования[46]. Следовательно, с нашей точки зрения, такой признак аналитических форм, как выражение определенного грамматического значения только сочетанием в целом, не совсем чужд рассматриваемым структурам, хотя применительно к ним вряд ли можно говорить о грамматической неразложимости, свойственной, например, временны́м формам западноевропейских языков (ср. нем. ist gekommen, war gekommen)[47].

5. Состав глаголов, являющихся производящей базой для предикативных причастных форм на *-ши*, с одной стороны, и для форм, образованных при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*,— с другой, формируется несколько по-разному: если такие признаки как переходность // непереходность и принадлежность к совершенному // несовершенному виду оказываются существенными в обоих случаях, то семантический критерий играет заметную роль только при формировании состава производящих глаголов для предикативных форм на *-ши* — особенно в говорах, где они употребляются регулярно. Думается, что семантические ограничения не могут быть свойственны формам (хотя бы аналитическим) такой категории, как время. Как известно, устранение лексической избирательности при образовании предикативных причастных сочетаний в истории западноевропейских языков рассматривается как признак, свидетельствующий о превращении данных сочетаний в аналитические формы глагола. Так, М. М. Гухман пишет: «...превращение особых типов сочетаний частичного и полного слова в аналитическую форму связано с тем, возможно ли образование этих конструкций от преобладающего большинства глаголов и к тому же со стандартной валентностью» [Гухман 1962, 28].

II. 1. Сочетания типа *(есть) поставлен... был вставши* оказываются соотносительными в своем функционировании с такими построениями, синтаксический характер которых очевиден. Группы соотносительных конструкций создаются, во-первых, за счет того, что говорам известно предикативное употребление не только кратких, но и полных причастных форм — по преимуществу с суффиксами *-н-*, *-т-* (ср.: *сейчас передача — магазин закрытый;* (кот) *ночью был выгнанный* Шамокша Лодейнопольск.Лен.,К.; *он с самой весны засохший* Замежничье Гдовск.Пск.,К.), и, во-вторых, за счет возможности для форм на *-ши*, а в отдельных случаях и для форм, образованных при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, выступать в сочетании с полусвязочными (полузнаменательными) глаголами (ср.: *все руки стали кровью наливши* Колоколово Гдовск.Пск.,К.; *здесь деревня осталася не сгоревши* Дядно Качановск.Пск.; *так мы и оставши не учены* Шамокша Лодейнопольск.Лен.,К.). Эти и подобные им предложения могут рассмат-

[46] Иначе решает этот вопрос Л. Н. Булатова [Булатова 1975].

[47] Заметим, однако, что немецкое причастие II может употребляться иногда вне аналитических форм — мы имеем в виду случаи типа das Mädchen kam gesprungen.

риваться как регулярные реализации структурных схем предложений типа *руки (кровью) наливши, мы (не) учены*[48]. Как устранение параллельного употребления в предикативной функции кратких и полных форм причастий (закрепление предикативной функции за краткими формами), так и устранение колебаний в составе связочных глаголов (закрепление в составе предикативных причастных сочетаний служебного глагола *быть*) рассматриваются специалистами по разным западноевропейским языкам как существенные вехи на пути превращения свободных сочетаний с причастиями в аналитические формы[49].

2. Не менее отчетливо прослеживается функциональная соотносительность рассматриваемых причастных сочетаний и с единицами морфологическими — простыми глагольными формами. Факт вхождения в единую систему грамматических противопоставлений с морфологическими формами слова является, по мнению ряда исследователей, самым существенным или одним из наиболее существенных признаков, позволяющих отнести то или иное сочетание в разряд аналитических форм[50].

Как отмечалось, вопрос о соотношении предикативных причастных форм с простыми глагольными формами, а точнее, образований на *-ши* и на *-л* уже давно привлек к себе внимание. Указывая, что обе эти формы употребляются в тех случаях, когда речь идет об уже совершившемся действии, исследователи обычно определяют значение форм на *-ши* как результативное, перфектное, форм на *-л* — как аористическое. Не отклонились от этого представления и мы. Хотелось бы только подчеркнуть обстоятельство, что семантическая противопоставленность данных форм в современных говорах, в том числе и северо-западных, последовательно не выдерживается — наблюдается тенденция сближения форм на *-ши* и на *-л*. Что касается причастных образований с суффиксами *-н-*, *-т-*, то их соотносительность с простыми глагольными формами очевидна, поскольку они являются в русском языке формами страдательного залога. Иначе — не по залоговому признаку — соотносятся с простыми глагольными формами (на *-л*) те причастия, имеющие суффиксы *-н-*, *-т-*, которые образованы от непереходных глаголов и употребляются для выражения состояния, вызванного действием какого-либо лица, не направленным на другое лицо (предмет). Конструкции типа *у Юрки в пять часов встато* (Афонасово Борисово-Судск.Вол.); *у меня выспанось-то теперь* (Никишинская Няндомск.Арх.) представляется возможным рассматривать в составе одного синтаксического ряда с личными конструкциями, включающими в свой состав формы на *-ши (Юрка вставши, я выспавши)* — как те, так

---

[48] См. «Грамматику современного русского литературного языка» (М., 1970), раздел «Структурные схемы предложения и их регулярные реализации».

[49] На заменяемость частей составного сказуемого в отличие от компонентов сложной глагольной формы указал еще Д. Н. Овсянико-Куликовский [Овсянико-Куликовский 1899, 98, 1912, 61].

[50] [Гухман 1955, 359; Смирницкий 1959, 62 и след.; Арутюнова 1965, 90 и след.].

и другие конструкции отличаются от предложений с формами на *-л* перфектным значением [51].

Будучи функционально соотносительными с простыми глагольными формами, рассматриваемые причастные сочетания могут быть сближены с ними и по степени употребительности — еще один момент, свидетельствующий о движении данных сочетаний в сторону морфологии. «Морфологические формы,— пишет В. В. Виноградов,— это отстоявшиеся синтаксические формы» [Виноградов 1947, 29] [52]. Материалы атласов показывают, что регулярное употребление причастных сочетаний для выражения перфектного значения как в пассивных, так и в активных оборотах имеет место в говорах на территории северо-запада. Предикативные причастные сочетания являются очень существенным звеном в грамматической системе этих говоров — нельзя не согласиться с Ф. П. Филиным, который пишет: «Особый интерес представляют такие явления синтаксиса северо-западных говоров, как конструкции с причастными формами (действительно-возвратными и страдательными), придающие своеобразие всему строю предложения» [Филин 1948 [2], 159].

Итак, о движении предикативных причастных сочетаний в сторону морфологии свидетельствует прежде всего характер их употребления — регулярное использование для выражения определенного грамматического значения и функциональная соотносительность с простыми глагольными формами. Если иметь в виду всю совокупность рассматриваемых сочетаний — как с пассивным, так и с активным значением,— то и о регулярном употреблении и приближающемся к системному соотношении с простыми глагольными формами можно говорить применительно к определенной части русских говоров — говорам на территории северо-запада. И именно на этой территории причастия с суффиксами *-н-, -т-* развиваются в неизменяемые, застывшие формы (на *-но, -то* или *-н, -т*), повторяя в этом отношении судьбу причастий действительного залога. Выше отмечалось, что утрата изменяемости знаменательным словом сочетания рассматривается исследователями как один из существенных признаков, свидетельствующих о превращении синтаксического сочетания в морфологическое — в аналитическую форму. Прибавим к этому высказывание А. А. Потебни: «Согласование на всех ступенях своего развития есть средство производить известные оттенки мысли. Его нарушение всегда образует новые грамматические категории» [Потебня 1958, 113]. Названные особенности предикативных причастных сочетаний в говорах на территории северо-запада европейской части РФ позволяют, как нам представляется, рассматривать эти сочетания как структуры, кото-

---

[51] Вопрос о соотношении по значению и употреблению образований типа *встато, вставши; встал* применительно к отдельным языковым системам наиболее подробно рассматривается В. И. Трубинским [Трубинский 1969 [2]].

[52] О роли фактора частотности в развитии предикативных причастных сочетаний — применительно к истории немецкого языка — см.: [Гухман 1955, 351 и след.].

рые, не порывая своих синтаксических связей, включились или по крайней мере имеют тенденцию включиться и в морфологическую систему. Естественно встает вопрос: формами какой морфологической категории стали или становятся данные сочетания? Этот вопрос, с нашей точки зрения, самый трудный и самый спорный из всех, которые встают при рассмотрении предикативных причастных сочетаний русских говоров.

Парадигма предложений с предикативными причастными сочетаниями включает в себя три формы изъявительного наклонения: 1) без служебного глагола (или со словоформой *есть*); 2) со служебным глаголом в прош. времени; 3) со служебным глаголом в буд. времени — и формы всех ирреальных наклонений, кроме долженствовательного (ср.: *только бы было напечено да наворено да* Веретья Бабушкинск.Вол.; *если б желали, давно бы были вышецци* (замуж) Кроксово Гдовск.Пск.,К.; *чтобы сейчас же была севши!* Шамокша Лодейнопольск.Лен.,К.). Отношением к материалу с будущим временем и ирреальными наклонениями и определяется, с нашей точки зрения, возможность той или другой морфологической квалификации предикативных причастных сочетаний.

Если считать предложения в форме будущего времени и ирреальных наклонений стоящими вне живой современной системы и исходить только из фактов типа *он(есть) поставлен, он(есть) вставши; он был поставлен, он был вставши,* то предикативное употребление кратких причастных форм может рассматриваться в рамках системы прошедших времен — причастия без служебного глагола (и в сочетании со служебным глаголом в настоящем времени) и сочетания причастий со служебным глаголом в прошедшем времени квалифицируются тогда как сложные формы прошедшего времени соответственно перфектного и плюсквамперфектного типа [53]. При более широком подходе к предикативным причастным конструкциям — учете всех форм изъявительного наклонения — входящие в их структурную схему причастные сочетания должны рассматриваться как три соотносительные между собой временны́е формы:

(есть) поставлен	*(есть) вставши*
был поставлен	*был вставши*
будет поставлен	*будет вставши*

Так подходит к предикативному функционированию кратких форм причастий в русском языке (включая говоры) Л. П. Размусен. Он устанавливает для русского языка систему времен, состоящую из шести форм: трех форм абсолютных времен (настоящего, прошедшего и будущего: *пишу, напишу; писал, написал; буду писать, напишу*) и трех форм относительных времен (преднастоящего, предпрошедшего и предбудущего: *я пришедши; я был*

[53] Наиболее развернутую характеристику данных сочетаний как форм прош. времени дали М. Ф. Семенова и В. И. Трубинский [Семенова 1954, 1957; Трубинский 1969 [1], 1969 [2], 1984, гл. VI].

пришедши; я буду пришедши). Являясь формами относительных времен, предикативные причастные сочетания русского языка встают, по мнению Л. П. Размусена, в один ряд со сложными глагольными формами западноевропейских языков — как к тем, так и к другим единицам он применяет немецкий термин «zweiseitige Tempora» [Размусен 1892, § 6]. Тот факт, что для предикативных причастных сочетаний русского языка рамки системы прошедших времен узки, отмечается также А. А. Потебней. Указывая, что для сравнения причастных сочетаний с перфектом разных языков определенные основания имеются, Потебня отмечает и особенности русского материала, к числу которых относится следующее: «...русск. оборотов с наст. и прош. глагола *(сделано, было сделано)* нельзя отделить от таких же оборотов с будущим: *у меня будет сделано*» [Потебня 1958, 148 сноска][54].

С нашей точки зрения, при рассмотрении предикативных причастий русских говоров следует считаться с фактом употребления их в составе структурной схемы предложений, имеющих форму не только будущего времени, но и формы ирреальных наклонений. Мы присоединяемся к положению Н. Ю. Шведовой о том, что редко встречающиеся структуры не перестают быть членами определенной парадигмы предложения [Шведова 1967, 49]. Относительно низкая употребительность в речи предложений типа *он будет поставлен, был бы он вставши* (в наших материалах предложений в форме будущего времени около 50, а в формах ирреальных наклонений — около 80) объясняется, как можно думать, причинами экстралингвистическими: видимо, в речи редко возникает потребность выразить значение состояния, отнесенного в будущее или желаемого, возможного и т. п.[55] Признавая конструкции типа *а было бы ржи посеяно, так и горе в воду* (Кулье Печерск.Пск.); *если бы самогонка разрешено было* (Моложск.у. Яр.губ.)[56]; *если б в волю* (денег), *они опивши были б* (Замежничье Гдовск.Пск.,К.); *хоть бы что было оставши* (после войны; Ямок Новгородск.Новг. К.); *ступай домой и чтобы не была пришоччи* (Бурмакино Капшинск.Лен.) живыми, закономерными членами парадигмы рассматриваемых причастных конструкций, мы долж-

---

[54] В. Матезиус, рассматривая сочетания форм глагола míti со страдательными причастиями, употребляющимися в разговорном чешском языке, устанавливает систему перфекта, состоящую из трех временны́х форм. Он пишет: «... в разговорном чешском языке наряду с претеритумом и антипретеритумом есть действительно перфект и плюсквамперфект и даже futurum exactum наряду с будущим простым. Речь идет о системе времен, которые с помощью глагола míti и страдательного причастия прошедшего времени выражают настоящее, прошедшее и будущее состояние, восходящее к предшествующему действию; эти времена поэтому в их общем значении лучше было бы называть настоящим, прошедшим и будущим перфектом (perfectum praesen tide, praeteriti a futuri)» [Mathesius 1947, 190]. См. также: [Шахматов 1941, 473].

[55] Ср. наблюдения о редком употреблении сочетаний страдательных причастий прош. времени со связкой буд. времени, сделанные П. С. Кузнецовым и Н. Н. Прокоповичем на материале русского литературного языка [Кузнецов 1950, 162; Прокопович 1947, 124].

[56] [Гринкова 1926, 253].

ны и входящие в их структурную схему сочетания типа *было бы посеяно, были бы оставши* считать определенным звеном в системе аналитических форм, образующихся с помощью причастий,— с точки зрения морфологической эти сочетания могли бы быть определены только как формы сослагательного наклонения. Следовательно, учет фактов типа *было бы ржи посеяно, были бы оставши, чтобы была пришоччи* приводит к необходимости рассматривать предикативные причастные сочетания русских говоров как единицы, которые, развиваясь в сторону морфологии, становятся формами не категории времени, а какой-то другой, с ней пересекающейся. Как отмечалось, квалификации причастных сочетаний как форм времени, с нашей точки зрения, препятствует и семантическая ограниченность состава форм на *-ши*. Применительно к тем говорам, где употребление предикативных причастных конструкций как с пассивным, так и с активным значением характеризуется достаточной регулярностью, т. е. применительно к говорам на территории северо-запада, представляется возможным говорить об особой грамматической, а точнее, лексико-грамматической категории глагола — категории перфекта.

Под перфектом мы понимаем систему грамматических единиц, специально предназначенных для выражения значения состояния, явившегося результатом предшествующего действия[57]. Данная система включает в себя три временны́е формы (для наст. времени два варианта — без вспомогательного глагола и со словоформой *есть*) и форму сослагательного наклонения.

Неизбежно встают вопросы о том, в какой соотносительный ряд могут быть включены формы перфекта и формами какой более общей категории они являются. В ответе на первый вопрос мы следуем А. И. Смирницкому, хотя его теория перфекта и разработана на совершенно другом материале — материале литературного английского языка. А. И. Смирницкий показывает, что формам перфекта могут быть противопоставлены только формы неперфекта, т. е. система грамматических единиц, выражающих собственно процесс. Он пишет: «В случае английского перфекта, очевидно, определенная грамматическая категория, отличная и от категории вида и от категории времени, образуется противопоставлением всего ряда перфектных форм всему ряду неперфектных, причем противопоставление этих двух рядов не распространяется наличием еще какого-либо ряда, с которым эти два были бы соотносительны в той плоскости, в которой они соотносятся между собой» [Смирницкий 1955, 27]. В силу того что перфект является категорией лексико-грамматической, пары форм, противопоставленных по признаку перфект — неперфект, образуются далеко не от всех глаголов — противопоставление форм, выражающих перфект, и форм, выражающих собственно

[57] Как известно, перфектное значение нередко бывает свойственно и формам на *-л*, однако оно не является здесь формализованным.

процесс, сходно по своему характеру с видовой оппозицией, о которой А. В. Бондарко пишет: «...видовая оппозиция, видовое противопоставление в действительности выходит далеко за пределы видовых пар, любое образование совершенного вида в системе языка противопоставлено любому образованию несовершенного вида; несоотносительные по виду глаголы охватываются видовой системой именно потому, что существует видовая оппозиция, противопоставление видов в системе языка» [Бондарко, Кодухов 1971, 37].

Что же касается второго вопроса — грамматической категории, поглощающей формы перфекта и неперфекта и стоящей над ними, то его мы вынуждены оставить открытым. В качестве грамматической единицы, объединяющей перфект и неперфект, мы могли бы назвать только глагол в целом. Присущее глаголу значение процесса выражается при помощи данных групп форм по-разному: если при употреблении неперфектных форм имеет место обозначение процесса без прямой соотнесенности его с результатом, то формы перфекта фиксируют именно результат, т. е. завершающий момент процесса или, вернее, его следствие. Существенно отметить, что то решение вопроса о грамматической категории, объединяющей перфект и неперфект, которое А. И. Смирницкий предлагает для английского языка, русскому диалектному материалу в полной мере не соответствует. В поисках общей категории, объединяющей формы двух названных рядов, Смирницкий приходит к определению перфектного значения как значения предшествования (действие мыслится предшествующим какому-то определенному моменту), а неперфективного как такого, где идея предшествования отсутствует. Противопоставляя перфект и неперфект как «форму предшествования» и «форму безотносительной непосредственной данности», Смирницкий рассматривает их вместе как формы выражения временной отнесенности [Смирницкий 1955, 27—28]. Думается, что формы перфекта и неперфекта семантически противопоставляются в русских говорах скорее не по признаку наличия//отсутствия идеи предшествования, а по принципу соотнесенности//несоотнесенности с результатом.

Итак, предикативные причастные сочетания, употребляющиеся в русских говорах на территории северо-запада, с точки зрения морфологической представляется возможным рассматривать как систему перфектных форм, состоящую из четырех членов:

Изъявит. накл.	наст. вр.	*(есть) поставлен*	*(есть) вставши*
	прош. вр.	*был поставлен*	*был вставши*
	буд. вр.	*буду поставлен*	*буду вставши*
Сослагат. накл.		*был бы поставлен*	*был бы вставши*

В отличие от форм неперфекта (простые глагольные формы) формы наст., прош. и буд. времени перфекта выражают отнесен-

ность к определенному временному плану не действия, а состояния. Соответственно и формы сослагательного наклонения перфекта употребляются тогда, когда требуется сказать о желательности, возможности и т. п. определенного состояния. (Морфологические формы сослагательного наклонения участвуют в создании ряда форм синтаксических ирреальных наклонений.) К представленной здесь схеме соотношений перфектных и неперфектных форм должно быть сделано одно существенное добавление. Из схемы следует, что аналитическим формам типа *(есть) вставши* из простых глагольных форм соответствуют формы типа *встаю*.— Определенная соотносительность между данными формами действительно существует, однако более тесными узами формы типа *(есть) вставши* связаны с другой группой простых глагольных форм — формами на *-л*, о чем говорилось выше. В этой сложной соотнесенности с простыми глагольными формами сказывается двойственность природы аналитических форм типа *(есть) вставши* — ведь они являются формами, называющими состояние, наличествующее в настоящем, но вызванное действием, которое предшествовало этому настоящему, т. е. мыслится отнесенным в прошлом. В данном отношении факты русских говоров не отличаются от типологически сходных фактов других языков. Указывая, что тенденция к сближению с простыми формами прошедшего времени характерна для образований типа английского перфекта, употребляющихся в разных языках, А. И. Смирницкий пишет: «...ведь настоящее время перфекта обозначает все-таки (хоть оно и называется настоящим) осуществление процесса в прошлом, так как значение перфектности есть значение предшествования (т. е. относительного прошедшего) и так как в настоящем времени перфекта имеется в виду предшествование не какому-либо моменту в будущем или прошлом, но именно настоящему моменту. Но ведь предшествующее настоящему моменту и есть обыкновенное прошедшее, т. е. как раз то время, которое изображается как таковое посредством формы обычного прошедшего (неперфектного, простого (Simpl. Past)» [Смирницкий 1959, 293]. Семантическое сближение форм на *-ши* с формами на *-л* в большей мере ощутимо, как отмечалось, в тех говорах, где предикативное употребление первых не является фактом регулярным [58].

С категорией перфекта связаны диалектные различия двух уровней. Во-первых, говоры, которым свойственна категория перфекта, противопоставлены тем, где она не развита; во-вторых, говоры, грамматическая система которых характеризуется наличием рассматриваемой категории, противопоставлены друг другу по составу выражающих ее единиц. Заметим, что первое с точки

[58] Тенденция к сближению с формами на *-л* не затрагивает словоформ типа *выпивши, одевши, (не) евши*, имеющих именной характер.

зрения типа является самым глубоким грамматическим различием русских говоров: во всех других случаях различия не затрагивают состава присущих говорам категорий. Следует, однако, учесть, что если в относительно развитом виде категория перфекта и свойственна только северо-западным говорам, то совсем чуждой ее нельзя считать и для других говоров. Как мы старались показать, данное диалектное различие в значительной степени связано с моментом количественным. Дело в том, что почти все типы конструкций с предикативными причастными формами встречаются в той или иной мере и за пределами северо-запада, а страдательные (пассивные) конструкции с изменяемыми причастными формами прочно входят в грамматическую систему как говоров, так и литературного языка.

Территория широкого употребления конструкций с предикативными причастными формами, образованными от основ как переходных, так и непереходных глаголов, или, иначе, территория, применительно к говорам которой представляется возможным говорить о категории перфекта, охватывает западные среднерусские говоры и западную часть севернорусских: ладого-тихвинские, онежские и частично белозерские и лачские. Территория распадается на три части в зависимости от состава употребляющихся в соответствующих говорах перфектных форм: 1) для говоров псковских, новгородских, ладого-тихвинских и части онежских характерно сосуществование форм на *-ши* и форм с суффиксами *-н-*, *-т-*; 2) в говорах селигеро-торжковских широко употребляются в предикативной функции формы на *-ши* не только от непереходных, но и от переходных глаголов; 3) в части говоров онежских, белозерских и лачских достаточно регулярно употребляются формы на *-но*, *-то* от русских глагольных основ, в том числе непереходных совершенного вида — как без постфикса *-ся*, так и с постфиксом.

С точки зрения употребления конструкций с перфектным значением говоры за пределами территории, характеризующейся развитой категорией перфекта, также распадаются на три части: 1) западная часть южнорусских говоров, где, помимо общерусских конструкций типа *изба поставлена, дом поставлен,* употребляются конструкции с предикативными формами на *-ши*; 2) вологодские говоры (за исключением самой южной части) и примыкающие к ним лачские, для которых характерны конструкции с формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, и 3) восточные среднерусские говоры, восточная часть южнорусских и южная часть севернорусских (костромские и южные вологодские) — регулярно употребляющимися здесь являются только конструкции с изменяемыми причастными формами.

Очевидно, что наиболее резко противопоставлены северо-западным говоры территории 3: на каждой из двух других территорий представлена часть тех явлений, которые сконцентрированы на северо-западе. Для территории 1 — употребление пре-

дикативных форм на *-ши*, обеспечивающее возможность выразить перфектное значение в действительном залоге; для территории 2 — прежде всего широкое употребление конструкций, включающих в свой состав такие причастные формы от переходных глаголов, которые не координируют с именем (формы на *-но, -то*); кроме того, здесь отмечаются — хотя и нерегулярно — конструкции с формами от непереходных глаголов типа *у него уйдено, здесь езжено*; заметим, что на данной территории несколько чаще, чем на территории других незападных говоров, встречаются конструкции с предикативными формами на *-ши*, не входящими в ряд *выпивши, одевши, (не)евши...* В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что, предлагая определенное решение вопроса о месте причастных сочетаний в грамматической системе современных русских говоров, мы сами рассматриваем его лишь как одно из возможных и ни в коей мере не претендуем на окончательность выдвигаемых положений.

Теперь обратимся последовательно к данным конца XIX — начала XX в.[59] и данным ОЛА, рассматривая — применительно к каждой группе материалов — сначала конструкции с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-, -т-*, затем конструкции с формами на *-ши*.

Материалы конца XIX — начала XX в. содержат данные как об однокомпонентных, так и о двукомпонентных конструкциях с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-, -т-*,— остановимся сначала на первых. Фиксация однокомпонентных конструкций предусматривается диалектологической программой конца XIX в., предназначенной для работы по севернорусской территории (в изд. 1885 г. вопрос 117, в изд. 1896 г.— 116[60]), а также краткой программой МДК 1914 г., по которой собирался материал северно- и средневеликорусских говоров (вопрос 82). В программе 1895—1896 гг. (а также 1900 г.) приводятся иллюстрации с причастными формами, образованными как от непереходных глаголов — без постфикса *-ся* и с постфиксом, так и от глагола переходного *(было у него уже выпито)*; в программе 1914 г. дается два примера: *у него уехано* и *у волков тут идёно*. Сведения о распространении конструкций типа *(у них) ещё не ляжено, у волков идёно* имеются из следующих губерний России: Архангельской (Архангельский, Кемский, Мезенский, Онежский, Холмогорский и Шенкурский уезды), Олонецкой (Вытегорский, Петрозаводский, Повенецкий, Пудожский уезды), Петербургской (Гдовский и Лужский уезды), Вологодской (Вельский, Каргопольский, Никольский, Сольвычегодский и Тотемский уезды), Вятской (Котельнический, Котласский

[59] Следует заметить, что по причастным конструкциям мы располагаем для конца XIX — начала XX в. сведениями не только из опубликованных, но и из рукописных материалов (см. Введение).

[60] В программе 1900 г. вопрос 225.

и Орловский уезды), Костромской (Варнавинский и Макарьевский уезды), Ярославской (Рыбинский у.), Владимирской (Судогодский у.), Новгородской (Белозерский, Боровичский, Валдайский, Кирилловский, Крестецкий, Новгородский, Тихвинский, Устюженский и Череповецкий уезды), Псковской (Великолуцкий, Островский, Холмский уезды)[61], Тверской (Вышневолоцкий и Кашинский уезды), Нижегородской (Макарьевский и Нижегородский уезды), Калужской (Медынский у.), Тульской (Одоевский у.). Приведем примеры: *у него уехано; у них еще не ляжено; у соседей ноцёвано; у волков тут идёно; было ... зайдено в Петотавловскую рощу; к ним хаживано; у них гащивано* Сумской посад Кемск.у. Арх.губ.[62]; *не ухожано у меня, не угуляно, не уношано у меня платье цветное* Онежск.у.Арх.губ.[63]; *у волков тут идёно; у соседей ноцёвано; уйдено, так нецё бранитця; схожено, дак и не бранись; у медведей э́тта* ('здесь') *выхожено* Ежезеро Вытегорск.у.Олон.губ. (М II,571); *уехано* ('он уехал'); *у него в Кончезеро отъехано; в Москвы не бывано* ('я не был'); *у ней дважды замуж было выйдено; у него вчерась приехано; у иных с детьми выехано; еще не ляжено; приехано было у Устиньи и у Маланьи; у всех уехано из дому; ночесь приехали с ловли и еще не отдыхано; у меня везде рабатывано; в Пелусозере у них ночевано; по колен... было в грязи угрязнуто; у волков тут идёно* Олон.губ.[64]; *у лося пройдёно; это у зайца наслежёно* Лужск.у.Петерб.губ.[65]; *тому вред, на кого у ей надумано* (о колдовстве); *на этой земли у коней быто* Ждани Лужск.у.Петерб.губ.[66]; *у него хаживано было на плотах; гуливано было в молодости; у сусидей ночевано* Черевково и др. деревни Сольвычегодск.у.Вол.губ.(М IX,59); *у ково-то уехано, иденó, бреденó, бéжано,* напр. *у собаки, у лисицы, у звúря; у человека было подхожено, да уйдено* Качем Сольвычегодск.у.Вол.губ. (Т 11, 112); *у них не ляжено; ночевано у соседей* Красногорское Котельничск.у.Вят.губ. (М V,17); *тут идёно* Варнавинск.у.Костр.губ. (Т 11, 177); *у нас на Погорелке-то у Митрията Савельича уж гащивано; к Мартыновне-то у меня хаживано; у них еще не ляжено; не уехано; у соседей ночевано; у коров здесь хожено, идёно; к ним хаживано* Корма Рыбинск.у.Яр.губ.[67]; *у стада тут пасено* Ряд Судогодск.у.Влад.губ. (Т 11, 58); *посижívано у меня на этой лавочке! у него уж туда съезжено* г.Устюжна и его уезд Новг.губ. (М III,1004); *у волков, у коров тут идёно;*

[61] Н. Н. Соколов относит конструкции типа *у нас ночевано* ('мы ночевали'), *здесь быто, у него выпито* к числу особенностей, общих для всех говоров Псковской губ. [Соколов 1919[2], 4].

[62] Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 2.

[63] *Калинин И. М.* Онежские свадебные песни и причитания, 1903 г. Рукописный отдел БАН, шифр 45.8.226.

[64] *Шахматов А. А.* Диалектологические материалы. Записи, произведенные в Олонецком крае летом 1884 г. (Рукопись). Архив Акад. наук, ф. 134, оп. 1, № 225, л. 21 об.

[65] Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 189.

[66] Картотека словарного сектора Ин-та русского языка. Рукописный фонд, папка 28, рук. 167/3.

[67] Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 316.

уехано; не ляжено; ночевано; прохожено; погуляно Белозерск.у.Новг.губ.[68]; *тут хожено у волков; было попито, погуляно, поиграно* Кирилловск.у.Новг.губ.[69]; *у кого-то ночевано быто* Погост Лукин Великолуцк.у.Пск.губ. (М VI,295); *дойдено, значица, до тово, что кажиная письмо разбираить; у его много погулено, попита и поедено* Сыромолотово Холмск.у.Пск.губ.[70]; *за больным долго хожено; хожено-хожено в лес, перехожено* Кашинск.у.Твер.губ. [Смирнов 1904, 148—149]; *тут уж было идёно* Макарьевск.у.Нижег.губ.[71]; *ха́живано, га́сшивано* Покров при Угре Медынск.у.Калуж.губ. (М III,49); *уремя-то ишшо́ ни апо́здана* Одоевск.у.Тул.губ. (Т 9,54)[72].

Конструкции с причастными формами на *-нось, -тось* имеют более узкую территорию распространения. Они отмечены в говорах следующих губерний: Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Ярославской, Новгородской. Существенно отметить, что среди образований на *-нось, -тось* есть словоформы, соотносительные с глаголами без постфикса *-ся* (типа *иденось, выжатось*). Приведем весь материал: *у них еще не ляженось; другой год, как у нас разойденось; у них ночеванось в соседях; тут проходено́сь волками; у отца женененось; у сына сговоренось; в четверг торгованось; у них помоленось в церкви; у меня в погребу складенось* ('я поместил съестное в погреб') Емецкое и Куростров Холмогорск.у.Арх.губ. (М VIII,399); *уже не было сторго́ванось толком, а они за угощенье взялись; здесь у скота иденось; там у народа хоженось* Сев.-вост. край Холмогорск.у.Арх.губ. [Грандилевский 1907, 66]; *там у меня женененось* (Шенкурск.у.Арх.губ. (М IX,7); *было помаенось; было росцитанось; же́ненось, нанятось, поряженось, разойдено́сь* Шенкурск.у.Арх.губ. [Мансикка 1912, 125]; о говорах Холмогорского, Архангельского и Шенкурского уездов: «в большей части этих говоров распространение формы типа *мо́ленось, же́ненось*» (Т 8,35); *другой год, как разойдёнось; у отца на другой женененось; вчера было пройденось по лугам* Сумской посад. Кемск.у.Арх.губ.[73]; *у нас богу помоленось* Онежск.у.Арх.губ.[74]; *другой год разойденось; у отца на другой женененось* Муромля Петрозаводск.у.Олон.губ. (М IV,263); *доучено́сь до тово, что...; у нас потруженось было* Каргопольск.у.Олон.губ. [Колосов 1877, 126]; *битось с ийма; нынь женёнось; с женой разойденось; поопсижоносъ; было вожоносъ; оддилёнось было; от фсех отпертось; повинцёнось; шэсь годоф не виданось; спутанось этта; скину́тось купатьси; поделёнось; у мужика не расписанось* Пудожск.у.Олон.губ. [Мансикка 1914, 166]; *у отца на другой женененось; другой год как разойденось; у двух-то выученось; у его*

[68] Там же, № 140.
[69] Там же, № 145.
[70] Иеропольский К. А. Говор д. Сыромолотова Холмск. у. Псковск. губ. Рукописный отдел БАН, шифр 45.7.61, с. 30.
[71] Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 130.
[72] См. также материалы в кн.: [Обнорский 1953, 157—159].
[73] Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 2.
[74] *Калинин И.* Песни онежан. Рукописный отдел БАН, шифр 45.8.256, с. 266.

так в рубашке только одетось; у его в наймиты было нанятось Олон.губ.[75]; *у них разойденось другой год* Устюжск.у.Вол.губ. (М IX,85); *у них разойденось другой год; у отца уже на другой женененось* Устюжск.у.Вол.губ.[76]; *другой год как разойденось; у отца на другой женененось* Сольвычегодск.у.Вол.губ.[77]; *у нас примытося* ('примылись'); *разойденось, разделенось* Корма Рыбинск.у.Яр.губ.[78]; *с биседы разóйденось; у тéстя жóненось* Ольховица Кирилловск.у.Новг.губ. (М IX,187); *у них убранось с поля; у них уж выжатось* Иванов Бор Кирилловск.у.Новг.губ.[79]; *у них уж и богу помоленось* г.Устюжна и уезд Новг.губ. (М III, 1004); «В глаголах изъявительного наклонения прошедшего времени единственного числа 1-го лица вместо *-лся* имеют *-ось*: *простуженось, стряхнутось, надутось, надсаженось, повернутось, напитось*» Череповецк.у.Новг.губ.[80]; *разойденось* Шоборово и др. деревни Белозерск.у.Новг.губ. (М IX,177); *у нас нáнятось; разве у нево жéнянось* Южн. часть Белозерск.у.Новг.губ. [Соколовы Б. и Ю. 1910[1], 64]; *другой год у них разойденось; у отца на другой женененось* Георгиевское Белозерск.у.Новг.губ.[81]; *разойденось, женененось, посеянось* Белозерск.у.Новг.губ.[82]; *у него ожененось* Белозерск., Кирилловск. и вост. часть Череповецк.у.Новг.губ. [Соколов 1914, 101]. Как видно из приведенного и описанного материала, ни конструкции типа *у них уехано,* ни конструкции типа *у него женененось* не имели в конце XIX — начале XX в. более широкой зоны распространения, чем в середине XX в.

Материал, касающийся двукомпонентных конструкций, имеет нерегулярный характер. Примеров односоставных (безличных) двукомпонентных конструкций с причастными формами на *-но, -то* в наших материалах около трех с половиной десятков. Из двух форм косвенных падежей, которые сочетаются с формами на *-но, -то*,— род. и вин. падежей — абсолютно преобладают первые — приведем примеры: *на своём веку пивано у меня, добра молодца, винца в волюшку* Сумской посад Кемск.у.Арх.губ.[83]; *кошено ль сена у тя?* Ежезеро Вытегорск.у.Олон.губ. (М II, 571); *есть у его полянок разделано* Олон.губ.[84]; *есте нажато овса, да не молочен* Ильинское Тихвинск.у.Новг.губ. [Соколов 1910, 116]; *денег дадено* Калашенский приход Белозерск.у.Новг.губ.[85]; *у меня*

---

[75] *Шахматов А. А.* Указ. соч.
[76] Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 37.
[77] Там же, № 34.
[78] Там же, № 316.
[79] Там же, № 145 (этот ответ опубликован в М IX № 272, однако в опубликованном тексте приводится только первый пример).
[80] *Ге́расимов М. К.* О говоре крестьян Куриловского прихода Дмитровской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии. Картотека словарного сектора Ин-та русского языка. Рукописный фонд, папка 1, рук. № 20, с. 6.
[81] Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 140.
[82] Там же.
[83] Там же, № 2.
[84] *Шахматов А. А.* Указ. соч.
[85] Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 140.

ль в людюшках не живано и горюшка не видано Новгородск.у.Новг.губ.[86]; *вожено-вожено дров, перевожено; лито-лито слёз, перелито; ношено-ношено воды, переношено; пито-пито вина — пива, перепито; играно-играно песен, переиграно; пето-пето песен, перепето* Кашинск.у.Твер.губ. [Смирнов 1904, 148—149]; *у него сил потеряно* Ченцы Кашинск.у.Твер.губ.[87] Предложение же с именем, форма которого однозначно определяется как вин. падеж, приводится только В. П. Мансиккой: *у волков йдено корову* Шенкурск.у.Арх.губ. [Мансикка 1912, 130]. Может быть, как вин. падеж следует квалифицировать также форму имени в следующем предложении: *тут не столько... шито, сколько плакано, свет-Ивана богатыря домой дожи́дано* Онежск.у.Арх.губ.[88].

Им. падеж имени в материалах конца XIX — начала XX в., как правило, сочетается с изменяемой причастной формой — образуются конструкции, в которых имя и причастие координируют между собой, ср.: *а порча* (орудие колдовства) *у нас в хлев в углу положена* Новоторжск.у.Твер.губ.[89]; *а у мужика клад-то уж в друго место унесен* Новг.губ.[90]; *у рыбака был схвачен медвежий язык; у кого-то разбиты большие грибы* Олон.губ.[91]; *у кого-то рыба ужена и весло сломано* Муромля Петрозаводск.у.Олон.губ.[92] Однако некоторые исследователи начала XX в., работавшие на территории северо-запада, отмечают употребление конструкций и с несогласованными причастными формами на *-но, -то* или *-н, -т*. Так, В. Ф. Соловьев пишет о говоре Новгородского уезда Новгородской губернии: «Среди поозер, по словам священника Спасо-Пископицкой церкви М. Н. Беляева, встречается несогласование глагольного сказуемого с подлежащим в роде; при подлежащем муж. рода сказуемое глагольное употребляется в женском роде, а при подлежащем жен. и ср. рода сказуемое глагольное употребляется в муж. роде; говорят: *овес выжата, стол вымыта, дом построена, улица выпахан, окно отворен*. Есть случаи несогласования сказуемого и в числе: *сапоги куплено*» [Соловьев 1904, 18]. Для псковской территории имеются данные В. И. Чернышева и К. А. Иеропольского. В статье «Псковское наречие», написанной по материалам 1917 г., В. И. Чернышев приводит зафиксированные им в нескольких деревнях Псковского уезда примеры типа *ён был на службы, да отпущена; палец был сре́зана; поддонак патéряна* [Чернышев 1970[1], 351—352, 354, 359, 361]. В одной из деревень (Стрижки)

---

[86] Там же, № 139.
[87] Там же, № 265.
[88] *Калинин И. М.* Указ. соч., с. 78.
[89] *Елоховский Н. А.* Сказки, причеты, легенды, поверья и прибаутки Тысяцкой волости Новоторжск. у. Тверской губ. Картотека словарного сектора Ин-та русского языка. Рукописный фонд, папка 11, рук. 35 II, с. 8.
[90] *Серова М. М.* Десять новгородских сказок говором. Б-ка им. Щедрина. Рукописный отдел, ф. 694, № 31.
[91] *Шахматов А. А.* Указ. соч.
[92] Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 154 (этот ответ напечатан (М IV), однако неполностью).

В. И. Чернышев отметил предложение и с формой на *-т*: (трава) *но́не смят да абжа́та;* здесь же приводится пример из псковской сказки, опубликованной в «Живой старине» за 1912 г.: *яна привязан* [Там же, 354]. Интересно замечание автора о том, что оборот с формами на *-н, -т* является следствием оборота с формами на *-но, -то* [Там же, 354][93]. К. А. Иеропольский, характеризуя говор д.Савкино Пушкин.р-на Пск.округа приводит такой материал: «Неправильные согласования: *работа з^{ж}е́лат* (работа сделана); *штаны́ засу́кан* (штаны засучены); *фс^{ш}и д^{з}я^{е}ла́ бы́ли з^{ж}е́лана; уроки в мя^{е}ня́ вывцы́н* (уроки у меня выучены); *каро́вы при́гнат* (пригнаны); *дом сажге́на али проста зла́мана*» [Иеропольский 1930, 592]. Факт употребления несогласованных причастных форм (а также форм на *-н, -т* в безличных предложениях) нашел отражение и в ответах на диалектологическую программу: *у волков тут иден; у меня тут быт* (я был); *у него ехан; у меня и́скан; осина у зайца грызён; у собаки на сене лежан.* «Окончание ставится исключительно в муж.р.» Лужск.у.Петерб.губ. (Т 11,182); *у волков тут идён* Белозерск.у.Новг.губ.[94] В материалах начала XX в. встретились также единичные случаи сочетания форм на *-но, -то* с именем в омонимичной форме им.-вин. падежа: *век прожито; ноци не спано и зыпки кацяно* Пудожск.у.Олон.губ. [Мансикка 1914, 165]; *кряжы было у нас навожено на корыта* Новоторжск.у.Твер.губ.[95]

Как указывалось, фиксация конструкций с предикативными причастными формами на *-ши* была предусмотрена всеми программами конца XIX — начала XX в., кроме краткой программы МДК, предназначенной для работы по южнорусским говорам,— соответственно для данного явления имеется относительно регулярный и полный материал. Конструкции типа *он уехатчи; дети учивши(сь)* представлены в материалах по следующим губ. России: Архангельской (Холмогорский и Шенкурский уезды), Олонецкой (Вытегорский, Каргопольский, Лодейнопольский, Олонецкий и Петрозаводский уезды), Петербургской (Гдовский, Лужский и Шлиссельбургский уезды, а также г.Петербург), Вологодской (Грязовецкий, Никольский, Тотемский и Устюжский уезды), Вятской (Нолинский, Орловский и Слободской уезды), Костромской (Буйский, Галичский, Кологривский, Костромской, Солигаличский и Чухломской уезды), Ярославской (Мышкинский, Рыбинский, Тутаевский и Ярославский уезды, а также г. Углич), Владимирской (Меленковский, Покровский, Судогодский уезды), Московской (Клинский и Московский уезды), Новгородской (все уезды). Псковской (Великолуцкий, Островский, Порховский, Псковский, Торопецкий и Холмский уезды), Смоленской (Вяземский, Дорогобужский, Смоленский и Сычевский уезды), Тверской (все уезды), Нижегородской (Арзамасский, Княгинин-

[93] К характеристике этого явления В. И. Чернышев обращался и позже — см.: [Чернышев 1970[2], 390—391; 1938, 270—271].
[94] Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 140.
[95] *Елоховский Н. А.* Указ. соч., с. 56.

ский, Лукояновский и Семеновский уезды), Симбирской (Буинский, Карсунский и Сызранский уезды), Калужской (Боровский, Медынский и Мещовский уезды), Орловской (Малоархангельский уезд), Курской (Грайворонский, Дмитревский и Курский уезды), Воронежской (с.Шовское, в 20 верстах от г.Лебедяни); кроме того, имеются данные по Саратовской губернии — без уточнения места.

Приведем примеры: «... изредка говорят: *он уехавши, пришедши, уехадчи, пришедчи*; ... говорят иногда: *мост сломавшись, дети учившись, железо погнувшись*, а также *мост сломавши, дети учивши, железо погнувши*; *меня забрали в солдаты, когда еще не был отец умерши, а сестре моей исполнившись двенадцать лет*» Емецкое и Куростров Холмогорск.у.Арх.губ. (М VIII,399—400); «Вместо *ушел, уехал* говорят постоянно *ушедши, уехадчи, ушодши есте, уехадчи есте* или *ушодши, е уехадчи*» *...я вымывши, обрядивши*; *колья и жерди оставши*; *убежавши, наглядевши* вм. *убежал, нагляделся*; *уставши есте, е севши*; *овца зашедши в росадник*; *веревка задевши, зацепивши багор*; *у них за коньми ушедши*; *у них пообедавши*; *мос сломавши*; *орудие погнувши, дети учивши*; *дви щуки было клюнувши и не одной не вытащил*; *семян было оставши*; *он был надевши* Муромля Петрозаводск.у.Олон.губ. (М IV,260,263); *Михайловна была пришедши тут, вчерась пришла, ты не видила*; *ты куда, барин, поехадчи от нас* (куда поедешь); — *θ.В. еще не приехал?* — *приехадчи и уж в правление ушел*; *тая была раньше меня приехатчи*; *следы оплывши были водою*; *мост сломавши* (сломан); *дети в Л. учившись*; *у него за коньми ушетци*; *церковь сгоревши давно*; *староста еще не уехатчи*; *он на судне уехатци*; *он был домой уехатчи*; *он вряд ли уехатчи*; *татенька по ягоды ушетци*; *сад не засевши е* [?] Олон.губ.[96]; постоянно: *хлеб весь вышедцы*; *братья ушодши* Кремена Лужск.у.Петерб. (Т 11, 186); *она вышедши замуж*; *картошка сварившись*; *яблоки созревши*; *дети не евши; цыплята оперивши*; *мясо сжаривши; рыба протухши*; *пуговка оторвавши*; *лошадь потерявши; он пропившись и промотавшись*; *он домой пришетчи*; *сено высохши*; *рожь созревши*; *лампа потухши* и много других примеров; о разнице в значении форм на *-ши* и на *-л* автор ответа пишет: «Разницу между двумя указанными оборотами трудно указать. Как будто оборот с причастием обозначает событие более отдаленное по времени и более осязательное по результату действия» Лужск.у.Петерб.губ.[97]; *уехавши, помешамши* и т. д.; «Значение одно с личной формой на *-л*»; *мост сломившись*; *орудия погнувшись*; *дети учившись* Яхреньга и др. деревни Никольск.у.Вол.губ. (М IX,54); *он был ушотши, уехатши*; *ваш сундук в Кадникове забывши* (забыли) Вол.губ. (М I,346); «употребляются: *пришóдши, вы́шодши, ушóдши, оставши*; разница в значении (*он уехал* и *он уехатчи*) не замечал»

[96] *Шахматов А. А.* Указ. соч.

[97] Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 189 (ответ составил учитель Запольско-Бельского училища П. А. Максимов).

Ряд деревень Оплавск.у.Вят.губ. (Т 11, 125); *яво нет дома-то — уехавши; я оставши больная; сынат у её ушоччи* и под. Чухломск.у.Костр.губ. [Покровский 1899, 346]; *он уехамши; он пришедши; его раньше не было, а теперь уж приехамши; мост сламамшись* (сломался); *орудия погнумшись; дети учимшись; солнце было закатимшись, когда я приехал; обедня была уже отошедши* Ильинское Кологривск.у.Костр.губ. (М IX,129—130); *много денег было оставши; я был уехавши* Ряд деревень Тутаевск.у.Яр.губ. (Т 12, 187); *все уехатчи; он помешамши* (помешамшись); *разделёмши; подшотчи куда-то; у него за овцами ушетчи; сломивши, погнувши, учивши* Корма Рыбинск.у.Яр.губ.[98]; *он уехатчи; он пришотчи* Покровск.у.Влад.губ. (М IX,42); «Хотя редко, но употребляют — напр.: *замуж вышотцы*» Судожск.у.Влад.губ.[99]; *мы с братом разделёфшы* (разделены) Мошницы Клинск.у.Моск.губ. [Чернышев 1903, 22]; *одна нога разумши* (разута), *а другая в сапоге* Гнилуша Московск.у.Моск.губ. [Там же, 45]; «Употребляют с окончанием *-вши*. Только, по-моему, это не деепричастия, а глаголы среднего залога совершенного вида настоящего времени, чего наши грамматики не признают... Говорят: *он заснувша; он лёгша спать; он напивша пьян; я был ушёдца в лес; огонь погасша; земля просохша; трава выросша; лес наклонивша; снег выпавша; лошадь убежавша*. Вообще эту форму имеют все средние непереходящие глаголы» Крестецк.у.Новг.губ.[100]; *как я фельдфебель государевой службы... 25 годов ею прошодцы, так умею с бабам разговаривать; а маменька взявши твою нову пухову шляпу, пошодцы яички под курочку подкладывать; да котора ежели на трех языках у француженки обучавши; ну, это взявши дело вихорём* (взялось); — *а, бывat, мни-ка обещавши* (замуж за него выйти); — *а обещавши, да не венчавши! владычицы чудотворна икона прославивши; а поселивши обое вместях; куды девавши — не знаем*; (бес говорит) *брякнувши к нам сёдни еще до солнышка баба с каменьем за пазухой; да вот, батюшко, чтой-то попритчивши; а у царя-то на сердечушке-то накипевши* и много других примеров Новг.губ.[101]; *другой год разошовши; ён уехавши; ён пришóвши; ён убегши; мос сломавши; орудия потонувши; ён прибегши* Будаево Островск.у.Пск.губ. (М V,6); «Особенно распространены в псковском говоре так называемые деепричастные конструкции, т. е. употребление деепричастий в роли самостоятельных сказуемых: *он женивши(-сь)* (он женился); *корова была теливши(-сь); много денег было оставши(-сь)*. При этом в большинстве случаев в таких оборотах сохраняется особый оттенок перфективного значения» Пск.губ. [Соколов 1919 [2],4]; «Говорят... *пришедши, вставши* вм. *пришел, встал*. Например, *он был пришедши, когда я пришел* — значит ‘он был уже там, когда я при-

[98] Там же, № 316.
[99] Там же, № 25.
[100] Там же, № 146 (Ответ составлен учителем Ракушинской земской школы И. Приваловым).
[101] *Серова М. М.* Указ. соч.

шел'; *он был уже вставши, как я пришел* — значит 'он уже встал, как я пришел к нему'» Сычевск.у.Смол.губ.[102]; «Деепричастие в значении сказуемого употребляется: *уехаччи*; *на пятый десяток пошоччи*; *много денег оставши*; *корова теливши (мшись)*; *замуж вышотчи*; *посуда разбимши* (иногда *разбимшись*-разбита); *он ушотчи* г.Вязьма и окрестности[103]; *откуда приехавши*; *был приехавши*; *лошадь в городе уехавши*; *они были поделивши*; *было распухши*; *откуда наехавши*; *он был родивши* Весьегонск.у.Твер.губ. (Т 2,152 и 157); *он уехавши*; *она паемши, уатиливши* Новый Усад Арзамасск.у.Нижег.губ. (Т 12, 18); *я éхавши в Арзамас* — 'ехал' (формы сложного прошедшего времени) Большое Болдино Лукояновский у.Нижег. [Чернышев 1933, 76]; вм. *он ехал* иногда говорят *уехамши*, вм. *они еще не легли — они не ложимшись*, вм. *мы разошлись — разошедшись*, вм. *он уже выпил — он выпимши*, вм. *пришел — пришемши*, вм. *ушел — ушедши по ягоды, по грибы* Никулино Карсунск.у.Симб.губ.[104]; *уехачи, помешамши, разделёмши, своротёмши, вернумши*; *сестры уехачи*; *он уехачи* Покров при Угре Медынск.у.Калуж.губ. (М XI,49); *один брат уехатши*; *у Кулажихи рука распухши* (услышано от более менее образованного); *наши часы отстамши*; *наш дом сгоремши*; иногда дееприч. вместо страд.прич.: *совсем был запустёмши монастырь* (запущен, в запущении); *дверь была отпёрши* (отперта) г. Мещовск [Чернышев 1898, 102]; «Дееприч. в значении сказуемого прош.вр. у нас очень часто употребляется, например говорят: *он уехавши*; *ему на пятый десяток пошотчи*; *много денег было оставши*; *корова была теливши*; *они вернувши*; *лошади были лежавши*; *трава высохши*; *сено скошовши*; *лошадь успотевши*; *он давно уж заболевши* Малоархангельск.у.Орл.губ.[105]; *мужык, а мужык, што у табе пад возам ляжыть? — калóда — отвячая ён — кабы калода, она увязавши б была*; *кабы колода, топор устрыкнувши б был* Смородина Грайвороновск.у.Кур.губ. (М IX,154); *он уехамши*; *он свалимши* Шовское в 20 верстах от г.Лебедяни Вор.губ.; *он уехамши*; *положимшись*; *мы пообедамши*; *корова была телимши*; *поспамши*; *подрамшись*; *выпимши*; *повечерямши* (поужинали) Сар.губ. (Т 12, 146)[106]. Материалы конца XIX — начала XX в., как и материалы середины XX в., свидетельствуют об очень разной употребительности конструкций по говорам.

Сравнение материалов конца XIX — начала XX в. и ДАРЯ, относящихся к конструкциям с предикативными причастными формами на *-ши*, свидетельствует о стабильности зоны интенсивного употребления данных конструкций — как указывалось, это широкая полоса на западе территории, занятой русским языком, включающая в себя говоры средне, севернорусские, а также и южнорусские (в последних частотность употребления конструкций

[102] Архив Русского географического общества, ф. 38, № 5, л. 3.
[103] Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 241.
[104] Там же, № 237.
[105] Там же, № 164.
[106] См. также примеры в кн.: [Обнорский 1953, 153—156].

постепенно ослабевает). В целом можно сказать, что сохраняется характер распространения явления и за пределами этой зоны: примеры типа *он уехавши* спорадически встречаются в самых разных русских говорах. Можно, однако, предполагать по имеющимся материалам, что в говорах, не относящихся к западной части занятой русским языком территории, на протяжении рассматриваемого времени происходит некоторое снижение употребительности конструкций типа *он уехавши* — особенно в севернорусских говорах. Высказывая это предположение, мы опираемся также на территориальную характеристику явления, данную В. И. Далем и А. А. Шахматовым. В. И. Даль определяет предикативное употребление форм на *-ши* как грамматическую неправильность, которая «в общем ходу по всей Руси» [Даль 1955, 49]. А. А. Шахматов относит употребление конструкций типа *он уехавши* (а также и типа *у него уехано*) к числу особенностей северновеликорусского наречия[107]. По приведенным примерам видно, что в материалах конца XIX — начала XX в., как и в материалах ДАРЯ, представлены конструкции с разным составом структурной схемы и с причастными формами, образованными и от переходных и от непереходных глаголов,— как без постфикса *-ся*, так и с постфиксом. Следует заметить, что в материалах конца XIX — начала XX в. в отличие от современных нередки причастные словоформы с постфиксом *-ся* (они, правда, совпадают с иллюстрациями программы).

Вопросник ОЛА предусматривает фиксацию нескольких причастных конструкций. Мы остановимся на тех, которые представляют интерес для русских говоров. Вопрос 3127, совпадающий с вопросом 121б Программы ДАРЯ, касается предложений, структурная схема которых состоит из причастной формы на *-но, -то* и вин. падежа имени (*овцу съедено*; *его убито на войне*). Материалы ОЛА так же, как и материалы ДАРЯ, свидетельствуют о том, что данные конструкции отмечаются главным образом в севернорусских и западных среднерусских говорах, причем, по-видимому, нигде в пределах распространения русского языка (в отличие от Украины) они не являются частотными. Материалы ОЛА лишь дополняют материалы ДАРЯ данными по Архангельской обл., ср.: *его ранено было*; *из деревни прогнали и из Уры их выжито было* Сура Пинежск. (ОЛА); *церкву-то недавно сломано*

---

[107] *Шахматов А. А.* Великорусская диалектология. Лекции. (Записаны в 1915—1916 г.). Рукопись, с. 7. Архив Акад. наук, ф. 134, оп. 1, № 66.

Мы не можем присоединиться к мнению С. П. Обнорского о том, что предикативное употребление форм на *-ши* является принадлежностью только говоров новгородской группы севернорусского наречия, а факты, зафиксированные на других территориях, представляют собой «наносные элементы» (аналогично определяет С. П. Обнорский и распространение конструкций типа *у него уехано*) [Обнорский 1953, 156—157, 159]. Надо заметить, что приведенные сведения о распространении конструкций шире, чем соответствующие указания в книге С. П. Обнорского, что объясняется прежде всего обращением автора настоящей работы к рукописным материалам конца XIX — начала XX в.

Радионовское Виноградовск. (ОЛА); *детей-то в детдом отдано* Терентьевское Виноградовск. (ОЛА); *боковую им дано было* Верхопаденьга Шенкурск. (ОЛА).

Вопрос 3099 формулируется следующим образом: «Встречаются ли конструкции с результативным значением типа „у меня сварено“ (mam ugotowane) со страдательным причастием прошедшего времени? Обратите внимание на вид причастия (совершенный или несовершенный)». Вследствие того что искомый тип конструкций определен здесь недостаточно четко, в ответах приводятся различные предложения с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-, -т-*: имеющие однокомпонентную структурную схему, состоящую только из причастной формы, и двухкомпонентную схему, включающую в себя, помимо причастия, имя в им. падеже, которое называет предмет, послуживший объектом действия (*сварено*; *суп сварен*); с субъектным детерминантом (сочетанием предлога *у* с род.падежом имени) и без него; с причастиями, образованными от переходных и непереходных глаголов. Таким образом, материал, приведенный в ответах на этот вопрос Вопросника ОЛА, может быть привлечен при изучении нескольких типов конструкций со страдательными причастиями, хотя и в разной степени.

Материалы, касающиеся конструкций с причастиями от непереходных глаголов (имеющие, правда, нерегулярный характер), можно сопоставить с материалами вопроса 121а Программы ДАРЯ. Сравнение этих данных дает некоторые основания предположить, что конструкции типа *у них уехано*, с одной стороны, и типа *у меня не ученось* — с другой, характеризуются в современных говорах разной устойчивостью. Конструкции с причастиями, образованными от глаголов без постфикса *-ся*, и в материалах ОЛА представлены примерами, относящимися к разным севернорусским и западным среднерусским говорам, ср.: *было у меня побегано, было повоевано* Нюхча Пинежск.Арх.(ОЛА); *было наплутовано* Ладва Прионежск.Карел. (ОЛА); *спано на столи* Замошье Вытегорск. Вол.(ОЛА); *у меня ей всем поможено* Жеребут Лужск.Лен.(ОЛА); *везде тут брожено* Толбухино Ярославск.Яр.(ОЛА); *на моей усадьбы не сплутано, не сажрато* Волково Опочецк.Пск.(ОЛА); *по выходным у нас не работано* Еваничи Крестецк.Новг.(ОЛА); *моему сыну приколдован* Хотилицы Андреапольск.Калин.(ОЛА).

Употребление же конструкций с причастиями, имеющими постфикс *-ся*, по материалам ОЛА предстает как явление, очень ограниченное в своем распространении. Лишь одно предложение зафиксировано в населенном пункте из Вологодской обл.: *лётчиком выученось* Сиуч Бабаевск.(ОЛА). Остальной материал относится к территории Архангельской обл., причем все соответствующие населенные пункты, кроме д.Гавриловское, расположены в ее северной части — за пределами бланковки ДАРЯ: *у нее давно снятось* Гавриловское Каргопольск.(ОЛА); *богу-то было помоленось* Койда Мезенск.(ОЛА); *у меня не обряженось* Верхняя Золотица Приморск.(ОЛА); *много его есть наснимано сь*

Куя Приморск.(ОЛА); *у меня уж всё сварено, вымыто, обряженось* Кузомень Холмогорск.(ОЛА); *отстряпаносе у нас* Турчасово Онежск.(ОЛА); *у Нинки договоренось было*; *всё заготовленось было* Кеврола Пинежск.(ОЛА); *у ей складенось уж — она готова ехать*; *у тебя деньги уж рассчитанось* Нюхча Пинежск.(ОЛА) [108].

Меньшая устойчивость конструкций с причастиями, образованными от глаголов с постфиксом *-ся*, может быть, связана с тем, что они, во-первых, не имеют никаких, даже лексически ограниченных параллелей в других русских говорах и в литературном языке (ср. широкую распространенность конструкций с такими словоформами как *велено, хожено, пожито, поплакано* и некоторыми другими) и, во-вторых, включают в себя причастные формы, резко отличающиеся по структуре (за счет наличия постфикса) от общерусских причастий, соотносительных с переходными глаголами.

Основное место в ответах на вопрос 3099 Вопросника ОЛА занимают предложения с причастиями, образованными от переходных глаголов. В отличие от материалов конца XIX — начала XX в. и ДАРЯ материалы ОЛА содержат регулярные сведения о конструкциях типа *у меня сварено, у меня суп сварен*, где субъектный детерминант называет лицо, которое, будучи субъектом совершённого действия, предстает вместе с тем и как обладатель того, что́ создано, приобретено или получилось в результате действия. Данные конструкции принадлежат к числу общерусских, однако на основании распределения по территории населенных пунктов, где зафиксированы соответствующие примеры, а также количества примеров в ответах можно думать, что наиболее частотны данные конструкции в говорах севернорусских и западных среднерусских, т. е. в тех говорах, где распространены конструкции типа *у него уехано.*

Вопрос 3100 Вопросника ОЛА посвящен тем конструкциям с действительными причастиями, фиксация которых предусматривается вопросом 118 Программы ДАРЯ — перфектным конструкциям типа *Петр ушодши*; *Петр умерши.* Сопоставление материалов ДАРЯ и ОЛА не показывает изменений за время, прошедшее между двумя соответствующими обследованиями русских говоров, ни в территории распространения конструкций, ни в каких-либо признаках структурного плана. Следует указать, что в материалах ОЛА (как и в материалах ДАРЯ) очень невелика (менее 3%) доля примеров с причастиями от глаголов несовершенного вида — подчеркнуть данное обстоятельство стоит потому, что в Вопроснике ОЛА, в отличие от программы русского атласа, специально обращается внимание собирателей на вид причастия. Северная часть бланковки ОЛА (отсутствующая на бланковке ДАРЯ часть Архангельской обл.) находится за пределами территории регулярного употребления конструкций с причастными формами на *-ши*, но единичные случаи здесь все же отмечены, ср.: *она привыкши* Пылема Лешуконск.(ОЛА); *а этот померши* Терентьевское Виноградовск.(ОЛА);

[108] Словоформы *заготовленось* и *рассчитанось*, по-видимому, соотносительны с глаголами без постфикса *-ся*.

(у орла) *клюв крепкой согнувшись* Куя Приморск.(ОЛА). В последнем примере причастие характеризует, видимо, не состояние, а признак предмета[109].

Восстановление истории диалектных конструкций с предикативными краткими причастными формами — как образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, так и формами на *-ши* — представляет значительные трудности. Дело в том, что в изученных до настоящего времени исторических материалах данные конструкции отражены весьма скупо. Так, конструкции со структурной схемой, состоящей из причастной формы на *-но, -то* и имени в вин. падеже (типа *да деревни же Уваровы крестьяном дано на росчистку оселок Лопатин да стрелку подле речки Большие Валавы* Хозяйство боярина Б. И. Морозова, т. II) представлены всего несколькими примерами из памятников XVI — начала XVIII в.[110]

Предложения со структурной схемой, включающей в свой состав причастную форму на *-но* или *-то* и не координирующее с ней имя в им. или им.-вин. падеже, отмечаются в памятниках разного времени начиная с самых древних [Филин 1972, 493]. Употребительность конструкций типа *и всем посольским людем имянная роспись... к ним послано* (Путешествия русских послов XVI—XVII вв.) заметно возрастает — по сравнению с предшествующим периодом — в памятниках XV и особенно XVI—XVII вв.— прежде всего деловых; предложения с именем в омонимичной форме им.-вин. падежа (*степень почестей ему уже давано в обществе* Радищев. Житие Ушакова) спорадически отмечаются в русском литературном языке XVIII и даже XIX в.[111] Однако исторический материал не дает оснований предполагать, что причастия на *-но, -то* где-либо стали употребляться не как элемент определенных синтаксических структур, а как слова, относящиеся к разряду неизменяемых, т. е. что явление приняло морфологический характер. В этом плане очень существенным представляется следующий вывод З. М. Петровой: «Сравнение памятников псковской письменности с памятниками других местностей приводит к выводу о том, что конструкции с несогласованными сказуемыми, выраженными страдательными причастиями, носили общерусский характер. Диалектизмов, „псковизмов", в употреблении несогласованных причастных форм на *-но, -то* в исследованных нами памятниках псковской письменности обнаружено не было» [Петрова 1962, 172][112].

---

[109] В материалах ОЛА зафиксирован случай употребления весьма редкой для русских говоров конструкции — с предикативным неизменяемым причастием наст. времени: *когда гроза летело, она* (горка) *вот так стоючи* Первомайское Севск. Брян. (ОЛА).

[110] См. подборку этого материала в ст.: [Кузьмина 1979, 162—163].

[111] Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе простого и осложненного предложения, 1964, с. 318—319.

[112] Более подробно о конструкциях с причастными формами на *-но, -то* и им. или им.-вин. падежом имени, употребляющихся в памятниках письменности [Кузьмина 1979] (в статье приводится и литература вопроса).

О позднем характере процесса превращения причастных форм на *-но, -то* в неизменяемые морфологические единицы свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что формы на *-н, -т* (*картошка выкопан, кони запряжен*), определяемые исследователями (о чем уже говорилось выше) как результат утраты потерявшего свое значение окончания, отмечены только в диалектологических материалах XX в. Можно думать, что активное развитие неизменяемых причастных форм на *-н, -т* — процесс последних десятилетий [Кузьмина 1979, 172; Трубинский 1984, 118—122]. Можно согласиться с В. И. Трубинским, который назвал конструкции типа *картошка выкопан, кони запряжен* «феноменом интенсивного развития ярко диалектного оборота в XX столетии» [Трубинский 1984, 118].

Наиболее древний известный нам случай употребления причастной формы с суффиксом *-н-*, образованной от непереходного глагола, относится к «Русской Правде»: *а за жеребець оже не въсѣдано нань, то грвна кунъ*. Увеличение количества случаев употребления таких словоформ, как *ехано, заехано, уговоренось...* наблюдается в языке памятников XVI—XVII вв. (особенно памятников бытовой и деловой письменности), что связано с общим процессом активизации безличных предложений, главный член которых выражен причастием на *-но, -то*.

Однако сравнение материалов памятников, отражающих в целом факты общерусского характера, с диалектными данными конца XIX—XX в. свидетельствует о том, что диалектное явление во всем объеме не может квалифицироваться как архаизм, как сохранение общерусской особенности предшествующих эпох (хотя нельзя отрицать того обстоятельства, что по рассматриваемой черте язык памятников письменности XVI—XVII и даже XVIII в. был несколько ближе к говорам, чем современный литературный язык — даже в разговорной его форме). Укажем, в частности, такой факт: страдательно-безличные обороты с причастиями от непереходных глаголов, употребляющиеся в языке памятников, не включают в свой состав субъектного детерминанта (ср.: *толко из 19 полкартунов десятью выстрелено* Письма и бумаги императора Петра Великого, т. II): сочетание «*у* + род. падеж» употребляется в этой функции только в конструкциях с переходными глаголами (ср.: *и та кабала у дьяка у Никиты у Фуникова въ дѣло введены слово въ слово* Гр. 1547) [113]. Очевидно, что на части русской территории страдательно-безличный оборот получил специфическое развитие, стал существенным компонентом синтаксической системы говоров, способным выразить широкий круг значений.

Материалы письменных памятников отчетливо свидетельствуют о том, что предикативная функция кратких действительных причастий затухает в старорусский период. Можно заметить, например, что из писателей XVII в. чаще других предикативные

[113] Более подробно представления автора о соотношении данных памятников и говоров по рассматриваемым конструкциям изложены в ст.: [Кузьмина 1982].

причастия использует протопоп Аввакум, в языке которого употребление причастий характеризуется рядом особенностей, уходящих корнями в традиции старой книжности. Следует подчеркнуть, что памятники, относящиеся к территории северо-запада, не отличаются сколько-нибудь ощутимо по употреблению данных причастных конструкций от памятников, созданных на других территориях [Георгиева 1962, 167]. Вместе с тем вряд ли правомерно было бы предполагать абсолютную утрату возможности включения причастий типа *вставши, ушедши, одевши* в предикативные конструкции для какой-либо русской территории. Против этого предположения говорит, в частности, тот факт, что предикативные конструкции с причастными формами типа *вставши, одевши* спорадически встречаются в русской письменности (включая художественную литературу) XVIII и даже XIX в. (ср.: *Когда они расходились, то на мужа моего взглянуть было ужасно: весь опухши, волосы дыбом, весь в грязи от денег* А. Е. Лабзина. Воспоминания 1810 г.; *Я приехадчи* Мамин-Сибиряк. Без особенных прав) *. Можно предположить, что спорадическое употребление предикативных форм типа *вставши, одевши* в основной части русских говоров непосредственно связано с предшествующей традицией [114]. В говорах же на территории северо-запада конструкции с причастными формами на *-ши* получили специфическое развитие.

Итак, рассмотренные диалектные явления, касающиеся функционирования кратких форм причастий прош. времени, имели в истории русского языка определенные предпосылки. Однако специфическое развитие причастных конструкций на территории северо-запада, создавшее условия для возникновения семантико-грамматической категории перфекта, следует, видимо, считать новообразованием последних веков (о ряде новообразований в области причастных конструкций пишет и В. И. Трубинский, см.: [Трубинский 1984, Заключение]). Круг вопросов, связанных с возникновением категории перфекта или тенденции к ее возникновению, еще ждет своего исследователя. Можно при этом заметить, что решение этих вопросов для русского языка (а также для белорусского) вряд ли возможно без учета фактов прибалтийских и финских языков (см., в частности: [Семенова 1957; Трубинский 1969 [1], 1984, гл. VI, Заключение; Кузьмина 1974]).

ВКЛЮЧЕНИЕ В СОСТАВ ПРЕДИКАТА КОМПОНЕНТА *ЕСТЬ*

Как известно, судьба форм наст. времени глагола *быти* в русском языке (а также в белорусском и украинском) существенно иная, чем в западно- и южнославянских языках.

[114] Предположения автора об обстоятельствах, способствовавших сохранению возможности предикативного употребления форм на *-ши*, изложены в ст.: [Кузьмина 1980].

Отличие заключается, с одной стороны, в сохранении только форм 3-го лица (причем практически употребляется ед. число), с другой — в своеобразном, ограниченном функционировании сохранившихся форм: в современных восточнославянских языках (имеем в виду литературные языки) отсутствует сложное прошедшее время, образующееся при помощи форм наст. времени бытийного глагола; очень ограниченно (особенно для русского и белорусского языков) употребление *есть, є, ёсць* в качестве связки; для восточнославянских языков характерна возможность опущения в наст. времени полнознаменательного глагола бытия.

По-видимому, значительное большинство говоров восточнославянских языков по характеру употребления форм наст. времени бытийного глагола принципиально не отличается от соответствующих литературных языков, но существуют и такие говоры, где отмечены чуждые литературным восточнославянским языкам конструкции, ср. рус.: *я съездила есть в город; мы старые естя; здесь красиво есть, воздух чистый;* укр.: to je twerde; swoji roboty xałat je; wuon jest w doma; белр.: *н'ейка йа йос'ц' прыйехаушы; ажан'иушы сын йос'; йон ц'и н'а йос'ц' с Клауз'ий сн'аушыс'и*[115].

Явления, связанные с употреблением форм наст. времени глагола *быть,* касающиеся существенных звеньев грамматического строя языка (системы форм времени, структуры предложений с именным и причастным сказуемым), в большей или меньшей мере учитываются в документах, определяющих сбор материала по русским говорам лингвогеографическими способами. В программе 1895—1896 гг., предназначенной для работы на севернорусской территории, была предусмотрена фиксация и именных и глагольных конструкций с *есть* — конструкций типа *он е (есть) добрый, хозяйка теперь есть дома; ушел есть, уехал есть* (вопросы 83 и 94); в обобщающей программе 1900 г. (вопросы 219, 220) учтены также и причастные конструкции типа *ушодши есте, уехадчи есте.* В отличие от этих программ ни один из действующих в настоящее время документов не предусматривает возможности изучения разных конструкций с *есть* в их сопоставлении: Программа ДАРЯ ориентирует собирателей на регистрацию только случаев употребления *есть* в сочетании с глагольными формами прош. времени (вопрос 126); в Вопроснике ОЛА упоминается только о связке в форме наст. времени при существительных и прилагательных, выполняющих роль именной части сказуемого (вопросы 3017°, 3018°, 3022°, 3023°). Материалы ОЛА, собранные по редкой сетке, содержат всего несколько примеров с *есть* в именных и причастных конструкциях, материалы же русского атласа — если учесть, помимо ответов

[115] Русские примеры взяты из записей, сделанных автором настоящей работы в Подпорожском р-не Ленинградской обл., украинские заимствованы из книги Курашкевича (Kuraszkiewicz 1954; 136, 138), белорусские — из комментариев к атласу белорусского языка (Дыялекталогічны атлас беларускай мовы: Уступныя артыкулы: Даведачныя матэрыялы і каментарыі да карт, 1963, 741, 745).

на вопрос 126, ответы на вопрос 110, касающийся формы глагола *есть* ('имеется'), и на вопросы 118—122, посвященные причастным конструкциям, а также тексты-приложения — включают в себя данные, позволяющие охарактеризовать в общих чертах употребление компонента *есть* в составе разных предикатов.

Различные диалектологические материалы, в том числе и разновременные лингвогеографические данные, касающиеся употребления слова *есть* в русских говорах, были обобщены в совместной статье Е. В. Немченко и автора настоящей работы (Кузьмина, Немченко 1968). Раздел статьи, посвященный *есть* — составной части предиката, содержит следующие основные положения.

1. *Есть*, сочетающееся в составе сказуемого (главного члена) с именем или наречием, выполняет функцию связки (служебного синтаксического форманта). В большинстве случаев *есть* выступает здесь как компонент, лишенный лексического значения, ср.: *его сестра мне-ка золовка есь* Типиницы Медвежьегорск.Карел.(К); *наречье-то у меня е нехорошее* Щелейки Лодейнопольск.Лен.(К); *эта корова наша е* Селище Бокситогорск.Лен.; *хоть бы тех приняли* (в школу-интернат), *кто оттуда есть* Малетино Пинежск.Арх.(К); *там очень хорошо естя — где магазин* Чидово Лодейнопольск.Лен.(К). В предложениях, содержащих указание о местонахождении предмета, предложениях с наречиями места или предложно-падежными сочетаниями — «предлог *в (на)* + предл. падеж имени» *есть* имеет, видимо, какую-то долю лексического (экзистенциального) значения, ср.: *я дома ведь е Гимрека Подпорожск.Лен.(К); а уж близко, могильники уж близко е* Красный Бор Подпорожск.Лен.(К); *Варшава в Польше есть* Поржала Каргопольск.Арх.; *собака е на цепе* Большая Жердянка Сланцевск.Лен.

2. Рассматривая спорный вопрос о грамматическом статусе сочетаний *есть* со спрягаемыми формами глагола (ср.: *одна-то* (курица) *раньше времени е перьё сронила* Щелейки Лодейнопольск.Лен.,К.; *я съездила есь в город* Типиницы Медвежьегорск.Карел.,К.; *Василий работал естя; на дровенках е в баню возила* (больного мужа); *так-то молчит всё боле естя, не горазно разговорливая* Гимрека Подпорожск. Лен.,К.; *теперь до десяти классов, а потом у тебя сын е пойдет учиться* (в вуз) Красный Бор Подпорожск.Лен.,К., авторы статьи присоединяются к тем исследователям, которые не считают возможным для современных говоров квалифицировать данные сочетания как аналитические формы глагола (хотя и не отрицают исторической связи единиц типа *есть уехал, есть вырос* с древнерусским перфектом) и сближают здесь слово *есть* с частицей.

3. Сочетания *есть* с причастиями (ср.: *у меня е пол намытый; что у меня есть окомежено — сарафан-то налево надет* Гимрека Подпорожск.Лен.,К.; *девочка только еще есть рожена — 4 месяца* Машезеро Прионежск.Карел.; *сестра-то тоже есть посивевши* Чидово Лодейнопольск.Лен.,К.; *тут медведь е рывши, лось*

большой тут ходил Ржаное Озеро Прионежск.Карел.) относятся к сфере синтаксиса, *есть* имеет функцию связки (служебного синтаксического форманта).

В статье показывается, что все диалектные конструкции с *есть* концентрируются на территории русского северо-запада (западные среднерусские и западная часть севернорусских говоров), особенно между Ладожским и Онежским озерами, по реке Оять и на части побережья Онежского озера (в статье имеется карта). Общий вывод о диалектных конструкциях с *есть* формулируется следующим образом: «Несмотря на очевидное различие между перечисленными конструкциями, тот факт, что преимущественное употребление их относится к одним и тем же говорам, заставляет предполагать известную общность причин их сохранения или развития на данной территории (по-видимому, немалую роль здесь сыграло, в частности, соседство прибалтийско-финских языков). При наблюдении речи населения некоторых территорий северо-запада РСФСР, в частности на побережье Онежского озера, где диалектные конструкции с *есть* звучат особенно часто, создается впечатление, что для данных говоров характерно единое явление — употребление лишнего (по сравнению с литературным языком и другими говорами) *есть*...» [Кузьмина, Немченко 1968, 170].

В дальнейшем автором настоящей работы был пересмотрен вопрос о грамматическом статусе сочетаний *есть* с краткими причастными формами прош. времени: в работах, посвященных причастным конструкциям, сочетания типа *есть поставлен, есть вставши* рассматриваются как единицы, характеризующиеся тенденцией движения из сферы синтаксиса в сферу морфологии (см. раздел о предложениях со структурной схемой, включающей в свой состав причастие).

Лингвогеографические материалы наряду с другими диалектными данными и материалами памятников, относящихся к территории русского северо-запада, были изучены также В. И. Дементьевой, исследование которой посвящено диалектным конструкциям с компонентом *есть* в их истории и современном состоянии [Дементьева 1973]. Указав на существование известных структурных расхождений между конструкциями с *есть* в памятниках письменности и современных русских говорах, В. И. Дементьева пишет: «Изложенные выше расхождения между современными говорами и памятниками письменности дают основания предполагать, что функционирование конструкций с глагольной формой *есть* в современных говорах не является только сохранением традиции. Кроме того, пытаясь интерпретировать факты современных говоров, нельзя не считаться с тем обстоятельством, что употребление конструкций с формами наст. времени глагола *быти* даже для XV—XVI вв. трудно считать явлением живым» [Там же, 1973, 150]. В. И. Дементьева устанавливает также типологическое сходство конструкций с бытийным глаголом в наст. времени, употребляющихся в русских говорах и прибалтийско-финских языках [Там же, 122—148]. Свой окончательный вывод В. И. Дементьева формули-

рует так: «Сопоставление материалов современных говоров, во-первых, с материалами памятников письменности и, во-вторых, с данными прибалтийско-финских языков — с учетом своеобразия территории распространения русских диалектных конструкций — дает, как нам представляется, основания для предположения о том, что употребление конструкций с глагольной формой *есть* в современных говорах могло сложиться в процессе взаимодействия русских говоров с прибалтийско-финскими языками. В настоящее время взаимодействие русских говоров с прибалтийско-финскими языками можно наблюдать главным образом на территории Эстонии и Карелии, и именно здесь употребление диалектных конструкций с глагольной формой *есть* является наиболее регулярным» [Там же, 151—152]. Выводы В. И. Дементьевой представляются вполне убедительными.

Диалектным конструкциям со словоформой *есть* (главным образом таким, где *есть* сочетается с краткой причастной формой прош. времени) значительное внимание уделяет в книге «Очерки русского диалектного синтаксиса» В. И. Трубинский [Трубинский 1984, 17—19, 186—201]. Основной пафос соответствующей части работы В. И. Трубинского заключается в том, чтобы найти критерии для более четкого, чем это делалось раньше, выделения диалектных структур со связочным *есть* — отграничения их от таких конструкций, где *есть* является самостоятельным предикатом, в том числе одним из двух самостоятельных предикатов. (Двупредикатными структурами В. И. Трубинский называет конструкции типа *у меня тожо каки-то есь сохранен; и свёкла е оставши в бáбах* [116].) Объединив опубликованные ранее сведения с результатами своих наблюдений, основанных главным образом на лично собранных материалах (тексты большого объема), автор показывает, что употребление *есть* в качестве чисто служебного компонента, полностью лишенного экзистенциального значения, характерно только для части тех северо-западных русских говоров, которым известны диалектные конструкции с *есть* [Трубинский 1984, 16—18, 25, карта].

Глава вторая

УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЧАСТИЦ И СОЮЗОВ

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОДНОЙ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ЧАСТИЦЕЙ ВМЕСТО ДВУХ

Русским говорам известны два типа предложений с отрицательными местоимениями или наречиями *(никто, ничего, никуда...)* — предложения, где в предикат входит отрицательная

[116] Конструкции этого типа в работе И. Б. Кузьминой определялись как имеющие своего рода тавтологию в предикате [Кузьмина, Немченко 1971, 193].

частица *нс (никто не приходил)*, и предложения без этой частицы *(никто приходил);* первые принадлежат к числу общерусских, вторые составляют диалектное явление.

Фиксация конструкций типа *никто ему велел, ни́што (ништо́, нешто́) ему деется* предусматривается только программой 1895—1896 г., предназначенной для сбора материала по северновеликорусским говорам (в изд. 1895 г. вопрос 121, в изд. 1896 г.— 120), и программой 1900 г. (вопрос 251). По данным ответов на эти вопросы, конструкции без отрицательной частицы в предикате предстают как характерные для говоров поморской, олонецкой, западной и восточной групп северного наречия. Основной материал относится к следующим губерниям России: Архангельской (Онежский, Холмогорский и Шенкурский уезды), Олонецкой (Вытегорский, Олонецкий, Петрозаводский и Пудожский уезды), Вологодской (Кадниковский, Никольский, Сольвычегодский, Тотемский и Устюжский уезды), Вятской (Котельнический, Малмыжский, Нолинский и Слободской уезды), Костромской (Буйский, Галичский, Кинешемский, Кологривский, Макарьевский, Солигаличский и Чухломской уезды), Новгородской (Белозерский, Кирилловский и Устюженский уезды). Приведем примеры: «Очень часто: *никто ему велел; ништо ему и здеется; никто его толкал*» Емецкое и Куростров Холмогорск.у.Арх.губ. (М VIII, 84); *нехто ёго и заставляу́; нешто́ ему и диетсё; нехто ему велел* Ежезеро Вытегорск.у.Олон.губ. (М II, 571—572); *никто ей и ловит* Пудожск.у.Олон.губ. [Мансикка 1914, 169]; *некуда́ и ходил; никто и пришел; некуда́ и пошла; некто и велел* Сольвычегодск.у.Вол.губ. (М IX, 59); *ништё ему и сказано; никто ему велев* Устюжск.у.Вол.губ. (М IX, 80); *никто тебе велел дратьту; ништо его взяло* Большое Жирново Малмыжск.у.Вят.губ. (М IX, 98); *никто ему велел; никто его просил; никакой ему пес сделается; ничто ему сделается* Покровское Буйск.у.Костр.губ. (М I, 354); *никто ему велел; ништо ему сделается; никакой ему рожон приключится* Буйск.у.Костр.губ. [Покровский 1895, 412]; *ништо такое будет* ('ничего дурного не будет') Георгиевское Белозерск.у.Новг.губ. (М IX, 173); *никто тебя совал* Приход Улома Кирилловск.у.Новг.губ. (М IX, 185).

Отдельные свидетельства имеются с территории и других говоров — приведем их все: *никто ему велел; нешто́ ёму делается* Покровск.у.Влад.губ. (М IX, 42); *ничто ему деется; никто ему велел* Ростовск.у.Яр.губ. [Волоцкий 1902, 13]; «Такие выражения как *никто ему велел, нешто́ ему деется* постоянно в употреблении» Торопатцы Холмск.у.Пск.губ. (М VIII, 110); *вёл себя никуда́ го́жа; хлеб был никуда гош* г. Изборск, пригород [Чернышев 1970[1], 367]; *некто́ ему велел соваться; не на́-што похоже; не што́ ему делается* Кашинск.у. Твер.губ. [Смирнов 1904, 172]; *ништо́ ямý дéлыицца; ни чорт ямý винава́т* ('никто ему не виноват') Мещовск.у.Калуж.губ. [Чернышев 1902[1], 168]; *никто́ ямý винова́т* Троицкое Брянск.у.Орл.губ. (М IX, 209).

Конструкции с одним отрицанием вместо двух зафиксированы и в материалах, собранных для составления атласа русского языка. Правда, относительно регулярные данные имеются только для территории северо-запада, где в 40-е годы материал собирался по Вопроснику для составления диалектологического атласа с несколькими дополнительными вопросами по синтаксису — среди них был и вопрос о конструкциях типа *на стариков нихто и глядит* (Надвоицы Беломорск.Карел.). Материал, собранный по Вопроснику, был обобщен Ф. П. Филиным и представлен в двух его статьях [Филин 1948[1], 57; 1948[2], 159—161]. В материалах, собранных по Программе ДАРЯ, случаи фиксации конструкций с одним отрицанием вместо двух весьма немногочисленны — приведем некоторые из них: *у нас нихто был* Старищи Порховск.Пск.; *40 жихарев, а вылезши ни один* Софьино Пушкиногорск.Пск.; *мужикам вино надо — ничто им больше надо* Мехикоорма Тартуск.Эст.(К); *а мы с хозяином только переехадчи — ничто* (у нас) *и было* Регмасово Лодейнопольск.Лен.(К); *а мне ничто теперь надо* Ефремково Лодейнопольск.Лен.(К); *никуды мене возьмут* Малеево Вашкинск.Вол.; *никто глядит; никто осудит; никто будет* Лентьево Устюженск.Вол.

В материалах ДАРЯ встретились два примера и другого типа — с отрицательной частицей *не* в предикате, но с опущением частицы *ни* в именном компоненте конструкции: *я не хочу чего* Загорье Порховск.Пск.; *17 домов было...; дом не оставши один* Спас-Смердино Петровск.Яр.* Все предложения с одним отрицанием вместо двух, имеющиеся в материалах, собранных для составления атласа русского языка, относятся к говорам западным средне- и севернорусским. Факты, свидетельствующие о возможности употребления конструкций типа *н'ихто таб'ё в'инават* и в южнорусских (брянских) говорах, приводит В. И. Чагишева [Чагишева 1954, 188].

Как известно, два типа предложений, включающих в свой состав отрицательные местоимения или наречия,— предложения с частицей *не* при предикате и предложения без этой частицы — сосуществовали в памятниках письменности с древнейшей поры по XVIII в. включительно (ср. два примера из одного и того же документа: *А престол де он святительской оставил своею волею, никем не гоним* и *Как он патриарх, превысочайший святительский престол Великия России оставил своею волею, никем не гоним* Дело о патриархе Никоне 1660 г.[1]). После XVIII в. в качестве общерусских закрепляются конструкции с двумя отрицательными частицами. Факт употребления в памятниках конструкций с одной отрицательной частицей объясняется исследователями по-разному. Одни ученые возводят эти конструкции через посредство старославянских памятников к греческому языку. Так, В. И. Чернышев пишет: «Отсутствие *не* в обороте с двойным отрицанием, встречающееся в церковнославянских текстах (как

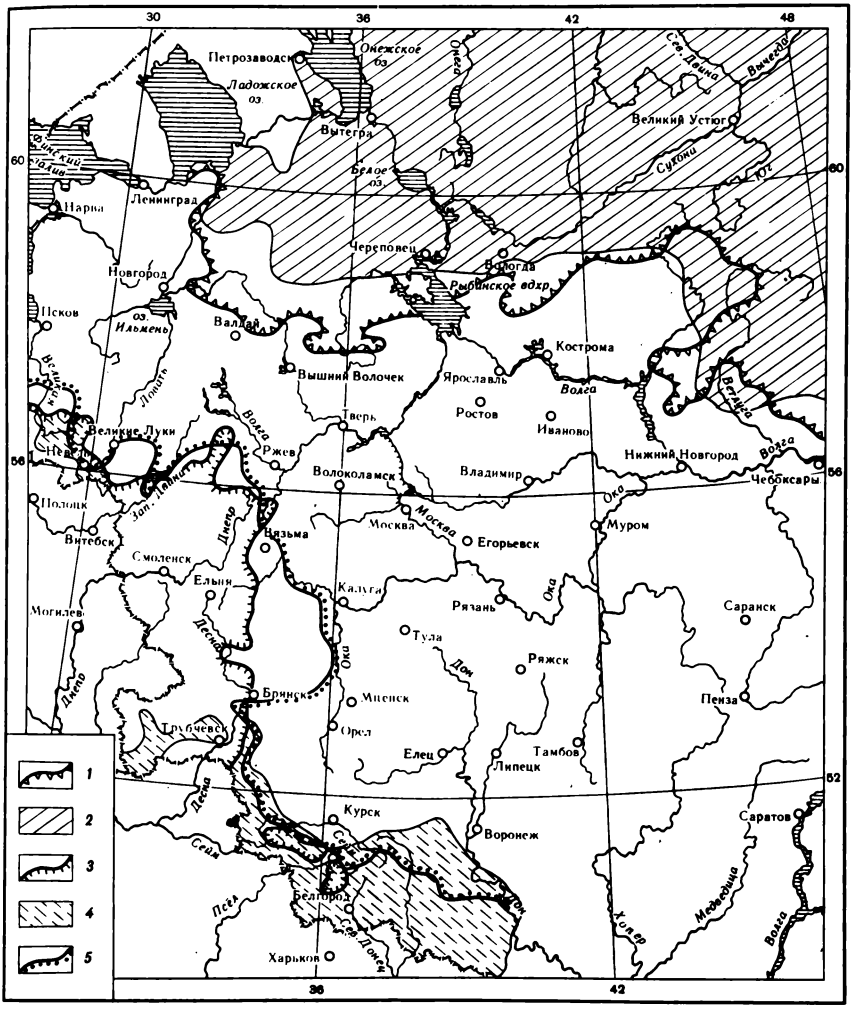
[1] Примеры заимствованы из книги Л. А. Булаховского [Булаховский 1950, 346].

подражание языку греческому), перешло и в старый русский книжный язык» [Чернышев 1927, 17]. Другие ученые квалифицируют конструкции с одним отрицанием в языке памятников письменности как собственно русские — при этом они опираются в значительной степени на данные русских говоров XIX—XX вв. Подводя итог своим многолетним разысканиям в этой области, В. И. Борковский пишет в работе 1978 г.: «Данные русских говоров, а также тех памятников древнерусской и старорусской письменности, в которых нельзя видеть церковнославянское влияние, позволили В. И. Борковскому прийти к выводу, что оборот с одним отрицанием (без отрицания при сказуемом) не был заимствованием из чужого языка, хотя и не имел широкого распространения в говорах древнерусского языка» (следует отсылка к работе 1955 г.). Дальнейшая работа В. И. Борковского над восточнославянскими памятниками не привела к пересмотру этого положения, тем более что она встретила поддержку многих синтаксистов [Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение, 1978, 321]. Третьи исследователи видят в фактах письменных памятников отражение влияния двух противоположных стихий — книжной, старославянской и народной, возможно, диалектной. При этом акцент может ставиться как на первом, так и на втором влиянии [ср.: Булаховский 1950, 346; Филин 1948[2], 160—161]. На основании данных, приведенных разными исследователями, мы бы скорее присоединились к третьей точке зрения.

ПОСТПОЗИТИВНАЯ ЧАСТИЦА *ТО*

Вопрос о постпозитивной частице *то* и ее вариантах *(от, та, ту, те, ти)*, являющихся рефлексами форм указательного местоимения *тъть*, имеется в диалектологической программе конца XIX в., предназначенной для работы на севернорусской территории (раздел «Морфология», вопрос 80), в программе 1900 г. (раздел «Морфология», вопрос 198) и в Программе ДАРЯ (раздел «Синтаксис», вопрос 136).

Как показывают материалы ДАРЯ, частица *то*, выступающая в одном или нескольких вариантах, свойственна значительному большинству русских говоров. Она не характерна только для южнорусских говоров на западе и юго-западе РФ — на территории, примыкающей к Белоруси и Украине (карта 8). Усилительно-выделительная частица *то* употребляется и в русском литературном языке (в отличие от белорусского и украинского языков). В соответствии со своим генезисом постпозитивная частица *то*, как правило, сочетается с именами, но отмечаются и случаи употребления ее со словами других частей речи (из глагольных форм частица чаще всего выступает при инфинитиве, из наречий — при тех, которые являются застывшими формами существительных).

Карта 8

1, *2* — территории регулярного употребления служебных компонентов *да* и *дак*: *1* — да в конце предложения *(кормят да поят да; это внук мой да)*, *2* — *дак* в конце предложения *(я не порато стара дак)*; *3*, *4* — территории регулярного употребления частиц-союзов *ти*, *чи*: *3* — *ти*, *4* — *чи*; *5* — территория регулярного употребления частицы *то* (и ее вариантов)

В ответах на вопросы диалектологических программ обычно приводится некоторое количество взятых вне контекста именных словоформ с частицей *то* и ее вариантами, следовательно, из всего круга вопросов, которые встают при изучении частицы *то*, на этих материалах может рассматриваться только фонетико-морфологический вопрос о принципах, которыми определяется

по говорам сочетаемость того или другого варианта частицы с разными формами имени. Материалы, собранные по программам 1895—1896 и 1900 гг., были использованы для характеристики употребления частицы *то* в разных русских говорах А. И. Соболевским [Соболевский 1907]. Данные ДАРЯ о сочетаемости вариантов частицы *то* с именами обобщены в статье, написанной Е. В. Немченко совместно с автором настоящей работы [Кузьмина, Немченко 1962].

Сочетаемость постпозитивной усилительно-выделительной частицы с именами обобщенно можно охарактеризовать следующим образом. Говоры, знающие употребление постпозитивной частицы, делятся прежде всего на две группы: 1) говоры, где, как и в литературном языке, при всех формах имени постпозитивная частица выступает в варианте *то* (бóльшая часть западных среднерусских говоров, часть восточных среднерусских говоров и часть южнорусских говоров); 2) говоры, где постпозитивная частица выступает в нескольких вариантах. Говоры второй группы, в свою очередь, делятся на две части в зависимости от того, какому принципу подчиняется сочетаемость разных вариантов частицы с разными формами имени. В севернорусских и большинстве восточных среднерусских говоров употребление вариантов частицы *то* имеет в основе грамматический принцип: за формами им.-вин. падежей закреплены определенные варианты частицы, в ед. числе различающиеся в зависимости от рода существительного (И.-В. *стол-от, окно-то;* И. *крыша-та; печь-та;* В. *крышу-ту, печь-ту*), во мн. числе — общие для существительных всех трех родов (И.-В. *столы-те, столы-ти(ты), окна-те..., крыши-те...*); в косвенных же падежах ед. и мн. числа, как правило, выступает частица *то* (эта же частица употребляется с одушевленными существительными муж. рода в вин. падеже). Однако лингвогеографические материалы не только середины XX в., но и конца XIX — начала XX в. свидетельствуют о разрушении этой системы: во всех севернорусских говорах отмечаются сочетания, которые могут быть объяснены только стремлением к созвучию гласных в частице и окончании имени: вариант *ту* появляется при любых формах имени на *-у (в избу-ту, на берегу-ту, нет сахару-ту)*, вариант *ти (ты)* — при формах имени на *-и(-ы) (без соли-ти, колхозы-ти, на печи-ты)*.

В восточной части новгородских говоров и средне- и южнорусских говорах к юго-востоку от Москвы употребление разных вариантов частицы полностью подчинено принципу созвучия гласных в частице и имени. (Соотносительность говоров по употреблению вариантов частицы *то* представлена на карте в ст.: [Кузьмина, Немченко 1962, 30].) Существенно отметить, что употребление одного или нескольких вариантов постпозитивной частицы не связано с характером ее функционирования. Изучив употребление постпозитивной частицы и сочетаемость ее вариантов с именем в севернорусских пинежских говорах, В. И. Трубинский пришел к следующему выводу: «Пережиточные явления, свидетельствующие о ме-

стоименном происхождении постпозитивной частицы («согласование» ее с именем и как вторичный процесс — «гармонизация» по окончанию), не являются в настоящее время значимыми моментами в диалектных синтаксических системах русского Севера, наблюдаемая в этом отношении пестрота лишь отражение неравномерности процесса освобождения таких систем от традиционных, утративших уже коммуникативное значение элементов. Факты свидетельствуют о функциональном единстве в современных русских говорах так называемых согласуемых, гармонизирующих и обычных не согласуемых, нейтральных постпозитивных частиц» [Трубинский 1970, 66]. Вопросу о синтаксических функциях частицы *то* посвящен ряд работ — назовем некоторые из числа последних: [Кодухов 1953; Собинникова 1957; Доля 1963; Трубинский 1970; см. также: Евтюхин 1979].

ЧАСТИЦЫ И СОЮЗЫ *ТИ, ЧИ*

Фиксация вопросительных частиц и разделительных союзов *ти, чи* предусматривается Программой ДАРЯ (вопросы 138, 139[2]) и Вопросником ОЛА (вопросы 3110°, 3113°, 3135°—3137°). Материалы атласов показали, что частицы и союзы *ти, чи*, известные еще древнерусскому языку, характерны для той части русских говоров, которая примыкает к говорам других восточнославянских языков,— для южнорусских говоров на западе и юго-западе РФ: *ти* употребляется по преимуществу на территории, соседящей с Белорусью, *чи* — преимущественно на территории, соседящей с Украиной (см. карту 8). (Как известно, частица и союз *ти(ци)*[3] распространены в белорусских говорах, частица и союз *чи* — в говорах украинских, а также белорусских.) Отдельные случаи употребления *ти, чи* отмечаются и в других говорах — бóльшая часть фиксаций относится к территории севернорусских говоров костромской группы и среднерусских владимирскоповолжских (материал по средне- и севернорусским говорам приводится в конце раздела). Две названные функции *ти, чи* не всегда могут быть четко разграничены, поэтому при группировке материала представлялось целесообразным идти не от функций *ти, чи*, а от условий их употребления.

Конструкции с *ти, чи* могут быть разделены прежде всего на две части: конструкции, в которых *ти, чи* употребляются не при однородных членах, и конструкции, где *ти, чи* употребляются при однородных членах,— остановимся сначала на первых. В конструкциях без однородных членов *ти, чи*, как правило, выступают в роли вопросительных частиц, ср.: *ти близко ж вы ягоды собирали?* Дивны Себежск.Вел.; *ти будем ботвинью делать? ти траву рвала? ти знаю кто?* Барино Октябрьск.Вел.; *ти нашли? ти не пять лет ему? ти ходил Коля в грибы?* Козилово Холм-

[2] Вопрос 139 является факультативным.

[3] *Ци* Е. Ф. Карский рассматривает как фонетический вариант *ти* [Карский 1956, 452—453].

Жирковский Смол.(ОЛА); *ти не влезешь сама? ти нашли мою дочку? ти мне жалко?* Малое Загорье Касплянск.Смол.; *ти я не здешня уроженка?* Старое Мутище Ельнинск.Смол.; *ти дойдеть дождь до нас? ти не работать поехал? ти ты не чуешь?* Найтоповичи Унечск.Брян.; *ти ты ходила разумши? ти поздно поехали? ти малого послать? ти картохи нема? ти это хлеб?!* Княжичи Жирятинск.Брян.; *чи я тебе не кормлю?* Борщёво Навлинск.Брян.(ОЛА); *чи я знаю, на кого она учится?* Добрунь Брянск.Брян.(ОЛА); *ти хуже я их живу?* Сычи Куйбышевск.Калуж.; *бирюк — чи то зверь такой есть?* Кострова Рыльск.Кур.; *чи забыли, как мене звать?* Щекино Крупецк.Кур.; *чи я сбесилась?* Белица Беловск.Кур.; *чи местный говор собираете? чи она одна останется? чи там нахмарило?* Красная Алексеевка Микояновск.Белг.; *чи вы не видите, что он смеется? чи вы, девки, разговаривать с нами будете? чи вы не придёте больше к нам? чи их упомнишь?* Поддубровка Усманск.Лип.; *чи немой?* Татарино Острогожск.Вор.; *чи вы меня хотите замуж отдать? чи наши на качаны?* Шведово Лискинск.Вор.

Обычно частицы *ти, чи* употребляются в таких предложениях, где нет других вопросительных слов — местоимений, наречий, частиц; количество исключений невелико — приведем их все: *ти кто там?* Борки Нелидовск.Вел.; *чи кого просить?* Новая Дубровка Красногорск.Брян.; *ти что делать?* Азаровка Воронокск.Брян.; *ти что?* Товбозино Унечск.Брян.; *чи что?* Михновка Погарск.Брян.; *чи кто знае?* Журавлёвка Микояновск.Белг. и Афоньевка Волоконовск.Белг.;

ти сколько вас будеть? Кубарово Духовщинск.Смол.; *ти сколько вам лет?* Печатники Холм-Жирковск.Смол.; *ти як вас зовуть?* Николаевка и Медведи Красногорск.Брян.; *где цы она будя?* Алейниково Воронокск.Брян.;

ти пойдешь ли ты? Блинные Кучи Ершичск.Смол.; *ти придеть ли внучёнок?* Княжичи Жирятинск.Брян.

Вопросительным частицам *ти, чи* могут предшествовать частицы *а, ну, да,* начинающие предложение, ср.: *а ти будешь ты запрягать?* Ляхово Себежск.Вел.; *а ти много вы тут будете?* Машарино Новосокольническ.Вел.; *а ти там Серёжка?* Лоскотово Демидовск.Смол.; *ну ти можно так жить?* Фёдоровка Суражск.Брян.; *а чи нет?* Михновка Погарск. Брян.; *да чи я знаю?* Саввин Больше-Троицк.Белг.

Для вопросительных частиц *ти, чи* (а также пар частиц типа *а ти*) характерна позиция первого слова в предложении, но возможно употребление *ти, чи* и внутри предложения, ср.: *вы ти ужинали?* Жуки Усмынск.Пск.(ОЛА); *а панчохи ти взяли? а кот ти будеть есть?* Ляхово Себежск.Вел.; *а мы ти дальние с тобой?* Горки Пустошкинск.Вел.; *а деньги ти оплачивают вам за это? у вас ти прядуть когда?* Пупович Новосокольническ.Вел.; *а мои девочки чи тут?* Позднякова Невельск.Вел.; *а ты чи чула, что Васька говорил?* Крутики Ильинск.Вел.; *тётя ти дома?* Гряда Жарковск.Вел.; *а коровы ти пришли?* Устье Жарковск.Вел.; *лук ти*

надо вам? Булино Велижск.Смол.; *я помню, а ты ти помнишь?* Пашково Пречистенск.Смол.; *суп ти весь?* Сельцо-Загорье Починковск.Смол.; *а телят ти загонять?* Гнездилово Спас-Деминск.Калуж.; *чай ти будете пить?* Любунь Спас-Деминск.Калуж.; *надолго ти приехали?* Коренёвка Крапивенск.Тул.; *ты чы будешь по чужих садах лазить?* Новая Дубровка Красногорск.Брян.; *свинья ти поела?* Сметковщина Клетнянск.Брян.; *машина бегла ти с грузом?* Красная Слобода Суземск.Брян.; *вам лошадь чи дадуть?* Каплино Старооскольск.Белг.; *поработал чи?* Михнево Сине-Липяговск.Вор.; *она чи была нонче?* ('разве она была сегодня?') Песковатка Коротоякск.Вор. Предложения, в которых *ти, чи* — вопросительные частицы, не занимают начальной позиции, достаточно редки в материалах — приведенные примеры составляют почти половину всего их количества. Следует заметить, что, если *ти, чи* и не занимают начальной позиции в предложении, они обычно предшествуют слову, «которое называет предмет вопроса» [Русская грамматика, 1980, т. 2, 387], хотя возможна и постпозиция частицы по отношению к этому слову *(надолго ти приехали? поработал чи?)*.

Как видно из примеров, частицы *ти, чи* нередко совмещают значение вопросительности с тем или иным субъективно-модальным значением (удивление, неуверенность, предположение...); иногда эти частицы оформляют риторический вопрос. Отмечены и такие случаи, когда *ти, чи* выражают только субъективно-модальное значение (обычно предположение) — выполняют роль модальных слов в невопросительных предложениях, ср.: *ему годов ти пятьдесят* Винокурово Ильинск.Вел.; *ти месяца два* Полужская Рудня Красногорск.Брян.; *за день ти скосишь* Черная Грязь Клетнянск.Брян.; *ему чи шестой годок пошел* Страчёво Суземск.Брян.; *пастух скот стерёг, читал, да чи зачитался — взял палец отрубил* Никовец Фатежск.Кур.; *одна чи есть* Рындино Горшеченск.Кур.; *тогда как-то чи не прививали оспы* Драгунское Ивнянск.Белг.; *мы посылали ей, чи три послали* (посылки) Дмитриевка Сине-Липяговск.Вор.

При употреблении в сложном предложении *ти, чи* могут присоединять придаточную часть изъяснительного характера к главной — выполнять функцию, подобную функции союзной частицы *ли* в литературном языке [см.: Русская грамматика, 1980, т. 2, 485]: *я думаю, ти не муха* Ковали Ильинск.Вел.; *я что-то забыла, ти говорила* Толстики Бельск. Вел.; *я не знаю, он ти поедеть* Селище Пречистенск.Смол.; *не знаю, дождь ти захватить* Писково Сычевск.Смол.; *не знаю, ти в Москве она училась* Васильевка Екимовичск.Смол.; *ты б пошла, узнала, чи привезли в магазин сахар; не видала, чи Гришка не приехал; поглядеть корову, чи не отелилась* Плехово Суджанск.Кур.(ОЛА)[4].

[4] В. И. Собинникова отмечает для воронежских говоров единичные случаи употребления союза *чи* в сложноподчиненных предложениях и другого типа — в частности, в предложениях с придаточным определительным: *нету слада, чи бы я ни прашол по фсём полю па сваём* [Собинникова 1958[2], 57].

Теперь обратимся ко второй части конструкций с *ти, чи*. Употребляясь при однородных членах предложения, *ти, чи* могут быть как неповторяющимися, так и повторяющимися разделительными союзами, ср.: *не знаю, кто скорей привезеть, Тонька ти Толька* Черная Грязь Себежск.Вел.; *рукавы ти полы из нового* Залоги Невельск.Вел.; *свадьбу играют ти праздник* Волыново Вельск.Вел.; *дают лошадь ти быка?* Дедово Сафоновск.Смол.; *шесть душ ти семь* Сельцо-Загорье Починковск. Смол.; *косить там ти што?* Астапковичи Рославльск.Смол.; *четыре года ти пять* Дубровка Куйбышевск.Калуж.; *черемуха отцветила ти нет?* Старая Кочева Дубровск.Брян.; *в Бежеце дочка ти в Брянске* Летошники Жуковск.Брян.; *девок нас было пять ти шесть* Княжичи Жирятинск.Брян.; *ты пойдешь ти я?* Павловское Рогнединск.Брян.; *купаться ходил чи так?* Секерино Глушковск.Кур.; *прислал чи привёз одеяло* Прилепы Чернянск.Белг.; *есть бог чи нема? нынче запрягёшь чи не?* Красная Алексеевка Микояновск.Белг.; *повозку чи там сани спрятать* Коровино Ракитянск.Белг.; *покупать чи смотреть?* Кучугуры Нижнедевицк.Вор.; *со пшеницею чи житом; с год чи меньше* Татарино Острогожск.Вор.; *носили широкие из матерьялу корсетки чи как?* Ранино Мичуринск.Тамб.;

Кольку там увидели ти писавши, ти говоривши Ковали Ильинск.Вел.; *ти двое ти трое?* Винокурово Ильинск.Вел.; *ти придеть, ти не придеть?* Барино Октябрьск.Вел.; *продал бы ти быка, ти телку* Булино Велижск.Смол.; *куриц восемьдесят ти две ти четыре* Простево Всходск. Смол.; *ти пол сюда поехал, ти стол?* Козулино Издешковск.Смол.; *ти соли купить ти хлеба?* Малое Загорье Касплянск.Смол.; *назвала ти Рая, ти Иринка* Гнездилово Спас-Деменск.Калуж.; *надо ему ти пуга, ти супонь* Творишино Гордеевск.Брян.; *ти в родительскую, ти в октябре* Хотылёво Брянск.Брян.; *ти сон, ти не сон? ти пересолена бульба, ти не?* Сенча Суражск.Брян.; *ти он спит, ти только так лежит? ти приходил пастух, ти в поле еще?* Немчино Почепск.Брян.; *чи хочешь, чи не хочешь, а робить надо* Новая Дубровка Красногорск.Брян.; *чи анадысь чи позанадысь* Вишнево Беловск.Кур.; *чи всю варить чи нет?* Секерино Глушковск.Кур.(ОЛА); *чи твоя Маруська дома, чи на работу пошла?* Плехово Суджанск.Кур. (ОЛА); *чи научит, чи замучит* Масловка Скороднянск.Белг.; *коли там чи голова болит чи ноги; чи смолоть, чи огород сполоть — трудно с детьми* Двуречье Ровеньск.Белг.; *чи деревня, чи село? чи нам идить, чи не идить?* Прилепы Буденновск.Белг.; *чи первый чи другой год? чи дадуть чи нет?* Кучугуры Нижнедевицк. Вор.

Как видно из примеров, конструкции с *ти, чи* — разделительными союзами могут быть невопросительными и вопросительными. В своем построении эти конструкции совпадают и разграничиваются лишь в плане интонационном. Представляется возможным, что при употреблении *ти, чи* в вопросительных предложениях их союзная функция осложняется функцией вопросительной частицы. В наибольшей степени это предположение

касается тех единиц, которые начинают собой предложение (конструкции с повторяющимися *ти, чи*). Нельзя, как нам кажется, полностью исключить и такую возможность, что *ти, чи,* выступающие перед первым из однородных членов (в начале предложения), являются вопросительными частицами (или прежде всего вопросительными частицами), а *ти, чи,* употребляющиеся перед вторым однородным членом,— разделительными союзами. На мысль о подобной возможности наталкивает то обстоятельство, что в материалах ОЛА имеется около трех десятков вопросительных предложений с однородными членами, где начальную позицию занимают *ти, чи,* а между однородными членами употребляются союзы *ай, али (аль), или, ли,* ср.: *а ти будем мы ужинать ай нет?* Жуки Усмынск.Пск.(ОЛА); *ти жены тебе жалко аль косы? ти побегишь домой или нет?* Богозино Невельск.Вел.; *ти добре они идуть ай не? ти хорошо идёть ай шипко?* Песчанка Пустошкинск.Вел.; *ти погода будеть, ай не?* Чёрнушка Нелидовск.Вел.; *ти слышишь ты ай нет?* Латыши Нелидовск.Вел.; *ти погнал её кто, ай не?* Козилово Холм-Жирковск.Смол.; *ти говорила она ли нет?* Бердяево Пречистенск.Смол.; *ти вы будете аль мне помешивать? ти брали ай нет?* Лептюхи Касплянск.Смол.; *ти одна ж ты ездишь ай с кем?* Таборы Издешковск.Смол.; *ти много грибов принёс ай не? ти ты был в Варабейне ай не?* Буда Жирятинск.Брян.; *дед, чи ты пойдешь али я?* Белая Обоянск.Кур.

Как указывалось в начале раздела, *ти, чи* отмечаются и за пределами территории, очерченной изоглоссой на карте 8,— приведем этот материал целиком, исключив только конструкции, повторяющие примеры, данные в программе: *я чи не толкую; может я чи не так ходила?* Еремеевская Каргопольск.Арх.; *ти умёрши* Пудрино Ефимовск.Лен.; *ты устал, чи не?* Рогмуй Шольск.Вол.; *ти идти в лес, ти нет* Таршинская Шольск.Вол.; *ти на месте?* («один пример») Черная Слобода Ковжинск.Вол.; *чи нянька дома, Любка — та?* Клавдино Бабаевск.Вол.; *чи корова пришла?* Ивановская Вожегодск.Вол.; *чи сапоги? голяшки распали* Чистяково Усть-Алексеевск.Вол.; *даст чи мне гусака?* «Но эта не та частица, что в смоленских говорах. Это не вопрос, а скорее предположение» Шолохово Красносельск.Костр.; *он чи в кино; вот чи ее заставило выйти* Шахово Судиславск.Костр.; *чи обедал, чи нет ли* Тимошино Макарьевск.Костр.; *чи завтра среда? чи спать пойдем? повремени чи; купила пяток чи; чи не время сидеть.* «Формы с частицей *чи* употребляются очень часто» Буйкино Большесельск.Яр.; *в мае чи дожди были; у вас чи так не называют; тихонько пройдет она, чи и не услышит; сегодня чи не придет* («в значении 'наверное', 'я думаю'») Раменье Большесельск.Яр.; *чи не так долго ходят; чи хлеб-то был* Судаково Большесельск.Яр.; *я довольна чи тем, что не оставляют меня* ('и тем', 'хотя бы и тем'); *он сидит чи пойди и думает* ('наверно', 'вероятно') Кирилловское Рыбинск.Яр. (Материал собран Ф.П.Филиным); *чи немного поработала-то сегодня* Рогалево Пошехоно-

Володарск.Яр.; *сохам пахали чи* Селифаново Угличск.Яр.; *долго там стояла: чи сганиват, чи нет парнек-от* Шихариха Пученск. Иван. (ОЛА); «Часто употребляется частица *ти*» Ивановский Починок Варнавинск.Горьк.; *каким же это он начальником чи? ходили бабы чи; волосов чи вовсе нет; влаги нет в земле чи; побольше садов чи* Липовка Михтоловск.Горьк.; *ти пойдешь? это ти не картошкой? ти не дадут хоть соломы? залезут на дубы ти на вяз* Елфимово Б.-Маресьевск.Горьк.; *ти лили воду в колоду? а Машка ти дома?; не знаю, ти есть; разве ти не лесу нет, ай что; ти возьмут, ти не* Кондрыкино Б.-Маресьевск.Горьк.; *ти лили воды в кадушку?* Михайловский Майдан Б.-Болдинск.Горьк.; *ти ты была там? ти много вас там?* Большие Вишенки Кстовск.Горьк.; *чи бабы ходят?* («Отмечено один раз») Чертены Дновск.Пск.; *может месяц ти полтора пройдет* Ямок Новгородск.Новг.(К); *ты едала чи?* Орда Овинищенск. Калин.

Материалы атласов свидетельствуют о том, что в северно-русских и восточных среднерусских говорах *ти, чи* могут быть так же, как и в южнорусских говорах на западе РФ, вопросительной частицей, модальным словом, разделительным союзом и союзом, присоединяющим изъяснительное придаточное предложение. Однако относительная частотность разных случаев употребления *ти, чи* по этим говорам не совпадает. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в северно- и среднерусских говорах *ти, чи* весьма редко выступают в функции союзов. Немногочисленны и случаи употребления здесь *ти, чи* как чисто вопросительных частиц. Большинство примеров, зафиксированных в северно- и среднерусских говорах, включает в себя *ти, чи* — модальные слова и частицы, в которых вопросительное значение сочетается с субъективно-модальным. Представляется возможным в общем виде, подчеркивая главное, сказать, что для южнорусских говоров на западе РФ, где они употребляются регулярно, *ти, чи* — это прежде всего грамматические единицы, в говорах же северно- и среднерусских, где случаи фиксации *ти, чи* единичны, они скорее относятся к единицам, являющимся лексическим средством выражения модальных значений. Наиболее глубокое диалектное различие создается, как нам представляется, за счет употребления *ти, чи* — собственно вопросительных частиц: это различие касается не только лексического состава вопросительных слов, но и их места среди других способов выражения вопросительного значения. Благодаря употреблению частиц *ти, чи* в говорах на западе — юго-западе РФ вопросительное слово оказывается почти непременным или во всяком случае высокочастотным компонентом вопросительного предложения, тогда как в других русских говорах собственно вопрос свободно выражается и без участия вопросительных частиц — главным образом с помощью интонации (*черемуха отцвела уже? коров пригнали?*).

В говорах Воронежской и Белгородской областей отмечено употребление слова *чиж*, которое является результатом соедине-

ния частиц *чи* и *же*: *а баба чиж не человек? чиж их окоротить трохи? они были чиж в рабочую пору* («в предположительном значении») Хохол Хохольск.Вор.; *чиж сыро? чугунка чиж лопнула!* Семидесятское Хохольск.Вор.; *ни бабка чиж не знаеть? чиж не скажу я вам! у нас чиж она не пасте? чиж они там на учете?* Ивановка Гремяченск.Вор.; *чиж Володька прибежал?* Александровка Гремяченск.Вор.; *чиж мы не сходим?* Кустовье Тамаровск.Белг. Как видно по примерам, *чиж* употребляется в функции частицы (вопросительной или соединяющей вопросительное значение с субъектно-модальным) и в функции модального слова (о сложении слова *чиж* см.: [Собинникова 1958[2], 57—60]).

В материалах начала XX в., опубликованных в «Трудах МДК», имеются свидетельства об употреблении частицы *ти* в говорах губерний Смоленской (Бельский, Дорогобужский, Ельнинский, Краснинский, Поречский и Рославльский уезды) и Орловской (Брянский и Трубчевский уезды), см.: Т.3; 158, 159 и Т.10; 60, 81, 83, 84, 112, 130, 158, 159, а также словарь — приложение к своду материалов по Смоленской губернии.

В Программе ДАРЯ имеется вопрос об употреблении союза *да (да и)* повторно в конце предложения или после присоединенного однородного члена (факультативный вопрос 140). Ответы на этот вопрос содержат материал с четырьмя служебными компонентами: *да, дак, да и, и* (примеры с *да и* и *и* единичны). Однако этот материал, состоящий из простых предложений или чаще из частей предложений, не может служить основой для изучения функционирования названных служебных компонентов в речи, поскольку соответствующие диалектные явления относятся, как свидетельствуют имеющиеся в литературе данные [Попов 1957; Трубинский 1970; Преображенская 1985; и др.], к области организации текста[5]. Ценность лингвогеографических материалов, относящихся к этому кругу явлений, заключается в том, что они позволяют точно определить территорию распространения диалектных конструкций. В связи со сказанным мы отказались от попытки анализировать соответствующий материал, но показали на карте 8 территорию, в пределах которой по говорам регулярно употребляются конструкции с заключительными компонентами *да* и *дак*, типа *по вечерам пели парни да девчата да* (Ржаное Озеро Прионежск.Карел.); *корова-та зарыкала да* (Никишенская Няндомск.Арх.); *пойду дак погляжу дак* (Шатенево Кичменско-Городецк.Вол.); *я не порато стара дак* (Калитинка Каргопольск.Арх.). Можно думать, что употребление *да* и *дак*

[5] Так, М. Н. Преображенская пишет о компоненте *дак:* «Таким образом, мы приходим к выводу, что функционирование *дак* нельзя представить себе ограниченным рамками простого предложения. Включение этого слова в текст связано с построением сложной синтаксической конструкции» [Преображенская 1985, 67].

в позиции заключительного компонента предложения — в позиции, являющейся, по выражению М.Н.Преображенской [Преображенская 1985, 68], самой «экзотической», необычной для носителей русского литературного языка,— свидетельствуется материалами атласа объективно. Следует заметить, что все другие диалектные конструкции с *да* и *дак* распространены, видимо, в тех же территориальных пределах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге описано — на основании более или менее регулярных лингвогеографических материалов — около 60 таких синтаксических явлений, за счет которых создаются диалектные различия русского языка. Две трети фактов относится к области словосочетания и одна треть — к области предложения. Большинство из этих явлений до настоящего времени по лингвогеографическим материалам не описывалось или описывалось менее подробно. Думается, что представленный в книге материал, являющийся обобщением труда нескольких поколений диалектологов, работавших в полевых условиях, несмотря на его фрагментарность и очевидную неполноту, должен быть использован как для целей описательной диалектологии, так и для диахронического изучения синтаксиса русского языка. Остановимся на некоторых общих моментах.

В статье И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко «О типах синтаксических различий русских говоров» [Кузьмина, Немченко 1961] и написанном теми же авторами разделе «Синтаксические диалектные различия» в книге «Вопросы теории лингвистической географии» (М., 1962) намечены три типа синтаксических различий русских говоров.

I. Определенные модели словосочетаний или предложений имеются в одной части говоров и отсутствуют в другой (ср. такие модели как «глагол + предлог *повз* + род./вин. падеж имени», «причастная форма на *-но*, *-то* + вин. падеж имени»);

II. При помощи словосочетаний или предложений одной и той же структуры по говорам выражается разный круг смысловых отношений — одни и те же модели словосочетаний или предложений используются для образования разных синтаксических конструкций (ср. конструкции типа *про самих себя наготовили, про гусей корму не осталось*, построенные на основе той же модели «глагол + предлог *про* + вин. падеж имени», что и общерусские конструкции типа *говорить про соседей, думать про жениха*);

III. Определенные синтаксические конструкции выступают по говорам то как более, то как менее ограниченные в лексическом или лексико-грамматическом отношении (ср. распространение по говорам объектно-целевых конструкций с предлогом *по* типа *побежать по соседку, пойти по лошадь*; *послать по хлеб, по керосин*; *пойти по малину, по грибы*). Детальное изучение имеющихся материалов позволяет определить III тип различий шире — как различия в функционировании синтаксических конструкций.

(Заметим, что II тип различий может быть определен как различия в функционировании синтаксических моделей.) Варьирование лексического (лексико-грамматического) состава компонентов конструкции представляет собой частный случай различий III типа. К этому же типу следует отнести различия, связанные с оттенками выражаемых конструкциями значений (ср. функционирование по говорам глагольных предложений с субъектным генитивом или предложений с частицами *ти*, *чи*), а также различия в степени употребительности конструкций (ср. употребительность в разных говорах конструкций с предлогом *между* и род. падежом имени). Различия в оттенках значения, употребительности конструкций и лексико-грамматическом составе их компонентов могут переплетаться в одном и том же явлении (ср. конструкции с род. падежом прямого объекта или предикативными причастными формами на *-ши*). Можно думать, что различия в функционировании синтаксических конструкций выявлены к настоящему времени лишь в незначительной своей части, что в действительности они образуют самый многочисленный тип синтаксических различий русских говоров. Следует признать, что использование экстенсивных способов для собирания материала, относящегося к различиям этого типа, связано со значительными трудностями.

Изучение материалов ДАРЯ сразу же показало, что по характеру распространения различительные синтаксические явления русских говоров ближе к фонетическим и морфологическим, чем к лексическим: среди синтаксических явлений так же, как среди фонетических и морфологических, большее место занимают такие, которые характерны для значительной части русских говоров (соответствующие пучки изоглосс были представлены на картах в ст.: [Кузьмина, Немченко 1962]). Данным обстоятельством определяется большое значение синтаксических изоглосс для выделения основных диалектных массивов русского языка (см.: Вопросы теории лингвистической географии, 1962, 24[1]). Детальное изучение всего объема данных, заключенных в лингвогеографических материалах, увеличивает количество синтаксических явлений, территория распространения которых может быть более или менее точно определена. Следует заметить, в частности, что выделяется группа синтаксических явлений, изучение которых, возможно, представит интерес для решения вопросов, связанных с противопоставлением периферийных и центральных русских говоров (об этом противопоставлении см. в работе: [Бромлей 1985[2]]),— это явления, распространенные в севернорусских говорах, западных среднерусских и западной части юж-

[1] Ср. использование синтаксических изоглосс в книгах о современном диалектном членении русского языка и истории образования его диалектных массивов [Захарова, Орлова 1970; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров 1970].

[2] В работе С. В. Бромлей указывается, в частности, на необходимость привлечь к решению вопросов о противопоставленности периферийных и центральных русских говоров данные по явлениям, относящихся к разным языковым уровням [Бромлей 1985, 14].

норусских, употребление предложений со следующими структурными схемами: «наречие *надо* (*нужно*) + им. падеж имени», «наречие *видно* или предикатив *видать* + им. падеж имени», «глагол + им. падеж мн. числа одушевленных существительных», «глагол + им. падеж ед. числа одушевленных существительных муж. рода». Заметим, что материалы конца XIX — начала XX в. допускают предположение о подобном же распространении в недавнем прошлом предикативных причастных форм на *-ши* (в настоящее время регулярное употребление конструкций типа *лес зазеленевши, он пришедши* характерно только для говоров западной части России). В пределах территории сосуществования предлогов *с* и *из* говоры центра выделяются как такие, где предлог *с* в составе пространственных конструкций употребляется по преимуществу при сочетании с именами, относящимися к определенной семантической группе (собственные и нарицательные существительные, называющие населенные пункты).

Характеризуя показания современных говоров и данные памятников как два источника истории языка, Р. И. Аванесов подчеркивает то обстоятельство, что для явлений разных языковых уровней относительное значение этих источников оказывается неодинаковым [Русская диалектология 1964, 25—26; Аванесов 1956]. Думается, что синтаксические явления принадлежат к числу тех, историческое изучение которых настоятельно требует максимального привлечения данных современных говоров [Борковский 1958, 1973; Собинникова 1959, 1969, 1970; Иванов 1979][3]. Особая важность диалектологических материалов как исторического источника в области синтаксиса определяется, с нашей точки зрения, значительным варьированием используемых средств в зависимости от типа языка, с одной стороны, и очень скупым, неполным отражением в памятниках письменности специфических явлений народно-разговорного типа языка — как имеющих локальный характер, так и общерусских — с другой.

В качестве источника диахронического изучения синтаксиса материалы монографического и лингвогеографического характера имеют разные особенности и возможности. Сравнивая монографический и лингвогеографический методы обследования говоров с позиций историка языка — синтаксиста, В. И. Борковский отдает предпочтение первому, так как только при монографическом изучении возможен системный подход к синтаксическим явлениям и исчерпывающая характеристика семантики тех или иных конструкций. Но и ответы на вопросы диалектологических программ, несмотря на всю их фрагментарность, оцениваются

Заметим, что применительно именно к области синтаксиса высказывались существенно различные взгляды на значение данных современных говоров для истории языка, см., например: Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV международному съезду славистов), ответы на вопрос № 29; «IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии, т. 2: Проблемы славянского языкознания, с. 404—412; Otázky slovanské syntaxe: Sborník Brněnské syntaktické konference 17—21, IV. 1961. S. 409—430.

В. И. Борковским как существенный материал для истории языка, поскольку «бóльшая часть вопросов затрагивает важные, характерные для многих говоров синтаксические черты, при этом такие, которые получили отражение в памятниках древнерусской и старорусской письменности» [Борковский 1973, 267]. Как с тем, так и с другим положением В. И. Борковского трудно не согласиться. Хотелось бы, однако, подчеркнуть и специфические достоинства данных, получаемых при лингвогеографическом способе обследования говоров.

Отличаясь от материалов, собираемых интенсивным методом, неизбежной неполнотой и ограниченностью с точки зрения объема охватываемых фактов, лингвогеографические материалы обладают преимуществом широкой территориальной перспективы и свойством соотносительности: они содержат данные об одних и тех же синтаксических конструкциях (или конструкциях, входящих в один синтаксический ряд), причем характеризуют их применительно ко всем говорам в принципе по одним и тем же (обусловленным программой) признакам, что позволяет видеть развитие явлений в пространстве. Поскольку варьирующиеся элементы структуры частных языковых систем (как и эти системы в целом) представляют собой, по определению Р. И. Аванесова, «историю языка в ее пространственной проекции» [Русская диалектология 1964, 24], это свойство регулярности, соотносительности в сочетании с широким территориальным охватом обусловливает возможность использования лингвогеографических материалов для прослеживания синтаксических процессов по отдельным их стадиям — при этом данные лингвогеографических материалов должны быть сопоставлены, конечно,— во всех случаях, когда это возможно,— с показаниями памятников письменности, а также данными диалектологических работ монографического характера.

Сопоставление диалектных данных с показаниями памятников письменности позволяет сказать, что количество собственно архаизмов в синтаксических системах современных говоров невелико: при сохранении в качестве диалектной особенности синтаксические явления древне- или старорусского языка в большинстве случаев претерпевают те или иные модификации. Представленные в говорах варианты реализации явлений чаще всего отражают стадии процессов, связанных с разрушением и постепенной утратой конструкций (десемантизация, изменение лексико-грамматического состава компонентов, изменение места в грамматической системе, снижение употребительности — соответствующие примеры можно найти почти во всех разделах книги). Но иногда лингвогеографические материалы свидетельствуют и о новообразованиях — здесь можно назвать, например, следующие факты: сочетание предлога *около* в некоторых севернорусских говорах с вин. падежом имени (по аналогии с предлогами *возле*, *подле*); развитие в говорах, относящихся к западной и юго-западной части территории РФ объектно-целевых конструкций типа *пойти*

в орехи, в мед (на базе местных с семантикой направления — *пойти в орешник*); сочетание предлога *под* в составе пространственных конструкций, имеющих семантику направления, не с винительным, а с творительным падежом имени (*коты задушат мышь и принесут под дверью*). Надо сказать, что для многих из рассмотренных в книге диалектных различий можно предполагать позднее происхождение. Материалы памятников дают основание думать, что конструкции, являющиеся в настоящее время собственно диалектными, в большинстве случаев не были локально ограничены еще в конце старорусского периода, а нередко и в XVIII и даже начале XIX в. О том же свидетельствует и характер распространения большинства диалектных синтаксических конструкций: изоглоссы выделяют территории регулярного употребления конструкций, отдельные же случаи их фиксации имеют место в самых разных говорах. Говоря о вероятности относительно недавнего возникновения многих диалектных различий, мы должны подчеркнуть, что сами-то явления, ставшие к настоящему времени особенностью только части говоров, обычно уходят корнями в далекое прошлое.

Предоставляя данные для воссоздания процессов, касающихся отдельных конструкций, лингвогеографические материалы становятся источником изучения и истории целых синтаксических рядов, в которые эти конструкции входят,— особенно значителен их удельный вес в тех случаях, когда ряды состоят из небольшого количества членов. Так, из фактов, определяющих историю конструкций типа *поехать по отца, по масло, по дрова* (уменьшение употребительности, сужение лексико-грамматического состава имен, осложнение семантики), непосредственно следует вывод о постепенном изменении в соотношении компонентов синтаксического ряда, образуемого такими объектно-целевыми конструкциями, где выступают глаголы движения (а также глаголы с семантикой 'послать') и имена с предлогом, называющие предметы, послужившие целью движения: на большей части территории распространения русского языка конструкции типа *поехать по отца, по масло, по дрова* сдавали свои позиции конструкциям с предлогом *за*, на западе же и юго-западе РФ процесс осложнился развитием конструкций типа *поехать в дрова, пойти в мед*. Однако этим значение лингвогеографических материалов как источника диахронического изучения синтаксиса не исчерпывается. Методы лингвистической географии открывают широкие возможности для сопоставительного изучения конструкций, относящихся к разным синтаксическим рядам, но так или иначе между собой связанных.

Основания для сопоставления конструкций могут быть разными — попытка предложить перечень имеющихся возможностей была бы преждевременной. Ограничимся упоминанием того факта, что сопоставление конструкций может дать основание для предположений о причинно-следственных связях в истории явлений. Так, например, сопоставление частично совпадающих по

территории распространения глагольных, наречных и причастных конструкций с им. падежом существительных на *-а* (*косить/кошу трава*; *надо трава*; *трава скошено*) — с учетом территориальной направленности структурного варьирования каждой из них[4] — приводит к выводу о вероятном взаимодействии этих конструкций в процессе их исторического развития. Распространение в близких территориальных пределах, на северо-западе РФ, ряда таких синтаксических явлений, для которых факты древне- и старорусского языка оказываются лишь более или менее существенной предпосылкой, позволяет предполагать влияние на их развитие общего фактора экстралингвистического характера — типологическое сравнение конструкций русских говоров с конструкциями соседних балтийских и финских языков подтверждает это предположение (ср. употребление служебного компонента *есть* или явления, связанные с развитием категории перфекта). Сопоставление процессов, определяющих историю структурно очень разных конструкций, объединяемых тем, что по происхождению они являются синтаксическими архаизмами, позволяет указать некоторые общие моменты, приводящие к разрушению конструкций.

Самостоятельное значение для исторического изучения синтаксиса имеет тот факт, что русская диалектология располагает лингвогеографическими материалами, собранными в разные промежутки времени. Некоторые из синтаксических вопросов повторяются в разных программах — в основной своей части это вопросы, обращенные к таким элементам синтаксической структуры, с которыми связаны существенные для русского языка диалектные различия. Сопоставление разновременных материалов показало, что, несмотря на небольшой промежуток времени, охватывающий интенсивное изучение русских говоров лингвогеографическими методами (менее ста лет), для многих синтаксических конструкций есть возможность констатировать те или иные изменения (см., например, материалы по конструкциям с им. и род. падежами прямого объекта, объектно-целевым конструкциям с предлогом *для*, конструкциям с неизменяемыми причастными формами на *-ши* и *-н*, *-т*). Характер и направленность наблюдающихся изменений могут дать основание для предположений и о более ранних стадиях в истории конструкций, а также о тенденциях их дальнейшего развития.

---

[4] Соответствующие материалы наиболее детально представлены в ст.: [Кузьмина 1975[1]].

ПРИЛОЖЕНИЕ *

ДАННЫЕ ОЛА ПО ГОВОРАМ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ О ПРЕДИКАТИВНОЙ ОСНОВЕ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ СОСТОЯНИЕ (вопросы 3216°—3220°)

Синтаксический раздел Вопросника Общеславянского лингвистического атласа (М., 1965) заключается пятью вопросами, которые предполагают фиксацию односоставных предложений с семантикой состояния — бессубъектного (3217° — *на дворе уже темно;* 3218° — *на дворе холодно;* 3219° — *на дворе жарко // жара*) или субъектного (3216° — *пора уходить;* 3220 — *жаль, что ты не пришел*)[1]. Слова, входящие в предикативную основу этих предложений, могут принадлежать к наречиям и к существительным[2]. Диалектные различия связаны как с грамматической природой, так и с лексическим составом слов, образующих предикативную основу предложений; кроме того, для отдельных слов отмечаются различия в месте ударения.

Предложения, которым посвящен вопрос 3216°, во всех говорах восточнославянских языков характеризуются одинаковой структурой. В отличие от предложений, предусмотренных во всех других вопросах, они имеют не однокомпонентную, а двукомпонентную предикативную основу: в качестве первого компонента выступают существительные *пора (пара), время (врем'я), час,* в качестве второго — инфинитив, ср.: po'ra‿uš do'moj i'ti Турчасово Онеж. р-н Арханг. обл. Рос.[3]; pa'ra jis'ʹc'i da 'xaty Вялікія Баяры Шчучын. р-н Гродз. вобл. Бел.; po'ra ži s'v'ii 'rozum 'matǫ Білухівка Карл. р-н Полт. обл. Укр.; v'r'em'a i't':i p'ð r'a'v'azɨvðt' ka'rovu Вышки Даугавпилс. р-н Латв.; 'vrem'a i'c'i Абчуга Круп. р-н Мінск. вобл. Бел.; uže u'remn'a i̯ty // čas ity Коровинці Недригайл. р-н Сумск. обл. Укр.; čas vɨxo'dyty Торунь Міжг. р-н Закарп. обл. Укр. Поскольку рассматриваемые предложения выражают субъектное состояние, они могут включать в свой состав не только обстоятельственные, но и субъектные детерминанты, ср. nam uže po'ra rðsxo 'd'ic:ð Подборовье Гдов. р-н Пск. обл. Рос.; pogu'l'at'-to je'mu v'r'em'o Комарово Семен. р-н Горьк. обл. Рос.; u̯že čas my'n'i i̯ty Верхня Яблунька Турк. р-н Львів. обл. Укр.

Предложения с сущ. *пора (пара)* употребляются повсеместно, за исключением небольшой юго-западной части Укр. Предложения

[1] О семантической структуре односоставных предложений с главным членом — наречием и существительным, выражающих состояние, см.: Русская грамматика. М., 1980. Т. II, 321—323, 358—359, 378.

[2] В Вопроснике все соответствующие слова названы предикативными наречиями.

[3] Примеры даются в той транскрипции, которую использует составитель соответствующего ответа.

с сущ. *время (врем'я)* отмечены в отдельных нас. п. на территории всех трех восточнославянских языков. Предложения с сущ. *час* локализуются в украинских говорах — главным образом на юго-западе республики.

Как показал материал ОЛА, в говорах восточнославянских языков для выражения значения 'темно' (о состоянии природы, вопрос 3217°) в качестве основного средства употребляются предложения с предикативной основой — наречием. Повсеместно распространено наречие *темно (цёмна)*, которое выступает в двух акцентологических вариантах: для белорусских и украинских говоров характерен вариант с ударением на первом слоге (na 'vul'ісы u'žo 'c'omna Лукшы Браслаў. р-н Віцеб. вобл. Бел.; nadwo'r'i u̯že 'temno Пульмо Любомль. р-н Волин. обл. Укр.), в русских же говорах — без сколько-нибудь отчетливой локализации — отмечается наречие с ударением как на первом, так и на втором слоге (na 'ul'ісы 't'omno‿uš Турчасово Онеж. р-н Арханг. обл.; t'im'no na 'ul'ісы Ступино Няндом. р-н Арханг. обл.).

На юго-западе Укр. зафиксированы предложения с наречием *видно (видко)*, отрицанием и возвратной частицей — приводим весь материал: nadwu'r'i 'temnu // ny 'vydnu s'i Пововичі Мостис. р-н Львів. обл.; nadvo'r'i u̯že 'temno // nɣ 'vytko s'i Золотий Потік Бучац. р-н Терноп. обл.; nadwo̯'r'i u̯ze sɣ nɣ 'vydko Іванківці Городоц. р-н Хмельниц. обл. Интересно, что говорам на самом юго-западе Украины, в Закарпатской области, известно сочетание возвратной частицы и с наречием *темно:* 'voŋka u̯'že sa 'temno; u'že sa 'temno von Баранинці Ужгор. р-н; 'wonka u̯že 'temno (s'a) Поляна Сваляв. р-н; na dvo̯'r'i // 'voŋ(ka) u̯že 'temno // 'voŋ(ka) u̯že s'a 'temno Довге Іршав. р-н. Как видно по приведенному материалу, возвратная частица может занимать и постпозитивное, и препозитивное положение по отношению к наречию, может быть отделена от наречия отрицательной частицей.

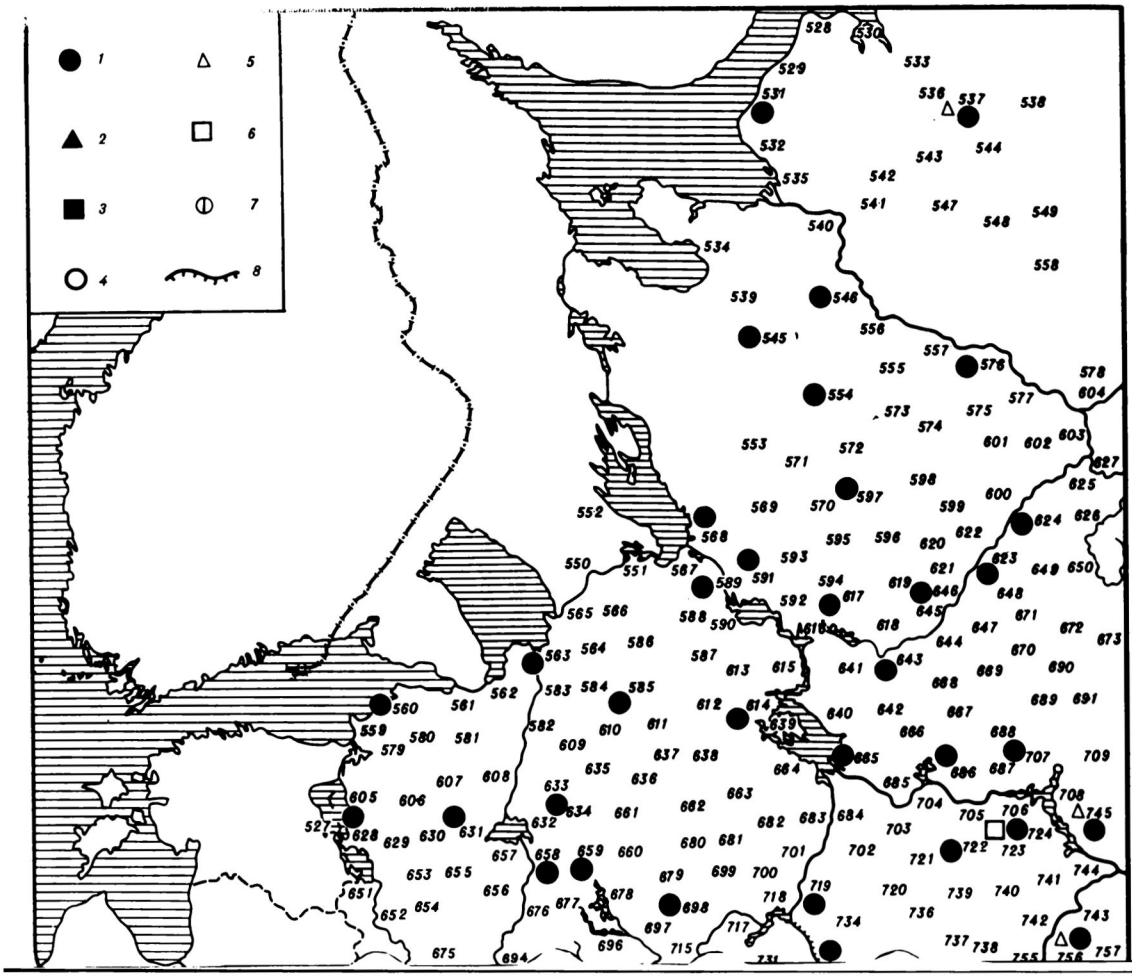
В некоторых украинских говорах (см. карту 1) встречаются предложения с наречием *поночі*, ср.: nadwo'r'i u̯že 'ponoču Тур Ратн. р-н Волин. обл.; nad'wori u̯že 'temno // 'ponoči Краснопілка Уман. р-н Черкас. обл. В большинстве случаев наречие *поночі* сосуществует с наречием *темно*. В одном из тех нас. п., где употребляется наречие *поночі*, отмечено и другое наречие с тем же корнем — *нічно:* nadwo'r'i u̯že 'temno // 'ponoč'i // n'ično Коровинці Недригайл. р-н Сумск. обл.

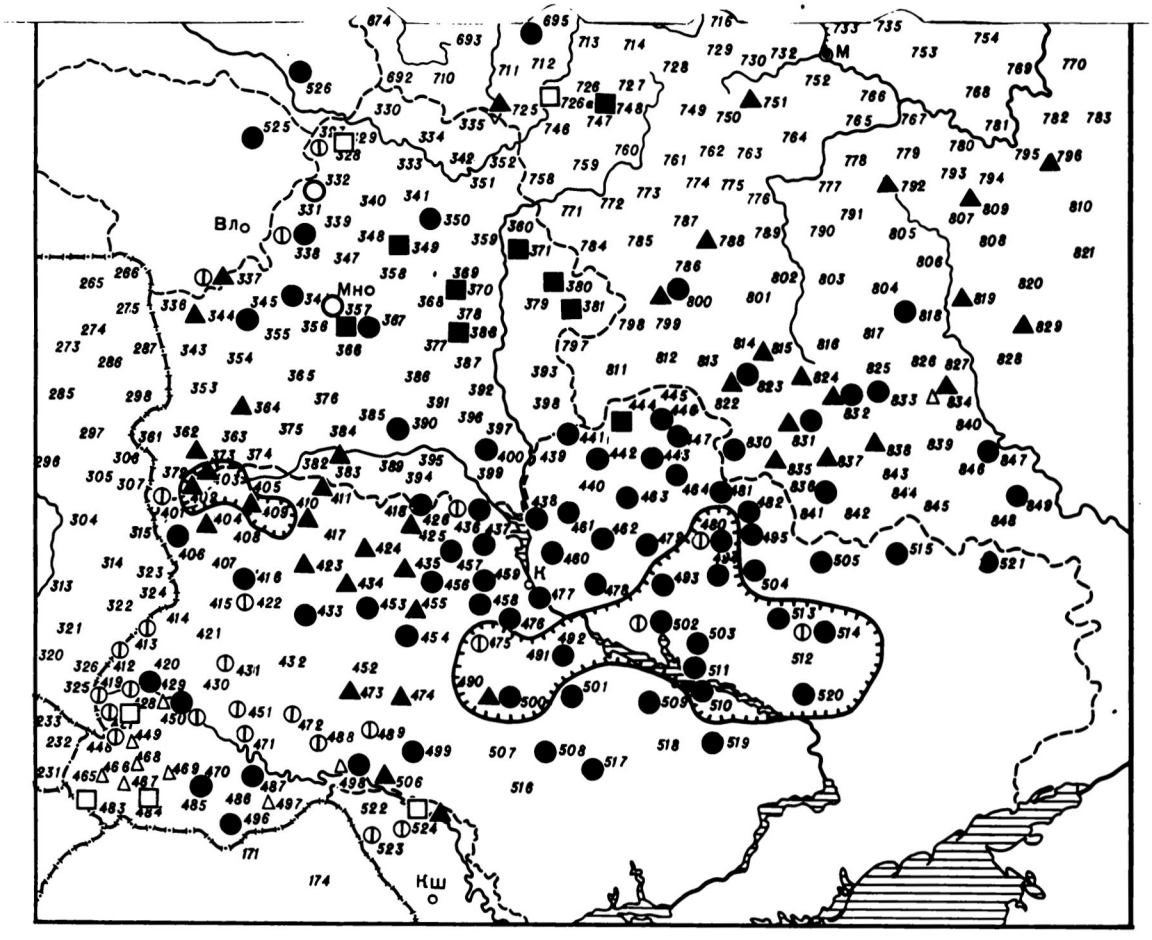
В материалах ОЛА по вопросу 3217° имеется ряд предложений с предикативной основой — существительным, соотносительных с наречными предложениями. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство конструкций с существительными зафиксировано на территории украинских говоров. К этому следует прибавить, что одно из двух предложений, встретившихся в материалах по русским говорам, относится к нас. п.,

расположенному рядом с границей Украины (Белгородская обл.). Согласно данным ОЛА, предложения, предикативная основа которых выражена существительным, употребляются наряду с наречными. Приведем весь материал: *а т'óмнъ ш'ш'ас; ох какаца т'ем'!* Темешево Шацк. р-н Рязан. обл. Рос.; na‿dwo'r'i ůže 'temno // t'ma Борисполье Ракитян. р-н Белгор. обл. Рос.; na dvo'r'i vže 'temno // tem'nota Сапанів Кременец. р-н Терноп. обл. Укр.; nad'wor'i ůže 'temno // 'ponoč'i // 'temr'awa // t'ma Ісківці Лубен. р-н Полт. обл. Укр.; nad'wor'i uže‿temno // 'ponoč'i // 'temr'awa Дем'янівка Семенів. р-н Полт. обл. Укр.; nad'wor'i uže 'temno // 'ponoči // taka 'temr'ava // 'tem'in' Білухівка Карл. р-н Полт. обл. Укр.; na‿dwo'r'i ůže‿'temno // t'ma Пояна Камян. р-н Молд.

По преимуществу наречные предложения употребляются на территории восточнославянских языков и для выражения значения 'холодно' (о состоянии природы; вопрос 3218°). Повсеместно распространены, за исключением юго-западной части Украины, предложения с наречием *холодно (холадна)*, для которого зафиксировано три акцентологических варианта: na dvo'r'e 'xolodno Харино Бабушк. р-н Волог. обл. Рос.; nð‿dva're xa'lon:a Стайкі Барысаў. р-н Мінск. вобл. Бел.; na dvo'ri xolo'dno Дроздинь Рокитн. р-н Ровен. обл. Укр. На юго-западе Укр., а спорадически также в русских и белорусских говорах употребляются предложения с наречием *студёно (студено, студзёна)*. Это наречие тоже может иметь ударение на первом, на втором и на третьем слоге: na d'worы s''c'uʒ'ina Груздава Пастаў. р-н Віцеб. вобл. Бел.; na 'vul'ісы s':i'd'ona Горки Нелид. р-н Калин. обл. Рос.; von stu'd'ona Буштина Тячів. р-н Закарп. обл. Укр.; nadwo'r'i stude'no Торунь Міжгір. р-н Закарп. обл. Укр. В украинских говорах, главным образом на юго-западе республики, а также на северо-западе Белоруси отмечены предложения с наречием *зімно (зімна)*: na-dvo'r'i 'zymno Сапанів Кременец. р-н Терноп. обл. Укр.; na 'vul'ісы 'z'imna Лукшы Браслаў. р-н Віцеб. вобл. Бел. Распространение трех названных наречий и их акцентологических вариантов показано на карте 9. Еще два наречия встретились в материалах всего по одному разу: nad'wor'i 'xolodno // 'syv'irko Борисполье Ракитян. р-н Белгор. обл. Рос.; nad'wor'i 'xolodno // mo'roz'ano Ісківці Лубен. р-н Полт. обл. Укр.

Предложения с предикативной основой — существительным (однокоренным с наречием *холодно* или *студёно*) имеются в материалах ОЛА по 13 нас. п., бóльшая часть которых расположена на территории украинских говоров. Отмечены следующие существительные: 1) xolo'd'ina (xala'ʒ'ina) — Пылема Лешукон. р-н Арханг. обл. Рос., Княщина Волх. р-н Ленингр. обл. Рос., Груздава Пастаў. р-н Віцеб. вобл. Бел.; 2) 'xolod- Борисполье Ракитян. р-н Белгор. обл. Рос. (нас. п. расположен близко к границе

Карта 9.

I. Конструкции с предикативными наречиями, означающими ‘холодно’ (*русск. на дворе холодно / студено / зимно*):
Конструкции с наречиями: 1 — ˈxolodno, 2 — xolodˈno, 3 — xoˈlodno, 4 — ˈstudˈono, 5 — studˈoˈno, 6 — stuˈdˈono, 7 — ˈzˈimno
II. Конструкции с предикативным наречием ˈponocʹi, означающим ‘темно’.
8 — конструкции с наречием ˈponocʹi.

с Украиной), Новоосиновка Острож. р-н Ворон. обл. Рос. (говор украинский), Ясениця-Сільна Дрогобиц. р-н Львів. обл. Укр., Красилівка Бахмац. р-н Черніг. обл. Укр., Сім'янівка Конотоп. р-н Сумск. обл. Укр., Дементіївка Дергач. р-н Харк. обл. Укр.; 3) xolod'neča — Красилівка Бахмац. р-н Черніг. обл. Укр., Білухівка Карл. р-н Полт. обл. Укр.; 4) s'tuža Комарово Семен. р-н Горьк. обл. Рос.; 5) s'tud'in' Верхня Яблунька Турк. р-н Львів. обл. Укр., Бабинопілля Івано-Франк. обл. Укр. Во всех ответах, кроме одного (по нас. п. Верхняя Яблонька), предложения, предикативная основа которых выражена существительным, приводятся наряду с наречными.

Для выражения значения 'жарко' (о состоянии природы; вопрос 3219°) на восточнославянской территории употребляются, согласно данным ОЛА, предложения с рядом наречий и существительных — при этом не все предикативные наречия и существительные совпадают между собой по корню. Говорам всех трех восточнославянских языков известны предложения с наречием *жарко* и существительным *жара* (в русских говорах также *жарища*), ср.: nð dva'r'e 'žarkð; s'ivod'n'i žy'ra nð dva'r'e Секерино Глушк. р-н Кур. обл. Рос.; na 'ul'icы 'žarko // ža'r'iśša Турчасово Онеж. р-н Арханг. обл. Рос.; 'žarka na dva'r'e // žy'ra na dva'r'e Старакожаўка Горац. р-н Магілёў. вобл. Бел.; na d'wor'i 'žarko // ža'ra Піщаний Брід Добровеличк. р-н Кіровогр. обл. Для говоров русского языка предложения с наречием *жарко* и существительным *жара (жарища)* являются единственными способами выражения бессубъектного состояния 'жарко' (см. карту 2).

На территории Белоруси и Украины, по преимуществу в западных их частях (см. карту 10), употребляются предложения с наречием *горача (горяче)*, ср.: na dva're 'horača Лоск Валожын. р-н Мінск. вобл. Бел.; nadvo'r'i ho'r'ačo Завадів Явор. р-н Львів. обл. Укр.; na dvor'i hara'če Дроздинь Рокитн. р-н Ровен. обл. Укр. Наречие выступает в трех акцентологических вариантах: вариант с ударением на первом слоге более частотен в белорусских говорах, два других — в говорах украинского языка. Существительное с тем же корнем отмечено один раз: na 'dworы 'horača // haracы — 'n'a Груздава Пастаў. р-н Віцеб. вобл. Бел.

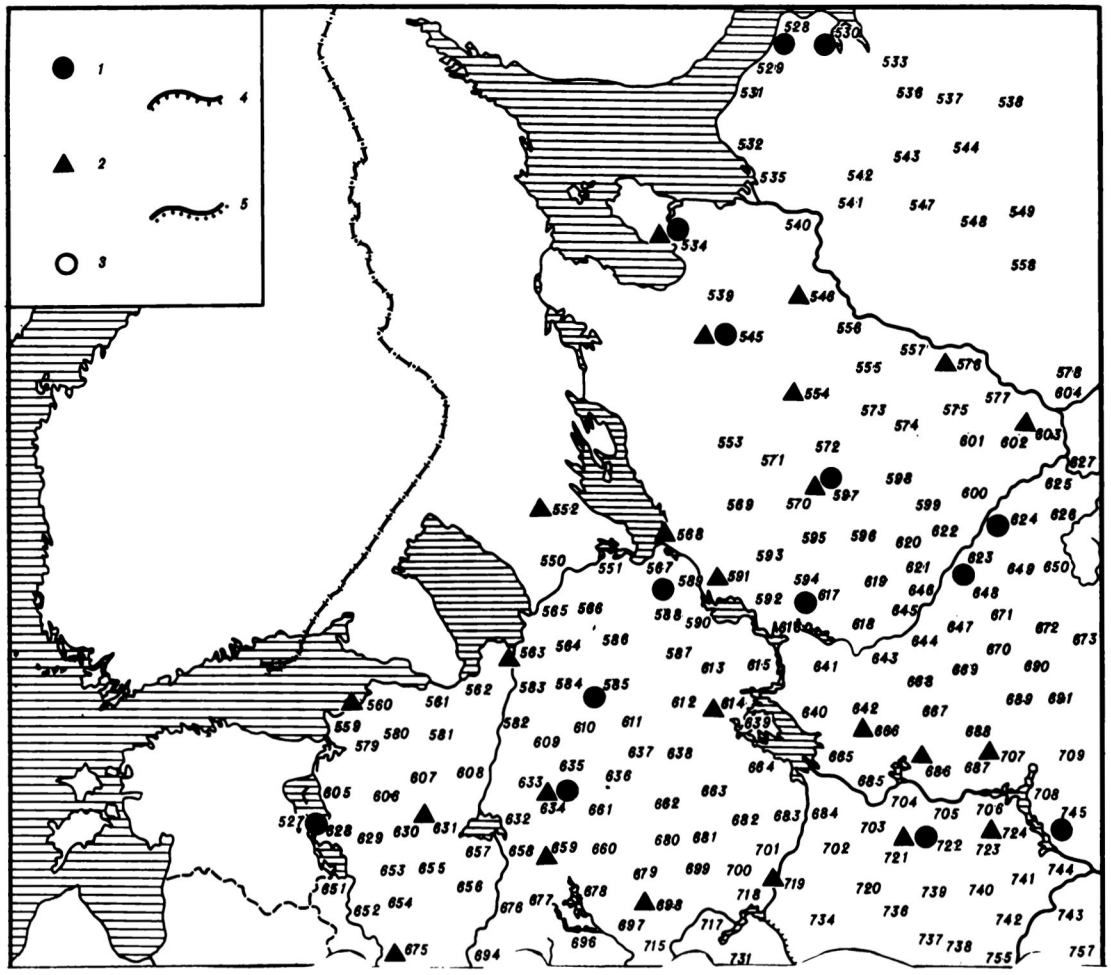
В разных украинских говорах, за исключением только самых северных, отмечаются предложения с сущ. *спека:* nadvo — 'r'i s'peka // ža'ra Сапанів Кременец. р-н Терноп. обл.; nys' na dvu'r'i vy'lyka s'peka Верхня Яблунька Турк. р-н Львів обл.; на 'wuloc'i s'peka Коровинці Недригайл. р-н Сумск. обл. Существительное того же корня *спекота* встретилось по одному разу в белорусских и в украинских материалах: na dva're p'eka'ta Пруды Івянец. р-н Мінск. вобл. Бел.; 'voŋka s'peka // speko'ta Довге Іршав. р-н Закарп. обл. Укр. В одном нас. п. на юго-западе Украины зафиксированы существительные *спрага* и *спрагота*: von u'že sp'raha (spraho'ta) Баранинці Ужгор. р-н Закарп. обл.

В материалах ОЛА по вопросу 3219° имеются еще предложения с предикативной основой, выраженной наречиями *тепло (цёпла)* и *душно (душна)*, а также существительным *духота*. Синонимичность этих предложений с приведенными выше не безусловна. Однако нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что почти все предложения с наречием *тепло* и наречием *душно* (а также существительным того же корня *духота*) представлены в материалах по украинским говорам, причем наблюдается известная локализация: конструкции с наречием *тепло* концентрируются на юге западной половины Украины, конструкции с наречием *душно* и существительным *духота* — на территории к западу от Днепра. Существенно заметить, что в материалах по 11 нас. п. предложения со словами *душно*, *духота* даны как единственный ответ на вопрос 3219°. Приведем некоторые примеры: 'wonka tep'lo, s'peka Поляна Сваляв. р-н Закарп. обл.; nadwo'r'i uža tap'lo; nadwo'r'i 'dušno Турятка Глибоц. р-н Чернівец. обл.; na dwo̊'r'i 'dušno Велика Ведмежка Маневиц. р-н Волин. обл.; nadwo'r'i 'dušno // duxo'ta // 'speka Ласківці Теребовлян. р-н Терноп. обл.; na dwo'r'i 'dušno, duxo'ta Балин Дунаєвец. р-н Хмельниц. обл.

В вопросе 3220° предусматривается фиксация предложений, выражающих субъектное состояние 'жаль': *жаль, что ты не пришел*. В материалах ОЛА представлены предложения с наречием *жалко*, существительным *шкода (шкада)* и словом *жаль*, которое, будучи по происхождению существительным, в современных говорах — при безличном употреблении — сближается с наречиями[4], ср.: 'žalka, što on u'šol Козилово Холм-Жирк. р-н Смол. обл. Рос.; 'žalka, što vы n'i bы'l'i Старакожаўка Гарац. р-н Магілёў. вобл. Бел.; 'žalko, šo vy 'jidǥte Запсілля Великобагачан. р-н Полт. обл. Укр.; žal', 'd'en'g'i pot'e'r'ala Семеновская Вытегор. р-н Волог. обл. Рос.; žal'|'škoda|što ty n'i pгы'šo̯u Лукшы Браслаў. р-н Віцеб. вобл. Бел.; žal', šo tǥ'be nǥ bu'lo Новоіванівка Білоп. р-н Сумск. обл. Укр.; wot 'škoda, što ty n'i pгы'šo̯u Лоск Валожын. р-н Мінск. вобл. Бел.; ško'da // žal', ščo ty nǥ pryi̯'šo̯u Золотий Потік Бучац. р-н Терноп. обл. Укр.

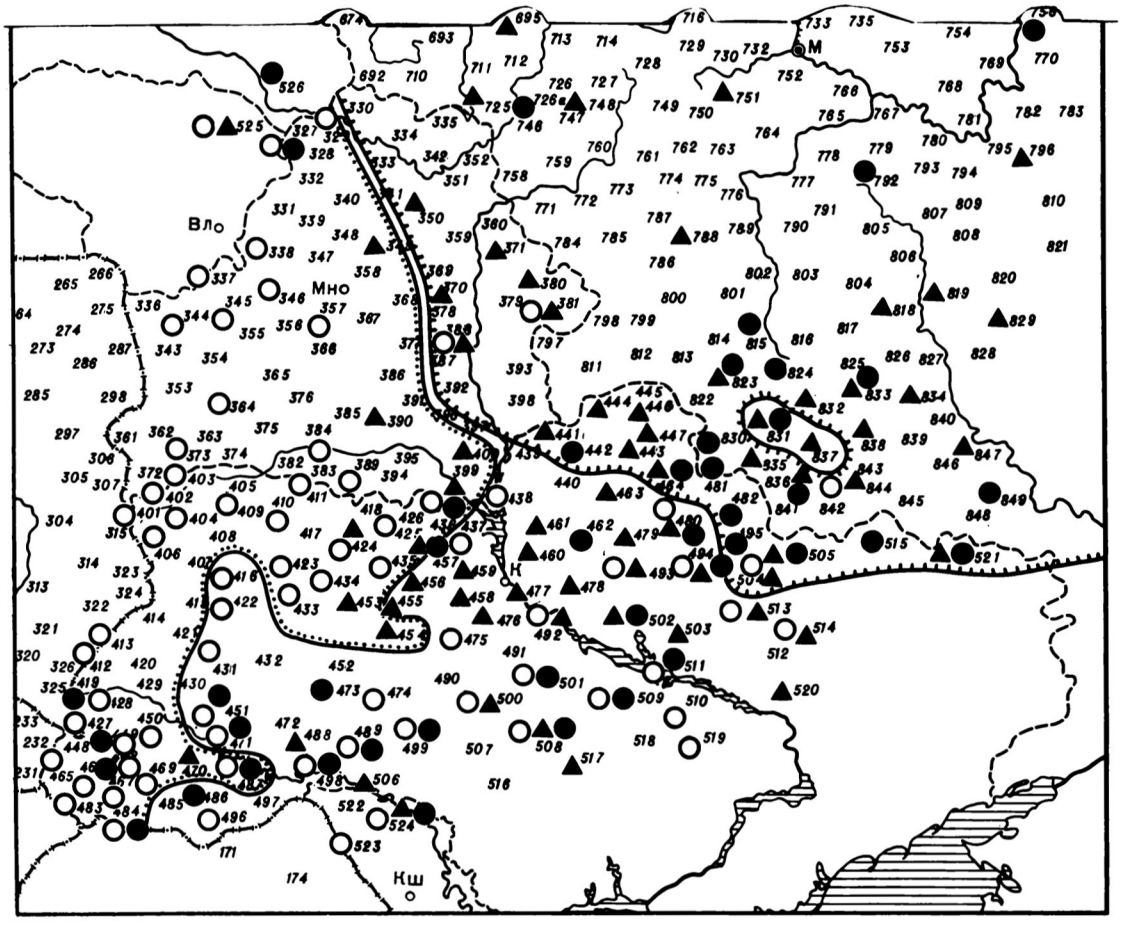
В белорусских и украинских говорах, как видно по приведенным примерам, отмечены предложения со всеми тремя названными словами, в русских — только со словами *жалко* и *жаль*. На территории Беларуси и Украины есть небольшое количество говоров, в которых употребляются только предложения с *жалко* и *жаль*, в части говоров предложения со словами *жалко*, *жаль* и *шкода (шкада)* сосуществуют и в части говоров (на западе) распространены только предложения с существительным *шкода (шкада)* — см. карту 2. Как видно из карты, слово *жаль* уступает по употребительности наречию *жалко* (кроме говоров на юго-западе Украины). В украинских говорах по одному разу отмечено

[4] В украинских говорах слово *жаль* может употребляться и как существительное, ср.: 'žal' 'maju na̯ 'teby, šo̯ 'ty ny pryi̯'šo̯u Завадів Явор. р-н Львів обл.

Карта 10.

I. Предикативные наречия *жаль, жалко, шкода* в главной части сложноподчиненного предложения *(русск. жаль (жалко), что ты не пришел)*.
Конструкции с наречиями: 1 — ˈzal, 2 — ˈzalko, 3 — sˈkoda.
II. Конструкции с предикативными наречиями и существительными, означающими 'жарко', 'жара' *(русск. на дворе жарко / жара)*.
4 — конструкции только с наречием *жарко* и/или существительным *жара / (жаровня)*, (за пределами данной изоглоссы лексемы с корнем *жар-* сосуществуют с другими лексемами), 5 — конструкции с наречием hoɾaˈčo.

еще два слова (два наречия): ˈbanːo, šo tǥ nǥ prǥi̯šou̯ Турятка Глибоц. р-н Чернівец. обл.; ˈžalko // paˈhano|sǒ ti ne priˈšou̯ Іванівка Семен. р-н Черніг. обл.

В предложениях с семантикой ‘жаль’ может присутствовать субъектный детерминант, ср.: как ˈmnʹe ˈžalkə̑, što u mʹiˈnʹa praˈpalə̑ kaˈrova Бородино Торжок. р-н Калин. обл. Рос.; žʹelʹ myˈnʹi, šo ty ny pryi̯ˈšou̯ Бабинопілля Косів. р-н Івано-Франк. обл. Укр.

Материалы ОЛА показали, что соотносительность говоров восточнославянских языков по грамматическому составу конструкций, имеющих одно и то же значение состояния (из числа предусмотренных вопросами 3216°—3220°), может быть разной. Основное диалектное различие образуют конструкции, выражающие субъектное состояние ‘жаль’: предложения с наречием *жалко* и сближающимся с ним словом *жаль* и предложения с существительным *шкода (шкада)* территориально противопоставлены (хотя имеется и зона сосуществования). Основными способами выражения бессубъектных состояний ‘темно’ и ‘холодно’ повсеместно являются наречные конструкции, но при этом в отдельных ответах наряду с наречными приводятся такие конструкции, где в качестве главного члена выступает существительное. Значение субъектного состояния ‘пора’ во всех говорах выражается предложениями одной и той же структуры — с главным членом, состоящим из существительного и инфинитива. Для передачи бессубъектного состояния ‘жарко’ в говорах всех восточнославянских языков широко используются предложения как с наречиями, так и с существительными.

Сопоставление данных о распространении на восточнославянской территории конструкций с существительным *шкода*, *шкада* (бóльшая часть Беларуси и Украины) и материалов по вопросам 3217° и 3218° об отмеченности конструкций с существительными (главным образом украинские нас. п.) дает основание для предположения о том, что выражающие состояние предложения с главным членом — существительным наиболее характерны для украинских говоров.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Арх. — Архангельская (губ., обл.)
Белг. — Белгородская (обл.)
Брян. — Брянская (обл.)
Вел. — Великолукская (обл.)
Влад. — Владимирская (губ., обл.)
Вол. — Вологодская (губ., обл.)
Вор. — Воронежская (губ., обл.)
Вят. — Вятская (губ.)
Горьк. — Горьковская (обл.)
Иван. — Ивановская (обл.)
Калин. — Калининская (обл.)
Калуж. — Калужская (губ., обл.)
Кир. — Кировская (обл.)
Костр. — Костромская (губ., обл.)
Кур. — Курская (губ., обл.)
Лен. — Ленинградская (губ., обл.)
Лип. — Липецкая (обл.)
Моск. — Московская (губ., обл.)
Нижег. — Нижегородская (губ.)
Новг. — Новгородская (губ., обл.)
Олон. — Олонецкая (губ.)
Орл. — Орловская (губ., обл.)
Пенз. — Пензенская (губ., обл.)
Петерб. — Петербургская (губ.)
Пск. — Псковская(ий) — (губ., обл., округ)
Ряз. — Рязанская (губ., обл.)
Сар. — Саратовская (губ., обл.)
Симб. — Симбирская (губ.)
Смол. — Смоленская (губ., обл.)
Тамб. — Тамбовская (обл.)
Твер. — Тверская (губ.)
Тул. — Тульская (губ., обл.)
Ульян. — Ульяновская (обл.)
Яр. — Ярославская (губ., обл.)

ЛИТЕРАТУРА *

Аванесов Р. И. Очерки диалектологии рязанской мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 1.

Аванесов Р. И. О некоторых вопросах истории языка // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. М., 1956.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

Арутюнова Н. Д. О критерии выделения аналитических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965.

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.

Барашков В. Об одной разновидности отрицательных предложений в северно-русских говорах // Учен. зап. Глазов. гос. пед. ин-та. Ижевск, 1957. Вып. 4.

Бондарко А. В., Кодухов В. И. О новой модели описания грамматического строя русского языка // ВЯ. 1971. № 6.

Борковский В. И. Из наблюдений над языком деревень Вольная Березна и Кирилловщина (Лычковский район) и деревни Рыкалово (Павловский район) Ленинградской области // Учен. зап. Яросл. гос. пед. ин-та. 1944. Вып. 4.

Борковский В. И. Основные вопросы исторического синтаксиса русского языка // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952.

Борковский В. И. Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков. М., 1958. (IV Междунар. съезд славистов: Доклады).

Борковский В. И. Синтаксис диалектов и исторический синтаксис русского языка // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1973. Т. 32, вып. 3.

Бромлей С. В. Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка. М., 1985.

Будде Е. Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний: Материалы, исследования и словарь // Сб. ОРЯС. 1904. Т. 76, № 3.

Букатевич Н. И. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке. Одесса, 1957. Ч. 1.

Букатевич Н. И. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке. Одесса, 1958. Ч. 2.

Булатова Л. Н. Перфектные формы в одном русском говоре Карельской АССР: (К вопросу о грамматических значениях причастий в функции сказуемого в русских говорах) // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950.

---

* Принятые в работе сокращения указываются в тех случаях, когда у какого-либо автора две или несколько работ относятся к одному году.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX в. М., 1954.
Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
Волоцкий В. Сборник материалов для изучения ростовского (Ярославской губернии) говора // Сб. ОРЯС. 1902. Т. 72, № 3.
Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.
Высотский С. С. О говоре деревни Леки // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 2.
Георгиева В. Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именительного падежа с инфинитивом или наречием «надо» в современных русских говорах // Там же. 1949. Т. 3.
Георгиева В. Л. Причастное сказуемое в истории русского языка: (По памятникам XII—XVII вв.) // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1962. Т. 225: Вопросы современного и исторического синтаксиса русского языка.
Голанов И. Заметка о говоре некоторых селений Брянского уезда Орловской губернии // Тр. МДК. Варшава, 1914. Вып. 3.
Гомонов И. Т. Предлоги в псковских народных говорах // Псковские говоры. Псков, 1962. I: (Тр. первой псковской диалектол. конф., 1960 г.).
Гомонов И. Т. Из наблюдений над наречными предлогами в псковских говорах // Там же. 1968. II: (Тр. второй псковской диалектол. конф., 1964 г.).
Грамматика русского языка. М., 1954. Т. 2, ч. 1.
Грандилевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова: Областной крестьянский говор // Сб. ОРЯС. 1907. Т. 83, № 5.
Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. 1—3 // Изв. ОРЯС. 1926. Т. 30.
Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. 5 // Там же. 1929. Т. 2, кн. 1.
Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. 7 // Там же. 1930. Т. 3, кн. 2.
Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. 8 // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1948. Т. 69.
Гухман М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова: (На материале истории немецкого языка) // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
Гухман М. М. Причастие II германских языков // Учен. зап. МГПИИЯ. 1957. Т. 11.
Гухман М. М. Понятие системы в синхронии и диахронии // ВЯ. 1962. № 4.
Даль В. И. О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. (Даль 1955[1]).
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (Даль 1955[2]).
Дементьева В. И. Конструкции с глагольной формой *есть* (от *быть*) в современных русских говорах на территории северо-запада: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
Денисевич Г. В. О падежных флексиях существительных на *-а* в местных говорах // Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та. 1959. Вып. 9.
Денисевич Г. В. История изучения говоров курско-белгородского края: (Краткий очерк) // Научно-практические очерки по русскому языку. Курск, 1968. Ч. 2.
Державина О. А. Говор города Углича Ярославской губернии // Тр. МДК. Л., 1927. Вып. 9.
Диалектологический атлас русского языка. (Центр Европейской части СССР). Вып. 1 «Фонетика». М., 1986; Вып. II. «Морфология», М. 1989; Вып. III. «Синтаксис. Лексика» (в печати) (ДАРЯ 1986; ДАРЯ 1989).
Доля Т. Г. Синтаксические особенности говора Заонежья Карельской АССР // Лингвистический сборник. Петрозаводск, 1962. Вып. 1.

Доля Т. Г. Употребление частиц в говорах Заонежья // Учен. зап. Петрозавод. ун-та. 1963. Т. 10, вып. 3.

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе: С приложением «Очерка русской диалектологии». М., 1915.

Евтюхин В. Б. Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3.

Жирмунский В. М. О границах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963.

Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Земская В. В. Синтаксическое употребление деепричастий в современных южнорусских и среднерусских говорах // Фольклорно-диалектологический сборник Челябинского гос. пед. ин-та. Челябинск, 1953.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.

Иванов В. В. К вопросу о соотношении письменных и диалектных факторов в построении истории русского языка // Совещ. по общ. вопр. диалектологии и истории яз.: Тез. докл. и сообщ., Душанбе, 12—15 нояб. 1979. М., 1979.

Иванова В. А. Простое предложение в говорах Брасовского района Брянской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953.

Иеропольский К. А. Говор деревни Савкино Пушкинского района Псковского округа // Изв. ОРЯС. 1930. Т. 3, кн. 2.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1960. Т. 2.

Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1978.

Карский Е. Ф. Белорусы: Язык белорусского народа. М., 1956. Вып. 2/3.

Кодухов В. И. К вопросу о «постпозитивном члене» в русском языке // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1954. Т. 92.

Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области севернорусского наречия. СПб., 1877.

Копорский С. А. Архаические говоры Осташковского района Калининской области // Учен. зап. Калинин. гос. пед. ин-та. 1945. Т. 10, вып. 3.

Костинский Ю. М. Генитивные субъектные конструкции в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.

Котков С. И. Конструкция типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1959. Т. 18, вып. 1.

Крутова А. В. Говор села Большого Болдина Горьковской области: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1949.

Кузнецов П. С. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1948.

Кузнецов П. С. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 3. (Кузнецов 1949 [1]).

Кузнецов П. С. Очерк морфологической системы пильмасозерского говора // Там же. 1949. Т. 2. (Кузнецов 1949 [2]).

Кузнецов П. С. К вопросу о сказуемостном употреблении страдательных причастий в русском литературном языке XVIII и начала XIX в. // Тр. Ин-та рус. яз. АН СССР. 1950. Т. 2.

Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Кузнецова А. М. К вопросу о глагольной переходности и значении так называемого родительного разделительного // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1960. Т. 158: Статьи и исследования по русскому языку.

Кузнецова А. М. Выражение прямого объекта в современных украинских говорах // Там же. 1962. Т. 184: Статьи и исследования по русскому языку.

Кузнецова А. М. Родительный падеж прямого объекта в современных восточнославянских языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.

Кузьмина И. Б. О возможности взаимодействия синтаксических систем разных языков на функциональном уровне: (Постановка вопроса) // Диалектологический сборник: Материалы IV диалектол. конф. по изуч. говоров и языковых контактов в Прибалтике, октябрь 1972. Вильнюс, 1974.

Кузьмина И. Б. О месте сочетаний типа (*есть*) *поставлен, был* (*будет*) *поставлен*; (*есть*) *вставши, был* (*будет*) *вставши* в грамматической системе современных русских говоров // ОЛА: Материалы и исследования, 1973. М., 1975 (Кузьмина 1975 [1]).

Кузьмина И. Б. Еще раз о конструкциях типа *картошка выкопано, кони запряжено, пол помыто* в русских говорах // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. (Кузьмина 1975 [2]).

Кузьмина И. Б. К истории двукомпонентных конструкций с причастными формами на *-но, -то* в русском языке: (В связи с вопросом 3127 «Вопросника общеславянского лингвистического атласа») // ОЛА: Материалы и исследования, 1977. М., 1979.

Кузьмина И. Б. К истории кратких действительных причастий в русском языке // Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж, 1980.

Кузьмина И. Б. К истории страдательно-безличных оборотов в русском языке: (Предложения с причастиями, образованными от непереходных глаголов) // Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж, 1982.

Кузьмина И. Б. О некоторых предложных конструкциях восточнославянских языков: (по материалам ОЛА) // ОЛА: Материалы и исследования. М., 1983.

Кузьмина И. Б. О некоторых синтаксических явлениях в говорах восточнославянских языков: (По материалам ОЛА) // Там же. 1982. М., 1985.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. О типах синтаксических различий русских говоров // Изв. АН СССР. ОЛА. 1961. Т. 20, вып. 4.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. О синтаксических различиях русских говоров // Slavia. 1962. Rŏc. 31, s. 1. (Кузьмина, Немченко 1962[1]).

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. М., 1962. Т. 3. (Кузьмина, Немченко 1962[2]).

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу об употреблении *есть* в русских говорах // Материалы и исследования по ОЛА. М., 1968.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Глагольные конструкции с субъектным генитивом в современных русских говорах // ОЛА: Материалы и исследования, 1974. М., 1976.

Летняя экскурсия Н. Н. Соколова в 1908 г. // Тр. МДК. Варшава, 1910. Вып. 2.

Лозбэ М. Из истории причинных и целевых отношений: Эволюция синтаксического употребления послелога *дѣля* — предлога *для* в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.

Ломоносов М. В. Российская грамматика // Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7: Труды по филологии 1739—1758 гг.

Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.

Лосева Л. М. Синтаксические особенности русских народных говоров: (Пособие для студентов-филологов Черновицкого ун-та). Черновцы, 1961.

Луппова Е. П. Двойные предлоги в русских народных говорах (на материале говоров Кировской области) // Диалектная лексика, 1969. Л., 1971.

Луппова Е. П. Предлоги с корнем *меж/межд* в русских народных говорах // Там же, 1973. Л., 1974.

Макарова Л. И. Некоторые особенности предикативного употребления страдательных причастий прошедшего времени в русских народных говорах // Учен. зап. Балашов. гос. пед. ин-та. Ист.-филол. сер. 1956. Т. 1.

Макарова Л. И. Некоторые особенности образования страдательных причастий прошедшего времени в русских народных говорах // Там же. 1957. Т. 2.

Мальцев М. Д., Филин Ф. П. Лингвистический атлас района озера Селигер. М.; Л., 1949.

Мансикка В. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии // Изв. ОРЯС. 1912. Т. 17, кн. 2.

Мансикка В. Говор Грязовецкого уезда Вологодской губернии // РФВ. Варшава, 1914. Т. 68, вып. 2, № 4.

Мансикка В. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда // Изв. ОРЯС. 1915. Т. 19, кн. 4. (Мансикка 1915[1]).

Мансикка В. Заметки о говоре Никольского уезда // Там же. 1915. Т. 19, кн. 4. (Мансикка 1915[2]).

Матвеенко В. А. Страдательно-безличный оборот в восточнославянских языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.

Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров по материалам лингвистической географии. М., 1970.

Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксические наблюдения. СПб., 1899. Вып. 1.

Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. 2-е изд. СПб., 1912.

Овчинникова В. С. Очерки по синтаксису поозерского говора // Учен. зап. Рост. ун-та. 1957. Т. 52, вып. 5.

Ожегов С. И. Об одной форме долженствования в русском языке // Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ. М., 1947. Вып. 2.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984.

Орлова В. Г. О говоре села Пермас Никольского района Вологодской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 1.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе словосочетаний. М., 1964.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе простого и осложненного предложения. М., 1964.

Пеньковский А. Б. К проблеме генезиса безличных предложений // ОЛА: Материалы и исследования, 1969. М., 1970.

Пеньковский А. Б. О диалектных явлениях, генетически связанных с супином // Совещ. по общеслав. лингвист. атласу, Гомель, 9—12 сент. 1975 г.: Тез. докл. М., 1975. (Пеньковский 1975[1]).

Пеньковский А. Б. Заметки о категории одушевленности в русских говорах // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. (Пеньковский 1975[2]).

Петрова З. М. О синтаксических и морфологических особенностях причастий в псковских говорах // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1962. Т. 225: Вопросы современного и исторического синтаксиса русского языка.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Пилашевский П. О. Материалы по изучению говоров Нижегородской губернии // Изв. Нижегород. ун-та. 1928. Вып. 2.

Покровский Ф. Особенности в говоре населения, расположенного по реке Письме Костромской губернии Буйского уезда // Живая старина. 1895. Вып. 1.

Покровский Ф. О народных говорах Чухломского уезда Костромской губернии // Там же. 1899. Вып. 3.

Попов П. В. Союз «да» в Мезенском говоре // Учен. зап. Винниц. гос. пед. ин-та. 1957. Т. 5, ч. 2.

Попова Н. В. Случаи забытого употребления предлога *по-за* // Диалектная лексика, 1973. Л., 1974.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3.

Преображенская М. Н. Служебное слово *дак* в севернорусских говорах // Восточные славяне: Языки, история, культура: К 85-летию В. И. Борковского. М., 1985.

Программа для собирания особенностей белорусского наречия/Сост. Е. Ф. Карский. Пг., 1916.

Прокопович Н. Н. Категория вида в страдательных причастиях // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1947. Т. 42.

Размусен Л. П. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // Журн. м-ва нар. просвещения. 1891. Июнь, июль, сент.

Русская грамматика. М., 1980. Т. 2: Синтаксис.

Русская диалектология/Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.

Сахаров А. И. Язык крестьян Ильинской волости Болоховского уезда Орловской губернии // Сб. ОРЯС. 1901. Т. 68, № 5.

Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири // Избр. тр. М., 1968.

Семенова М. Ф. К вопросу о формах прошедших времен глагола в латышском языке (сравнительно с русским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рига, 1954.

Семенова М. Ф. О прошедшем времени в латышском языке сравнительно с русским // Учен. зап. Латв. ун-та. 1957. Т. 16.

Сидоров В. Н. Морфология // Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерки грамматики русского литературного языка. М., 1945.

Скитова Ф. Л. Двойные предлоги и словосочетания с ними в говорах Пермской области // Учен. зап. Перм. ун-та. 1960. Т. 16, вып. 1: Языкознание.

Словарь русских народных говоров. Л., 1983. Вып. 19.
Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4.
Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969. (Словарь... д. Деулино).
Смирницкий А. И. Перфект и категория временной отнесенности // Иностр. яз. в шк. 1955. № 1, 2.
Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957. (Смирницкий 1957[1]).
Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1957. (Смирницкий 1957[2]).
Смирнов И. Т. Кашинский говор // Сб. ОРЯС. 1904. Т. 77, № 9.
Собинникова В. И. Родительный и винительный падежи прямого объекта при отрицании в народных говорах // Тр. Воронеж. ун-та. 1955. Т. 38: Сборник работ историко-филологического факультета. (Собинникова 1955[1]).
Собинникова В. И. Постпозитивная частица *то* в говорах Гремяченского района Воронежской области // Там же. 1955. Т. 47. (Собинникова 1955[2]).
Собинникова В. И. Отношение говоров Гремяченского района Воронежской области к другим русским говорам по данным синтаксического строя // Славянский сборник. Воронеж, 1958. Т. 2: Выпуск филологический. (Собинникова 1958[1]).
Собинникова В. И. О влиянии украинского языка на говоры Гремяченского района Воронежской области // Там же. Т. 2. (Собинникова 1958[2]).
Собинникова В. И. Использование диалектных данных для построения исторического синтаксиса русского языка // Материалы совещ. по изуч. южнорус. говоров и памятников письменности. Воронеж, 1959.
Собинникова В. И. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж, 1961.
Собинникова В. И. Проблемы диалектного и исторического синтаксиса: (На материале воронежских говоров и памятников письменности). М., 1969.
Собинникова В. И. Архаические явления в синтаксисе диалекта: (На материале воронежских говоров) // Тр. Прибалт. диалектол. конф., 1968 г. Тарту, 1970.
Собинникова В. И. Дательный принадлежности в русском языке в сопоставлении с другими славянскими языками // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1976.
Собинникова В. И. Падежные и предложно-падежные формы в русском языке в сопоставительном аспекте с другими славянскими языками. Воронеж, 1977.
Собинникова В. И. Историческая грамматика русского языка. Воронеж, 1984.
Собинникова В. И. Однокомпонентные безличные предложения со значением «стихийные явления природы» в славянских языках // Восточные славяне: Языки, история, культура. М., 1985.
Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
Соболевский С. И. Грамматика латинского языка: Морфология. Синтаксис. М., 1948.
Соколов Н. Н. Народные говоры Новгородской губернии в связи с вопросом о составе и границах северновеликорусского наречия // Тр. МДК. Варшава, 1914. Вып. 3.
Соколов Н. Н. Акающие говоры Костромской губернии // Там же. М., 1919. Вып. 8. (Соколов 1919[1]).
Соколов Н. Н. Говоры Псковской губернии // Там же. 1919. Вып. 8. (Соколов 1919[2]).
Соколовы Б. и Ю. Говор южной части Белозерского уезда Новгородской губернии // Там же. Варшава, 1910. Вып. 2. (Соколовы Б. и Ю. 1910[1]).

Соколовы Б. и Ю. Отчет о поездке в Кирилловский уезд Новгородской губернии летом 1909 года // Там же. (Соколовы Б. и Ю. 1910 [2]).

Соколовы Б. и Ю. Отчет о поездке в Весьегонский уезд Тверской губернии летом 1909 г. // Там же. (Соколовы Б. и Ю. 1910 [3]).

Соловьев В. Ф. Особенности города Новгородского уезда Новгородской губернии // Сб. ОРЯС. 1904. Т. 77, № 7.

Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Типы простого предложения. М., 1968.

Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Члены предложения. М., 1968.

Стеблин-Каменский М. И. Об основных признаках грамматического значения // Вестн. ЛГУ. Сер. обществ. наук. 1954. № 6.

Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957.

Судаков Г. В. Двойные предлоги // Рус. речь. 1972. № 2.

Тарланов З. К. Об обороте «*быть* + другой инфинитив» в русском языке // Вестн. ЛГУ. Сер. истории, яз. и лит. 1964. Вып. 1.

Тимченко Е. К. Функции генетива в южнорусской языковой области. Варшава, 1913.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Б. М. Волина, Д. Н. Ушакова. М., 1939, Т. 3.

Томсон А. И. Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках // Изв. ОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 2. (Томсон 1908 [1]).

Томсон А. И. К вопросу о возникновении родительного-винительного падежа в славянских языках: Приглагольный родительный-винительный падеж в праславянском языке // Изв. ОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 3. (Томсон 1908 [2]).

Трубинский В. И. Предикативное деепричастие в говорах русского Северо-Запада: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1961.

Трубинский В. И. О синтаксической омоформии причастий в русском языке: (По материалам северозападных говоров) // Вестн. ЛГУ. Сер. истории, яз. и лит. 1966. № 8, вып. 2.

Трубинский В. И. Балтийские и восточнославянские формы нечленного действительного причастия в системе глагольных времен // Вопросы теории и истории языка: Сб. ст., посвящ. памяти Б. А. Ларина. Л., 1969. (Трубинский 1969 [1]).

Трубинский В. И. Об особенностях системы глагольных времен в русских говорах Карелии // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1969. Т. 366: Гуманитарные науки. (Трубинский 1969 [2]).

Трубинский В. И. Об участии постпозитивной частицы *то* в построении сложного предложения: (По материалам пинежских говоров) // Севернорусские говоры. Л., 1970. Вып. 1.

Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.

Турбин Г. А. Говор тамбовских переселенцев в Челябинской области // Учен. зап. Челябин. гос. пед. ин-та. 1956. Т. 2, вып. 1.

Филатов К. Очерки народных говоров Воронежской губернии // РФВ. Варшава, 1898. Т. 39, № 1/2.

Филин Ф. П. Об употреблении формы именительного падежа имен женского рода на *-а* в значении аккузатива // Бюл. диалектол. сектора Ин-та рус. яз. М.; Л., 1947. Вып. 1.

Филин Ф. П. Заметки о записях материалов по синтаксису // Там же. 1948. Вып. 4. (Филин 1948 [1]).

Филин Ф. П. Из наблюдений над синтаксисом северо-западных говоров // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1948. Т. 69. (Филин 1948 [2]).

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

Чернышев В. И. Сведения о мещовском говоре // Изв. ОРЯС. 1898. Т. 3, кн. 2.

Чернышев В. И. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда // Изв. ОРЯС. 1901. Т. 68, № 3. (Чернышев 1901 [1]).

Чернышев В. И. Дополнения к сведениям о говоре г.Мещёвка // Там же. 1901. Т. 68, № 6. (Чернышев 1901 [2]).

Чернышев В. И. Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда // Там же. 1902. Т. 70, № 7. (Чернышев 1902 [1]).

Чернышев В. И. Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уездов // Там же. 1902. Т. 71, № 5. (Чернышев 1902 [2]).

Чернышев В. И. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов. СПб., 1903.

Чернышев В. И. Народные говоры селений, расположенных от Боровска до Москвы по старинному московскому тракту: Верейский, Звенигородский и Московский уезды. СПб., 1909.

Чернышев В. И. Говоры Нижегородской губернии // Lud słowianski. Kraków, 1933.

Чернышев В. И. О нарушении согласования в русском языке // Сборник памяти академика Н. Я. Марра. Л., 1938.

Чернышев В. И. О некоторых русских префиксах и предлогах // Язык и мышление. М.; Л., 1948. Вып. 9.

Чернышев В. И. Говор города Осташкова // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 2.

Чернышев В. И. Псковское наречие // Избр. тр. М., 1970. Т. 2. (Чернышев 1970 [1]).

Чернышев В. И. Говор Пушкинского района // Там же. 1970. Т. 2. (Чернышев 1970 [2]).

Чернышев В. И. Несколько сведений о быте и говоре «шуваликов» Верейского уезда // Там же. 1970. Т. 2. (Чернышев 1970 [3]).

Чернышев В. И. Описательные формы наклонений и времен в русском языке // Там же. 1970. Т. 1. (Чернышев 1970 [4]).

Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи: Опыт исторической грамматики // Там же. 1970. Т. 1. (Чернышев 1970 [5]).

Шапиро А. Б. О залогах в современном русском языке // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. 1941. Т. 5, вып. 1.

Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров: Строение предложения. М., 1953.

Шахматов А. А. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Изв. ОРЯС. 1914. Т. 18, кн. 4.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Шахматов А. А. Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку: (Учение о частях речи). М., 1952.

Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке: (Опыт типологии) // Русский язык: Грам. исслед. М., 1967.

Шулене О. Н. Синтаксис русского говора Зарасайского района Литовской ССР: (Простое предложение). Вильнюс, 1964.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

Атлас української мови 1. Київ, 1984.

Дыялекталогічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

Дыялекталогічны атлас беларускай мовы: Уступныя артыкулы: Даведачныя матэрыялы і каментарыі да карт. Мінск, 1963.
Історична граматика української мови. Київ, 1957. Ч. 2.
Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.
Dunn J. A. The nominative and infinitive construction in the Slavonic languages // Slav. and East Europ. Rev. 1982. Vol. 60, N 4.
Havránek B. Genera verbî v slovanských jazycích. Pr., 1937. T. 2.
Kuraszkiewicz W. Zarys dialektologii wschodnioslowiańskiej. W-wa, 1954.
Mathesius V. Slovesné časy typu perfektního v hovorové čestině // Čestina a obecný jazykozpyt. Pr., 1947.
Mrazek B., Brum J. Sémantika a funkce ruského genitivu s prédložkou "u" // Sb. pr. filos. fak. brněn. univ. Ř. jasykověd. 1962. Roč. 11. A. 10.

ПРИМЕЧАНИЯ

(пометы автора на полях рукописи; см. Введение)

С. 66 * К этим трем примерам замечание: «Снять! См. последние материалы».

С. 66 ** Здесь дополнение: «В следующих случаях еще дат. п.: не ходят в другу деревню по лошади Корегино Костр. Шарьинск.; по воды Дивны Себежск. Великолукск. (ср. Староселье Удомельск. Калин.)».

С. 70 * Здесь дополнение: «Надо отметить, что среди диалектных примеров преобладают местоименные конструкции».

С. 74 * Замечание: «Падеж?» Ср. карту № 19, вып. 2 ДАРЯ «Морфология» «Окончание у в форме предл. падежа ед. числа сущ. ср. рода».

С. 78 * Здесь автор дает пример: ...речь помора: «Морозы стояли лютые, у берегов намерзли льды гладкие, тонкие, ровные. О Крещенье подула морянка и все разломало... Под самое Крещенье приходит ко мне Андрей...» М. М. Пришвин. За волшебным колобком.

С. 177 * Замечания: «Сослаться на Нелю» (Н. С. Бикташеву); см.: Бикташева Н. С. Предикативное употребление кратких действительных причастий прошедшего времени в русской письменности XV — XVII вв. // Способы выражения субъективных смыслов и синтаксических связей в сложном предложении. Душанбе, 1984.

С. 183 * Замечание: «Есть и еще. См. конверт».

С. 201 * Ответственный редактор и ученики И. Б. Кузьминой сочли возможным включить данную статью, оставшуюся в рукописи,— как приложение к монографии.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. 3

Часть первая

ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОБЛАСТИ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Глава первая

БЕСПРЕДЛОЖНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ 7

Именительный падеж имени в функции прямого объекта . . . 7

Конструкции с им. падежом ед. числа существительных жен. рода 7

Конструкции с им. падежом мн. числа одушевленных существительных. Конструкции с им. падежом ед. числа одушевленных существительных муж. рода 22

Родительный падеж имени в функции прямого объекта 28

Атрибутивные словосочетания со значением принадлежности . . 39

Глава вторая

ПРЕДЛОЖНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ 46

I тип различий 46

Конструкции с предлогами *возле, подле, мимо* и род.// вин. падежом имени 46

Конструкции с предлогами *над, под, перед* и вин.// тв. падежом имени 50

Конструкции с предлогом *между* и род.// вин.// тв. падежом имени 52

Конструкции с предлогом *по* и дат.// предл. падежом имени во мн. числе 56

II тип различий 58

Объектные конструкции 58

Пространственные конструкции 72

Временные конструкции 76

III тип различий 82

Конструкции с предлогами *с, з, из* 82

Конструкции со сложными предлогами 89

Конструкции с предлогами *обапол, край, прямо, рядом* . . . 104

Часть вторая

ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОБЛАСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Глава первая

СТРУКТУРНАЯ ОСНОВА ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ . . . 107

Предложения со структурной схемой, включающей в свой состав глагол 107

Предложения со структурной схемой «*быть* // *есть* + инфинитив значимого глагола» 107

Предложения со структурной схемой «бытийный глагол + род. падеж имени» 112

Двусоставные отрицательные бытийные предложения . . 120

www.ruslang.ru

Двусоставные предложения, выражающие состояние частей человеческого тела 123
Предложения с глаголом *дождить* и его производными . . 124
Предложения со структурной схемой, включающей в свой состав наречие 126
Конструкции с наречием *надо (нужно)* 126
Конструкции с наречием *видно* и предикативом *видать* . . . 129
Предложения со структурной схемой, включающей в свой состав причастие 131
Конструкции с краткими причастными формами, образованными с помощью суффиксов *-н-, -т-* 133
Конструкции с причастными формами на *-ши* 142
Вопрос о месте предикативных сочетаний типа *(есть) поставлен, был (будет) поставлен; (есть) вставши, был (будет) вставши* в грамматической системе современных говоров 146
Включение в состав предиката компонента *есть* 177

Глава вторая
УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЧАСТИЦ И СОЮЗОВ . . . 181
Предложения с одной отрицательной частицей вместо двух . . . 181
Постпозитивная частица *то* 184
Частицы и союзы *ти, чи* 187

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 195

ПРИЛОЖЕНИЕ 201

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 211

ЛИТЕРАТУРА . 212

ПРИМЕЧАНИЯ . 222

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Научное издание

Ирина Борисовна Кузьмина

СИНТАКСИС РУССКИХ ГОВОРОВ
В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Утверждено к печати Институтом русского языка РАН

Руководитель фирмы «Наука — Культура» А. И. Кучинская
Редактор издательства Е. В. Фурманова. Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор И. В. Монастырская. Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректор Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 50003

Сдано в набор 11.01.93. Подписано к печати 29.04.93. Формат $60\times90^1/_{16}$.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0. Усл. кр. отт. 14,3.
Уч.-изд. л. 15,95. Тираж 580 экз. Тип. зак. 304

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12

50-00